Интимный Дневникъ

шевалье де-КОРБЕРОНА,

французскаго дипломата при дворѣ Екатерины II.

(Изъ парижскаго изданія).

Изданіе О. И. Булгакова.

С.-Петербургъ.

Типо-литографія К. К. Стефанскаго. Гороховая, 12.

1907.

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Мари-Даниэль Буррэ, кавалер, а впоследствии барон де-Корберон, сын президента Парижского Парламента, родился в 1748 году, и прослужив несколько лет в гвардии короля Людовика XV, перешел на дипломатическое поприще. В 1775 г., он был назначен секретарем посольства при своем дяде, маркизе де-Жюинье (de-Juigne), который тогда отправлялся посланником ко двору Екатерины II. В Россию он приехал 27 лет от роду, блестящим молодым человеком, умным, веселым, наблюдательным и, по тогдашнему, прекрасно образованным. Пропитанный идеями энциклопедистов, философ, масон, сильно интересовавшийся «герметическими» и оккультическими науками, а вместе с тем прекрасный танцор, актер-любитель, поэт, певец и Дон-Жуан, он играл, по-видимому, крупную роль в тогдашнем петербургском «свете». В «Дневнике» его, поэтому, нельзя искать каких-нибудь важных политических открытий, но зато этот «Дневник» представляет собою верный фотографический снимок с интимной жизни тогдашнего «света» и двора Императрицы Екатерины II. День за днем, с небольшими перерывами, автор записывал все факты, интриги, сплетни и слухи, так или иначе ставшие ему известными, освещая всё это с точки зрения не особенно глубокого, но бойкого, образованного и наблюдательного француза. Для русской публики, «Дневник» Корберона должен представлять, поэтому, особенный интерес, как взгляд постороннего человека на нравы и образ жизни тогдашнего правящего слоя в России и на характеры наших общественных деятелей конца XVIII столетия.

- Мари-Даниель Буррэ де Корберон
  - От переводчика
  - Дневник шевалье де Корберона
    - Год 1775
      - Июль
      - Август
      - Сентябрь
      - Октябрь
      - Ноябрь
      - Декабрь
    - Год 1776
      - Январь
      - Февраль
      - Март

- Апрель
- Май
- Июнь
- Июль
- Сентябрь
- Октябрь
- Ноябрь
- Декабрь

- Год 1777
  - Январь
  - Февраль
  - Март
  - Июнь
  - Июль
  - Сентябрь
  - Октябрь

- Год 1779
  - Январь
  - Март
  - Апрель
  - Май

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22

- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66

- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110

- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154

- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186

Мари-Даниель Буррэ де Корберон
Интимный дневник шевалье де Корберона, французского дипломата при дворе Екатерины II

От переводчика

Мари-Даниэль Буррэ, кавалер, а впоследствии барон де-Корберон, сын президента Парижского Парламента, родился в 1748 году, и прослужив несколько лет в гвардии короля Людовика XV, перешел на дипломатическое поприще. Сначала, в 1773 г., он был назначен секретарем посольства в Кассель, при маркизе де-Верак, тамошнем французском посланнике, а потом в 1775 г., зачислен на ту же должность при своем дяде, маркизе де-Жюинье (de-Juigne), который тогда отправлялся посланником ко двору Екатерины II, на смену Г. Дюрану.

Пробыв в Москве и Петербурге с августа 1775 по октябрь 1780 г., он затем состоял короткое время французским посланником в Цвейдрикене, потом вышел в отставку и жил частным человеком в Париже, Тулузе и Авиньоне. Во время террора его отец, брат, племянник и зять погибли на эшафоте, а сам он избег этой участи только потому, что был арестован и привезен в Париж уже после термидорского переворота. Как и где он жил потом, лишившись семьи и имущества, покрыто мраком неизвестности, но умер он, не оставив потомства, в декабре 1810 г. в Париже.

Начало его дипломатической карьеры не предвещало, однакож, такого печального конца. В Россию он приехал 27 лет от роду, блестящим молодым человеком, умным, веселым, наблюдательным и, по тогдашнему, прекрасно образованным. Пропитанный идеями энциклопедистов, философ, массон, сильно интересовавшийся «герметическими» и оккультическими науками, а вместе с тем прекрасный танцор, актер-любитель, поэт, певец и Дон-Жуан, он играл, по-видимому, крупную роль в тогдашнем петербургском «свете», и был очень полезен своему патрону, маркизу де-Жюинье, именно этой стороною своей деятельности, так как при дворе Императрицы Екатерины II светские интриги часто значили гораздо более, чем политические. В канцелярской работе посольства, и вообще в серьезном деле де-Корберон принимал, по-видимому, весьма мало участия, хотя, по отъезде маркиза де-Жюинье, исполнял несколько времени обязанности поверенного в делах *(charge'd'affaires),* и даже претендовал на пост посланника при русском дворе.

В «Дневнике» его, поэтому, нельзя искать каких-нибудь важных политических открытий, но за то этот «Дневник» представляет собою верный фотографический снимок с интимной жизни тогдашнего «света» и двора Императрицы Екатерины II.

День за днем, с небольшими перерывами, автор записывал все факты, интриги, сплетни и слухи, так или иначе ставшие ему известными, освещая всё это с точки зрения не особенно глубокого, но бойкого, образованного и наблюдательного француза. Для русской публики, «Дневник» Корберона должен представлять, поэтому, особенный интерес, как взгляд постороннего человека на нравы и образ жизни тогдашнего правящего слоя в России и на характеры наших общественных деятелей конца XVIII столетия.

Но кроме того этот «Дневник» является и превосходным «человеческим документом», в котором автор, обсуждая чужие достоинства и недостатки, помимо своей воли выдает свои собственные.

Как бы ни были ошибочны его взгляды на русскую жизнь, и как бы ни были пристрастны суждения о характерах окружающих лиц, они во всяком случае обладают достоинством полной искренности, так как «Дневник» был написан не для публики, не для потомства, и даже не для знакомых или друзей автора, а для собственного удовольствия, просто по привычке, образовавшейся с детства, хотя и представляет собою как бы ряд писем к брату, к невесте и некоторым другим лицам.

Почему автор придал своему дневнику такую эпистолярную форму — сказать трудно; но что письма эти, в действительности, не были никому посылаемы и даже не предназначались к отсылке, видно уже из того, что «Дневник», по показанию издателя его Labande'a, представляет собою шесть переплетенных книжек, сплошь исписанных неразборчивым почерком (иногда даже шифром) и переполненных чересчур интимными заметками, стихами, анекдотами и объяснительными заметками на полях.

Выбросив все слишком интимное, все непонятные места, а также стихи и рассуждения о «герметических» науках, издатель напечатал лишь то, что имеет общественный интерес, а мы, в свою очередь, выключили из него те места, которые относятся к пребыванию автора во Франции (начало «Дневника») и касаются личностей, для русского читателя неинтересных, то есть родных и знакомых де-Корберона. Из множества выносок, в которых автор приводит общеизвестные в России подробности о лицах, упоминаемых в «Дневнике» (их генеалогия, служебное положение и проч.), мы оставили только те, в которых содержится что-либо новое.

В руки издателя «Дневник» попал из Авиньонской городской библиотеки (Музей Кальвэ), в которую был пожертвован, в 1839 г. генеральным викарием Клэром.

Дневник шевалье де Корберона

Год 1775

Июль

С 14 по 20 июля.

Мы[1] выехали из Дрездена в час ночи, причем пришлось вновь упаковывать вещи, распакованные только на один день. Очень жалели, что не могли остаться подольше. Ночь была лунная. Я сидел в английской карете с маркизом. Желая завязать с ним политический разговор, я стал говорить о торговле России с Англией и о преимуществах, которыми пользуется последняя по сравнению с нами. Маркиз отвечал неопределенно, как человек, желающий скрыть свое мнение или не успевший себе его составить; может быть даже то и другое вместе. Затем мы стали говорить о посланниках короля при разных дворах, причем маркиз хорошо отозвался только о двух: о бароне де-Бретейле и графе Монморейле. Замечательно, что маркиз де-Жюинье хвалит именно тех лиц, которые дурно об нем отзываются: де-Бретейля, открыто говорившего в Вене, что маркиз ни на что не способен, и графа Барбансона, который хотя и не был посланником, но, по мнению маркиза, больше всех других способен быть таковым.

С этого дня мы ехали не останавливаясь до самой Варшавы, так что ничего почти не могли видеть. Проехали мы через Бунцлау, где подвергались таможенному осмотру прусских властей. Я мимоходом заметил, что прусские таможни не строже прочих и что с помощью денег да некоторой ловкости от них можно благополучно отделаться. В Бреславле, где чинились наши экипажи, мне удалось заснуть часа два на кровати, хотя и не раздеваясь. В этом городе мы видели много французов, взятых в плен во время последней войны. Они очень скучают по родине и стремятся вернуться.

Из Бреславля путь идет на Вартенберг, где лежит граница между Пруссией и Польшей. По дороге к Наравичу (Narawicz) мы провели очень утомительную ночь. Почта там ходит на заморенных еврейских клячах. Эти несчастные животные все время тащили нас шагом, тем более что дорога идет лесом и ночь была настолько темна, что нам пришлось зажечь факелы из сосновых и еловых ветвей. Горят они очень ярко и мы устроили из них, ради удовольствия, очень красивую иллюминацию. Но эта ужасная ночь все же нас утомила. Часа в четыре утра, мы приехали в Вельжи (Wielgie), а оттуда, через Черновицы, пробрались в Варшаву.

Ужасная страна! Ели да песок. Городами там называются простые деревушки, состоящие из деревянных хибарок, прокопченных дымом и покрытых пылью, что, кроме убожества, придает им вид крайней нечистоплотности. Обыватели, по большинству евреи, дополняют печальную картину, тем более что, не смотря на бедность и гнет, в которых живут, они по-видимому не чувствуют своего несчастия: рабы, нищие, а между тем кажутся довольными. Привычка скрашивает, должно быть, ужас невольничества, но она за то унижает людей, лишает их характера. Наши служители били этих несчастных, что однакож заставило их только смеяться да удваивать свое усердие. Но в тоже время они не упускали случаев украсть у нас, что могли. Мне кажется удар палкой и мелкая монета производят на них одинаковое впечатление; они одинаково смеются и одинаково благодарят за то и за другое. Души их, угнетенные продолжительным рабством, потеряли уже способность чувствовать оскорбление. Удивительно ли после этого, что люди, настолько лишенные понятия о своих правах, могут подчиниться первой попавшейся силе?

К таким печальным философским выводам привела меня, между прочим, одна тяжелая сцена, которой я был свидетелем. Мы были в Раве (Rava), небольшом городке, больше похожем на деревню. Желая дать лошадям отдых, мы пробыли там около трех часов. Во время обеда, одна из служивших нам девушек разбила тарелку, стоющую не более четырех или пяти польских флоринов, то есть одно экю. Хозяйка гостиницы побила эту несчастную и кроме того приговорила ее к уплате стоимости разбитой тарелки. Надо знать, какое ничтожное жалованье получает польская прислуга, чтобы понять горе девушки; она пришла к нам заливаясь слезами, так что все мы были тронуты. Маркиз де-Жюинье тотчас же решился заплатить за тарелку, и когда аббат[2], по его приказанию передал девушке деньги, то я помню, какая перемена произошла в выражении ее лица: радость и удивление сделали ее неподвижной. Но скоро она пришла в себя и, бросившись к ногам маркиза, стала со слезами целовать его руки. «Чем я заслужила такую милость со стороны этого доброго господина?» — говорила она. Сам маркиз прослезился, но у меня слезы не пошли в виду следующего соображения: «Этот человек, по природе, добр» — думал я — «и остался бы добрым, если бы не был скуп. Вот он теперь заплатил экю, чтобы доставить своей душе радость, а луидора то, пожалуй, для такой цели не пожертвовал бы».

Только что я это подумал, как в комнату вошла маленькая депутация от местных школ, в лице трех монахов, принесших на

поклон Его Превосходительству корзину с грушами и сказавших приветственную речь на плохом латинском языке. Маркиз вышел из этого испытания не с таким блеском как из предыдущего. Попробовав груши и задав монахам несколько пустых вопросов, он стал пить кофе, даже не предложив его им, так что депутаты принуждены были уйти с пустыми руками. Это меня очень огорчило; да и не меня одного. Я вспомнил о своем соображении и нашел его вполне справедливым.

Четверг, 20.

В Варшаву мы прибыли в десять часов утра, и часа два должны были ожидать, пока нам найдут недорогое помещение, так как маркиз, по экономическим соображениям, заранее позаботился только об одном себе. В конце концов мы поместились в доме герцога Карла Курляндского, которого в это время в Варшаве не было. Управляющий его уступил нам несколько комнат. Надо заметить, что тем, кто едет в Польшу, следовало бы заранее запасаться квартирою, так как польские магнаты относятся гостеприимно только к своим знакомым и друзьям, а гостинниц очень мало и они дороги. За помещение нашей компании, например, с маркиза просили сто дукатов в день; как мы ни торговались — ничего не помогло и, если бы не управляющий герцога Курляндского, нам пришлось бы плохо.

Что касается самого маркиза, то друг его, великий гетман (Grand-general) Литовский, граф Огинский, прислал своего адъютанта, барона Гейкинга, с предложением поместиться у него (на что маркиз и рассчитывал).

Мы с Пюнсегюром пошли прогуляться по городу, а потом отправились в театр, где давалась опера-буфф, *Le Chevalier de la Vieille-Roche*, доставившая мне большое удовольствие. Возвратившись домой, мы нашли приглашение графа Огинского остановиться у него, чем тотчас же и воспользовались. Маркиз представил нас, с обычной для него неловкостью. Наконец то мы получили то, чего так долго были лишены: хороший ужин и хорошую постель; за то и выспались как следует.

Пятница, 21

У меня сегодня были с визитом очень многие и между прочим Гейкинг, которого я нашел человеком, умным и не лишенным философских идей. За обедом присутствовали две дамы, которые мне показались весьма милыми. Одну из них называли старостихой (starostica), потому что муж ее был староста, то есть губернатор. Это — молодая женщина, лет двадцати, с фигурой, достойной Роксоланы. Пюнсегюр тотчас же

пристроился к ней в роли Сулеймана. Другую даму называли подскарбиной (podscarbina), что значит — жена казначея; настоящих имен этих дам я не знаю. Последняя была настолько же нежна и деликатна, насколько первая бойка и кокетлива. Говорили, что она очень добродетельна и холодна. Эти два эпитета в Польше всегда совмещаются, потому что в этой стране большинство женщин очень соблазнительны и легко доступны. Жаль только, что главным условием нежных отношений там часто является золото. Поэтому страсти в Польше так же редки, как и сложные интриги. Там не любят, в буквальном смысле слова, а сговариваются. Старостиха слыла тогда фавориткой графа Огинского; выйдя два года тому назад замуж за старосту, которому было запрещено пользоваться супружескими правами, она через несколько времени разошлась с ним и в ранней молодости стала пользоваться свободой и прерогативами вдовы.

Суббота, 22.

Утром я был у гетмана; это очень любезный человек, по вкусу и по привычке посвятивший себя свободным искусствам, к которым он очень способен, особенно к страстно любимой им музыке. Он очень хорошо играет на скрипке, на кларнете, на клавесине, на арфе и на гармонике. Мне он рассказывал об арфе, которую изобрел и к которой будет приспособлена флейта. Теперь он сочиняет оперу на польском языке, очень к тому пригодном; я с удовольствием прослушал один пассаж из этой оперы. Характер графа Огинского проявляется во всех его поступках не столько энергичным, сколько нежным и мягкочувственным. Этим объясняется склонность его к частной жизни и к музыке. Он был бы более уместен в монархии, чем в республике; поэтому то конфедераты, как мне кажется, более верят в окружающих его лиц, чем в него самого. На деле им руководит граф Коминский, человек тонкий, развязный, обладающий дельным, повелительным характером.

Перед обедом мы сделали визит вице-канцлеру. После кофе, явился русский посол, граф Штакельберг. Я видел его одну только минутку, но все-таки он мне показался человеком ловким, тонким, много пожившим и знающим людей. Затем барон Гейкинг предложил нам прогуляться в Саксонском саду, очень красивом; мы с Пюнсегюром согласились. Там было много дам, очень красивых, и в том числе, публичные женщины, более привлекательные, чем в других странах. С одной из них мы разговорились и она нас очень позабавила.

Воскресенье, 23.

В полдень, все мы, вместе с маркизом, представлялись королю, находившемуся тогда у обедни, в дворцовой церкви, очень простенькой. Да и вообще весь дворец некрасив.

Есть в нём несколько довольно больших зал, как та, например, в которой развешаны портреты всех польских королей, затем — бальная или концертная, и наконец та, где мы ждали возвращения короля из церкви. Народу было много; почти столько же, сколько бывает в Ойль-де-Беф, в Версали. Когда король вернулся, то нас пригласили в соседнюю комнату, довольно большую, но темную, где мы и были представлены. Король стоял опершись на камин, он высок ростом, красиво сложен, обладает прекрасными икрами и благородным, полным достоинства и доброты лицом. Он принял маркиза весьма милостиво, а наш посол казался очень сконфуженным и смотрел в землю. Поговорив с ним несколько минут, Его Величество взглянул на нас, как бы желая, чтобы нас ему представили, но посол этого не понял и уже вице-канцлер догадался исполнить желание короля. У Пюнсегюра король спросил, не родственник ли он маршалу Пюнсегюру, писавшему о военном искусстве, а у меня — не бретонец ли я (в виду первого слога моего имени).

Маркиз мог бы воспользоваться этим, чтобы сказать, что я — его племянник и родственник министра иностранных дел, сообщить о моем положении в посольстве и месте, которое занимал мой отец. Но он ничего этого не сделал, что меня, признаться сказать, очень обидело. Через несколько минут король со свитой удалился. Такое смешение французских обычаев с польскими довольно оригинально. Пышные мундиры, и при них — длинные усы, бритые головы; нам это не понравилось: точно два столетия соединены в одно. Новые моды, однакож, берут верх над старыми; дамы и иностранцы предпочитают французский костюм, да и король тоже.

Вечером мы ездили в его загородный дворец, Лазенки, где он проводит все лето; очень красивое место. Дом там маленький и окружен водою, но сады очаровательны своей безыскусственностью. Есть в них цветники и много тени.

Понедельник, 24.

Мы с Гейкингом говорили о политике; он сказал, что много работал под руководством своего дяди, графа Сакена, министра иностранных дел при электоре Саксонском. А кстати Гейкинг передал мне следующую записку, с просьбой воспользоваться ею, когда представится случай:

Записка барона Гейкинга.

«Хотя принц Карл Саксонский должен был уступить герцогство Курляндское отцу ныне царствующего герцога[3], но мой отец, дроссар (drossard) Гейкинг, в виду двойной присяги принцу Карлу, захотел остаться ему непоколебимо верным. Эта верность была наказана конфискацией его имуществ и бальяжей.

Так как законы Курляндии запрещают конфискации такого рода, то мой отец жаловался королю и всей нации. Процесс шел много лет, до тех пор пока князь Репнин[4], русский посланник, тронутый несчастным положением моего отца, не вступился за него и не убедил герцога Эрнеста-Иоганна дать ему в вознаграждение за убытки Виндавское дроссарство (drossarderie) и Нейгаузенский бальяж.

Будучи уверен в покровительстве Ее Величества, Императрицы Всероссийской, мой отец вступил во владение этими имениями, но здоровье его, подточенное горем, не выдержало и он скончался, только что приехав в Курляндию. Герцог Эрнест-Иоганн поэтому счел себя свободным от обязательства и отнял у нас имения, лишив, таким образом, всего, чем мы были обязаны покровительству Ее Величества. Живя вдали от родины и будучи слишком молод для того, чтобы настаивать на своих справедливых требованиях, я вытерпел здесь все, что бедность заключает в себе тяжелого, противопоставляя суровому року только безупречное поведение и прилежные занятия науками. Достигнув теперь чина майора, командира батальоном 1-го Литовского пехотного полка, я вижу, что получаемое мною скромное жалованье будет недостаточным для удовлетворения моих нужд, если царствующий герцог не удостоит дать мне некоторую помощь, в виде ли скромной пенсии на несколько лет, или в виде единовременного вспомоществования, или, наконец, в виде какого-нибудь бальяжа.

Его Превосходительству, маркизу де-Жюинье было бы легко получить от графа Панина[5] рекомендательное письмо на этот счет к Его Высочеству, царствующему герцогу.

Подписано: «Барон Гейкинг, камергер и майор 1-го Литовского полка».

Вечером мы были в опере, а потом гуляли с Гейкингом, причем говорили о массонстве. Завтра он поведет меня к главе ложи «Испытанной Дружбы» который записал меня в число ее членов.

Вторник, 25.

Вечером король был с визитом у гр. Огинской. Он оставался с полчаса, а потом мы с великим гетманом были на свадьбе в одной городской семье. Было много народа. Религиозная церемония

происходила в зале, где был поставлен временной алтарь. Я не заметил большой разницы с процедурой венчания у нас, кроме того что здесь она несколько короче. После венца, всем родным, высокопоставленным лицам и иностранцам роздали по цветку из букета и по куску подвязки новобрачной. Я тоже получил свою долю. Затем был большой ужин, после которого новобрачную повели в спальню, а в зале начались тосты. Их было бесчисленное количество, но так как вино оказалось очень хорошим, то никто на это не жаловался, а в том числе и я. Вернулись мы домой, чтобы тот час же ехать далее, но так как Пюнсегюру хотелось остаться, то он и подстроил препятствие — лошади оказались не готовы. Поэтому нам пришлось уступить просьбам графа и графини Огинских и провести у них еще одну ночь.

От 26 до 29.

Утром в среду у меня перебыло много народа: г. Фагон, французский офицер на русской службе, пользующийся в Польше очень плохой славой; шевалье де-Сент-Круа, служивший у конфедератов, взятый в плен, сосланный в Сибирь и т. д.; г. Боно, неглупый малый, хотя немножко жеманный. Он семь лет был личным секретарем примаса, раньше того путешествовал по Италии, а теперь желал получить место секретаря посольства.

Все эти прощальные визиты предвещали наш скорый отъезд и потому были мне приятны, так как я очень был недоволен своим представлением королю и тем, что маркиз совсем не поручал мне никаких дел. Я даже только случайно узнал, что он писал о чем-то министру и что Розуа[6] снимал копии с каких-то очень важных бумаг.

Выехали мы из Варшавы в семь часов вечера, да потом еще долго провозились с переправой на пароме через Вислу, которая очень широка и быстра. Страна, по которой мы затем два дня ехали, оказалась более красивой и богатой, чем по ту сторону Варшавы.

В восемь часов вечера, в пятницу, мы прибыли в Белосток, к графине Браницкой, вдове великого гетмана и сестре короля Станислава Понятовского. Жюинье и Пюнсегюр, ехавшие в английской карете, тотчас же отправились в замок, причем Пюнсегюр даже не успел переодеться, так как маркиз никого не предупредил о предстоящем визите. Меня посылали искать, но я не хотел являться к графине в дорожном костюме и тем дал маркизу почувствовать его небрежность.

Суббота, 29.

Вставши утром, я наскоро оделся, чтобы идти с визитом в

замок. Дорогою осматривал город, который нашел очень красивым: широкие, прямые улицы; крытые черепицей, однообразные домики с мансардами; перед каждым из них — двор и тротуар. Дворец или замок гр. Браницкой великолепен; комнаты в нем огромные и прекрасно меблированы. Вошли мы к графине вместе с маркизом Жюинье, который забыл меня представить, так что я должен был представиться сам. Графиня приняла меня прекрасно. Затем мы у неё обедали; за обедом присутствовала одна француженка, м-м Люллье. После обеда гуляли по саду, который хорош, но ничего необыкновенного собою не представляет.

Уехали мы в семь часов вечера, обильно снабженные всякого рода провизией. Между прочим графиня велела нам дать нечто вроде железной корзины на палке; в эту корзину кладутся еловые или сосновые лучинки и зажигаются ночью, вместо фонаря. Местные крестьяне освещают такими лучинками свои дома.

С 30-го по 31-ое включительно.

Проехав ночью через Куреницу и другие городки, похожие на те, которые встречались нам перед Варшавой, в одиннадцать часов утра приехали мы в Гродно. Этот город когда-то, как мне говорили, очень богатый, теперь точно разрушен неприятелем. Он уступами поднимается Неманом, который течет внизу. У дома, занятого маркизом, оказался почетный караул, присланный литовским подскарбием (trésorier), графом Тизенгаузом, который здесь командует. Вскоре и сам он явился пригласить нас к обеду. Этот магнат очень красив, образован и обладает живым воображением. Он нас угостил очень обильным, но плохим обедом; вино тоже было плохо. За обедом было много гостей, одетых по-польски, что производит довольно внушительное впечатление. После обеда мы слушали домашний оркестр хозяина, очень хороший. Были также певцы и пели по-итальянски. Всего интереснее то, что эти певцы и музыканты суть рабы, которых учили с ранних лет и успели научить всему, что дается человеку, не обладающему особой гениальностью. Затем хозяин, гордившийся своим хозяйством, показал нам устроенные им фабрики различных тканей, сукон, бархата, парчи, кружев, а также экипажей разного рода. Во главе этих фабрик стоят три француза. Но я не думаю, чтобы эти фабрики оправдывали свое назначение и приносили какую-нибудь пользу: устроены они плохо, издержек требуют громадных, доход приносят не большой, так что только одним чванством можно объяснить их существование. При осмотре хозяйства гр. Тизенгауза, я не мог не смеяться над Розуа, который ежеминутно приходил в восторг и

сыпал техническими словами, за неимением настоящих технических знаний. Его все называли «господином секретарем», что заставляло его пыжиться и пить как заправский поляк, вызывая этим похвалы со стороны последних. Кончилось это, однакож, не очень красиво, так как пьяный Розуа поссорился с Пюнсегюром, пославшим его к чорту. А затем он поссорился и с аббатом, так что присутствующие поляки говорили: «Однако г. секретарь не особенно вежлив, для француза».

Выехали мы из Гродно в семь часов, на лошадях Тизенгауза и с его конюхом, что заставило маркиза ворчать, так как ему пришлось давать на водку, «ни за что ни про что», как говорил маркиз. Последний и тут, впрочем, выгадал, так как заплатил меньше, чем стоила бы почта. Согласно обычаю, мы ехали всю ночь, причем выдержали сильную грозу.

Август

С 1-го по 7-е августа.

Обедали мы на ферме Тизенгауза, на берегу Немана. Оттуда проехали через Новогрудок, Корелице и Мир. Страна довольно красивая; большие равнины, покрытые прекрасными нивами. Несчастный Розуа, благодаря которому мы едем на Смоленск, вместо того, чтобы ехать прямо в Петербург, чего мы хотели, подвергается теперь всеобщим насмешкам. Но за то он ухаживает за маркизом, которому это нравится. В Мире у меня с ним произошла стычка, кончившаяся любезным предложением с моей стороны попробовать моей палки. Не вмешайся пастор, так он бы ее и попробовал.

Из Мира мы приехали в Минск, где я встретил очень хорошеньких девушек, которых очень смешил и которые вознаградили меня за дорожную скуку. Из Минска я поехал в одной кибитке с Пюнсегюром, который также, как и я, недоволен маркизом и прямо мне это высказал. Дорогой сломалась у нас ось, исправление которой задержало нас на несколько часов в одной деревушке. Ехавши затем день и ночь, мы 6-го числа прибыли в Толочин (Tolotzin), первый русский город со стороны Польши. Тут состоялся таможенный осмотр более поверхностный, чем мы ожидали. Надо заметить, что, в виду этого ожидания, мой лакей (Гарри, занимавшийся торговлей) просил меня принять на свой счет некоторые товары, которые он вез с собою. Я беспрекословно согласился и взял более чем на пять тысяч ливров разных вещей, но эта предосторожность оказалась ненужной — нас почти не осматривали.

Замечу по этому поводу, что мы с маркизом Жюинье

держались различных принципов в отношениях к прислуге. Маркиз думал, что она не должна наживаться, пользуясь его положением, что конечно очень стесняло его лакеев. А я думал наоборот, что мы должны содействовать их обогащению, насколько это совместно с порядочностью. Но мы не в одном этом расходимся с маркизом; чем более я изучаю этого человека, тем менее его понимаю. Поведение его кажется мне непоследовательным. Он, например, сочувствует принципу свободы торговли и в тоже время одобряет таможенную систему и ввозные пошлины. В Мире мы, по этому поводу, вели спор. Маркиз не любит политических споров. Мне кажется, что он вообще о многом не имеет собственного мнения, а придерживается чужих, которые часто противоречат его инстинктам. Его Превосходительство — человек довольно таки ограниченный.

Из Толочина, переправившись через Днепр, мы поехали далее. Страна здесь гораздо лучше той, которую мы только что покинули. Со всех сторон видны плодородные и покрытые всеми родами хлебов пашни. Это — одна из лучших провинций Польши, потому то ее и отняли.

Вторник, 8.

В Смоленск мы прибыли в три часа пополудни, при громе пушек. Маркизу приготовлено помещение, у ворот которого выставлен почетный караул по крайней мере в 45 человек. Губернатор тотчас же явился к нам с визитом, который мы ему отдали. Маркиз согласился здесь переночевать, но нас положили спать на сене с червями. Начали мы с плохого обеда, окрашенного только хорошим аппетитом, а затем Комбс, Пюнсегюр и я пошли осматривать город. Он представляет собою группу деревянных домиков с садиками и окружен глубоким, сухим рвом, через который проложен деревянный мост. Посредине города находится огромная площадь, служащая местом для прогулок. С этой площади мы пошли в одну улицу, с которой слышалась музыка, и когда остановились перед тем домом, где она играла, то хозяин попросил нас зайти и принять участие в танцах. Бал был во всём разгаре. Я там встретил очень хорошенькую женщину, с которой много говорил. Уходя я дал себе слово разыскать ее зимою, в Москве или Петербурге.

С 9 по 12.

Из Смоленска мы выехали в пять часов утра, тоже под гром пушек — честь, которая оказывается обыкновенно послам, но не вредит и посланникам. Во всяком случае она доказывает

вежливость обывателей Смоленска и служит для нас хорошим предзнаменованием.

Три последние дня мы ехали не останавливаясь и ничего необыкновенного не произошло. Страна теперь опять стала похуже, много необработанных земель, мало селений и домов. Да и холод начинает быть чувствительным — видно, что мы подвигаемся к северу.

С 12 по 26.

В Москву мы приехали в $10^1/_2$ часов вечера, сделав громадный круг по этому дьявольски большому Городу, который при лунном свете, показался мне чрезвычайно безобразным. Сомневаюсь, чтоб и днем он был красивее.

Прием, оказанный нам г. Дюраном[7], был более чем холоден. Я полагаю, что Дюрану надоело ждать маркиза, а так как последний и сам был ни любезен, ни разговорчив, то двум нашим министрам, через четверть часа, не об чем было больше и разговаривать. Хорошо, что ужин выручил их из затруднения и пришел на помощь нашему отчаянному голоду. По окончании ужина, заговорили о сне и мы с Пюнсегюром были очень удивлены, узнав, что нам отведено помещение верстах в трех или четырех от дома, занимаемого начальством. Карета, однакож, была готова, и люди г. Дюрана проводили нас в какой-то не то кабак, не то вертеп, в котором не оказалось ни одной кровати. Некий Дофинэ, содержатель этого трактира, дал нам из милости матрасы, на одном из которых я и растянулся не раздеваясь. Положим, я был привычен спать таким образом, но все же не ожидал от маркиза такой забывчивости. Было бы несколько вежливее с его стороны позаботиться о наших нуждах или хоть предупредить нас заранее. В этом и заключается настоящая вежливость, а не в том, чтобы пропускать вас первым в дверь, что маркиз постоянно делает. А когда заговоришь о кровати, то он весьма тонко замечает, что «в армии еще хуже бывает».

С приезда сюда, у меня не было времени хорошенько анализировать различных лиц, с которыми я познакомился. Первый из них г. Дюран. Он мне показался тонким наблюдателем, с первого взгляда оценивающим людей, и я сильно ошибаюсь, если он не успел уже оценить нашего маркиза. Секретарь его, Мальво, не глуп, и под холодной, вежливой внешностью скрывает свое тщеславие и желание быть тонким; но мне не нравится фатовской оттенок всех его речей. Он претендует на звание секретаря посольства, чего на самом деле нет. За обедом я видел некоего князя Одоевского, который, как большинство русских, отличается официальной вежливостью; в

сущности это пустой, фальшивый и не пользующийся уважением человек. Он — хозяин дома, в котором живет Дюран и будет жить маркиз де-Жюинье.

Приходил Ролэн, француз, гувернер пажей, хотя и не говорит по-русски. Это — добрый и забавный малый, игрок и болтун. Говорят, что он приехал в Россию искать место повара; прожив тридцать лет, он, должно быть, умел себя вести и порядочно нажиться: большого богатства не нажил, но пользуется достатком и ведет приятную жизнь.

Первым иностранным посланником, которого я видел, был граф Сольмс[8]. С виду холодный и простодушный, он однакож очень хитер; за пятнадцать лет пребывания в России он научился русскому языку, что дает ему возможность выходить в различные кружки. Он — кавалер прусского ордена Черного Орла и русского — Александра Невского.

Очаровательный человек, который не долго здесь останется, это великий гетман, граф Браницкий[9]. Удивительно любезен; говорит о женщинах, о делах, об удовольствиях, как настоящий француз, и при том светский человек. Это один из тех милых прожигателей жизни (roues), которых все так любят! Граф Браницкий приехал сюда по делам[10] и я уверен, что он их успешно кончит: такие люди как будто созданы для этой страны.

Общественных развлечений в Москве немного. Есть комическая опера, не особенно важная, хотя театральный зал хорош. Я там видел *Юлию*, сыгранную довольно плохо. Есть талантливый актер, по имени Дюгэ, также как и актриса м-м Дефуа, с которой он живет. Прежде они играли в Брюсселе. А помимо их двух, талантливых актеров мало. Тоже можно сказать и о m-me Pincemaille, которая, однакоже, высока, молода и красива.

На другой или на третий день было гулянья в Вокзале, на котором я присутствовал. Вокзал, это большой сад, принадлежащий какому-то магнату и отдаваемый им внаймы антрепренеру гуляний. Сад кончается прудом, около которого играет музыка. Кроме того в отдельных боскетах помещены маленькие оркестры, из коих один состоял из духовых инструментов, дающих только один тон. Выходит нечто в роде плохого органа, напоминающего музыку савойяров на парижских улицах. По вечерам сад освещался фонариками, а в большом зале танцуют и играют в карты. Вход стоит рубль и гулянье продолжается до двух часов ночи.

Познакомился я с графом Лясси, испанским посланником, человеком очень умным и обладающим благородной осанкой. В воскресенье я у него обедал, а после обеда мы смотрели ученье

гусарского полка, состоящего под командой Потемкина. Лошади в этом полку все с Украины, маленькие, но сильные и быстрые. В общем полк проделывал маневры хорошо.

Есть здесь некто шевалье де-Порталис, провансалец; он ко мне заходил, но не застал дома. Не знаю, кто это такой.

Мелочность маркиза де-Ж. все растет и растет. Даже в разговорах она проглядывает, и так как он скрывать ничего не умеет, то все видят его недостатки. Мне и Пюнсегюру он не дает ни мебели, ни постелей. Правда он не обязан делать это, но ведь нужно же быть вежливым. Что касается меня, то посмотрим, какие условия он мне предложит. Кстати он нашел средство уменьшить расходы — каретный ящик будет служить нам для хранения шифра. Одной шкатулкой меньше, и маркиз в восторге! Я помню, что он как-то раз высказал, в виде общего правила, что «в хозяйстве нет пустяков». К несчастию, это правило давно известно. Я был очень удивлен, когда Мальво мне сказал, что маркизу не повезет в этой стране, что здесь уже знают о промахах, сделанных им в Польше, о нашем представлении королю и о поведении маркиза в разговоре с последним. Я был удивлен, откуда они знают такие подробности, но оказалось очень просто: в одном здешнем доме, должно быть у графа Браницкого или у князя Адама Чарторижского, за обедом кто-то рассказал, что Штакельберг видел в Варшаве французского посланника, и что это «человек невежественный, одним словом дурак». Вот как оценили человека еще до его прибытия; изменится ли эта оценка теперь?

Вот уже несколько дней как нас с Пюнсегюром поместили рядом с посольством, в трех комнатках, которые маркиз нанял для нас до отъезда г. Дюрана. У меня было на этой квартире довольно забавное приключение. По одной со мною лестнице жила там хорошенькая молодая женщина, знакомая домовладельца. Я стал ее преследовать, когда она поднималась или спускалась по лестнице, но так как мы говорили на разных языках и друг друга не понимали, то столковаться было довольно трудно. Глаза ее, однакож, доказывали, что она меня понимает. Вследствие этого, я однажды попробовал пожать ее ручку, а потом, видя, что могу объясниться только жестами, стал их разнообразить. Приходилось, однакож, быть осторожным, чтобы не погубить всего дела, так как мы были окружены аргусами. Образец моих действий, очевидно, понравился моей соседке. При следующей встрече я уже поцеловал ее довольно выразительно; она отнеслась к этому, как настоящая француженка, почему я и последовал за нею в ее комнату. Там, конечно, начались новые объятия, но дальше я идти не посмел, боясь, чтобы нас не

захватили. Пришлось из благоразумия расстаться. Я уже думал, что на этот день ничего не предстоит нового, и вечером, раздеваясь, стал придумывать план на завтрашний день, как вдруг слышу, что кто-то босыми ногами спускается с лестницы, отворяю дверь и вижу мою соседку… Это приключение продолжалось два дня, а затем моя нимфа уехала в деревню, оставив меня вдовцом, не знающим даже кто она такая. Впоследствии, я узнал, что это была жена какого-то офицера.

Суббота, 26.

Маркиз был представлен Императрице в ее кабинете, а нас она в этот день принять не захотела. После обеда Пюнсегюр, Комбс и я были в Воспитательном Доме. Царствующий там порядок, выкармливание детей и проч. доставили мне большое удовольствие. Думаю осмотреть это учреждение подробно.

Воскресенье, 27.

Маркиз дал мне прошифровать депешу, последнюю от имени г. Дюрана; она датирована 28 числом.

Вечером я гулял в городском саду; он недурен. Единственная аллея, по которой гуляют, не широка; налево от нее — пруд, к которому спускаются по лестнице. Нижняя часть сада устроена на английский манер, что делает ее разнообразной и красивой. Все время прогулки было у меня занято разговором с шевалье де-Порталис; он ожидал, что граф де-Вержен[11] напишет об нем маркизу. Я узнал, наконец, зачем он сюда приехал. Сначала он служил подпоручиком в Турэнском полку и вышел оттуда, надеясь получить роту в одном из колониальных полков, что ему было обещано. Между тем имущественные дела заставили его отправиться на Мартинику или в Сан-Доминго, а по возвращении оттуда в 1774 г. он уже опоздал получить назначение, да кстати еще влюбился в жену Ивана Чернышева, за которой и последовал в Россию. Прожив здесь пять недель и не имея рекомендательного письма к Дюрану, он был у последнего только один раз и остался недоволен холодным приемом. Он желал бы сойтись поближе с маркизом и быть представленным Императрице. Сомневаюсь, чтобы ему это скоро удалось.

Среда, 30.

Маркиз дал мне прошифровать депешу. Это была первая наша депеша, хотя и носила № 2, потому что Жюинье еще раньше писал министру письмо, уведомлявшее о нашем прибытии в Москву. Переписывал это письмо Мальво, причем возник вопрос, должен ли маркиз, в своих письмах к министру, титуловать

последнего *Monseigneur*'ом, как это делал Дюран? На это я стал представлять маркизу, что его положение значительно рознится от положения Дюрана, что вообще министров не принято так титуловать, и что де-Верак не давал этого титула даже герцогу д'Эгильону, предшественнику де-Вержена. Но маркиз сказал, что существует правило, по которому только одни полномочные послы имеют право не давать министру такого титула. Я не стал спорить, но боюсь, что над маркизом будут смеяться, как в канцелярии, так и повсюду, где про это узнают.

Четверг, 31.

Ночью Дюран уезжает и потому я спешу отправить с ним письма к отцу, к матери, к брату, которому посылаю шифр, к сестрам и ко многим знакомым.

Дюран заходил ко мне сегодня утром на минутку и сказал, что, при моем стремлении учиться, здесь я научусь многому. Кроме того он обещал сообщить министру о впечатлении, которое я на него произвел.

Сентябрь

Суббота, 2 сентября.

Де-Порталис сообщил мне, что на наших лакеев жалуются, что они поколотили полицейских и дали убежище человеку, арестованному за долги. Скажу об этом маркизу. За ужином был новый французский консул, над которым все смеялись. Это некий Лессепс[12], который прежде был в Гамбурге. За отсутствием ума, он легко поддается насмешке, а здесь этим умеют пользоваться.

Воскресенье, 3.

Я обедал у князя Степана Куракина. Мы были приняты просто и любезно. Этим талантом русские обладают в совершенстве, а кроме того они больше, чем кто-либо стараются подражать нам в манерах. Возвращаясь, мы прошли через сад, где было много красивых женщин и между прочим девица Корсакова, красота которой меня прямо поразила. Пюнсегюр остался гулять с г-жей Шуваловой[13], а мы с Порталисом вернулись домой!

Суббота, 9.

Сегодня мы с маркизом являлись ко Двору, по настоянию Пюнсегюра и противно моему совету, так как я хотел подождать приглашения. И лучше бы было подождать, так как нам отказали в приеме.

Шевалье де-Порталис от меня не отходит. Он желает, чтобы я

уговорил маркиза представить его Императрице, но маркиз не хочет и по причинам весьма основательным. Многие купцы, на которых Порталис ссылается, приходили к маркизу справляться, кто он такой, и говорили, что он им должен, а Порталис говорит, что он не занимал ни у кого, кроме негоцианта Грелэна.

Воскресенье, 10.

В полдень мы, Пюнсегюр и я, были представлены Ее Величеству вице-канцлером, графом Остерманом[14], причем целовали ее руку. Императрица возвращалась из церкви, где слушала обедню в честь орденского праздника Александра Невского. Эта государыня очень величественна, на лице ее написаны благородство, доброта[15] и любезность.

Теперешний дворец, недавно выстроенный, представляет собою совокупность многих отдельных, деревянных и каменных домов, весьма искусно соединенных. Вход украшен колоннами; за прихожей следует большой зал, а за ним — другой, где Ее Величество принимает иностранных послов. Затем следует зал, еще больший, занимающий всю ширину здания и разделенный колоннами на две части: в одной — танцуют, в другой — играют в карты.

Маркиз представил нас графине Румянцовой[16], матери знаменитого фельдмаршала, которая в восемьдесят лет пользуется цветущей старостью, радуясь успехам своего сына и внука[17]. Мы были представлены также двум графиням Чернышевым (женам Ивана и Захара), мужу последней из них, и всем фрейлинам[18].

Затем мы присутствовали при орденском обеде в тронном зале, причем Императрица и все участвовавшие были в костюмах, присвоенных ордену — зрелище очень внушительное. За обедом играла музыка и превосходно пел один кастрат.

Обедали мы у графа Лясси. Как только я вошел, хозяин отвел меня в сторону, чтобы сообщить, что он получил письмо от де-Вержена, в котором министр говорит обо мне с большим интересом. К этому Лясси прибавил, что я могу распоряжаться его домом как своим собственным и что он готов мне служить чем может. Это мне доставило большое удовольствие, так как Лясси самый лучший из здешних представителей дипломатического корпуса и я именно имел в виду сойтись с ним. Он обладает благородной внешностью, умом, непринужденностью в обращении и весьма вежлив.

Императрица его очень любит.

После обеда мы представлялись наследнику и его супруге[19]. Великий князь мал ростом и худ, но весьма недурен. Фигура у

него детская, а манера держаться такая, какая бывает у очень молодых людей, не отвыкших еще слушаться советов своего учителя танцев. Великая княгиня не показывалась, потому что ей сегодня, из предосторожности, пускали кровь, она беременна.

Бал начался по прибытии Императрицы; открыл его великий князь. Ее Величество, посмотрев несколько минут на танцующих, села играть в карты. Между прочим она тут же обручила девицу Волконскую[20] с князем Голицыным. Церемония обручения состоит в том, что жених с невестой меняются кольцами, причем Императрица сама снимает и надевает последние на их пальцы. Я танцовал с очень хорошенькими фрейлинами, Бибиковой[21] и Бутурлиной. Они принадлежат к числу тех 12–15 фрейлин, которые живут при дворе и содержатся в большой строгости, с тех пор как одна из них забеременела от английского посланника. Вообще фрейлины получают по 2000 р. в год, а при выходе замуж 20 000 приданого. Кроме фрейлин, при дворе есть еще статс-дамы; они замужние и носят на груди портрет Императрицы, а фрейлины — шифр. Эти знаки достоинства даются им на всю жизнь.

Понедельник, 11.

День отправки депеш; я шифровал одну. Маркиз обедал у графа Лясси, где должен был быть и Иван Чернышев, но Императрица оставила его обедать у себя. Он входит в милость и, по слухам, может заменить Панина. У нас обедал Мартин, при котором Розуа устроил сцену Фортэну и Сен-Полю, очень над ним насмехавшимся. Я забыл упомянуть об этих господах, в общем они добрые и милые люди, но Фортэн немножко ветрен. Сен-Поль был секретарем при шевалье д'Эгремон[22], в Германии и де-Вержен рекомендовал его маркизу.

После обеда мы делали визиты Потемкину, графине Румянцевой и проч. Затем маркиз и Пюнсегюр отправились в Вокзал, а я вернулся домой, лег в постель и с, удовольствием читал письмо Клемана к Вольтеру. Ложась я слышал, как Розуа поет и хохочет с теми самыми господами, которые смеялись над ним за обедом. Чем больше я на него смотрю, тем более убеждаюсь в его низости и иезуитизме.

Вторник, 12.

День сцен и переворотов. Утром я был у маркиза для того, чтобы поговорить о предполагаемой чахотке у моего камердинера, вследствие которой последнему воспрещен вход в посольство, что его, конечно, очень огорчает, так как неприятно же считаться зараженным. Маркиз отвечал, что ему

действительно противно видеть моего лакея, потому что Розуа считает его больным. Я воспользовался упоминанием о Розуа и сообщил маркизу, что он то именно и виноват во всем, так как изобрел болезнь моего лакея из мести, в чем сам сознавался управляющему Дюрана, говоря, что намерен мстить этим своим спутникам. Для того, чтобы установить этот факт окончательно, я просил маркиза пригласить Розуа, и я при нем повторю свои обвинения. Маркиз не согласился. Тогда я стал описывать ему этого человека как низкого, фальшивого, бесхарактерного шпиона, лишенного всякого образования и пользовавшегося техническими выражениями, чтобы пускать ими пыль в глаза и проч. и проч. Этот длинный обвинительный акт, подкрепленный фактическими доказательствами, не понравился маркизу.

Он слушал меня с видимой досадою и я должен был уйти, сказав на прощанье, что желал бы ему убедиться в справедливости моих слов, но на это не рассчитываю и очень жалею, что человек, всеми презираемый, пользуется его доверием. Розуа входил во время этого разговора, но маркиз его выслал, не смотря на мои просьбы. Выйдя от маркиза, я застал Розуа в зале, и сказал ему, что желал бы иметь его свидетелем моего разговора с посланником и прошу верить, что все мною сказанное последнему готов повторить, когда угодно.

Два часа спустя, у Розуа вышла схватка с Фортэном, который схватил его за горло и чуть было не задушил. По окончании обеда они оба вышли как бы для того, чтобы драться на дуэли, но Розуа, будучи вдобавок ко всем своим достоинствам еще и трусом, убежал.

Фортэн потом жаловался на Розуа маркизу; аббат и Сен-Поль были призваны в свидетели и, после долгого разбирательства маркиз решил отослать и Розуа и Фортэна, о чем вечером мне и сообщил. Жаль бедного Фортэна, но Розуа давно следовало бы прогнать.

Воскресенье, 14.

Мы были при дворе; видел Алексея Орлова, покорителя Крыма. Очень красивый человек, напоминающий бога Марса: физиономия его столь же благородна, сколь приятна.

Обедали по обыкновению у Лясси. Там я видел г. Нормандеца[23], секретаря посольства, только позавчера вернувшегося в Петербург. Это очень милый малый, простой и любезный. Он рассказывал о неудаче, постигшей Фальконэ[24] при литье статуи Петра I. Не согласившись поручить это литье страссбургскому литейщику, Фальконэ взялся отлить сам, и хотя употребил на это четырьмя тысячами ливров металла больше,

чем считал нужным, но голова статуи все-таки не вышла. Говорят, растопленная масса вытекала через какую-то незамеченную щель в воронке. Фальконэ и многие из присутствовавших были слегка обожжены; но он и без того, я думаю, чувствовал себя плохо благодаря этой неудаче. Полагают, впрочем, что голову можно будет приделать после. А другие говорили, что не только голова Петра не вышла, но также и голова лошади. Теперь это еще трудно знать наверное.

Среда, 20.

Сегодня утром Порталис пришел звать меня гулять. Мы вышли в четверть девятого и прошли до какого-то монастыря за городом. Погода была удивительная — сухо и прохладно, как у нас во Франции, в начале ноября. Дорогою мы говорили о здешнем обществе. Порталис, совершенно справедливо, считает его неустановившимся и вместе с тем надоедливо требовательным; у Шуваловых, например, надо или бывать всякий день, или уж поссориться. Затем Порталис рассказывал мне о своих любовных похождениях и о стычках в Америке с графом Гамильтоном и неким Калльер-де-ля-Туром, которые, нося мундир, занимались торговлею. Он дрался с обоими и писал об этом в иностранных газетах, в январе 1774 г. Потом он рассказывал о русском враче Соболинским (Sobolinski), очень хорошим натуралистом, с которым встретился в Любеке.

Между прочим, Порталис сообщил, что здесь есть одна дама или девица, желающая попасть на содержание к маркизу (!). Он обещает свести меня к ней и к другим (!!), но одного, потому что Пюнсегюра он считает слишком гордым.

Больше ничего интересного не произошло. За ужином был у нас барон Нолькен.

С 24 по 29.

В половине четвертого мы выехали в Ярославль, за 280 верст от Москвы. Я не описываю этого путешествия, которому вел особый дневник[25].

Октябрь

Воскресенье, 1 октября.

Сегодня большой бал при дворе по поводу рождения Наследника. Императрица, однакож, не выходила, она нездорова. Я не танцовал и ушел раньше конца бала.

Вторник, 3.

День коронации. Опять большой бал и опять Императрица на нем не присутствовала по нездоровью. У нее лихорадка. Обедали мы у вице-канцлера графа Остермана. Вечером, на балу, маркиз играл в карты с великой княгиней, потом был ужин.

Пятница, 6.

Маркиз катался верхом с Лясси и обедал у него, а вернувшись сказал, что мой ярославский дневник очень нравится всем, кроме барона Нолькена (Nolken)[26], который хотя и хвалил этот дневник, но заметил, что ему было бы приятнее, еслиб там не упоминалось об нем. Никто, впрочем, не нашел в этом упоминании ничего обидного.

Маркиз советовал мне повидаться с Лясси, что я тотчас и сделал. Лясси прекрасно меня принял и очень смеялся над огорчением барона Нолькена, которому не советовал ничего говорить по этому поводу, надеясь, что обида пройдет сама собой. Меня это положительно рассердило: неужели нельзя пошутить, чтобы шутку сейчас же не приняли всерьез и не заподозрили в вас желание написать эпиграмму? Я уже дорогою составил себе мнение об Нолькене; он слабохарактерен, мелочен и подозрителен. Теперь это мнение подтвердилось.

Воскресенье, 8.

Утром — большой выход при дворе и целование руки Императрицы. Вечером — музыка и карточная игра. Маркиз играл с Императрицей.

Пюнсегюр, по его словам, боится влюбиться в маленькую Нелединскую, жену каммергера, потому что в нее до сумасшествия влюблен граф Андрей Разумовский[27]. Такая рыцарская заботливость о сопернике пахнет, по моему фатовством; поэтому я порядочно таки над ним посмеялся — слишком уж много претензий у голубчика.

Понедельник, 9.

Маркиз вместе с Лясси и графом Сольмом уехал сегодня в Гиэрополис имение фельдмаршала, Захара Чернышева, который пригласил великого князя. Там будут спектакли и проч.

Среда, 11.

У нас обедал Мартин. Он мне сообщил под секретом, что князь Михаил Долгорукий состоит в связи с женою фельдмаршала Чернышева, и в последнее время стал очень беспокоен; это потому, должно быть, что Лясси успел его заменить, как кажется. Я показал Мартину мой ярославский

дневник, очень ему понравившийся. Он говорит, что нравы описаны верно и что Императрица прочла бы дневник с удовольствием, если бы кто-нибудь ей об нем сказал. Затем мы говорили о делах. Он вновь рассчитывал стать вице-консулом, и показывал мне письмо из Петербурга, в котором его извещают, что генеральный консул, Лессепс, примет его в свои помощники с удовольствием. Но он хотел бы получать жалованье от двора (?) и просит 2000 рублей. Дюран, считавший вице-консульство в Москве необходимым, должен показать министру докладную записку Мартина по этому поводу. Маркиз тоже будто бы собирался писать об нем де-Верженну, но от меня он это почему то скрывает.

Вечером был Порталис и прочел мне письмо, написанное им к своей возлюбленной, но письмо это никуда не годится и он желает, чтобы я ему помог.

Воскресенье, 15.

Сегодня утром я забавлялся музыкой. Маркиз вернулся ночью и очень доволен своей поездкой. Рассказывал о великом князе и его жене. По его словам, характер первого еще не сложился, что сразу видно; великая княгиня обладает большим характером, но оба *не любят русских* и плохо скрывают это, почему и в свою очередь не пользуются особенной любовью. Маркиз сказал еще, что не верит, чтобы графиня Чернышева была особенно хорошего мнения о Порталисе, но я думаю, что он ошибается. Он уверен также, что слухи о связи Чернышевой с князем Михаилом Долгоруким и о замене последнего испанским посланником несправедливы. Наш маркиз недоверчив в этом отношении; он судит по себе.

Когда я пришел к себе, то застал аббата, очень испуганного и пришедшего спросить у меня, слышал ли я пушечный выстрел при заходе солнца. Я отвечал, что слышал что-то такое, но не обратил внимания. Он тогда сказал, что это похоже на какой-то сигнал, что в народе заметно сильное брожение, ропщут против Императрицы и Потемкина, что воры, которых ежедневно ловят, суть остатки шайки Пугачева. Это может быть и правда, но что Пугачев не пойман, как уверяет аббат, этому я не верю. Аббату кто-то сказал, что вместо Пугачева взят и казнен один из его партизанов. Говорили также аббату о проекте войны между Россией, Австрией и Швецией. Этому я также не верю. Императрица достаточно тщеславна, чтобы завидовать Марии-Терезии, но слишком горда и умна для того, чтобы начинать войну при настоящих обстоятельствах.

Понедельник, 16.

Сегодня я с утра оделся для того, чтобы идти к барону Нолькену, объясниться с ним насчет моего ярославского дневника и, если нужно, то хоть подраться, да кончить это дело. Я был готов на все. Объяснение наше, с самого начала, приняло натянутый характер, что мне не хотелось. Наконец, видя, что он начинает завираться, я сказал, что готов ему дать какое он хочет удовлетворение, но во всяком случае желаю кончить это дело шуткой или чем-либо серьезным. Не знаю, понял ли он меня, но на этом мы кончили. Я отправился к Лясси, дал ему отчет во всем происшедшем и попросил возвратить мне дневник, чтобы я мог послать его Нолькену для сожжения. Лясси не согласился. Не знаю, что из этого выйдет.

Получил депешу для шифровки. Маркиз говорит, что в воздухе носится что-то такое, чего он никак не может выяснить. Был сегодня в одном доме, где его присутствие видимо стесняло, но узнать ничего не мог.

Среда, 18.

Сегодня мы с маркизом и Пюнсегюром смотрели дом, приготовленный для турецкого посольства (гр. Бутурлиной). Он хорош и меблирован по восточному, то есть диванами и подушками. Оттуда мы отправились в дом некого Загряжского, чтобы видеть въезд посланника. Он ехал верхом, окруженный свитою. Самое замечательное — лошади, приведенные для подарка Императрице. В общем — ничего особенно великолепного; свита, однакож, человек в пятьсот по крайней мере.

Четверг, 19.

Мы с Пюнсегюром смотрели прием турецкого посла у Панина. Он приехал в придворной карете, с эскортом гусар, и вошел в комнату поддерживаемый под руки двумя турками. По лестнице всюду расставлены лакеи в ливреях министра иностранных дел; приемная также полна ими. Вторая приемная занята чиновниками министерства, а Панин был один в своем кабинете и принимал посла со шляпой на голове, так как и посол не снял своей чалмы. В глубине кабинета были поставлены два одинаковых кресла, на которых собеседники и сидели. С обеих сторон наговорено много любезностей. Турок, старик лет шестидесяти, говорил очень вежливо и даже умно; его угостили фруктами и вареньем, после чего он ушел, передав Панину два письма великого визиря — одно к Императрице, а другое к министру — и две шали (mouchoires) для тех же лиц.

За обедом у нас были гости. Вечером я отправился в театр, а оттуда в клуб, где проскучал до 11-ти часов. Сегодня была депеша к Лессепсу, но мне некогда было ее шифровать, так что этим занялся Комбс.

Князь Михаил Долгорукий говорил Порталису, что маркиз Жюинье прослыл глупым и что Пюнсегюр его не уважает; никто его орлом и не считал. Не дальше как сегодня он сделал нечто, чему очень радуется — сам покупал утром рыбу на рынке. Смешно, разумеется, но вполне соответствует его характеру.

Суббота, 21.

Я вышел утром в половине одиннадцатого, чтобы отправиться во дворец смотреть прием турецкого посла. Нам пришлось ждать довольно долго. Прием состоялся в Грановитой Палате (Salle aux Piliers du Kremlin?), в которой поставлен трон. Императрица со свитою вошла в половине второго. Посланник был введен церемониймейстером графом Брюсом (Яковом Александровичем). Войдя в зал, его турецкое превосходительство Абдул-Керим Эффенди, Бейлербей Румелийский, сделал первый поклон в шести шагах от трона, затем — второй несколько поближе, и подойдя к самому трону, стал говорить речь, продолжавшуюся минут 5–7. Толмач переводил эту речь по русски. Императрица милостиво отвечала; потом принесли подарки, то есть шали, пахучие эссенции и проч. Все это положили на стол, находившийся справа от трона. С этой стороны, на ступенях последнего стоял вице-канцлер Остерман, а с левой — обер-мундшенк Нарышкин. Потемкин стоял подальше и Императрица ему по временам улыбалась. Из дворца мы отправились к г-же Соловой (Solof)[28], но там уже пообедали, так как церемония кончилась в четыре часа.

Я забыл сказать, что на приеме турка статс-дамы и фрейлины стояли справа от трона, а рядом с ними, около Ее Величества — иностранные послы. Митрополит Московский Платон, с духовенством, стоял слева. Их Величества, Наследник с супругой, смотрели как из ложи из внутреннего окна, проделанного вверху залы.

Воскресенье, 22.

Сегодня утром я не был при дворе, пришлось шифровать одну депешу, но вечером туда отправился. Был бал и так как на нем присутствовал турецкий посланник, почему все дамы были в русских костюмах, то есть без фижм (papiers), то танцовали только контрадансы. Когда мы прибыли, бал уже начался, но, не смотря на большую тесноту, мы успели пробраться к танцующим.

Я очутился около Нарышкиной (Наталья, дочь обер-шталмейстера), младшей из фрейлин, очень хорошенькой и обладающей искренностью первой молодости. Она спросила, буду ли я танцовать, я отвечал, что да, если только с нею. Она обещала. Во время танцев я заметил, что мое скромное ухаживанье нравиться, а поэтому и сам почувствовал некоторый интерес, который мог бы перейти в любовь, если бы поддерживался. К тому же воображение мое было уже подготовлено маркизом и Пюнсегюром, которые очень хвалили эту молодую девушку. А кроме того, я припомнил, что в день нашего представления Императрице и фрейлинам, Нарышкина особенно внимательно на меня смотрела и потом, на первом же или на втором балу, прислала Александра[29] Куракина пригласить меня танцовать с нею. Признаюсь, что все это заставило меня пожелать завести с нею интригу, и что эта идея разлила радость в моем сердце, печальном и ноющим, так сказать, со дня отъезда из Франции. Это сердце слишком нуждается в привязанности и женщины, я полагаю, необходимы для моего существования. Избранница никогда мною не будет позабыта; та, которую я любил так нежно, никогда не покинет моего сердца!

Понедельник, 23.

Мы с Комбсом говорили о Порталисе и о его любви к гр. Чернышевой. Он хочет, чтобы я ему составил письмо и мне пришло в голову послать это письмо со своим лакеем. Этим я услужу графине, избавив ее от какой-нибудь нелепой выходки Порталиса, потому что влюбленные часто бывают нескромны по излишней горячности и неблагоразумию.

Вторник, 24.

Утром мы с Порталисом были с визитом у кн. Степана Куракина и у Измайлова. Я сообщил Порталису свой план относительно его любовных дел. Он был в восторге и обещал представить меня гр. Нарышкину, отцу хорошенькой фрейлины, обер-шталмейстеру[30].

Среда, 25.

Утром мы осматривали Кремлевскую сокровищницу (Оружейную палату?). Много там богатых ваз, украшений, шитых жемчугом и драгоценными камнями. Видели превосходную чашу (потир?), которую сама Императрица поставила на престол, в виде жертвы по поводу заключения мира. Она золотая, и самый кубок греческой формы поддерживается тремя кариатидами,

составляющими ножку. Все осыпано драгоценными камнями, в особенности рубинами. Видели Евангелие, покрышка которого великолепно украшена бриллиантами. Но что меня особенно заинтересовало, так это коллекция старинного оружия и сбруи. Последняя шита жемчугом и камнями, по восточному обычаю. Видели также серебряный трон, стоящий в одной из зал. В 1862 г. он служил двум братьям, Петру и Иоанну Алексеевичам, царствовавшим вместе. В спинке трона видно отверстие, сделанное для их сестры, честолюбивой и властолюбивой царевны Софьи. Через это отверстие она шептала царям свои советы.

Обедали мы у гр. Сольма, прусского посланника. Барон Нолькен просил меня разъяснить некоторые французские обороты речи, что ему нужно для рассказа о путешествии в Гиэрополис, написанного стихами и прозой, по образцу моего ярославского дневника. Надеюсь, что его рассказ помирит нас, как мой дневник поссорил. Нолькен обещал прочесть мне его с тем, чтобы я сделал поправки, какие найду нужными. Завтра, я с этой целью отправляюсь к нему обедать.

На спектакле был турецкий посланник и задушил нас табачным дымом.

Четверг, 26.

Обедал у барона Нолькена, читали его рассказ о путешествии в Гиэрополис, который очень хорошо написан для не-француза. Я сделал некоторые маленькие поправки и с удовольствием увидал, что ссора наша кончилась.

Был с визитом у гр. Шувалова и его жены; приняли превосходно. Граф прочел мне экспромт Вольтера во сто строк и рассказ в прозе, который доставил мне большое удовольствие. Хотели оставить меня ужинать, но клуб помешал мне остаться. Танцовал до часу ночи.

Пятница, 27.

Маркиз обедал у Алексея Орлова для того, чтобы видеть Souharas (?). Вернулся он в семь часов и вошел в ложу графини Чернышевой, где я в то время находился, чтобы поговорить с графиней о делах моего камердинера. Маркиз помешал этому разговору, но, выходя из ложи, я предложил графине руку и просил ее протекции для распродажи товаров, привезенных моим лакеем. Я обещал прислать их к ней. Она поблагодарила, но не обещала ничего определенного. Вернувшись домой, я сказал Порталису, что пошлю завтра к ней Гарри, который, вместе с кружевами и блондами, передаст ей и его письмо.

Затем меня потребовал маркиз, заявивший желание, чтобы я познакомился с г. Обри, французом, служащим в министерстве Панина.

Суббота, 28.

Сегодня я завтракал у князя Александра[31]. Он принял меня дружески.

Перед уходом из дома, я послал своего лакея к графине Чернышевой с товарами и запечатанной в конверт книжкой романа, в которую были вложены два письма: одно — от Порталиса, а другое — от меня, с объяснениями и извинениями по поводу странной выходки, на которую решаюсь.

Когда пришел лакей, графиня садилась в карету. С товарами она велела ему придти после, но книжку взяла и лакей видел, как она читала письма, сидя в карете. Передача книжки, однакож, очень ее удивила.

Обедал у г. Панина и очень много говорил с кн. Василием Долгоруким[32], с которым мы рядом сидели за столом. После обеда представился Обри, с которым у нас оказались общие знакомые. Но я был очень осторожен и рассыпался в любезностях, говоря, что очень хотел с ним познакомиться, так как слышал об нем много хорошего.

Воскресенье, 29.

Утром был при дворе. Императрица не появлялась; народу было не много. Видел маленькую Нарышкину и говорил с ней до прибытия великого князя. Она была очень любезна и сообщила, в чьей ложе будет во время спектакля. Я не стал расспрашивать подробностей, но знаю, что это ложа директора театров[33] (directeur des spectacles), что соответствует камер-юнкеру (gentilhomme de la Chambre) у нас во Франции. После обеда был вместе с Пюнсегюром у гр. Шереметева[34], где встретил Обри, который, как говорят, часто там бывает. Я ему говорил о предупредительности, с которой здесь относятся к англичанам, и выразил мое удивление по этому поводу. Он отвечал, что это результат привычки. Маркизу очень хочется узнать, что из себя представляет этот человек.

Ноябрь

Четверг, 2 ноября.

Клубный день. Раньше я сделал визит графине Шереметевой (comt. Pierre?), а оттуда отправился танцовать. На балу познакомился с девицей Нарышкиной, невестой кн. Александра

Куракина и родственницей той фрейлины, о которой говорил выше. Порталис сообщил мне, что в последнюю влюблен Измайлов, очень красивый кавалергардский офицер, который ревнует ее ко мне, так как видел, что мы с ней много танцовали. Измайлов, в самом деле, на этом же балу говорил со мною о московских красавицах и спрашивал, какая из них мне больше нравится. Я отвечал неопределенно, но он все-таки был задумчив весь вечер. Не нравится мне это соперничество; боюсь, как бы оно не помешало моим намерениям.

Пятница, 3.

Утром мы с Порталисом отправились смотреть упражнения артиллерии, но они были отложены. Встретили гр. Чернышеву.

Вечером был на спектакле. Давали «Le Tableau parlant» и «Annette et Lubin»; первую пьесу я всю пробыл в ложе гр. Чернышевой, которая приняла меня очень холодно. На вторую пьесу я поэтому вышел в зал. Порталис очень беспокоится, хотя графиня часто поглядывала в его сторону после того, как я вышел из ложи; это подает некоторую надежду и позволяет приступить к новым попыткам.

Суббота, 4.

Мы с Порталисом обедали у актеров. Дюгэ гадала ему на картах и предсказала всякие бедствия, если он останется в России. Мне она, напротив, сделала самые блестящие предсказания, но только по части самолюбия.

Вернувшись, дешифрировал громадную депешу из Версали, а потом послушал немножко концерт любителей.

Воскресенье, 5.

Утром был при дворе, но поговорить с фрейлиной Нарышкиной не мог, так как она была дежурною и ходила за Ее Величеством.

Маркиз, Пюнсегюр и я обедали у гр. Лясси. Нолькен просил меня построже проредактировать его рассказ о поездке в Гиэрополис и потом прочесть его у Шуваловых; я обещал.

Вечером опять был при дворе. Маленькая Нарышкина опять держалась около Императрицы и я говорить с ней не мог, но стоял так, чтобы она меня видела. Измайлов влюбляется все более и более. С ним раскланиваются, но ведь он же бывает в их доме. Это большое преимущество предо мною. Ужинал у Шуваловых с Андреем Разумовским. Говорили о комедиях и трагедиях, просили Шувалову играть, но я не думаю, чтобы крайняя ее застенчивость это дозволила. В ожидании, будем

репетировать некоторые сцены из «Магомета»; я беру роль Зопира.

Вторник, 7.

За обедом у нас было много народа. Адмирал Барбал (Barbal) был в первый раз. Должны были присутствовать князья Михаил Долгорукий и Александр Куракин, но не явились. Последний пришел уже после обеда. Был гр. Шувалов и очень пенял мне за то, что я накануне не остался ужинать. Вновь предлагал мне распоряжаться своим домом и проч. Удивительный он человек; характер его настолько странен, что делает ненадежными всякие с ним отношения. Сегодня вы ему друг, а завтра он вас и знать не хочет. Жена его действительно милая женщина, добрая, простая, деликатная и чувствительная.

Четверг, 9.

Обедали у гр. Потемкина. Он нам показывал тульские стальные изделия, действительно превосходные как по выделке стали, так и по позолоте, украшениям и проч. Случайно меня посадили за столом рядом с обер-шталмейстером Нарышкиным, которого я не знал, но перед которым рассыпался в любезностях, когда узнал, что он отец фрейлины, так мне понравившейся. Он тоже был со мной очень любезен и пригласил бывать, чем я, конечно, воспользуюсь.

Смотрели ученье артиллерии, прошедшее очень хорошо, не смотря на сильный снег. Испытывали скорость огня одной пушки, которая давала, по часам, 29 выстрелов в минуту (!).

Воскресенье, 12.

Был при дворе, рассчитывая увидать маленькую Нарышкину, но ее не было. В субботу утром делал визит ее отцу, но не застал дома. Утром мы целовали руку Императрицы и разговаривали с великой княгиней, которая отнеслась ко мне весьма милостиво.

Обедал у Лясси. Гр. Брюль[35], герцог Ангальт и князь Одоевский толковали со мною о масонстве. Последний сказал, что в Авиньоне есть особая ложа, хранящая тайны масонов. Он узнал это из бумаг барона Штейна (Steen), убитого при осаде Бендер. Между прочим он берется разбирать иероглифы и показывал мне свое искусство.

Вторник, 14.

Обедал у Измайлова. По поводу масонства он мне сказал, что вступает в Швейцарскую ложу. Я ему намекнул, что состою на одной из высших степеней, имею право принимать в масонство и

сообщать свои знания, как это есть на самом деле. Я хотел таким образом приобрести себе друга и отклонить предубеждение против себя. А кроме того репутация таинственного человека быстро распространяется и очень помогает при сношениях с женщинами.

Получил приглашение в Швейцарскую ложу. Был там с кн. Одоевским, Ангальтом и гр. Брюлем. Остался не особенно доволен, но видел прием новопосвященного. Наш пароль был «Альфа и Омега». Гр. Брюль опять говорил мне о великом делании; он в это серьезно верит.

Четверг, 16.

Утром был у Одоевского: говорили о масонстве. Он мне показал диплом (grade) барона Штейна, а также медальон, носимый последним на груди и найденный на нем после смерти. Я сниму с него модель, чтобы заказать себе такой же. Одоевский опять говорил мне об Авиньоне; диплом Штейна подписан в этом городе. Затем он мне сообщил многое, что я запишу для себя.

Был в клубе; вышел оттуда в 9 часов, чтобы идти ужинать к гр. Шуваловой. Муж ее продекламировал несколько отрывков из трагедий, но с большими претензиями. Мы согласились разучить «Смерть Цезаря»; я взял роль Антония.

Суббота, 18.

Я верно заметил, что Пюнсегюр очень переменился. Он мне признался сегодня, что тоскует и плохо себя чувствует. Причины этого не знаю, но думаю, что он влюблен в маленькую Нарышкину, так как месяц тому назад он ее очень расхваливал на придворном балу и был сильно смущен моим за нею ухаживаньем.

Ужинал у гр. Шуваловой, где была графиня Пушкина[36], очень любезная и хорошенькая. Был также кн. Голицын и рассказал нам об остроте датского посла в Неаполе: слушал он не особенно хорошую игру на скрипке какого-то артиста, и кто-то, чтобы похвалить последнего, сказал, «не правда ли какая трудная соната?» — «Да, отвечал посол, но я бы желал, чтобы она была совсем неисполнима».

Воскресенье, 19.

Утром был при дворе. По случаю праздника св. Мартина, Императрица слушала обедню в большой церкви, а не в часовне. Маленькая Нарышкина была дежурной; я с ней раскланялся, она ответила.

Вечером был бал при дворе; я сделал вид, что не танцую и

поместился против стола Императрицы, за которою стояла Нарышкина. Отец ее говорил со мною и спрашивал, почему я не танцую; я ответил, что не хочется. Нарышкина прекрасно заметила, что я на нее смотрю, и сама на меня часто взглядывала; кн. Михаилу она потом говорила, что я, должно быть, над кем-нибудь насмехаюсь, потому что я действительно смеялся, разговаривая с Порталисом.

Граф Иван Чернышев тут же представил меня фельдмаршалу Разумовскому, Кириллу Григорьевичу[37], который пригласил меня ужинать. Я согласился и к великому моему удивлению, а также удовольствию, встретился с Нарышкиной. Она спросила, танцовал ли я, я ответил, что нет; затем мы сели рядом. Князь Ангальт упорно за нею ухаживает. Начались танцы; она много с ним танцовала, а меня попросила взять ее сестру, что я и сделал. За ужином, Ангальт сидел рядом с ней; я пошутил над этим и совсем не сел за стол, чтобы сохранить возможность подходить к ней. Ангальт это заметил и сказал Нарышкиной. Они стали шутить на мой счет, а я рекомендовал им не потешаться над отсутствующим.

Четверг, 23.

Был в клубе; встретил там чудака, адъютанта фельдмаршала Чернышева. Это человек страшно самолюбивый, злой с виду, сплетник по привычке и никого не любящий, потому что слишком уж любит себя самого. Он мне наговорил много дурного обо всех, даже о присутствующих, за исключением фельдмаршала, которого очень хвалил за доброту, но в таких выражениях, чтобы заставить считать его глупым и во всем подчиняющимся своему адъютанту. Имя этого господина — шевалье де-Мезбер.

Пятница, 24.

Обедал у гр. Лясси, а вечером сделал визит князю Волконскому, отцу невесты кн. Голицина, который был убит каким-то Лавровым и которого завтра хоронят. Это очень запутанная и странная история. Несколько времени тому назад, кн. Голицин побил палкой, в строю, одного офицера Шепелева. Тогда этот господин смолчал, но через несколько месяцев вышел из полка, в котором служил, и приехал в Москву к кн. Голицыну требовать от него удовлетворения, причем дал ему пощечину. Князь вытолкал его вон, на том дело и остановилось. Все удивлялись, почему князь в свою очередь не требует удовлетворения, но он говорит, что не может драться с субалтерн-офицером. По этому поводу состоялся суд, приговоривший Шепелева к удалению от двора, а Голицына — к выходу в

отставку. Последний стал распространять слухи, что потребует отчета от Лаврова, который будто бы подстрекал Шепелева на драку. Лавров явился к нему за объяснением, а князь отвечал так невежливо, что получил вызов на дуэль, которая должна была быть на пистолетах. Перед дуэлью, во время заряжания, почему-то тянувшегося очень долго, Лавров стал оправдываться и отрицать обвинения кн. Голицина, а последний, взбешенный медленностью процедуры, не вытерпел и бросился на Лаврова с обнаженной шпагой, но, не успев нанести удара, сам был дважды ранен, после чего и умер через некоторое время.

Принц Ангальт, рассказавший мне эту историю, совершенно справедливо заметил, что страшное общественное неравенство, обусловленное образом правления в России, душит идею чести, и что кн. Голицин, человек отличившийся в армии, не понял своих обязанностей по отношению к Шепелеву, хотя и стоявшему ниже его по рождению, но все же офицеру. Это мне напомнило черту из жизни великого Кондэ, который, оскорбив офицера, не отказал ему в удовлетворении.

Воскресенье, 26.

При дворе состоялся великолепный маскарад. Была турецкая кадриль, в которой участвовали Императрица и Потемкин; последний танцовал изнеженно и вяло. Нарышкина тоже была, и тут я убедился, что действительно влюблен: мне было очень неприятно, что она не узнала меня под маской. А когда я снял маску и она со мной раскланялась, то моя досада сразу прошла и я, как настоящий влюбленный, почувствовал себя совершенно воскресшим. Но что мне еще более доставило удовольствие, так это то, что Комбс заметил, как маленькая Нарышкина долго ходила с какой-то подругой, как бы кого-то отыскивая, а когда встретила меня, то остановилась и сделала знак подруге, что та больше не нужна и может идти. Это что-нибудь да значит. Нарышкина в свою очередь тоже, должно быть, заметила, что Порталис мой поверенный, так как засмеялась, когда он меня толкнул, проходя мимо нее.

Декабрь

Пятница, 1 декабря, 2 ч. дня.

Мы с маркизом едем в Тулу; сейчас садимся в экипаж.

Суббота, 2.

В Тулу приехали в $11^1/_2$ часов; остановились у богатого купца, любезнейшего в мире человека. Маркизу дали кровать, а я

лег на диване. В 9 часов утра, отправились с визитом к губернатору или коменданту города; это — толстый человек, не говорящий по-французски, но веселый, добродушный и искренний на старый манер. Он нас проводил на завод, занимающий большое место на берегу реки Упы (Ора), которая, как говорят, приводит в движение машины. Изделия завода очень красивы и похожи с виду на английские, но сталь менее крепка и полировка ее, при внимательном рассмотрении, недостаточно совершенна. В складе особенно хороших вещей нет, но мы все-таки видели шпагу, предназначенную для Ивана Чернышева, и превосходную по тонкости отделки. По приказанию Потемкина, маркизу самому предоставили выбрать, что ему понравится; он выбрал карабин.

По выходе из мастерских, мы были в церкви, очень хорошей и в своем роде прекрасно расписанной. Там в это время служили благодарственный молебен (Te deum) по поводу годовщины привития оспы Императрице. Был пушечный салют и проч.

Обедали у губернатора; было много народу, и между прочим епископ, при своем входе благословлявший каждого в отдельности, причем у него все целовали руку, даже две дамы, бывшие в числе приглашенных.

Хозяин любит пожить и похож на наших старых дворян, что касается добродушной веселости; но я заметил, что манеры его более изысканны, а привычки отличаются той роскошью, которая особенно свойственна русской национальности, единственной, кажется, в которой даже крестьянки белятся и румянятся.

Обед по старым обычаям сопровождался тостами за здоровье Императрицы и их Императорских высочеств. Кроме епископа, был еще архимандрит или аббат, заведующий монахами, который не сказал ни слова, но не пропустил ни одного тоста.

В пять часов мы вернулись домой, где губернатор отдал нам визит. К счастию, он просидел не долго и в 6 часов мы выехали обратно в Москву.

Понедельник, 4.

Утром мы с Порталисом гуляли, а потом обедали у итальянцев Мочениго и Мари. Первый, уж не знаю, как попал на русскую службу, но репутация его не завидна; впрочем, он родственник Дожа[38], другой — добрый малый, очень образованный и путешествующий как философ, для собственного удовольствия. Я потому стремился с ними сойтись, что они знакомы с обер-шталмейстером.

Четверг, 7.

При дворе парад, по случаю праздника св. Георгия. Императрица учредила военный орден имени этого святого, на подобие нашего ордена св. Людовика. Не знаю, сколько уже имеется вообще кавалеров, но первой степени только четыре. Императрица председательствовала на парадном обеде. Принц Ангальт тоже сегодня принят в число кавалеров, чего едва ли заслуживает.

Я попал ко двору только поздно вечером, по причине отправки курьера.

Пятница, 8.

При дворе состоялся маскарад; я был с Порталисом. Он разговаривал со своей графиней, а я танцовал с Нарышкиной, которая сама об этом просила. Она видела, что я с нее глаз не спускаю на балах.

Комбс заметил, что когда я приехал, то она сделала знак даме, с которой разговаривала, та взглянула на меня и потом обе продолжали говорить, улыбаясь. За полчаса до отъезда, я говорил с маленьким Волконским, стоявшим недалеко от нее.

Мой соперник, Измайлов, видел, я полагаю, мое ухаживанье за Нарышкиной. Мы с ним разговаривали и, перед концом бала, он признался, что имеет большое горе и с чувством несколько раз повторил это.

Суббота, 9.

Утром я был у кн. Михаила Долгорукого, которому рассказал историю своего знакомства с Порталисом и про любовь последнего к графине. Князь был очень удивлен посылкой писем и проч. Затем пришел сам Порталис и Долгорукий посоветовал ему поступить на морскую службу, о чем ходатайствовать через меня у графа Андрея[39]. Вечером я был у последнего, но еще не для того, чтобы просить о Порталисе, а только для того, чтобы заручиться им для своих целей. Мы очень сошлись; он говорил о своем проекте описать, в стихах любовь — в 18 лет и в 24.

Был с визитом у графини Шереметевой[40], и так как моя карета уехала в виду того, что я останусь ужинать, то мне пришлось ехать к гр. Шуваловой в санях. Там я застал принца Ангальта; он был в мечтательном настроении и спросил, что я предпочитаю, Альзиру или Заиру. Я отвечал, что первая пьеса хороша в чтении, а вторая — на сцене и кроме того я предпочитаю Заиру в качестве любовницы. Это ему очень понравилось и он вполне со мной согласился.

Понедельник, 11.

При дворе — праздник св. Андрея. Утром я там был. Нарышкина опять дежурная, как я и думал. Вечером я танцовал с ней менуэт и сказал, что нахожу его слишком коротким. Потом она заставила меня танцовать с девицей Корсаковой. Шутил с гр. Андреем по поводу его именин, говоря, что если бы знал это, то прислал бы ему поздравительные стихи.

Вторник, 12.

После обеда разговаривал с гр. Брюлем о здешнем обществе, граф говорит, что здесь трудно завязывать приятные интриги, потому что барышни тотчас же заговаривают о браке, как только вы скажете им какую-нибудь любезность. Затем он говорил о чувствительности принца Ангальта, о его любви к девице Плещеевой (Plechef), самой красивой и добродетельной во всей Москве. Однажды, у гр. Разумовского, слушая трио из Земиры и Азора, принц Ангальт стал печальным и рассеянным. Увидев это, гр. Брюль сделал ему знак, напомнивший Плещееву (?), тогда принц вдруг вздрогнул и конфузливо попросил избавить его от таких напоминаний. Эта застенчивость и конфузливость дает понятие о чувствительности его сердца и заставила меня питать к нему истинную дружбу.

Среда, 13.

Утро прошло без приключений. Вечером был у гр. Андрея Разумовского, который с каждым днем становится со мною любезнее. Ужинали вместе у гр. Шуваловой, дорогой я просил за Порталиса. Граф отвечал очень любезно и откровенно, обещая сделать что может, но посоветовал мне попросить еще графа Ивана Чернышева, как морского министра, так как Порталис хочет поступить в морскую службу.

Приехав к гр. Шуваловой, мы там застали принца Ангальта. Шувалов продекламировал мне несколько стихов из сочиняемого им послания к человеку, призванному к делам из отставки. Довольно легко написано, есть хорошие стихи.

За столом я сидел рядом с принцем Ангальтом. Мы говорили о чувствах и дружбе между женщинами. По этому поводу он мне привел в пример дружбу Плещеевой и другой девицы. У одной из них случился пожар; она прежде всего бросается спасать шкатулку с письмами подруги, не обращая внимания ни на что другое; а подруга, узнав о пожаре, вскакивает с постели и, в ночном костюме, хочет бежать справиться о судьбе своего друга.

Суббота, 16.

Все утро я просидел дома, где и обедал. После обеда у меня

был маленький кн. Долгорукий, а потом явился Порталис. Мы говорили о графине, я был очень весел и шутил над ним, а он отмстил мне сообщением, что, по словам Шереметева, Пюнсегюр тоже влюблен в Нарышкину. Это на меня подействовало, я стал угрюм и грустен. К довершению неудовольствия, Пюнсегюр просил меня поехать с ним к генералу Солтыкову[41]. Дорогой я старался выведать от него, уедет ли он весною, но ничего не добился. Судя по многим признакам, по его склонностям и поведению, я думаю, однакоже, что он влюблен в Нелединскую.

Воскресенье, 17.

Вечером мы были в театре. Порталис ничего не сказал своей графине, хотя собирался говорить с ней в последний раз перед отъездом из Москвы. Выходя из театра, он получил суровый выговор от гр. Чернышевой, жены Захара, которую нечаянно толкнул в толпе. Это самая злая женщина в мире и по временам очень нахальная. Это одна из тех мужчинообразных женщин, о которых говорит Дидро, и которые особенно противны мужчинам.

Понедельник, 18.

Сегодня, в 8 часов утра, я был у гр. Андрея, который едет с великим князем в Петербург. Мы обещали писать друг другу и расстались очень дружелюбно.

В 10 часов был у меня принц Ангальт. От имени одной дамы он просил у меня стихов, написанных мною для гр. Андрея, в день его именин. Я думаю, что эта дама подруга девицы Плещеевой. Затем он говорил о кн. Лобковиче, австрийском после, и его соперничестве с гр. Лясси, гордость которого не может перенести первенствующего положения Лобковича. Я при этом подумал о положении нашего маркиза, немножко подчиняющегося гордому испанцу и потому находящемуся между двух огней. Постараюсь сделать так, чтобы он взял верх, что вполне возможно благодаря его богатству, достаточному, чтобы держаться на высоте положения.

Принц Ангальт предложил мне обедать у гр. Панина, с кн. Екатериной Романовной Дашковой. Я сказал об этом маркизу, который был очень польщен таким вниманием; мы отправились все вместе. Я с большим интересом наблюдал эту женщину, прославившуюся той ролью, которую она играла при революции[42], своим характером и честолюбием, поссорившим ее с Императрицею. За обедом она говорила мало, может быть потому, что мы тут были — она терпеть не может французов. Англичан она, напротив, очень любит. Она часто ездит в Ирландию, где проводит несколько времени с своим сыном,

воспитание которого поручила Юму[43]. За столом я сидел рядом с принцем Ангальтом и, говоря о вкусах княгини Дашковой, о любви ее к английской литературе, вспомнили о *сантиментальном путешествии* Иорика, которое ей особенно нравится. Принц обещал перевести мне несколько страниц из одного немецкого журнала, по этому поводу.

Ужинал у Нелединской, где много говорил с кн. Волконской, с которой недавно танцовал в клубе. Это — одна из близких знакомых кн. Одоевского, одна из обожаемых им женщин.

Вторник, 19.

Приходил Порталис и сказал, что был у гр. Шереметева. Они много говорили о любви и делали друг другу признания. Шереметев так расчувствовался, что плакал; такая чувствительность делает ему честь и выкупает, на мой взгляд, заметный недостаток разума. Между прочим они говорили о любовных чувствах Пюнсегюра, и Шереметев думает, что предметом их теперь является Нелединская. Известно наверное, что Пюнсегюр уедет раньше нас. Он хотел меня уверить, что нуждается в лечении, но я в этом сильно сомневаюсь. Вечером мы с ним долго толковали и он уверял, что не влюблен, но довольно слабо. Так как он должен выехать в один день с Нелединской, то я, чтобы узнать его намерения, советовал выехать днем раньше или позже. Он ничего не сказал, но, кажется, ему это понравилось.

Маркиз, с которым мы теперь в хороших отношениях, пришел ко мне поболтать четверть часика; он едет ужинать к граф. Шереметевой. Я принял его не одеваясь, запросто, у камина.

Среда, 20.

Принц Ангальт и гр. Брюль пригласили меня вместе обедать. Принц в очень горячих выражениях говорил о своей любви. Вчера он там провел целый день с гр. Брюлем: читали мое послание к гр. Андрею и рассуждали по этому поводу. Меня больше всего радует возрастающая интимность между принцем и мною.

За столом говорили о разных обычаях. В России, например, пьют водку (*chole?*) перед обедом и едят десерт в гостиной, уже вышедши из-за стола. В качестве дессерта подаются обыкновенно варенья разных сортов и их берут той же ложечкой, которой едят, не вытирая ее. По праздникам тосты пьются опять-таки всеми из одного бокала, причем вежливость обязывает только оставить в этом бокале немного вина и выплеснуть его куда-нибудь, прежде чем передать бокал соседу. Принц Ангальт рассказывал, что в Польше, в некоторых домах, при прибытии или удалении гостя об

этом громогласно объявляют несколько лакеев.

Четверг, 21.

Был фейерверк в честь турецкого посланника. Мы, с прочими иностранными послами, смотрели его из дома Императрицы, куда были приглашены. Там я встретил обер-шталмейстера Нарышкина, который меня обнял и возобновил приглашение бывать у него в Петербурге. Не знаю, к чему клонят все эти любезности, но приглашением воспользуюсь с удовольствием. Что касается фейерверка, который я плохо видел, то я заметил только дерево прекрасного зеленого цвета. Это искусство процветает в России; им занимаются артиллеристы.

Затем мы направились в клуб. Там я встретил Поггенполя[44], который был очень ласков со мною и настоятельно просил часто видеться с ним в Петербурге. Не знаю, откуда он знает о моей склонности к Нарышкиной, но довольно прозрачно шутил на этот счет.

Назначили наконец русского посланника в Константинополь — некоего Стахеева (*Stackief*); для него это большое счастье — будет получать 40 000 рублей жалованья.

Пятница, 22.

Утром мы с маркизом были у турецкого посланника. Он спросил, француз ли я; маркиз отвечал, что я принадлежу к посольству и назначен королем. Он мог бы прибавить, что я прихожусь ему племянником, но не прибавил этого. С четверть часа поговорили, а затем невольники принесли разные сласти и подавали их нам, стоя на коленях; после сластей, таким же порядком они подали нам превосходный кофе, снабдив предварительно, вместо салфеток, шелковыми платками. Под конец визита нас угощали еще очень вкусным шербетом, подавали розовую воду для мытья рук, жгли разные куренья, и все на коленях. На прощанье нам поднесли подарки: маркизу — шаль для жены и муслиновый галстук (*cravate?*), шитый по краям шелком и золотом, а нам с Пюнсегюром — по галстуку. Таков, сказали нам, восточный обычай.

Вечером присутствовали на балете, исполненном воспитанниками и воспитанницами Воспитательного Дома, притом так хорошо, как только можно желать. Кто-нибудь спросит, пожалуй, зачем бедных сирот дрессируют в танцовальном искусстве? Я не нашел бы ответа на этот вопрос, но может быть роскошь, царствующая теперь во всех государствах Европы, заставляет подготовлять учеников современных школ ко всем наукам, искусствам и ремеслам. Любопытно, к каким

результатам это приведет. Балет мы смотрели после того, как прошлись по всем мастерским Воспитательного Дома. Никогда не забуду оригинальной фигуры некоего г. Демидова, которого мы там видели. Этот странный субъект, похожий на арлекина, обладает, однакоже, большим достоинством — он очень богат и умеет с пользою тратить свои богатства: он пожертвовал Воспитательному Дому 100 000 рублей, т. е. полмиллиона франков.

Суббота, 23.

В 4 часа вечера, Пюнсегюр уехал в Петербург, с своим новым лакеем, похожим на девочку. Уезжая он мне сказал, что вчера, из его комнаты, кто-то украл 27 рублей. Это нас очень опечалило, в виду подозрений, которые поневоле возникают.

Воскресенье, 24.

Часть дня я провел в приготовлениях к отъезду. Затем мы с маркизом были у московского губернатора, кн. Волконского, у фельдмаршала Румянцева, и проч. Дорогой разговаривали. Маркиз сказал, что нельзя разрушать в народе религию, не имея чем заменить ее, и что в этом лежит причина бесчестности простого народа. Петр I, унижая духовенство, которого боялся, понизил его нравственное достоинство; теперь в этом сословии царствует посредственность — нет у него ни знаний, ни вдохновения, а потому и народ не получает воспитания. Так думает маркиз и я полагаю, что он прав во многих отношениях. Надо однакож знать, насколько нравственные принципы сдерживают грубых людей, руководящихся только инстинктами; на них может действовать только угроза наказанием и обещание награды. Нельзя не признать, что честность здесь явление редкое и даже не всеми понимается, так как многие не скрывают отрицательного своего к ней отношения. Недавно один офицер ходатайствовал перед начальством об ордене св. Георгия, приводя вполне достаточный к тому повод. «Нет, отвечало начальство, я воспользуюсь этим поводом ради такого-то». Такая откровенность доказывает, что начальство понятия не имело о чести и справедливости. Лучше бы уж оно сфальшивило и постыдилось признаваться в бесчестном деле.

Из этого я заключаю, что и здесь, как повсюду, люди руководствуются личными интересами; но так как здешнее общество еще не сложилось, так как о народе никто не заботится и все его развращают, то здесь и не мог еще установиться сословный дух, основанный на законах чести, не может пользоваться уважением и честность, не приносящая никаких

личных выгод.

Со вторника 26 по субботу 30.

Я простился со всеми моими знакомыми в Москве и с самым городом, которого, вероятно, никогда более не увижу.

Выехав из Москвы в $4^1/_2$ часа, мы ехали до самого Петербурга, останавливаясь только на час или полтора в сутки, чтобы пообедать. Ничего интересного на этом пути не случилось. Всего мы проехали 735 верст, коих нужно немножко больше четырех, чтобы составить одно французское лье. Каждая верста отмечена придорожным столбом с цифрою.

По России вообще лучше ехать, не останавливаясь и днем и ночью, потому что там нет таких пристанищ, как во Франции; постели вы нигде не найдете и те домики, в которых мы останавливались для обеда, снабжали нас только посудою. Это неудобство обусловливается манерой русских вельмож путешествовать — они всегда берут с собою все необходимое: кухню, постели и пр. Гостиницы становятся поэтому ненужными. По дороге от Москвы к Петербургу есть, однакож, две довольно сносных: одна — в Твери, другая в Новгороде. Кроме того крестьяне очень гостеприимны, и пускают в свои дома всех, желающих остановиться, причем остаются довольны всем, что вы захотите им дать.

Для приезда Императрицы, заранее подготовляют дома, в которых бы можно было остановиться с большим удобством, чем у крестьян, помещения которых совершенно невыносимы для француза, по причине страшной жары, которая в них царствует. Тогда и лошадей можно найти сколько угодно; до Новгорода, за них платится по копейке на лошадь и версту, а с Новгорода — вдвое. Но и это очень не дорого. Кучерам дают сколько угодно, начиная с пяти су: от этого зависит скорость езды.

Год 1776

Январь

Понедельник, 1-го янв. 1776 г. — К М-ель Бресюль.

Из-за пятисот лье, мой дорогой и милый друг, поздравляю вас с Новым Годом, который проведу, вероятно, без вас. Увы! Желал бы вас видеть, но не могу на это надеяться. В карьере, мною избранной, нельзя знать куда попадешь. Могу ли я рассчитывать, что увижу свою семью, друзей и знакомых, которых оставил во Франции? Но я не хочу останавливаться на таких печальных мыслях, они убивают бодрость, которая мне теперь так нужна. В том уединении, в котором находится теперь мое сердце, я хотел бы, по крайней мере, почаще вспоминать о том, что мне дорого, и питаться надеждою вновь пережить когда-нибудь те блаженные минуты, которые я проводил с вами.

Вот уже два дня, мой друг, как я живу в одном из лучших городов Европы, по отзыву географов и путешественников. Я не могу еще пока сказать, что об нем думаю, но придет и мой черед, когда я выскажусь может быть иначе: всякий волен иметь свое мнение.

Вторник, 2. — К моему брату.

Пребывание в Москве не было для меня так плодотворно, как я надеялся. Мне следовало изучить итальянский и немецкий языки, но я ничего этого не сделал. Зато я приобрел несколько знакомых, которых опишу тебе впоследствии; они мне будут полезны и доставлять удовольствие. Вообще я очень люблю частные знакомства и жертвую им необходимостью вращаться в свете; в этом отношении мне следует исправиться.

Приехав в Петербург, я решил вести себя иначе: хочу видеть свет, не бросая своих занятий. Я положил себе за правило каждый день прочитывать по сто страниц, а вечером записывать все, что увижу в обществе интересного. Начну с *«Истории министерства Вальполя»* и думаю сделать из него конспект. Думаю также поступить с историческими сочинениями аббата Мило, и проч. Излагать буду в форме писем, чтобы не было сухо.

Очень приятно пообедать у барона Нолькена. Нас было 8 или 10 человек, между прочими знаменитый портретист Ролэн и гр. Штейнбок, капитан кавалергардов, прекрасно играющий на клавесине и очень милый в обществе. За столом моим соседом был Ролэн, обладающий простотой и скромностью настоящего

таланта. Это в самом деле великий художник и один из лучших наших живописцев. Он мне сообщил, что пейзажи в Швеции замечательно красивы, как благодаря живописности местоположения, так и вследствие замечательной чистоты воздуха, делающей все цвета более живыми. Было бы интересно взглянуть на них, и я надеюсь, по отъезде из России, провести несколько дней в Стокгольме. Тогда я опишу то, что увижу.

Среда, 3. — К нему же.

Каждый день, мой друг, являются новые лица. Начинаю с Лессепса, французского консула, переведенного сюда в июле из Гамбурга. Он мне показался порядочным человеком, немножко болтуном может быть и не особенно умным, хотя внешность у него приятная. Благодаря этим двум недостаткам, в связи с некоторой претенциозностью, он нажил себе здесь врагов. Но я надеюсь, что при ближайшем знакомстве его оценят, так как он, в сущности, добрый малый; по крайней мере, показался мне таковым.

В то же утро я видел двух французских негоциантов, гг. Рэмбера и Мишеля. Первый был вице-консулом; он человек образованный, умный и деятельный, а кроме того экономист. Что касается Мишеля, то он корчит из себя барина; он действительно богат, но я предпочитаю ему Рэмбера.

Четверг, 4. — К г-же Брессоль.

Вы любили живопись, мой милый друг; как жаль, что вас не было со мною сегодня в мастерской Ролэна, которую я осматривал! Вы бы пришли в восторг от того, что я там увидел. Между прочим я любовался портретами князя и княгини Голициных[45]; первый особенно хорош. Тень, например, передающая пустоту между голубой лентой и сукном мундира — кажется, что туда можно палец просунуть! Этот Ролэн, весьма искусный художник, он ничем не пренебрегает в своих картинах, так что отделка подробностей увеличивает сходство. Я очень был доволен взглянуть на его работы, но все искал в мастерской еще чего-то и только потом догадался, что ищу вашего портрета. Впрочем, если бы он и был там, то мне все-таки недоставало бы оригинала; нельзя быть счастливым вдали от того, кто необходим нашему сердцу.

Часть дня я провел в питье и еде, как пьют и едят только в кабаках. Но мы и в самом деле были в одном из них. Вы должны знать, милый друг, что одним из немногих удовольствий в этой стране являются пикники. Едут на санях в трактир, таким же образом оттуда возвращаются и думают, что хорошо провели

время. В двух верстах от Петербурга, на Неве, есть очень красивый островок, называющийся Каменным. Великий князь, которому он принадлежит, намерен там строиться. Французский ресторатор, по имени Готье, получил позволение держать там трактир, в котором мы и были. Хороший обед стоил нам четыре рубля три четверти (около луидора), но было очень холодно — 19 градусов. Больше всего мне доставила удовольствие езда по льду Невы. Эта прекрасная река, по крайней мере, вдвое шире Сены и очень украшает столицу Российской Империи.

Возвратясь, я пил чай у шведского посланника; мы с ним протолковали до вечера, то есть часов до трех. Я очень был польщен этим, потому что видел с его стороны дружеское участие, к которому я всегда был очень чувствителен. Барон Нолькен в высшей степени любезен и к достоинствам ума присоединяет достоинства сердца. Но он очень подозрителен, всякие пустяки его обижают. Его надо знать и прощать ему маленькие слабости, обусловленные слабым здоровьем. Вы знаете, мой друг, как мы с ним поссорились из-за шутки, из-за составленного мною, в стихах и прозе, описания поездки в Ярославль. Он на меня долго за это сердился, и признаюсь, что теперешние проявления дружбы и доверия с его стороны очень меня удивляют, хотя в то же время и льстят. Я стараюсь отыскать своекорыстный мотив такого ко мне отношения, потому что ведь все люди, более или менее своекорыстны, хотя бы и в деликатной форме. В данном случае, я полагаю, мотивом служит желание Нолькена иметь поверенного, с которым он мог бы делить горе и радость, а потому выбор, им сделанный, очень мне льстит, тем более, что и моим интересам соответствует; я, мой друг, буду говорить с ним о вас.

Он мне показал письмо, написанное им к шведскому королю Густаву III, когда тот еще был наследным принцем. Письмо поучительно, хорошо написано и делает честь им обоим. Король питает к нему большую дружбу. Если Нолькен когда-либо приедет во Францию, то я его познакомлю с вами.

Суббота, 6. — К моему брату.

Я еще не говорил тебе, мой друг, о Нормандеце, секретаре испанского посольства. Это весьма порядочный малый и очень не глупый; он, по-видимому, желает сойтись со мной, что мне очень приятно. Благодаря плохому здоровью, он несколько меланхоличен, но я постараюсь вылечить его своим уходом и развлечениями. Так приятно оказать услугу хорошему человеку!

Сегодня утром он был у меня, мы вместе сделали несколько визитов и потом обедали у Мишеля, который нас очень хорошо

принял и угощал превосходным калабрским вином. Вечером мы отправились к Штелину, секретарю Академии, которому я должен был передать книгу доктора Жибелена. Об этом человеке я составил хорошее мнение; он большой оригинал, обладающий весьма смутными знаниями, но в общем большой говорун и хороший человек. Говоруны всегда бывают хорошими людьми.

Говорят о назначении камергера Нарышкина губернатором в Белоруссию. Императрица подписала это назначение сегодня, тотчас по прибытии в Петербург. Говорят также о смерти аббата Вуазенона и о том, что Вольтер умирает. Из Франции доходят также интересные новости; отмена Нантского эдикта доставляет мне большое удовольствие, так как доказывает, что духовенство лишилось влияния и что в министерстве господствует философский дух, весьма плодотворный для человечества. Маркиз со мной не согласен, и я с тяжелым чувством вижу, что он, единственный из французов и вообще иностранцев, не радуется этой новости.

Воскресенье, 7. — К нему же.

Сегодня мы были во дворце, милый друг, для целования руки ее величества. Петербургский дворец довольно обширен, но в его внешности более великолепия, чем вкуса. Перед ним — большая площадь. Что меня особенно удивило, так это то, что нам пришлось очень высоко подниматься по лестнице. Подробности опишу тебе в следующий раз.

Через Нормандеца, очень дружески ко мне относящегося, я сделал еще новое знакомство. Он представил меня г. Бемер[46], президенту коммерческого суда для немецких провинций. У этого добродушного немца очень симпатичная жена и три весьма любезные дочери; я, впрочем, видел только двух. Одна из них, говорят, будто бы англичанка, но в ней нет британской натянутости. Другая[47] гораздо красивее и похожа на м-ель де-Гурнэ. По словам Нормандеца, это очень приятный дом и мы часто будем туда заглядывать по вечерам. Оттуда я отправился к гр. Андрею (Разумовскому), который просил меня придти, так как принимал сегодня лекарство и сидит дома один. Я у него пробыл до $11^1/_2$ часов. Граф Андрей, мой друг, человек действительно глубоко чувствующий; жизнь, которую он ведет, неблагоприятна для проявления этого качества, но он проявляет его в тесном кружке друзей. Мы разговаривали о любви, и он с интересом слушал рассказы о моих приключениях. Я, право, думаю, что он поможет мне переносить разлуку с тобою, хотя, конечно, заменить тебя в моем сердце не может.

Понедельник, 8. — К нему же.

Сегодня утром, мой друг, я видел человека не совсем обыкновенного; это барон Сакен, саксонский посланник при здешнем дворе. Я встречался с ним, в обществе, не обращая на него особенного внимания, но теперь, благодаря различным отзывам о его характере, мне захотелось познакомиться с ним поближе. С первого взгляда он кажется простым, холодным и вежливым человеком; довольно высокий рост, красивая и характерная фигура, а особенно произношение, тотчас же обличают в нем немца. В разговоре его нет ничего пикантного; уединение он предпочитает обществу, может быть, потому, что наводит на всех скуку. Признаюсь, что в качестве молодого человека я так об нем до сих пор и думал. Но заметив, что он и в Петербурге, как в Москве, старается жить подальше от города и поближе к полю, что в его квартире царствует искусство и что при всем этом в нем незаметно никакой претенциозности, я должен был переменить свое мнение. Кроме того, об нем говорят как о хорошем наблюдателе, умеющем оценивать характеры выдающихся лиц. Я хочу сойтись с этим человеком и посмотреть, соответствует ли его характер тому понятию, которое я теперь о нем себе составил.

В четыре часа я вышел от барона Нолькена для того, чтобы сделать несколько визитов. Был у Фальконэ и проговорил с ним часа два. Он упомянул о своем переводе Плиния, который так раскритиковали. Фальконэ с большой твердостью защищался от критиков, но в то же время исправил ошибки, на которые они ему указали. Он дал мне, для прочтения, экземпляр книги с собственноручными пометками. Думаю, что он выпустит новое издание. Когда прочту, то сообщу тебе свое мнение об этом переводе.

Вторник, 9. — Ему же.

Часть дня я провел за письмами. Сегодня отправлю тебе мой № 7. Написал также к матушке, к м. де-Жюинье и в Москву, к кн. Долгорукому, камергеру Императрицы. Это очень достойный и порядочный человек, от которого я получил много любезностей. Он обладает кротким и добрым характером, потому что влюблен! Ты знаешь, мой друг, что для меня достаточно такого доказательства. Предметом его любви является супруга Захара Чернышова, злая и некрасивая, так что я ему не завидую.

Покончив с письмами, я провел вечер у гр. Лясси. Там встретил гр. Сакромозо, который сообщил мне новость о смерти Мальтийского Гросмейстера и о замене его Руанским Бальи. Только это еще не наверно.

Помнишь, мой друг, о знаменитом камне, привезенном в Петербург из Финляндии. Этот громадный камень, предназначенный для пьедестала статуи Петра I, не должен был обтачиваться, а между тем Фальконэ нашел его слишком большим для статуи, и велел уменьшить. Из этого вышли сплетни. Говорят, что Фальконэ боится, как бы пьедестал не привлек к себе большего внимания зрителей, чем самая статуя. Я не верю, чтобы он был способен на такую мелочность.

После ужина Нормандец говорил мне о своей любви к Шарлотте Бемер. Он желал бы избавиться от этой любви, так как Шарлотта кокетка. Ему не понравилось бы, однакоже, я полагаю, если бы кто-нибудь отбил ее у него. Это та самая девица, которую я видел прошлый раз и нашел похожей на м-ель Гурнэ. Нормандец сам признается, что он ревнив, так что он просто ее ревнует. Правда, что и он дает повод к ревности, расхваливая мне третью сестру, которую я еще не видал. Вот, мой друг, канва для приключений; но ты знаешь мои московские проекты и я подожду, чем они кончатся, прежде чем переходить к чему-нибудь другому. Кроме того, я не хочу серьезных связей, а это может кончиться чем-нибудь серьезным.

Среда, 10. — Ему же.

Вернулся от Лессепса, где ужинал. Это очень милые люди; тон у них несколько буржуазный — мы пели за столом — но зато весело, а это главное. Был один молодой испанец, который мне сообщил, что Нормандец каждый вечер бывает у Бемер; значит, я не ошибся, считая его влюбленным.

Сегодня утром у меня был маленький, толстенький, старенький человечек, болтун и очень живой. Это некий Дюменил, француз, которых здесь множество. Он состоит учителем у кн. Трубецкого, много путешествовал и хвастает большими познаниями в медицине.

Четверг, 11. — К м-ель де-Брессоль.

Вы — мой друг, моя поверенная и я вам хочу сообщить о двух новых моих знакомых. Первая — м-ель Пти, дочь француженки гувернантки в доме гр. Штейнбока; она сегодня обедала вместе со мною у бар. Нолькена. Это очень молоденькая, свеженькая и миленькая девушка, которой я старался понравиться, так как не могу жить без привязанности. Думаю пойти к ней, чтобы отнести кое-какие рисунки, в которых она нуждается.

Сделав несколько визитов, я провел прекрасный вечер у Бемер. Видел третью дочь, но все-таки предпочитаю вторую. Она пела итальянские песенки, причем становилась еще

привлекательнее. Хороший голос — это ведь очаровательный дар! Было довольно весело, с одной стороны — было много народа, с другой — мы занимались музыкой, а с третьей — передавая свечу, я воспользовался случаем поцеловать ручку, которую у меня не отняли. Будь я влюблен, так смелости бы не хватило.

Пятница, 12. — К маркизе Брэан.

Вы, сударыня, вероятно желали бы узнать о состоянии моего сердца, которого прежде были поверенной и вновь будете, так как я не боюсь экзамена. Вы знаете, как я страдал, расставаясь со всем, что люблю. Меланхолия моя продолжалась во все время путешествия и пребывания в Москве.

Меня старались встряхнуть, излечить мою тоску развлечениями, но возможно ли это без друга, без возлюбленной? Эти два рессурса явились, наконец, и я признаюсь вам, что жадно ими воспользовался. Молодая Нарышкина и гр. Андрей доставили мне утешение, которого можно ждать от любви и дружбы. Но первая давала пищу только моему воображению, так как на смутных соображениях ничего основать нельзя. В таком положении было мое сердце, когда я приехал в Петербург.

Сегодня я видел Нарышкину при дворе, где был бал по случаю Нового года. Во время танцев мы с ней разговаривали. Я ушел раньше всех, чтобы повидаться со Штелиным, секретарем Академии. У него я встретил сестру фрейлины Нарышкиной с гувернанткой м-ель Немир и чудаком, живущим у обер-шталмейстера, неким шевалье де-Менвиллье. Этот вечер для меня не прошел даром, вы увидите, к чему он приведет.

Суббота, 13. — К той же.

Сегодня мы были на прекрасном спектакле в Смольном монастыре. Воспитанницы представили *L'indiscrel* Вольтера, *Le Sorcier* и *Le Coq du Village*. Эти три пьесы и балет, данный в конце, прошли очень хорошо. Последняя пьеса было особенно пикантна, потому что в ней играли пяти, шести и семилетняя девочки. Я только не совсем доволен тем направлением, которое дается таким маленьким детям; вкус к удовольствиям и таланты, которые им прививают, могут быть скорее вредными, чем полезными для счастья небогатых молодых девушек. Но меня примирила с этим доброта Императрицы и радость воспитанниц. Все они казались одной семьей, а Императрица — матерью, ласкающею своих детей. Это вам должно доставить удовольствие.

Понедельник, 15. — К той же.

Сегодня я видел знаменитую конную статую Петра I. Это

лучшая из всех подобных, которые мне известны. Вы знаете споры, брань и насмешки, ею вызванные; могу вас уверить, что она заставит забыть все это. Я еще несколько раз пойду смотреть на нее, и только тогда дам вам подробный отчет.

Вечером я часа два просидел у Бемер. Положительно — младшая сестра прехорошенькая! Одно меня приводит в смущение: есть молодой человек, который в нее влюблен, который меня ей представил и с которым мы приятели. Как быть? Он очень ревнует ее ко мне, хотя и не признается в этом. Неужели отказаться от приятного знакомства? Или разорвать с человеком, которого уважаю? О женщины, женщины! Всегда-то вы служите причиною наших дурных поступков прежде чем составить наше счастье!

Вторник, 17. — К брату.

Сегодня, мой друг, в Петербурге происходила с большой помпой весьма смешная церемония благословения реки Невы греческим духовенством[48]. Прежде сама Императрица присутствовала при этом потешном обряде, все гвардейские полки в парадной форме и при оружии участвовали, вообще значение ему придавалось огромное. Народ толпами бросался купать детей в только что освященной воде, и эти несчастные становились, конечно, мучениками, так как ведь в это время морозы стояли здесь страшные. Сегодня, например, было –25°. Говорят, что церемония эта установлена в память крещения Иисуса Христа в Иордане.

Вечером сегодня при дворе ничего не было, друг мой, поэтому я отправился в немецкий театр, доставивший мне большое удовольствие хорошей игрой актеров, которых здешняя немецкая колония выписала на свой счет. Прекрасное развлечение, играют комедии и комические оперы.

Четверг, 18. — К брату.

Сегодня были большие похороны; хоронили вдову канцлера Воронцова[49]. Ты знаешь, мой друг, церемонию вручения паспорта мертвецу — паспорта, который должен быть представлен св. апостолу Петру — эта церемония еще проделывается здесь с точностью. Поэтому ты можешь судить о процветании философии в России, не дальше ушла она и по части нравственности.

Утром у меня перебывало много народа, и между прочим французов. Когда-нибудь я тебе дам отчет об них, но заранее предупреждаю, что этот отчет не будет особенно лестным для нашей национальности. Удивительно сколько сюда понаехало

различных проходимцев из Франции, они портят нашу репутацию и, взаимно обличая друг друга, заставляют нас прикрывать их мошенничество. Я еще не могу на это жаловаться, но должен соблюдать осторожность.

Суббота, 20. — К брату.

Время здесь идет несравненно скорее, чем в Москве. Общество в Петербурге разнообразнее и связи в нем больше, так как здесь много иностранцев и артистов. Мы, поэтому, не принуждены убивать время в разговорах друг с другом. Я хочу развлекаться, в этом состоит также и цель общества. Если оно этой цели не достигнет, то я предпочту жить в одиночестве.

Семья Бемер дает мне очень многое. Отец с матерью — добрые люди, живущие по добрым старым обычаям. В семье, три дочери, делающие ее пикантною. Младшая очень красива и обладает естественными манерами, свойственными немецкой нации. Вот у русских нельзя встретить ничего подобного; их вежливость, манеры, светский тон, все это — обезьяничание, нет у них ничего своего.

Другим ресурсом служит для меня англичанин Пиррот (Perraut), которого я встречаю у Бемер, он меня научит своему языку.

Воскресенье, 21. — К брату.

Сегодня я, мой друг, проклинал лень, помешавшую мне изучить немецкий язык. Был я при дворе, встретил там маленькую Нарышкину, которая сообщила, что едет в немецкий театр, я, конечно, отправился туда же, но Нарышкиной там не было, также как не было и оперы, а играли только две комедии и я страшно скучал, не понимая языка.

Оттуда отправился к Штелину, где надеялся по крайней мере встретить гувернантку (м-ель Немир), и опять ошибся в рассчете. Познакомился с сыном Штелина, очень хорошим малым. Мы толковали о рисунках, гравюрах и проч. Он показал мне рисунок маркиза Блоссэ[50], сделанный тушью. Мы решили вместе работать, он мне покажет свой способ, а я ему — свой, и, таким образом, оба мы усовершенствуемся.

Прощай, мой друг, иду ужинать к Ивану Чернышеву, где всегда скучаю: вельможи утомляют.

Вторник, 23. — Маркизе де-Брэан.

Вы может быть думаете, сударыня, что в России заботятся только о подготовлении воинов и хороших хозяек? Вы полагаете, вероятно, что в этой новой стране начинают с применения

великих принципов воспитания, с того, чтобы внушить молодым людям обоего пола великие нравственные добродетели, а затем светская жизнь и путешествия дают им тот лоск, который необходим для жизни? Я думал также, но, сударыня, я ошибался. Сегодня я видел, как молоденькие воспитанницы монастыря, подобного нашему Сен-Сирскому, представляли комедию и комическую оперу не хуже наших парижских дам. Хорошие музыкантши, хорошие актрисы, прекрасные танцовщицы, очень мило поддерживающие разговор, они уже ничему больше не могут научиться в свете. Но на приобретение всех этих совершенств нужно много времени, так что вы, пожалуй, подумаете, что воспитанницы монастыря предназначаются к жизни исключительно светской, рассеянной. Я справился на этот счет и узнал, что они напротив того все очень не богаты, и что их таким воспитанием думают вознаградить за недостаток средств. Хорошо вознаграждение — привить вкус к удовольствиям тому, кто не в состоянии будет ими пользоваться!

Среда, 24. — К брату.

Хоть я и дипломат по профессии, но не могу же я сделаться таковым до мозга костей и стать равнодушным даже к скуке. Сегодня я обедал у гр. Ивана Чернышова и чуть не умер с тоски. Жена его положительно глупа, а сам он хотя не глуп, но хуже того: он — в полном смысле слова придворный и потому в их доме царствует невозможная натянутость, хорошо, что гр. Андрей, сидевший рядом со мною, несколько скрашивал мое глупое положение. Мы с ним много говорили и составили проект совместной жизни в Париже, через несколько лет. Вечером он меня сводил к очень милой даме, г-же Зиновьевой, жене русского посла в Испании[51]. Я думаю воспользоваться этим знакомством; она умна и обладает, я полагаю, впечатлительным характером.

Пятница, 26. — К брату.

Наконец я, как и все, заплатил дань климату, мой друг — вернулся домой сильно простудившись. Сегодня у нас 21° мороза; это такой холод, о котором во Франции не имеют понятия. Я вышел в полдень, чтобы сделать несколько визитов и потом отправиться на обед в кадетский корпус к Рибасу[52], итальянцу, очень хорошему и весьма образованному молодому человеку, управляющему этим учреждением. После обеда пришло много молодых людей его учеников, очевидно хорошо воспитанных и развлекавших нас музыкою. Боюсь только, как бы множество предметов, ими изучаемых, не мешали друг другу, и как бы изящная часть воспитания не вредила существенной. Между

прочим видел одного двадцатилетнего кадета, который говорят, будто бы прекрасно играет, хороший актер, превосходно рисует и притом замечательно скромен. Я постараюсь узнать имя этого молодого человека, так же как и другого, которого считают сыном Императрицы[53].

Суббота, 27. — К брату.

Было много посетителей и между прочим был шевалье Козимо Мари, итальянец из Пизы, путешествующий для собственного удовольствия. Наружность его проста, но разговор богат содержанием. Сразу видно, что он итальянец (ты смеешься, но ведь это правда) — большой нос и главным образом акцент выдают его. Он близок с Орловыми и особенно с Алексеем, откуда извлекает выгоду. Мы говорили о счастье, возвысившем Орловых, и о неразрывной связи, которая их соединяет и поддерживает.

Ты помнишь, милый друг, что в 1771 г. Григорий Орлов[54], тогдашний фаворит, благодаря козням гр. Панина, был деликатно удален от двора и впал бы окончательно в немилость, если бы брат его, Иван, не сделал бы всего, что было в силах, для того, чтобы оправдать его в глазах Екатерины II и опровергнуть внушенные ей несправедливые предубеждения на его счет. Тогда она самым любезным образом вернула его ко двору (мне обещали достать письмо ее по этому поводу). Вернувшись в конце 1771 г., Орлов осыпал своих врагов милостями: Панина сделал фельдмаршалом и проч.; но для того, чтобы восстановить расстроенное здоровье, он принужден был вновь уехать за границу — (в Италию, в Германию) и ездит до сих пор, хотя должен вернуться скорее, чем думают. Вот, мой друг, что рассказал мне шевалье Козимо Мари. К этому он прибавил, что Григорий Орлов женат на Императрице, что фавор его еще не кончился и что фавор Потемкина — его креатуры, и креатуры неблагодарной — продолжительным быть не может. Потемкин, однакоже, недавно получил от Императрицы 16 000 душ крестьян, что может дать ему ежегодно по пяти рублей с души. Говорят, однакож, что это подарок есть признак отставки. Уж не знаю, мой друг, должен ли я верить всему, что рассказывал мне мой итальянец, друг Орловых. Поживем — увидим.

Понедельник, 29. — К брату.

Гр. Сакромозо вчера откланялся Ее Величеству, которая подарила ему превосходную табакерку, осыпанную бриллиантами, и кроме того 5000 рублей, сумму, получаемую всеми посланниками, хотя Сакромозо и не играл никакой политической роли. Он немедленно уезжает в Варшаву. Это очень

достойный и любезный человек, весьма образованный, философ и чрезвычайно приятный в обращении.

Сегодня приехал Штакельберг, русский посланник — а за последние шесть месяцев уже посол — в Польше. Должно быть дело идет о каких-нибудь соглашениях с поляками, если только не помешает приезд принца Генриха[55], так как Императрица питает наилучшие намерения и готова, поступиться той частью Польши, которая досталась ей по разделу. Король Прусский[56] будет тогда в большом затруднении.

Вторник, 30. — К брату.

Я все-таки сижу дома из-за своей простуды, но зато, мой друг, меня стараются развлекать визитами. Есть здесь некий Дюбрейль, французский дворянин, настоящее имя которого — д'Аржье. Он занимается лечением зубов. История этого человека — целый роман. По бумагам он принадлежит к хорошей фамилии, но не совсем благоразумное поведение заставило его уехать с родины. Дело в том, что он, прокутив большую часть своего состояния, пошел в монахи, или по крайней мере в послушники, а затем бежал в Голландию, где наш посланник, де-Ноайль, заставил его выучиться ремеслу зубного врача, которым он здесь и промышляет. Наивнейшим образом рассказав мне все свои дурачества, сообщив (под секретом) настоящее имя, он привел ко мне еще одного господина, учителя у Неплюевых (Neplouviof). Этого зовут Брэан-де-Фурнель; он служил в королевской лейб-гвардии, потом был лейтенантом в пехотном полку, откуда перешел в Польшу, где познакомился с ген. Бибиковым, который и привез его в Россию. Де-Фурнель — человек высокого роста. Худой, очень развязный, но вполне приличный. Он хорошо говорит и может быть мне полезен. Он заметил, что я увлекаюсь фрейлиной Нарышкиной и шутил над ней по этому поводу. Она добродушно отшучивалась и велела мне кланяться и передать, что заметила мое отсутствие на куртаге. Не правда ли, этот де-Фурнель — преполезный человек?

Среда, 31. — К брату.

Я был прав, мой друг, обращаясь с Фальконэ осторожно. С притязательными людьми нельзя иначе; надо действовать на их слабую сторону, то есть на тщеславие, что я и делал. Имея дело с неглупым человеком, однакоже, я понемножку забирал его в руки. Сначала говорил с ним об искусстве; потом взял на прочтение его перевод Плиния, доставивший мне большое удовольствие; хотя читал я его вовсе не ради этого, а ради того, чтобы мог говорить о нем, что мне и удалось. Вот Пюнсегюр тоже

прочел эту книгу, но не воспользовался ею таким же образом, а потому наслушался от автора очень неприятных вещей! Этот Фальконэ — большой оригинал, ужасно требователен и уж не пощадит коль ему попадешься. Претензии свои он прикрывает скромностью, как Диоген лохмотьями свою философскую гордость.

Февраль

Четверг, 1 февраля. — К брату.

Сегодня утром у меня был шевалье де-Сэрест, живущий у князя Трубецкого. Это тоже француз, которых здесь развелось столько же, сколько насекомых в жарких странах. Затем пришли итальянцы, Мочениго и Козимо Мари. Причем я с грустью узнал, что последний тотчас же уезжает. Впрочем мы еще успеем потолковать до его отъезда.

К обеду явился барон Нолькен; он рассказывал о простоте шведского двора, особенно в деревне — все имеют право садиться при короле и королеве. Вообще простота, введенная теперешним королем, равно как и его личный характер, делает, должно быть, жизнь очень приятной.

Сойдя к себе, я был очень удивлен появлением Порталиса. Мои московские связи с ним, его романтические приключения, в которых и я участвовал, слухи, которые здесь о нем ходят, все это делало мое положение затруднительным и я нашел средство от него избавиться. Я дал понять Порталису, что он напрасно приехал в Петербург и что я попросил бы его не приезжать, если бы не было уже поздно. Он понял меня с первого слова и заявил, что готов уехать и сделает это завтра же, оставив мне сто рублей для уплаты некоему Роже-де-Фревилю, особенно дурно о нем отзывающемуся. Я, признаюсь, не ожидал такого счастливого исхода, выгодного для меня и для него, так как дела его пойдут от этого лучше. Кроме того, благодаря такой решительности, я стал относится к нему с большим уважением, так как она всегда служит доказательством сильного характера. Он рассказывал, что в Москве ходят слухи об удалении Потемкина и возвращении Григория Орлова.

Суббота, 3. — К брату.

Говорят, что Бецкий[57] жалуется на Фальконэ за то, что тот обтесал знаменитый камень, предназначенный для пьедестала статуи Петра I. А дело в том, что этот громадный монолит, по прибытии в Петербург, оказался длиною в двадцать футов и притом по форме не соответствовал идее Фальконэ. В

натуральном виде он не мог служить статуе пьедесталом, не убивая ее своей величиною. Кроме того вершину его следовало превратить в наклонную плоскость, а на ней, еще до перевозки, говорят будто бы от удара молнии, образовалась косая трещина. Фальконэ воспользовался этой трещиной для того, чтобы образовать наклонную плоскость, и снятый с вершины кусок притесал к задней части камня, кончавшегося некрасивой впадиной. Все это и подало повод клеветать на Фальконэ, говоря, что он уменьшил камень назло Бецкому. Вот как клевещут, особенно в этой стране! Я хотел разъяснить это дело, в чем и успел, по крайней мере, перед шевалье де-Ласкарисом[58], который добыл камень и которому, стало быть, принадлежит вся честь, а вовсе не Бецкому. Да Ласкарис и не был в претензии на Фальконэ, с которым он в большой дружбе. Я с ним говорил; он напротив того негодует на злобу и несправедливость, заедающие здесь иностранные таланты, без которых русские не могут обойтись, но к которым они относятся с ненавистью, по причине своей зависти и мелочности. Фальконэ должен рассказать мне все радости Бецкого, который, не смотря на созданные им учреждения, на свою спесь, все-таки ничтожный человек.

Воскресенье, 4. — Маркизе Брэан.

Нет, сударыня, что бы вы ни говорили, я не влюблен. Ну, конечно, я не претендую на полный индифферентизм к красоте и грации, точно так же, как не желаю казаться равнодушным к впечатлению, которое сам произвожу на лица, мне нравящиеся. Но, я вас спрашиваю, разве этого достаточно, чтобы считать меня влюбленным? Это просто некоторого рода кокетство по отношению к вышеупомянутым лицам. Как женщина, вы меня понимаете, конечно и прекрасно знаете, что такое позволительное кокетство, общее нам с прекрасным полом, очень еще далеко от любви. Таковы чувства, сударыня, которые я испытываю к Шарлотте Бемер и Наталье Нарышкиной (я ее буду называть просто Натальей, если придется говорить о ней с вами). В моих отношениях к последней, есть, пожалуй, нечто более пикантное, зависящее от самолюбия, но Шарлотта внушает мне чувство более глубокое, более нежное и более похожее на дружбу. Но есть ведь и другое чувство, хотя более определенное, но и труднее определимое; это чувство также мне знакомо, я его забыть не могу… Это чувство я питаю к вашей сестре, к избраннице, и его я храню в глубине души моей.

Сегодня, сударыня, я вновь нашел друга, оставленного мною в Москве; он сегодня приехал. Это — принц Ангальт. Я нарисую вам его портрет, так как привык искать соотношения между

внешним видом и душою лиц, которых люблю; физиономии, по моему, вовсе не случайны. Ангальту 34 года; он среднего роста, но хорошо сложен, очень ловок, обладает благородной, военной осанкой и головою, похожей на голову принца Конде. Лицом он не красив, но лучше всякого красавца, потому что лицо его очень выразительно. Привычка жить в свете сделала его искусным болтуном с женщинами. С вами, сударыня, он был бы более глубок, чем блестящ. В мужской среде он говорит о политике и военном деле, составляющем ремесло, которым он вполне владеет. Такая универсальность делает его годным для всякого общества и всем он нравится. Изучая его характер, я нашел в нем более философского настроения, чем ожидал встретить, более естественности, чем светский человек может сохранить, что и заставляет меня думать о нем, как о человеке, обладающем мужским величием души при впечатлительности и чувствительности нежной женщины.

Я забыл, сударыня, что должен еще дать вам отчет о моем времяпрепровождении. Сегодня я обедал у гр. Потемкина; он нам показывал картинную галерею Императрицы, в которой много картин, но они плохо расположены. Галерея слишком узка, так что не хватает места для того, чтобы хорошо видеть, затем свет идет не сверху, не так, как в Кассельской галерее, а через обыкновенные окна. Между прочим, я нашел там Грезовского *Паралитика*; он выцвел, потерял весь эффект и теперь ничего не стоит. Затем нам показали Эрмитаж; это маленькие интимные апартаменты Ее Величества, в которых, во время ее там пребывания, царствуют полнейшая простота и свобода — всякий садится, где хочет; правила свободного поведения написаны даже на особой доске, при входе в Эрмитаж, но они носят такой авторитетный характер, что поневоле должны стеснять свободу. Впрочем, вы знаете, сударыня, что действительность вообще часто замаскировывается иллюзиями. На камине, в одной из комнат Эрмитажа, я с удовольствием увидал мраморный бюст Дидро работы м-ель Колло, ученицы Фальконэ; он очень похож и хорошо выполнен. Рядом с Эрмитажем имеется зимний сад. После осмотра, мы слушали концерт, в котором участвовал знаменитый Ноллэ, приглашенный сюда за 400 р. в год. Игра этого виртуоза удивительна, но он не трогает, и это уж не в моем вкусе.

Для того, чтобы отдохнуть от величия, я отправился вечером к Бемер, где видел г-жу Зиновьеву, у которой мы должны быть в следующий четверг. Была там также некая фон-Визина (von Viesen), молодая женщина, муж которой, по-видимому, очень образован.

Понедельник, 5. — К брату.

Сегодня утром, мой друг, я водил к Фальконэ кавалера Казимо Мари. Статуя ему очень понравилась, а суждением итальянца пренебрегать нельзя. Увидав голову лошади Марка Аврелия, слепок которой стоит в мастерской Фальконэ, тот же итальянец осуждал это произведение искусства, которое столько людей восторженно хвалят. На этот счет я в сущности согласен с Фальконэ, когда у него хватает смелости критиковать античную скульптуру[59]; мне хотелось бы только исправить его насмешливый тон, не подходящий к данному случаю.

Были мы на большом званом обеде у гр. Сольмса; видели там двух поляков, приехавших со Штакельбергом, русским послом в Польше, которого недавно сделали графом Римской Империи (Saint-Empire). Один из этих поляков, граф Пшездецкий (Pizedtziecki) — очень достойный молодой человек, а другой граф Унрух (Unruch) — кавалер русского ордена Св. Анны 1-й степени, что уже ясно показывает его образ мыслей. Был еще какой-то камергер, имени которого я не знаю. Сам Штакельберг очень любезен; он обладает светскими манерами и, не смотря на свой малый рост и толстоту, весьма презентабелен.

Среда, 7. — К брату.

Я полон энтузиазма и почтения, мой милый друг! Знаешь ли ты, что я видел, к чему прикасался? К шпаге Петра I! Я видел восковое изображение этого героя, этого великого человека, управлявшего дикарями. Как бы он был удивлен, найдя, что они, за семьдесят три года, так мало подвинулись вперед! Изображение Петра Великого находится в Петербургской Академии Наук, которую он построил. Царь представлен сидящим в том самом кресле, в котором давал аудиенции, и в своей обычной позе — высоко подняв голову, руки на подлокотниках кресла, а на лице выражается величие и энергия, свойственные монарху и гениальному человеку. Изображение, как я уже говорил, вылеплено из воска и моделировано по его трупу. На нем надет парик, сделанный из собственных волос Петра, и голубой, градетуровый, шитый серебром костюм — единственный парадный костюм, который он когда-либо носил, вышитый фрейлинами его двора. Поверх костюма — серебряный пояс; ноги — в красных чулках и в таких грубых башмаках, что наши слуги, в праздник, их бы не надели. Мне показывали будничные его шерстяные чулки, заштопанные на пятках. Я видел также матросский костюм, который Петр носил в голландских корабельных мастерских; и я пожалел Россию за то, что великий ее государь был более властителем, чем философом, и не

постарался создать нацию прежде, чем сделать ее цветущею; но в те времена вся Европа заботилась больше о величии, чем о философии; он разделял ошибки своего века: царствование Людовика XIV ослепило и обмануло его.

Я вхожу в такие подробности, милый друг, потому, что считаю важной всякую мелочь, напоминающую и великом человеке. Пойдем далее. В этой Академии, которую я сегодня утром осматривал вместе с Козимо Мари, много различных зал. Мы начали с библиотеки, немножко низковатой. В ней 40 000 томов, из которых 14 600 отняты у кн. Радзивила[60] в Польше. Нам показывали первую книгу, напечатанную в Москве в 1562 году. Печатали сами русские; шрифт их довольно чист и краска хороша, но прекрасная, плотная бумага выписана из Англии, как мне говорили. Нам показывали также первую историческую летопись России, написанную одним киевским монахом в конце десятого столетия. В ней встречаются сделанные пером разноцветные виньетки, по красоте рисунка удивительные для того времени, когда искусство было в упадке даже в Италии. Кажется, Жерар, из Министерства Иностранных Дел, перевел ее на немецкий язык. Автором этой летописи, написанной должно быть по-славянски, был монах, по имени Нестор.

Обедал я с маркизом, и заметил, что Пюнсегюр с ним в ладах. Они о чем-то потихоньку разговаривали. Я этой интимности не завидую и она меня не беспокоит, так как разговоры таких лиц не могут быть особенно интересными. Но это все-таки прибавляет маленькую черточку к изображению характера маркиза; он меня уважает, даже, пожалуй, боится, так как, передавая другим, никогда не выбирает меня в свои поверенные. Да и в самом деле, какое доверие может существовать между двумя лицами, до такой степени отличающимися друг от друга по характеру, вкусам и чувствам? Мы с тобой более сходимся, милый друг, и на этом основана наша дружба, которая умрет только вместе со мною.

Четверг, 8. — К брату.

Принц Ангальт, о котором я тебе говорил, мой друг, дал мне следующее доказательство своего доверия.

Я уже тебе говорил о его московской любовной истории. Его очень интересовала молодая Плещеева, но он ей не открывал своих чувств и полагает, что они ей неизвестны. Между тем подруга этой девицы влюбилась в принца и, подозревая его любовь к Плещеевой, сделалась задумчива и печальна. Ангальта об этом предупредили и он стал обращаться с нею дружески, конечно, больше из сострадания, чем по чувству. Но любовь сильна; девица подумала, что принц ее любит и молчит только из

скромности. Между тем ему пришлось уехать, что вызвало с ее стороны нервные припадки. М-ель Плещеева говорила с принцем о своей подруге, упрекала его в обмане, в старании зажечь в ее сердце бесплодную страсть. Принц не сказал ей настоящей правды и уехал из Москвы в убеждении, что Плещеева не только не разделяет его чувств, но даже считает его легкомысленным и фальшивым человеком, играющим женщинами. Он боится потерять даже ее дружбу. Между тем княжна Дашкова, которая любит Ангальта, стала ревновать, что еще увеличило недоразумение. Эта путаница довольно забавна, но действующим лицам от того не легче. Я был очарован доверием, которое оказал мне принц в данном случае. Затем мы потолковали о масонстве, причем он мне сообщил главное слово (mot principal). Во всей Германии только три ложи, поочередно поставляющие гроссмейстеров.

После обеда был у кн. Голицина, где происходила репетиция; мне дали роль графа д'Ольбан. Много разговаривал с графиней Матюшкиной (Matouchkin) и княжной Трубецкой, которая очаровательна. Под видом дружбы, они терпеть не могут друг друга. Воображаю, как это будет забавно. Часть вечера пробыл у Зивновьевой, а ужинал у Бемер.

Пятница, 9. — К Маркизе де-Брэан.

Как я предвидел, сударыня, доверие барона Нолькена имело своекорыстную подкладку, он не составляет исключения из общего правила. Нолькен влюблен и нуждается в поверенном, которому мог бы открыть свою душу. Предмет его страсти — особа лет семнадцати, не более; ее здесь нет, но он рассчитывает на ней жениться. Вчера он с восторгом объявил мне, что уверился теперь в ее любви. Желаю ему быть счастливым, потому что он очень хороший человек. Только я его всегда считал слабым, а это может помешать счастью.

Обедал самым буржуазным образом у м-м Пти. Вечером был на придворном спектакле; давали *Нанину*, по-русски. Я все время проговорил с княжной Трубецкой, очень любезной, молоденькой и хорошенькой особой. Так как я ни в кого здесь не влюблен и не желаю влюбиться, то ищу интрижек; они забавляют сердце и таким образом удовлетворяют часть его потребностей.

Суббота, 10. — К брату.

Сегодня я, мой друг, в другой раз был в Академии Наук. Нам показывали медали и монеты. Последних особенно много. Между ними много арабских. Видели медаль, выбитую в Париже, в честь Петра I, когда он был на монетном дворе. Видели много медалей

с изображением патриархов. Есть превосходные антики, найденные в татарских гробницах, в северной части Сибири, между Камой и Самарой. После этих редкостей нам показали превосходный кубок, подаренный жене Петра I датской королевой, сделанный из чистого золота и украшенный дорогими каменьями, резными камнями и прекрасными антиками. Осматривали также коллекцию естественной истории — мраморы, камни и руды сибирские. Есть там кусок серебряной руды из Норвегии, подаренный Петру I. Этот кусок так хорош, что из него прямо штамповали монету, не переплавляя — до того чист металл.

Окончили мы свой осмотр глобусом одиннадцати футов в диаметре. Внутри он пуст, и в этой пустоте может поместиться до двенадцати человек. Мы все входили и нас вращали, подражая движению земли.

Вечером, или лучше сказать, после обеда, я был у Бемер и у голландского резидента (Сюарта). Затем был ужин у маркиза и репетиция двух пьес, которые пойдут на его домашнем театре, в присутствии великого князя. По этому поводу вышла история. Маркиз пригласил к ужину всех дам как актрис, так и прочих, мужчин же только тех, которые в пьесе участия не принимали, для того чтобы они приехали только на ужин, на репетицию же не попали. Между тем мужчины-актеры оказались приглашенными только на репетицию, а об ужине в их билетах упомянуть позабыли. Эта неловкость не помешала, конечно, большинству актеров остаться ужинать, но двое из них, Кошелев и Мятлев, обиделись и уехали. Графиня Матюшкина тоже не была, потому что мать ее не пустила, боясь сближения с Кошелевым, в которого, говорят, молодая графиня страстно влюблена. Их роли были прочтены другими и репетиция все-таки состоялась. Затем очень весело поужинали. Я ухаживал за княжной Трубецкой, хорошенькой, любезной и очень разговорчивой.

Воскресенье, 11. — К брату.

Утром были при дворе. Я там видел нового фаворита, кабинет-секретаря Завадовского[61]. Он красивее Потемкина, а самым существенным обладает в высшей степени (le plus essential il le possede eminemment). Фавор его, однакоже, не решен окончательно. Правда, таланты его были уже испытаны в Москве, но Потемкин, который, говорят, гораздо лучше распоряжается временем, все еще в силе. Не дальше как сегодня, Ее Величество с ним перемигивалась (a fait des mines d'intelligence), а что еще важнее — он получил командование полком. Завадовский, стало быть, только игрушка. Забыл тебе сказать, что сегодня утром я

был очень удивлен визитом г. Сэреста, мужа гувернантки кн. Трубецкой. Он мне наговорил множество комплиментов от имени этой молодой особы, как она хорошо провела время за ужином, как я был весел и любезен с нею и проч. Затем он прибавил, что я могу видеться с нею у его жены и что это будет очень приятно. Я тоже так думаю и не замедлю воспользоваться предложением.

Среда, 14. — К брату.

Вместо ужина с танцами, как предполагалось, завтра у нас будет настоящий бал, даже с фрейлинами, что уж из ряда вон, так как маркиз не имеет жены; но Императрица сказала, что он не ребенок и что она с удовольствием позволит своим фрейлинам потанцовать у него.

Сегодня утром был прием у великого князя по поводу орденского праздника св. Анны. Народу было немного. Маркиз ограничился тем, что послал меня. А тем временем с Пюнсегюром случилась история; экипаж его заехал в какое-то запретное место; лакея взяли на гауптвахту; Пюнсегюр вышел, нашумел и даже стал драться. В конце концов он дал денег и дальнейших последствий история не имела.

Обедал у французского консула и проскучал ужасно. Кроме его жены, никого не было. Не зная о чем с ней говорить, я стал расспрашивать о Гамбурге, где она прежде жила, и узнал, что это очень хороший город, что там двадцать тысяч жителей и общество чисто-купеческое, а французский консул получает тридцать тысяч франков и проч. Вечер провел у Бемер, где передразнивал Комбса. Когда мы приехали, там был Нормандец, который ушел через три четверти часа. При этом я заметил, что Шарлотта при нем была очень сдержанна, а потом развеселилась. Это доказывает, что его щадят. Она мне подарила портрет или изображение Императрицы, сделанное из фарфора, в роде медальона.

Четверг, 15. — К жене брата.

Сегодня утром мы с принцем Ангальтом ездили по городу. Он говорит, что Императрица дала Елизавете Романовне Воронцовой[62], бывшей любовнице Петра III, 45 000 р. для уплаты долгов, очень любезно попрекнув последнюю за то, что она, будучи в нужде, не обратилась прямо к ней. Даже выкупила за 15 000 ее заложенные бриллианты. А в то же время Екатерина отказалась дать двести душ ее сестре, Екатерине Романовне, княгине Дашковой, которой была обязана короною. У нас в посольстве был бал. Двадцать семь танцующих барышень, а кроме того их матери. Все прошло прекрасно и я очень веселился.

Ухаживал за кн. Трубецкой, самой хорошенькой и любезной из здешних девиц. Я был удивлен, дорогая сестра, ее сходством с вами. Я танцовал почти только с ней одной, а во время ужина стоял за ее стулом и забавлял разговорами. На балу, фрейлина Наталья Нарышкина, в которую я — должен вам признаться — был несколько влюблен, заметила мое ухаживанье за Трубецкою, и это меня очень поразило. Во время танцев она меня выбирала, за ужином просила подавать то то, то другое, но эти маленькие отступления не задерживали меня надолго и я возвращался к Трубецкой, так как был бы очень рад завязать с ней интрижку, что, по-видимому, не невозможно. Не сердитесь, я ведь не влюблен и потому мне позволительно быть непостоянным.

Должен вам сказать, что здесь есть одна семнадцатилетняя особа, которая от всей души желает мне добра. Об имени ее я умолчу, но не хочу делать тайны из благосклонности, которую она мне оказывает. Между нами говоря, благосклонность эта не заключает в себе ничего пикантного, потому что особа некрасива. Между тем, я не упускаю случая ухаживать за нею. Нравиться женщинам очень полезно. Ухаживанье за одною привлекает к вам сердца многих. Это правило не в вашем вкусе, дорогая сестра, но я еще раз повторяю, что не влюблен!

Пятница, 16. — К брату.

На балу мы не очень устали, милый друг, так как танцы кончилась в час. У фельдмаршала Голицина была репетиция. Я там обедал рядом с тем семнадцатилетним божеством, о котором писал твоей жене, и уж конечно не потерял времени! Она меня пригласила к себе и я думаю, что дело скоро будет сделано. После обеда репетировали «Нанину»; вышло плоховато, а между тем хотят играть в понедельник.

Ужинал у гр. Чернышовой; за ужином муж ее говорил о величественном виде Императрицы, когда она надевает парадный костюм; это по поводу портрета, который теперь пишет Ролэн. Говорят, что осенью, во время аудиенции турецкому послу, на платье Императрицы, помимо драгоценных камней, было 4,200 крупных жемчужин прекрасной воды. Чернышов говорил также о дворе Петра Великого и о знаменитом Лефорте, который, по его мнению, только тем и отличился, что познакомил царя с неким Циммерманом, булочником, кажется, который когда-то работал на голландских верфях, где, между прочим, построил маленькое парусное судно, посланное затем в Петербург и валявшееся на чердаке. Циммерман его исправил, или выстроил другое по той же модели. Сначала это суденышко было испробовано на Измайловском озере, в нескольких верстах от Москвы, а потом

переведено в Ростов, куда Петр отправлялся под предлогом богомолья, так как тогда приходилось тратить три недели на поездку, которая теперь совершается в пять дней.

Это суденышко сохраняется в особом доме; для того, чтобы его видеть, надо из уважения оставлять в прихожей шпаги, шляпы и палки. Оно помещается в жестяном ящике; а когда, при разных торжествах, его спускают на воду, то в нем едет сама Императрица, а гребут только первенствующие в государстве лица. Эта помпа и этот национальный энтузиазм, проявляемый в делах, интересующих всю нацию, мне очень нравится, милый друг; но как все-таки эта нация далека от того возвышенного и благородного энтузиазма, который мы видели во Франции, и которому удивляемся в Англии!

Гр. Иван Чернышов рассказывал, по поводу воскового изображения Петра I, стоящего в Академии, что кадеты, по собственному почину, спасли эту драгоценность от пожара, вынеся ее на лед Невы и окружив плотной цепью.

Суббота, 17. — К брату.

Сегодня я превосходно пообедал у Рэмбера. Он живет здесь уже около двадцати лет и содержит один из самых крупных, французских, торговых домов. Я кажется говорил тебе о нем. Он не простой негоциант, а философ, политик и поклонник литературы; из этого описания ты можешь видеть, что Рэмбер не ханжа. Он давно уже живет с женщиной, которая прежде была его любовницей, а теперь осталась его другом. Прежде ее звали Бильо, а теперь зовут м-м Бувильон. Когда-то она была очень хороша, а теперь это очень веселая дама, хорошая хозяйка и прекрасно знает город, то есть, где что можно найти и проч. От них я заехал к шев. де-Сэрест, с его хорошенькой женой. Он меня представил кн. Трубецкому, который принял меня в халате и ночном колпаке. Это добрый малый, не интриган, не гордец, не придворный, не кабинетный человек и не светский; живет для того, чтобы жить, и больше ничего. Уже по наружности видно, что он такое; толстый, с большим брюхом и самой обыденной физиономией; по простоте одежды, по маленькой косичке, падающей на широкую спину, его сзади можно принять за небогатого нормандского помещика; а когда он повернется лицом, то по голубой ленте ордена св. Андрея вы увидите, что это — русский вельможа. Приходится пожелать, чтобы и все другие вельможи на него походили, так как он — прямой, честный и благородный человек.

Вторник, 27. — К брату.

Вечером 21-го, у кн. Голицина давали комедию. Я из любезности играл графа д'Ольбана. В числе зрителей присутствовал великий князь с женой. Нет ничего милее этой пары. Великий князь сказал мне, что надеется на мой переход в его труппу. Я бы не прочь, пожалуй, но думаю, что Императрица, у которой нужно просить позволения, не разрешит. Гр. Андрей предупредил меня об этом и сказал, что их высочествам будет очень досадно, если дело не состоится.

В пятницу был бал. Я много раз танцовал с княжной Трубецкой, разговаривал и почти весь вечер провел с нею. Меня считают влюбленным, а я нахожу ее очень милой, живой и пикантной; особенно хорош у нее звук голоса, а также нежный взгляд.

Прошлое воскресенье при дворе был маскарад, на котором я также очень долго пробыл с нею, а при разъезде уступил ей свою карету, почему должен был оставаться до самого конца бала, и вышедши последним вместе с дежурным офицером, с которым, к счастью, знаком. Это был Измайлов. Он меня провел на гауптвахту, тут же, во дворце; она очень напоминала гауптвахты французской гвардии в Версали.

Забыл тебе сказать, что в четверг 22 мы с Пюнсегюром были приглашены к великому князю на спектакль, причем ужинали за одним столом с их высочествами. Играли «La coquette corrigee» и «L'Anglomanie». Тот же спектакль был повторен 24. В воскресенье 25, которое у русских является последним днем карнавала, мы присутствовали на маленьком празднике, который был дан Иваном Чернышовым для их высочеств. Наши декорации были перенесены на этот случай в дом Чернышова, где их поместили в темной комнате, отделенной от зала перегородкою, покрытой картинами. По данному сигналу, перегородка эта раздвинулась и открыла освещенную сцену. Давали «l'Esprit de contradiction», где я играл роль Тибодуа, и с большим успехом, против ожидания, так как ты знаешь, милый друг, что эта роль не из моего репертуара. Но я вспомнил, как ты ее играешь, и насмешил всех. На мне был надет один из костюмов маркиза, шитый золотом по старинному, большая подушка играла роль брюха и я стал неузнаваем; только по голосу и отличали. После пьесы мы дали пословицу Кармонтеля: «La rose rouge», где Пюнсегюр прекрасно сыграл живописца, а я — скупца, настолько же худого, насколько был толст в предыдущей пьесе. Их высочества наговорили мне много комплиментов. За пословицей последовали прехорошенькие куплеты, сочиненные Комбсом; они тоже имели большой успех и автор был представлен великой княгине, у которой целовал руку. Вообще премилый вышел праздник; их

высочества были так милостивы, что всех очаровали.

Русский карнавал кончился, однакоже, только для русских, а иностранцы праздновали еще понедельник и вторник; для них был устроен публичный маскарад у Бертолотти; понятно, что и русские не воздержались от посещения этого маскарада, но они были в масках, во избежание штрафа в 20 рублей.

Князь Григорий Орлов уже восемь дней как приехал сюда. Это очень красивый мужчина. Императрица сохранила к нему дружбу. В качестве фаворита (бывшего), он носит, в петлице портрет Ее Величества, так же, как Потемкин и все те, которые пользовались этим титулом и исполняли функции, дающие на него право. Не нравится мне это публичное доказательство отношений, которые должны оставаться только подозреваемыми. На втором спектакле у великого князя, где были Императрица, Орлов и Потемкин вместе, я с большим любопытством наблюдал за ними. Очень это было пикантно для зрителей. Я заметил, что царствующий фаворит не обладает такой уверенностью, как тот, который уж перестал царствовать.

Ты, вероятно, воображаешь, мой друг, что люди, так много суетящиеся ради удовольствия, стремятся отдохнуть или по крайней мере попользоваться удовольствиями менее суетливыми. Ты жестоко ошибаешься. Тщеславие, всем здесь управляющее, заставляет, помимо суеты публичной, принимать на себя еще частную. У великого князя был спектакль, так надо, чтобы и у нас тоже он был. Я не знаю нации, более подражательной чем русская, и нигде не видал таких придворных, как при русском дворе. Граф Иван Чернышов намерен составить труппу и предложил мне в ней участвовать. О выполнении этих новых проектов я тебе дам отчет.

Март

Вторник, 5 марта. — К брату.

Опять пропуск в моей корреспонденции — не писал с прошлого вторника, с 27 февраля. На другой день я ужинал у Петра Чернышова, где говорили о г-же Мусиной-Пушкиной, жене русского посла в Англии, только что выдержавшей операцию рака. Делал некий Тоди, и очень удачно. Удивительно храбрая дама. Она скрыла день операции от мужа, от друзей, от всех, кто интересуется ее здоровьем. Пока все идет хорошо, но окончательные результаты выяснятся только через шесть недель. Маркиз, мать которого умерла от этой болезни, говорит, что в возрасте г-жи Пушкиной всего можно бояться; по его словам, хорошо еще то, что у нее не было детей, но плохо то, что ей уже 37 лет. Рак у нее сделался два года тому назад, от толчка, полученного при лондонском дворе.

Все четверги, пятницы и субботы я ужинал у Бемер. Разговаривали о слухах про наши спектакли. Русские нас жестоко осуждают и Альбертина, вторая дочь Бемер, предостерегала меня насчет этих сплетен, которым я, однакож, никакой важности не придаю. Они доказывают только зависть и безсильную злобу русских; но все-таки я решился бы отказаться от игры, чтобы не давать пищи этим милым качествам, если бы не боялся казаться побежденным. Я буду продолжать играть, но постараюсь быть индифферентным к тому, что про меня говорят. Пюнсегюр, очень горячо к этому отнесшийся, так же, как гр. Андрей, удивляются моему хладнокровию, а я им сказал, что нахожу приятным сыграть что-нибудь мимоходом, но не хочу смотреть на игру, как на серьезное занятие. Ответ мой только увеличил их удивление, что и заставило меня объясниться с гр. Андреем, которому я сказал, что знаю сплетни, возникшие по этому поводу, и презираю их; что я никогда ни к кому не подслуживался; что Чернышов, уверяющий, будто бы мы уговаривали его дать спектакль, ошибается, так как у нас есть занятия и развлечения более интересные; что я, наконец, за себя, отказываюсь от участия в его спектаклях. Тем более, что он любит лесть, прибавил я. «Это правда, отвечал гр. Андрей, сам он всю жизнь был льстецом, а теперь желает, чтобы ему льстили». «Может быть, сказал я, но ему придется узнать, что есть люди никому не льстящие, и что я из их числа».

Боюсь, милый друг, как бы это откровенное объяснение не охладило ко мне гр. Андрея. Пусть оно будет пробой, которой я подвергаю его дружбу и образ мыслей. Надеюсь, что он выдержит

эту пробу; слишком уважаю его, чтобы думать противное, к тому же он кажется понял мои доводы и оправдал их.

Сюда прибыли посол императора кн. Лобкович и гр. Браницкий, великий гетман польский. Последний привез с собою гр. Потоцкого[63], который кажется очень образованным и любезным.

В воскресенье утром был выход при дворе, а вечером, вместо куртага, то есть бала или концерта, состоялась игра в карты, так как по причине поста другие развлечения не допускаются. Императрица находилась не в галлерее, а в той зале, где происходит целование руки. В этот день я ужинал у Ивана Чернышова, а на другой день у гр. Петра.

Забыл тебе сказать, что в среду был в ложе, управляемой генералом Мелиссино; он слывет за человека, обладающего высшими знаниями.

Шевалье Козимо Мари доставил мне следующие сведения о Барнаульских копях в Сибири:

«Барнаульские, серебряные и золотые прииски находятся на Змеиной горе. Чтобы добыть 1200 пудов чистого золота или серебра, нужно употребить миллион пудов руды. Жила идет диагонально, на глубине 120 аршин. Число рабочих на приисках доходит до 40 000; на расплату с ними идет медь, добываемая из руды. Для этой цели там устроен монетный двор, чеканящий ежегодно на 300 000 медной монеты, из коей 200 000 идут на уплату рабочим, а остальные 100 000, так же, как все золото и серебро, поступают в пользу казны. Но куда деваются эти металлы, ни в Петербурге, ни в Барнауле никто не знает».

Ужинал у Бемер. Шарлотта была очаровательна; хотя она и не совсем здорова, но природная веселость берет у нее верх над болезнью. Мы пели; за столом я сидел рядом с нею и дружески разговаривал. После ужина, зашла речь о гадании; я заявил, что буду гадать вместе с принцем Ангальтом и гр. Брюлем; она спросила, зачем такая компания и разве я не собираюсь гадать для себя отдельно; я ответил, что непременно буду. Затем я предложил погадать на ее счет, она согласилась, но не решилась задать вопроса, боясь, что «это будет слишком ясно». Затем мы немножко полюбезничали. Я сидел рядом с нею, держал ее руку в своих и мы обменялись нежными взглядами, но Шарлотта, не желая, должно быть, выказать своей чувствительности, вдруг встала. Я последовал за нею и мы стали разговаривая ходить по комнате, причем я узнал, что в свите принца Генриха прусского есть один офицер, который в нее влюблен, но которого она не любит, и что скорое его прибытие очень ее беспокоит. В следующий раз постараюсь это выяснить, но думаю, что Шарлотта

питает ко мне дружбу; по крайней мере очень бы желал этого. Желал бы, пожалуй, и большего, мой друг, потому, что в этой молодой особе все меня привлекает.

Среда, 6. — К брату.

Опять любовь, мой друг, опять интересные объяснения и с другой особою! Что ты скажешь? Не думай, однако, что я хочу похвастаться победами, а прежде выслушай. Пообедав у гр. Панина я отправился к великому князю, куда был приглашен на детский спектакль. Играли Alzire и l'Jndiscret, что мне не понравилось, так как совсем не подходит к детскому возрасту. После спектакля был ужин. Я сидел рядом с княжной Трубецкой, которую хвалил в своих к тебе письмах, находя, что она похожа на твою жену. Мы с ней все время проговорили. Эта молодая особа очень интересна, у нее живой, восприимчивый ум. Говорили мы о характерах; она, мне кажется, обладает характером чувствительным, и деликатным, но до сих пор развивала больше свой ум, чем сердце. Не знаю, что она думает о чувствах, но думаю, что остерегается их. Тем не менее она заметила, что я за ней ухаживаю, и, кажется, не особенно этим недовольна. Между прочим она мне сказала: «Думаю, что вы меня не любите, потому что заставляете очень много говорить, и я уверена, что нас уже осуждают». Ты не удивишься, милый друг, если узнаешь, что вечер показался мне очаровательным. Но я уже вижу, как ты считаешь мои измены. Подожди, мой друг, не осуждай так поспешно. Шарлотта внушает мне любовь, интерес и желания; кроме того, она похожа на избранницу. Княжна Трубецкая похожа на твою жену и напоминает мне ее; она очень умна, обладает нежными глазками и красивым личиком. Ну, что ты теперь скажешь? Я люблю все, что достойно любви.

Четверг, 7. — К брату.

Мы с Комбсом превосходно пообедали у Рэмбера. Толстая Билью меня потешала; но, надо признаться все-таки, что она умная женщина. Они недовольны Лессепсом и вполне основательно: это упрямый, ограниченный человек, которым командует жена. Говорили мы о Бэнаре Дюпли. Он приехал в Петербург из Пруссии с различными проектами.

Пятница, 8. — К брату.

Мне передали очень удачную остроту нашего военного министра, гр. Сен-Жермена; не знаю только, верно ли, это тебе лучше знать. Однажды, во время ужина с его величеством, королева стала, будто бы, бросать хлебными шариками в короля.

Последний, обратившись к военному министру, спросил у него, что бы он сделал, если бы в него стали стрелять ядрами. «Я заклепал бы пушку», — отвечал Сен-Жермен.

Знавал ли ты, мой друг, гр. Ранцау[64], который написал оригинальные мемуары и который сам стоит того, чтобы на него взглянуть? Я его разыскиваю; говорят, что он здесь.

В 4 часа у меня были принц Ангальт и граф Брюль; я нарочно вернулся от Панина, чтобы вместе с ними отправиться к аббату Паскини, где мы много говорили о герметических науках.

Суббота, 9. — К брату.

Сегодня утром, мой друг, я был с визитом у г-ж ***, о которых писал тебе недавно. Застал одну дочь, матери не было дома. Играли на клавесине, пели дуэты, разговаривали. Тон здешних девиц совсем не такой, как у нас во Франции; здесь говорят откровенно, и мне заявили, что желают выйти замуж за богатого старика, который бы умер поскорее и оставил жену свободною. А перед этим расхваливали французов и говорили, что очень их любят. Вообще, прямая атака, но я сделал вид, что не понимаю. Пришла мать и стала хвалить свою дочь. Впрочем, это очень добрая женщина; она глупа и слабохарактерна, но ведь и доброта чего-нибудь стоит, мой друг, особенно здесь, где она встречается так редко. Кроме того, дочь, по-видимому, получила хорошее воспитание, особенно по отношению к талантам: она хорошо играет на клавесине, поет и говорит по-итальянски, знает английский язык и любит литературу.

Четыре или пять месяцев тому назад, я говорил тебе о гр. Браницком, великом гетмане польском, который пробыл в Москве только три недели после нашего приезда. Я тебе отозвался о нем, как о человеке, преданном удовольствиям, и сказал, кажется, что он, благодаря неловкой, по обыкновению, рекомендации маркиза, принял меня очень холодно. Теперь он живет здесь уже дней пятнадцать и я у него был. По приему видно, что он переменил мнение обо мне, и я тем более был польщен, что русские, по его словам, наговорили ему про меня много хорошего. Можешь судить, как мне это было приятно. От него я отправился к г-же Нелединской, которая при ближайшем знакомстве много выигрывает. И физически и нравственно премилая женщина.

Воскресенье, 10. — К м-ль де-Брессоль.

Я здесь со многими познакомился. Сегодня меня представили кн. Щербатову[65], у которого я и обедал. Князь, кабинетный человек, литератор, пишет историю России. Он очень образован и, по всей вероятности, философ; поговорить с ним весьма

интересно. Оба они, с женою, люди слабого здоровья; жена едва успела оправиться от целого ряда родов. Это не делает дом их веселым; но с ними живет замужняя дочь, г-жа Спиридова (Spiritof), которая согревает семью своим присутствием. Пообедав у них, я отправился в Смольный монастырь — учебное заведение для девиц, вроде нашего Сен-Сирского, с той только разницей, что здесь помимо аристократического отделения есть и буржуазное. Первое разделяется на классы, отличающиеся цветом платья: коричневые, синия, серые и белые — самые старшие. Каждый цвет носится по три года, так что девочки живут в монастыре 12 лет. В торжественные дни, они танцуют друг с другом, а публика смотрит из-за баллюстрады, не мешающей, однакож, разговаривать с ними. Только в это время и можно их видеть, даже родителям. Ничего еще не могу сказать вам о воспитании, которое они получают: сам хорошенько не знаю.

Ужинал у кн. Голициной, где развлекался разговором с м-ль Матюшкиной, знаменитой красавицей. Вы, мой друг, такая скромная, такая сдержанная, удивились бы, услыхав, как бойко русские девицы говорят о любви, кокетстве, любовниках и проч., точно модные парижские дамы. Разговор наш продолжался часа два и очень меня заинтересовал. Матюшкина весела, любезна, красива и ей всего 20 лет! Она претендует на чувствительность, а я ей доказывал, что она всего только кокетка, лишенная чувства, и что будет такою еще десять лет.

Понедельник, 11 и вторник, 12. — К брату.

Маркиз говорил мне о вновь здесь возникающем старом проекте выделывать коньяк из астраханских вин. Это лишило бы Францию экспорта в 150,000 анкерков коньяка, которые она высылает сюда ежегодно. Но против проекта нельзя спорить, он вполне основателен. По этому поводу, маркиз сегодня шифровал депешу вместе с Комбсом. Уже не в первый раз от меня делают тайны.

Ужинали мы у гр. Чернышовой и слушали очень интересные анекдоты о Петре Великом. Этот монарх больше всего любил морское дело. Адмиралтейство было любимым его местопребыванием и складочным магазином всего, чем он интересовался; туда он посылал все свои покупки и там искал всего, что ему было нужно. Там он присудил к смертной казни адмирала Крейца. Генерал-адмиралом был Апраксин, а сам царь носил титул простого адмирала. Этим титулом подписал он и приговор Крейца. В тех случаях, когда Петр не хотел выступать в роли монарха, он подписывался «Петр Михайлов» (Michaelitz). Когда под приговором Крейцу подписался весь совет, а в том

числе и адмирал Петр Михайлов, то царь (кн. Иван рассказывал это со слезами на глазах) взял вновь перо и написал: «Знаю вину Крейца, но прощаю ему. Петр». Эта простота, соединенная с добротою, восхитительны, мой друг, и служат признаком великой души. По даровании помилования, произошел очень интересный и оригинальный спор. Во время суда Петр занимал в совете место Крейца; а когда последний явился, то, поблагодарив монарха за помилование, стал требовать своего места и возбудил против Петра обвинение в незаконном его занятии. Император стал защищаться, говоря, что приговоренный к смерти лишается чинов и места. Начался суд по всем правилам; Петр выиграл дело, а затем, восстановив Крейца во всех его чинах и должностях, занял место ниже его. Этим царь дал пример субординации, за поддержанием которой строго следил. Он первый ввел в русской армии дисциплину, которая привилась так, как трудно было ожидать от русского человека. Вот, например, черта, которою я восхищался бы и в одном из наших старых капралов. В адмиралтействе есть дверь, через которую может входить только один генерал-адмирал, для чего к ней и приставлен часовой. Между тем Петр, как я тебе говорил, был простым адмиралом и, следовательно, не имел права проходить через эту дверь. Раз, ночью, императору сообщили, что жена его родила мальчика; он спешит к ней и, для скорости, хочет пройти через запрещенную дверь. Часовой не пускает, не смотря на то, что знает царя в лицо. Тогда Петр говорит ему: «Друг мой, ты меня знаешь, я не стал бы настаивать в других случаях, но теперь императрица родила сына и я хочу его видеть». «Вы правы, государь, — отвечал часовой, — пусть меня завтра повесят, все равно, входите!»

Среда, 13. — К брату.

Вечером, мой друг, я убедился в чувстве Шарлотты ко мне и хочу теперь им похвастаться. Она так искренно поцеловала мою записку, что я пришел в восторг. Мы долго говорили и я могу быть доволен. Пришлось признаться Альбертине, которая отнеслась к этому признанию дружелюбно. Не знаю, что будет дальше, но я совсем решился.

Четверг, 14. — К брату.

Жизнь моя продолжает быть очень бурной. Обедал у испанского негоцианта Кронца (Cronz), где надо мной шутили по поводу Нормандеца и его ко мне ревности, которой я был невинною причиной. Ты знаешь, мой друг, что я бываю очень весел, когда ловко себя чувствую. Так было и у Нелединской. Она увлеклась моей веселостью, но тут же присутствовали двое в нее

влюбленных; один — счастливый, гр. Андрей Разумовский, а другой — несчастный, наш Пюнсегюр; они занимались музыкой, но видели наши шалости, и надулись, что отозвалось и на репетиции. Нелединская вдруг стала печальна; я приписал это плохому ее здоровью и, для того, чтобы развеселить, продолжал дурачиться, смешил, целовал ей руки и проч. Да еще вдобавок, сказал на ухо гр. Андрею, с которым мы очень близки и который постоянно ее расхваливает, что теперь я вполне с ним согласен. Этим я думал доставить ему удовольствие. Репетиция прошла плохо; я потом поехал ужинать к Бемер, а вечером узнал от Комбса и Дюгэ, что между гр. Андреем и Нелединской произошло бурное объяснение; что несчастная женщина плакала; что все поспешили уехать, между прочим и Пюнсегюр… Представь себе, мой друг, мое удивление!

Пятница, 15 и суббота, 16. — К маркизе Брэан.

Вчера я получил о вас сведения, сударыня. Брат, с которым я переписываюсь так же, как и с отцом, сообщил мне, что избранница удивлена моим молчанием.

Я обещал писать вам, сударыня, обо всем, что касается интересов моего сердца. Я должен, поэтому, сказать, что подчинился склонности, которая, может быть, серьезно поссорит меня с Нормандецом, секретарем испанского посольства, влюбленный в ту же молодую особу и введшем меня в их дом. Это та немка, о которой я вам писал. Я имел счастие понравиться также отцу и матери. О, госпожи француженки! Не во гневе вам сказать: не умеете вы любить искренно! Это, может быть, не особенно галантно по отношению к вам, сударыня, но мы оба знаем, как относиться друг к другу в этих случаях.

От 17 по 20. — К ней же.

Я только что ушел от моей немочки, сударыня, и очень о ней беспокоюсь. Ей пускали кровь и она лежит в постели. Сестра ее, наша общая поверенная, провела меня к ней, а тем временем в соседней комнате капитан Эйлер, сын знаменитого геометра[66], разливался в речах и вздохах по поводу своих неудач в любви. Бедная больная была хороша, как ангел; я пробыл у ее кровати с четверть часа и закончил свой визит поцелуем. Что за прекрасная штука — поцелуй!

Кстати, по поводу любовных историй: есть здесь молодая девушка, графиня Матюшкина, очень хорошенькая и обладающая романтическими наклонностями. Она вообразила себе, что любит некоего Кошелева (Cochelof), отчаянного фата, и я намерен побороть в ней эту склонность. Вот уже два раза мы, за ужином,

вели с ней разговоры о самых нежных чувствах. Я открыто критиковал ее избранника, и мы расстались с виду поссорившись, но она должна была признаться, что и сама думает то же. Как вы думаете, сударыня, не имел ли я права начать такую кампанию? Теперь всякие лиги и крестовые походы не в моде, но если бы они возобновились, то я начал бы поход против людей индифферентных и, главным образом, против фатов вроде Кошелева.

Четверг, 21. — К брату.

Сегодня я имел совещание с неким Пиктэ, долгое время состоявшим при кн. Орлове. Это — человек, не пользующийся хорошей репутацией, но очень образованный. Теперь он работает над мемуаром относительно вывоза украинских табаков во Францию — проект, провалившийся при Елизавете, благодаря стараниям ее фаворита Шувалова, из личных его видов.

Вместе с двумя поляками, которые оба скоро уезжают, я был сегодня в Академии Наук. А затем, после буржуазно-веселого обеда у французского консула, отправился было к кн. Трубецкой, которая меня накануне пригласила, но не застал дома — какие-то семейные дела заставили ее уехать.

Ты не знаешь, мой друг, что у меня вчера вышла ссора из-за этой молодой особы. Мы репетировали две пьесы у Чернышовых, затем ужинали, все шло очень весело. За ужином я сидел рядом с княжной и очень за ней ухаживал, что видимо нравилось. Мало-помалу Чернышова стала пристально смотреть на нас и шептаться с маркизом, сидевшим около нее и тоже глаз с меня не спускавшим. «Нас осуждают», — сказала мне княжна в полголоса; и действительно, к концу ужина гр. Иван стал видимо придираться к ней. Это нас обоих очень рассердило и я ушел из этого дома очень недовольный хозяином и хозяйкой. Первый — низкий, фальшивый и тщеславный человек, а последняя — дура, осуждающая любовные интриги и цинически отдающаяся своему лакею, как все говорят. Это меня окончательно оттолкнуло от дома, в котором я и прежде очень скучал. Вежливость русских состоит в том, что они надоедают поклонами, пошлыми комплиментами, обедами и проч., а настоящей тонкой деликатностью, составляющей всю прелесть общения, они не обладают.

Пятница, 22. — К брату.

Приятные дни редко повторяются, мой друг, в нашем обществе. Только что почувствуешь себя удовлетворенным, как уже приходится бояться за будущее. Пять или шесть недель я

провожу здесь время очень весело; думал, что и сегодня весь день будет занят, как вдруг получаю ужасное известие: М-м де-Верак умерла в Копенгагене 27 февраля, в 11 часов утра. Можешь судить, милый друг, о моем удивлении и горе. Жаль бедного маркиза де-Верак, и я сильно боюсь за него. Какое тяжелое положение! Не знаю, что он будет делать; с нетерпением жду известий; при его впечатлительности нельзя не бояться.

Прощай! Забыл тебе сказать, что гр. Потемкин получил вчера датский орден Слона. Говорят, его хотят сделать князем священной Римской Империи. Забавно, что богомольная Императрица Австрийская награждает фаворитов далеко не богомольной Императрицы Всероссийской.

Суббота, 23. — К брату.

Сегодня перебывало множество народа, что мне ужасно надоело и привело меня в дурное расположение духа, так как я еще недостаточно дипломат, чтобы постоянно носить маску. Между прочим, заходил Козимо Мари; он мне сообщил, что Рибас произведен в майоры кадетского корпуса, что дает ему чин подполковника армии. Что ж — он стоит того. Ездил поздравлять и обедал у него. Видел там молодого человека, о котором как-то писал тебе и которого считают сыном Императрицы. О воспитании его сильно заботятся; мне показывали его учебные тетради; он изучает языки, геометрию, историю, музыку, естественную историю. Характер его, чересчур живой и впечатлительный, стал сдержаннее под влиянием Рибаса. Вероятно, мы увидим этого молодого человека во Франции, так как путешествие входит в план его воспитания. Он может выйти превосходным человеком; теперь ему 13 лет и он носит фамилию графа Бобринского.

После обеда сделал несколько скучных визитов, между прочим, к Чернышовой. Дочь ее будет очень умна. Этот ребенок вознаграждает меня за скуку, наводимую матерью.

День мой кончился у Бемер; я имею счастье, мой друг, быть любимым по-немецки, то есть искренно и без кривляний. Шарлотта очень чувствительна и покорить ее душу — завидная участь. Она мне говорила о портрете одного пруссака, которого она никогда не любила, но за которого должна была выйти замуж. Приезд его сюда, в свите принца Генриха, должен будет решить это дело, но Шарлотта не хочет, чтобы это изменило нашу взаимную привязанность.

Воскресенье, 24. — К брату.

Несколько дней тому назад я вмешался в одно дело,

касающееся Фальконэ. Ты, может быть, слышал о неудачной отливке статуи. Он сваливает ответственность за это на Помеля, литейщика, помогавшего ему отливать, а Помель написал записку, обвиняющую Фальконэ. Так как я — друг последнего, то маркиз поручил мне разобрать дело. Выслушав обе стороны, я взял с Помеля обещание не печатать его записки, а Фальконэ с своей стороны, не предупредив меня, обращался к Императрице, которая приказала цензору не пропускать такого рода памфлетов. Я остался этим поступком недоволен, так как не вижу в нем прямоты, которою Фальконэ хвастается. Я даже сказал ему это в лицо. Цель моего вмешательства состояла в том, чтобы уговорить Фальконэ выдать Помелю авансом 15 000 ливров из 80 000, которые ему обещаны, хотя это и было бы особой милостью, так как Фальконэ обязался платить только по окончании работы. Я провел это утро у него, и он мне доказал, что ничего не может сделать, потому что Бецкий, в ответе на его письмо по этому поводу (я видел письмо), весьма скаредно сообщает, что плата может быть выдана только после удачного окончания отливки. Да кроме того и сам Фальконэ слишком недоволен Помелем, чтобы делать ему снисхождение, если бы даже и мог. Я думаю, что Помель действительно виновен, но и Фальконэ нельзя слишком верить, потому что он очень себялюбив и прямолинеен.

Обедал у гр. Потемкина. Говорят, что акции его падают, что Завадовский все более и более входит в фавор, так как ему покровительствуют Орловы, кредит которых очень велик. Уверяют, что кн. Григорий отделывает свой здешний дом. Это плохо вяжется с намерением его путешествовать.

После обеда я был в кадетском корпусе на ассамблее, почти такой же, как в Смольном монастыре.

Вторник, 26. — К брату.

Ужинал у Бемер. Шарлотта говорила, что вчера Пюнсегюр играл у них на арфе и пробовал ухаживать за нею. Она смеется над этим и обещает рассказывать мне обо всем, что между ними произойдет; тогда мы посмеемся вместе. Не вообрази, мой друг, что этот новый соперник меня беспокоит; его можно только пожалеть. Я теперь совершенно уверен, мой милый, что меня любят искренно. Прощай.

PS. Говорят, что кн. Орлов получил от Императрицы, в виде подарка на свои именины, 10 000 империалов, то есть 100 000 р. Это возбуждает ропот среди людей, которым она должна.

Четверг, 28. — Маркизе Брэан.

Я уже, кажется, говорил вам, сударыня, что самыми

порядочными людьми в здешнем обществе, как и повсюду, являются негоцианты. Они ведут более правильную и приятную жизнь, что отзывается на их страстях и нравах. Я сегодня обедал у м-м Шуэ, жены одного испанца и лучшей из жен в свете. Был там некий Круц, приехавший за покупкой разных товаров для Кадикса. Ужасно люблю эту буржуазную среду и с большим удовольствием бываю в ней от времени до времени. От них я отправился к моим итальянцам, к Паскини. Застал только одного живописца, который называет себя кавалером, а на самом деле сын фермера гр. Сакромозо. Мы говорили о философском камне и кабалистике. Аббат даст мне, может быть, потерянные рукописи касательно этих вопросов.

Открытие, сделанное мною в этот вечер, дает вам понятие о моей наблюдательности: женщины стоят положительно выше мужчин. Они гораздо развитее, способнее к восприятию чувства, к деликатности, ко всем оттенкам и тонкостям отношений, соблазняющим сердце и приятным для ума. Многие из здешних женщин навели меня на это открытие. К ним принадлежат, например: княжна Трубецкая, девица 18 лет; г-жа Зиновьева, жена русского посланника в Испании; гр. Шувалова; г-жа Загряжская, сестра Андрея Разумовского; г-жа Нелединская, очаровательная женщина, и проч. У последней я ужинал сегодня. Но самой любезной из всех является первая.

Пятница, 29. — К брату.

Сегодня — день курьера, мой друг, но депеш никаких нет; в делах наступило затишье. Говорят, возник вопрос о легализации постоянного совета в Польше. Этим займется предстоящая Диэта.

Ходил пешком обедать в кадетский корпус. Сверх мундира на мне было надето лишь пальто из мольтона (molleton), а между тем у нас теперь около 12 мороза. Идя пешком через Неву, я ее измерил шагами; оказалось 330 моих шагов, а уверяли, что ширина реки в этом месте равняется 151 сажени.

После обеда, я, вместе с Козимо Мари, был у одного итальянца, майора Бертольяти, хорошего рисовальщика по гражданской и военной архитектуре. Это весьма галантный человек, прекрасно воспитывающий своих детей. У него их двое, девочка и мальчик 12–13 лет. Они хорошо говорят и пишут по-французски, по-итальянски, по-немецки и по-русски; последний язык они предпочитают. Эта маленькая семья очень интересна. День кончился очень приятно для меня: я ужинал у княгини Щербатовой, с ее дочерью, г-жей Спиридовой, молоденькой и хорошенькой. Но у меня была мигрень, все испортившая.

Суббота, 30. — К брату.

Сегодня утром, мой друг, у меня был Пиктэ, бывший женевский адвокат и уроженец Женевы. Это человек, обладающий довольно неприятной внешностью — гигантским ростом и резкими, отталкивающими чертами лица. Он живет здесь уже лет 15 и состоял при кн. Григории Орлове, во дни его фавора. Это дало ему возможность хорошо узнать ту страну, в администрации которой он работал, а кроме того сделало его свидетелем замечательных происшествий. Говоря о смерти Петра III, он уверял меня, что Императрица ее не желала и узнала о ней только тогда, когда все уже было кончено. Это — единственное преступление, лежащее на совести Григория Орлова, да и то было необходимым, прибавил Пиктэ, так как иначе и Екатерина и Орловы погибли бы. Он думает, между прочим, что последняя болезнь Орлова (с месяц тому назад), которую приписывают параличу, на самом деле зависела от отравы.

И он не один так думает; подозревают Потемкина. В этой стране принято отделываться таким образом от неприятных людей. Говорят, что жена Панина была отравлена так же, как первая жена гр. Строганова (Александра Сергеевича, президента академии художеств) и м-ель Воронцова, в смерти которой обвиняют кн. Трубецкого. Граф Строганов любит свою падчерицу, фрейлину, и женился на ней по смерти матери (?).

Россия считает себя могущественной; у нее в десять раз больше земли, чем у нас, и считая только те земли, которые удобно обитаемы и годны к обработке, она может прокормить сто миллионов обывателей, а у ней их только семнадцать миллионов. Если бы этому народу рабов и невольников была дана свобода, если бы частная собственность в этой стране существовала и охранялась законами, если бы жители ее имели какие-нибудь понятия о торговле и промышленности, то она могла бы теперь же достичь того процветания и величия, которое ее ждет разве только в 2440 году. Пиктэ составляет мемории, которые могли бы очень его выдвинуть, если б Орлов был еще у власти и если бы идеи его были последовательнее. Пиктэ объехал и исследовал берега Волги, по которой ходят громадные барки, перевозящие соль, руды и проч. Эти барки снабжены многочисленным, а потому дорого стоящим экипажем[67]; но экипаж этот необходим, так как барки приходится часть пути тянуть канатом, что замедляет путь и увеличивает состав экипажа. Надо бы было, вдоль берегов реки, проложить дороги, идя по которым, барку могли бы тянуть быки или лошади. В то же время надо бы было расставить по берегам отряды войск, обезопасить перевозку от разбойников. Благодаря таким мерам, товары стали бы дешевле,

или, лучше сказать, они продавались бы по ценам более низким, чем привозные из других стран — Швеции, Америки — а потому и спрос на них возрос бы. Но правительство не хочет обращать внимания на эти выгоды, и аббат Рейноль, во втором томе своей истории России, совершенно справедливо на него за это нападает: картина, им нарисованная, вполне верна.

Затем, милый друг, мы говорили о прибывании принца Генриха, за которым послано уже одиннадцать лошадей. Пиктэ думает, что королю прусскому понадобилась Померания; принц Генрих человек ловкий, посмотрим, что он получит.

Шел разговор о других предметах, например о гр. Сен-Жермене[68], которого Пиктэ знавал, и который многое рассказал ему о его семейных делах так же, как и маркизу Гуффье. Пиктэ считает его великим химиком, знающим секрет как придавать плохим бриллиантам потерянный ими блеск. Пиктэ знает это потому, что тесть его, ювелир Маньян, всегда откладывал бриллианты, лишенные блеска, для гр. Сен-Жермена.

Проговорив со мною больше двух часов, Пиктэ пригласил меня заходить к нему раза два в неделю и ушел. С удовольствием воспользуюсь приглашением; он человек интересный и поговорить с ним очень приятно.

Вечер мы с Комбсом провели у кн. Трубецкой, где было очень весело. Она говорит, что при первом удобном случае должна мне очень многое сообщить; думаю, что это касается наших с ней отношений, так как она очень мила и обладает чувствительным сердцем. Она мне призналась, что боится этой чувствительности, от которой пострадала года три назад. Но Шарлотта, Шарлотта всегда будет стоять у меня на первом месте; о ней-то вероятно и хочет говорить со мной Трубецкая. Будущие маскарады все решат и тебя, конечно, обо всем уведомлю.

Воскресенье, 31. — К брату.

Гр. Лясси сегодня откланялся Императрице. Он едет на воды лечиться; здешний климат ему вреден. Нормандец остается поверенным в делах.

Обедал сегодня у Сюарта, голландского резидента. Это человек достойный и опытный. Наши хорошенькие женщины находят его чересчур голландцем и они правы, но он над этим смеется, и еще более прав, конечно. Сюарт уж не молод, у него есть жена, которую он любит и которая за ним ухаживает. Стол у него очень хороший, хотя и без роскоши. Не будучи музыкантом, он любит слушать хорошую музыку и часто это себе позволяет, за деньги, конечно. Он не веселится, не жуирует по нашему, но ему этого и не нужно, он и так доволен. Я спросил его о Пиктэ;

оказалось, что Сюарт считает его очень знающим и рекомендует мне почаще с ним видеться. «О нем дурно говорят — прибавил Сюарт — его бранят, но все ему подают руку и принимают». Дело в том, что он человек очень умный и знающий, поэтому его ценят и боятся.

Сюарт составил проект торговли по Черному морю и обещал дать мне его прочесть. Почтенный голландец сам, должно быть, сделал много заметок об этой стране и ссужает ими Пиктэ для его работы о России. Я тут тоже кое-чем попользуюсь.

Апрель

Понедельник, 1 Апреля. — К брату.

Пюнсегюр дал мне прочесть комическую оперу своего сочинения; она действительно очень комична, потому что представляет собою стихи, лишенные размера и даже рифм. Если бы в ней был уж хоть не то что ум, а остроумие, то еще куда бы ни шло, но — увы!

К несчастию, талант у него открылся именно в России, а плохой климат не содействует развитию поэтических способностей.

После обеда был у Бемер и застал там Перро, который разошелся с Бецким. Люблю его за характер, мой друг; он тверд духом и чувствителен сердцем. Он подозревает о наших с Шарлоттой отношениях, но достаточно деликатен, чтобы намекать мне на них очень редко и крайне вежливо.

Ужинал у кн. Голициной, жены фельдмаршала, где было довольно весело. Князь Хованский (Kawanski), адъютант Голицина, много говорил мне о княжне Трубецкой, его кузине, которая, будто бы, очень меня любит. Я посмеялся над такой наивностью, но она все же привела меня в замешательство. Затем он мне сообщил, что фрейлина Бибикова страстно влюблена в принца Ангальта; должно быть она знает, что мы с ним приятели, и потому хочет сойтись со мной. А я, признаюсь, не считал ее способной на глубокое чувство, теперь вижу, что ошибся и очень рад этому.

Вообще, мой друг, я замечаю, что женщины везде чувствительнее и деликатнее мужчин. В России, где мужчинам эти добродетели неизвестны, женщины все же инстинктивно ими обладают, и если они, живя в свете, не освобождаются от них до старости, то только потому, что остаются верны природе, не смотря на воздействие господствующих обычаев и предрассудков.

Вторник, 2. — К брату.

Ездил поздравлять Потемкина, который сделан князем Священной Империи. Кроме того, говорят, что он получит звание генералиссимуса, весьма редко здесь даваемое. Не знаю только, правда ли это.

Нет ничего удивительного в том, друг мой, что бедные французы и француженки так стремятся в Россию — возможность внезапно обогатиться и безнаказанность мошенничества, вполне объясняют такое стремление. Быстрое обогащение очень обыкновенно в странах, не успевших еще прочно установиться, какова Российская Империя, но за то и быстрое разорение здесь не редкость — многие семьи упали с вершины благосостояния до крайней бедности в этом отношении. Иностранцы гораздо выгоднее поставлены: как только они наживутся, так и уедут. В России они любят только деньги, которые там легко можно приобрести.

Сегодня у профессора Штелина репетировали знаменитый *Stabat* Перголезе, который завтра будет исполнен в музыкальном клубе, куда я получил билет. Репетиция, мой друг, доставила мне большое удовольствие, хотя пьеса исполнена была посредственно. Я полагаю, что удовольствие это менее зависело от самой пьесы — хотя она превосходна — чем от воспоминаний о родине, куда она меня перенесла в эту весеннюю пору, такую очаровательную во Франции, а здесь почти неизвестную.

Среда, 3. — К брату.

За обедом у нас были гости. Я сидел рядом с г. д'Энвиллем, который путешествует для составления кабинета естественной истории, по поручению Карла Лотарингского[69]. Это очень достойный человек; он уже три раза ездил в Сибирь, вплоть до Кяхты (*Tialka?*), лежащей на границе России и Китая. Там именно и производится меновая торговля между двумя государствами, без посредства серебряных или золотых денег. Европейцы не могут ехать далее границы и даже жены русских посланников остаются в Кяхте, так что посланник один едет в Пекин, где может жить не более четырех месяцев. Он должен составлять для себя караван, что дает ему громадные выгоды. Все это я узнал от графини Чернышовой, муж которой, граф Иван, недавно был назначен посланником в Китай, но посольство не состоялось.

Четверг, 4. — К брату.

Пиктэ рассказал мне об Орловых следующее: старший из них, Григорий, был адъютантом гр. Петра Разумовского (деда Андрея), состоявшего в связи с кн. Куракиной[70], матерью Александра и Степана Куракиных, с которыми я знаком. Так как здесь в обычае

употреблять адъютантов на посылки, как во Франции лакеев, то Григорию Орлову приходилось носить любовные записочки Разумовского. Орлов был тогда слишком молод, чтобы ограничиться ролью поверенного любовных тайн, а Куракина была достаточно опытна, чтобы тотчас же открыть счастливые особенности Орлова. Она ими и воспользовалась. Молодой адъютант был красив, силен и неутомим, а притом обладал настойчивым характером, который выказал во всем блеске впоследствии. Граф Разумовский запретил ему бывать у Куракиной, а Орлов не согласился обещать это и был за то посажен в тюрьму. Увидав, что и тюрьма не в состоянии укротить строптивого адъютанта, его послали воевать в Германию. Там он, в маленьком городке, встретился с одной принцессой, родственницей великой княгини (будущей Екатерины II), которая и содействовала его возвращению в Россию, где он, через несколько времени, получил роту в артиллерии. Связь Орлова с Екатериной II началась в последний год царствования Елизаветы. Орлов жил против дворца и видел в окно великую княгиню, брошенную мужем и работавшую в одиночестве. Он нарочно по целым дням сидел дома, чтобы смотреть на Екатерину. Она, наконец, это заметила, так же, как то, что Орлов был молод и красив. Скоро, при помощи некоего лакея Шкурина[71], прежде бывшего истопником во дворце, и горничной великой княгини, Екатерины Ивановны, между молодыми людьми завязалась интрига. Орлов тогда же поклялся своей возлюбленной, что возведет ее на престол, и стал набирать себе сторонников.

Рассказ о свержении Петра III я пропускаю. Подробности передам тебе когда-нибудь после. Известно, однакоже, наверное, что убили его одни Орловы, а Императрица расплакалась, когда Григорий сообщил ей о смерти мужа. Она этого не приказывала. Возвращаюсь к Григорию Орлову. Пользуясь интимностью Екатерины, он готов был потребовать себе и соответствующих прав. Бывший канцлер Бестужев, сосланный Петром III и возвращенный Екатериною, доказывал ему, что женщина не может обладать авторитетом, достаточным для управления Россией. Самой Императрице он советовал вступить в брак, причем прибавляя, что не знает человека более способного к роли принца, супруга, чем гр. Орлов (он тогда сделан был графом). Бестужев настоял на том, чтобы сенат предложил Императрице выбрать себе супруга, с тем только условием, чтобы он был русский по происхождению. Брак Григория Орлова с Императрицей был решен, и Орлову выхлопотали диплом князя священной римской империи. Перед браком его собирались произвести в фельдмаршалы. Между тем у Орлова были враги, к

числу которых принадлежали: гр. Панин, канцлер Воронцов и гр. Захар Чернышов. Их было предположено выслать в имения, для чего приготовили уже кареты, и Пиктэ должен был конвоировать Захара Чернышова. В одиннадцать часов вечера все высылаемые собрались во дворце. Императрица, очень возбужденная, большими шагами ходила по своему кабинету, разговаривая с кн. Орловым, который стоял опершись на камин. Через два часа, кареты приказано отложить, Императрица ушла к себе, а Орлов к себе, сказав Пиктэ — «Что вы думаете о Екатерине второй»? — Пиктэ ответил ему стихом:

«Elle flotte, elle hesite, en un mot elle est femme!»[72]

Ну, а что ты, милый друг, скажешь об этой революции. Орлов должен был сделаться супругом одной из величайших монархинь Европы; будучи первым подданным, он все-таки пользовался бы властью. Двор его был уже устроен по примеру императорского: назначены пажи, камергеры и проч. Все предвещало ему великую будущность… и вдруг, один разговор с Воронцовым — с этим слабым и бесхарактерным Воронцовым — опрокидывает все проекты. Женщины всегда так! Смелые, быстро понимающие, одаренные богатым воображением, они… становятся жертвами этого воображения, делающего их нерешительными в минуту действия.

Пиктэ оказал, между прочим, большую услугу России. Дело шло о привилегиях дворянства, о которых Императрица собиралась издать указ. Для этой цели она создала комиссию, секретарем которой был назначен Теплов (Григорий Николаевич, статс-секретарь). А так как члены комиссии мало смыслили в делах, то Теплов представил им на рассмотрение весьма соблазнительный проект, по которому дворянство в России получило бы такой же вес, какой оно имеет в Польше (dans le resultat aurait ete le gouvernement de Pologne). Сама Императрица соблазнилась и указ уже почти был готов. Между тем она дала его на просмотр Григорию Орлову, а тот поручил Пиктэ. Надо заметить, что он сам уже сознавал опасность проекта и потому, подкрепленный в своем мнении запиской Пиктэ, показал эту записку Императрице и скоро успел ее отклонить от подписания указа, причем Екатерина поручила ему убедить и других членов комиссии. Орлов деятельно принялся за исполнение поручения и один раз они с Пиктэ целую ночь проспорили об указе с Паниным и фельдмаршалом Разумовским, причем выяснилось, что Орлов не отступит.

Пиктэ, между прочим, рассказывал о тирании губернаторов в провинциях. Один из них, например, казанский, влюбившись в какую-то армянку, силой похитил ее у мужа, которому запретил

выезжать из города. Вскоре после этого, губернатору пришлось ехать по делам в Петербург. Пользуясь его отсутствием, приехал в Петербург и армянин, с целью подать жалобу на губернатора. Но последний его предупредил, и когда несчастный купец явился к генерал-прокурору, то ему было внушено сидеть смирно, если он дорожит жизнью.

Помнишь ли ты Вомаля[73] француза, который был секретарем Дюплэ[74] (Dupleix), и привез известие о взятии Пондишери? Этот господин, из очень хорошей фамилии, был монахом, потом расстригся, уехал в Индию, затем вернулся во Францию, откуда, будучи узнан, бежал в Италию и, прожив все свое состояние, приехал в Россию, был секретарем Потемкина, который ему не платил, бросил Потемкина и теперь состоит при обершталмейстере.

Во время последней войны, весь успех на море был приписан Алексею Орлову, тогда как на самом деле Россия им обязана Эльфинстону, английскому моряку, состоявшему адмиралом в русском флоте, человеку энергичному и талантливому. Он сжег турецкий флот при Чесме и хотел идти к Константинополю, но ему помешали[75]. Вот в это-то время он разжаловал в лейтенанты одного капитана, отказавшегося исполнить его приказание. Этот справедливый, но строгий поступок, а главное успехи и заслуги Эльфинстона возбудили против него зависть. Он был послан в Италию, чтобы подождать там русского флота и обмануть турок. Узнав, что в Петербурге под него подкапываются и бранят даже в газетах, он тотчас же едет в Россию и просит суда над собой, а так как ему в этом отказали, то подает в отставку и в тот же день надевает мундир английского капитана. Получив отставку не в достаточно почетной форме, он отсылает ее обратно и добивается такой, какой хотел. Получив в это же время приглашение на обед от Ивана Чернышова, который вредил ему, чем мог, Эльфинстон разорвал приглашение и отдал клочки адъютанту, прося его передать графу, что он к таким людям обедать не ходит. Говорят даже, что ответ был письменный. Эта история напоминает мне, что Перро мог бы посвятить меня в подробности устройства морского дела в России. Постараюсь также разузнать и о сухопутной армии. Что касается милиции (рекрутских наборов?), то я уже знаю, что там идет ужасное воровство: каждый солдат стоит своей деревне не менее двухсот рублей, в среднем.

Оканчиваю это объемистое письмо новостью, которую только что узнал: говорят, что для Франции куплено здесь четыреста тысяч пудов пеньки за 600 000 рублей. На этой покупке Рэмбер, говорят, нажил тысяч двадцать.

Пятница, 5. — К брату.

Сегодня во дворце выход по случаю кавалергардского праздника. Императрица в мундире полка обедала с офицерами и тосты сопровождались пушечной пальбой; что многих обмануло, так как ждали разрешения от бремени великой княгини, которое тоже должно быть возвещено пушечным салютом. Я в это время обедал у Нелединской и тоже был обманут, хотя только что вернулся из дворца, где видел всю церемонию.

Суббота, 6. — К жене брата.

Пишу вам, дорогая сестра, под впечатлением дня, проведенного с одной из самых милых девиц в Петербурге, с княжной Трубецкой, которая так на вас похожа, что я, в ее присутствии, постоянно вас вспоминаю. Мы с Комбсом провели у нее время так приятно, как только можно проводить его в избранном обществе. Г-жа Нелединская много мне об ней порассказала; этой бедной девушке пришлось испытать горе, живя с развратником отцом, который заставлял ее обедать с своими любовницами, отказывал ей в необходимом и прожил состояние матери, которую она имела несчастие потерять в детстве. Скромность и благородство поведения этой молодой девушки делают ее еще более интересной и достойной уважения, но в данном случае возбуждаемый ею интерес может стать очень опасным, так как она чрезвычайно мила. Мне кажется, что я ей нравлюсь, дорогая сестра; над ней даже шутят по этому поводу, но Нелединская обещала мне замазать рот гр. Матюшкиной, которая особенно этим отличается, потому что ревнует Трубецкую и завидует.

Воскресенье, 7. — К ней же.

Вы помните, что я вам писал вчера, дорогая сестра; вы увидите теперь, что я не ошибался. Приезжаю сегодня во дворец, встречаю там гр. Матюшкину, которая мне публично делает сцену за то, что я будто бы сказал Нелединской, что желал бы ужинать у нее, вместе с Трубецкою, вместо того, чтобы ужинать у Голициных, вместе с Матюшкиной; что она видела письмо, в котором я называю Трубецкую Лапинькой[76]; и в конце концов она мне заявила, что терпеть меня не может. Я конечно только посмеялся над этим, но мне все же было неприятно, дорогая сестра, публичное упоминание о Лапиньке, в которую я будто бы влюблен. Нелединская говорит, что гр. Матюшкина не любит кн. Трубецкую за то, что она хороша и мила; всякое ухаживанье за Лапинькой сердит ее. Я надеюсь, однакож, что все уладится. Я боюсь только сплетен — мы ведь здесь живем как в

провинциальном городке.

Вам известно, дорогая сестра, о моих отношениях к Шарлотте. Вы знаете, как я люблю ее за нежность и искренность. Но Шарлотта немножко ревнива, она думает, что я ухаживаю за всеми русскими красавицами, и в особенности опасается г-жи Спиридовой, молоденькой и хорошенькой женщины. Эта г-жа Спиридова задумала дать спектакль и приглашает меня в свою труппу. Шарлотта, которая тоже приглашена, еще не решилась окончательно, и так как я ей играть не советую, заподозрила меня в желании нечто скрыть от нее. Это создало между нами легкую размолвку; Шарлотта заявила, что недовольна мною и желала бы, чтобы я сам отгадал причину ее недовольства. В конце концов она призналась во всем. Я постарался ее разубедить, дав слово, что не буду играть без нее. Все эти маленькие глупости смешат меня так же, как и вас вероятно. Приятно примешивать к любви немножко ревности, она льстит и заинтересовывает. Шарлотта часто доставляет мне это удовольствие; она считает меня влюбленным и в гр. Матюшкину, и в Лапиньку, и во многих других! Я был бы очень огорчен, если б это оттолкнуло ее от меня, но маленькая тревога только доказывает большую любовь и питает ее. Не правда ли вы с этим согласны, дорогая сестра? Вы смеетесь! Но ведь это тоже ответ. Прощайте.

Понедельник, 8. — К брату.

Утром в субботу я осматривал ковровую мануфактуру. Во главе ее стоит некто Брессан, итальянец. Я с ним говорил, и узнал, что на его фабрике работают 200 человек. Я должно быть не все видел, но был в двух огромных мастерских, по двадцати окон в длину и в два света. Работа распределена в большом порядке и мастер может одним взглядом окинуть всю комнату. Мне показывали образчики ковров, которые мне не показались особенно красивыми: узоры плохи, как по рисунку, так и по цветам; к тому же ковры очень дороги. Постараюсь изучить дело в подробностях. Брессан не особенно хороший мастер, мне кажется; знания его весьма ограничены, но он за то ловок, много болтает и беззастенчиво льстит, а такими средствами здесь всего можно достигнуть.

Многие меня спрашивают о меховой торговле в России. Думают, что меха должны быть здесь дешевле, и очень ошибаются. Они, правда, гораздо лучше, чем в Париже, но выделка здесь плохая. Это мне дало мысль собрать точные сведения о ценах на соболя и горностая разных сортов. Рэмбер сообщил следующие:

«Соболя (*Martres Zibelines*), от десяти до ста рублей за пару;

куница (*Martres Communes*) — от 90 коп. до 9 рублей за пару; связка в 40 горностаевых шкурах — от 8 до 16 рублей».

Надо послать эту записку в Копенгаген, Кальяру, который передаст и г-же де-Буажелен[77].

Вторник, 9. — К брату.

Сегодня мы получили огромную депешу, мой друг; дело идет опять о несчастной Польше, которую разные партии разрывают на части. Великий гетман Браницкий желал бы противодействовать учреждению Постоянного Совета, которое, по его словам, должно вызвать множество споров и затруднений. Не знаю, зачем сюда едет принц Генрих Прусский[78]. Мне кажется, что его прибытия не особенно желают. Некоторые думают, что он хочет получить Курляндию, под тем предлогом, что Прусский король в качестве гроссмейстера Тевтонского ордена имеет на нее права. Желают, чтобы он удовольствовался Данцигом, и ждут, что из всего этого выйдет. Принц Генрих везет Потемкину ленту Черного Орла[79], а Потемкин на днях еще ходатайствовал, через Нолькена, о высшем шведском ордене. Не думаю, чтобы ему отказали, раз у него есть уже датская и прусская ленты. Я даже думаю, что для шведов было бы опасно отказать ему в настоящую минуту, когда отношения между дворами и без того натянуты. Отказу здесь пожалуй бы обрадовались, как поводу к разрыву, а это, по моему, не желательно.

Я сообщил де-Вержену несколько моих сообщений о России. По моему, между правами Москвы и Петербурга существует большая разница; в первом из этих городов резче выражен национальный характер, а в Петербурге так много иностранцев, что коренные жители менее держатся своеобразия в образе жизни. Я их нахожу более пустыми и поверхностными, потому что они более гоняются за новостями. Но в сущности и они обладают хитростью, себялюбием и рабьей ловкостью, помогающими им вознаграждать себя за лишения скорее инстинктивным, чем разумным путем. Я в то же время заметил — и мое замечание рассмешило маркиза — что женщины здесь развитее мужчин, менее слепы, менее предубеждены в пользу своей родины, которую они вовсе не предпочитают чужим странам. Я думаю, что у них вообще больше такта, больше деликатности и это замечание относится [в источнике предложение не закончено.]

Выше я говорил, что Прусский король претендует на Курляндию в качестве гроссмейстера Тевтонского ордена. Гроссмейстер то, собственно, принц Карл Лотарингский, но король, владеющий, по Петербургскому договору, Оливским аббатством, которое прежде принадлежало ордену вместе с

некоторыми частями Курляндии, претендует на то, чтобы эти части вновь были присоединены к аббатству.

Прежде чем уйти, я поднялся к маркизу; мы с ним говорили о Польше, так как идеи Браницкого кажутся мне не совсем ясными. Маркиз сообщил мне, что король Франции послал эскадру в Балтийское море, но что англичане, под рукою, стараются помешать его проектам. Кроме того, маркиз объяснил мне разницу между торговыми правами Франции и Испании в этой стране: первая платит 16 рублей с бочки вина, а последняя — 4.

Среда, 10. — К брату.

Сегодня я имел новой разговор с Пиктэ. Он мне рассказал свою историю. Пиктэ — женевец, он уехал из Женевы, прожив в ней 30 лет без восьми дней, почему и лишился права вступить в Совет Ста, для чего нужно ровно 30 лет. Будучи в Париже, он взялся сопровождать одного русского — забыл его имя — в путешествии, в течение трех лет. Съехаться они уговорились в Вене. Но там русский получил от своего правительства приказание занять должность секретаря при посольстве, во главе которого стоял гр. Иван Чернышов. Пиктэ тогда предложено было остаться первым секретарем[80], на что он и согласился. В это то время он познакомился с кн. Орловым, взявшим его с собою в Россию. Тут он встретился с негоциантом Маньяном, женился на его сестре и сделался его компаньоном по торговле, вместе с неким Дэмарэ. Этот Дэмарэ предложил им аферу с шелковыми тканями, но Пиктэ отказал, рассчитывая вести торговлю табаком, на которую Маньян имел привилегию. Дэмарэ уехал в Париж и увлек своими проектами тамошнюю фирму Маньяна — брата, которая снабдила его двумя стами тысяч франков на покупку тканей. Провезя эти ткани контрабандой, Дэмарэ явился в Петербург, где петербургский Маньян должен был принять участие в сбыте контрабандного товара, причем Пиктэ, без всякой выгоды, помогал ему сбывать этот товар двору. К несчастию, таможенное мошенничество было открыто и Дэмарэ попал в тюрьму. На допросе он признался, что подделал печать Императрицы ради беспошлинного ввоза своих товаров, а так как Пиктэ был близок ко двору, то подозрение пало и на него, хотя он виноват и не был.

Вот история несчастий Пиктэ. Из всего своего состояния, он успел сохранить только 544 ливра ренты. Теперь желания его ограничиваются увеличением этой ренты до полных ста пистолей, чего ему будет вполне достаточно. Тогда он намерен вернуться во Францию и поискать там место секретаря при провинциальном интенданте или каком-нибудь другом должностном лице. Я

обещал заинтересовать его судьбой де-Верженна, а он, в свою очередь, обещал дать мне, какие пожелаю, объяснения насчет этой страны (России). Мы будем прилежно и систематично работать над этим.

Четверг, 11. — К брату.

Сегодня, во Франции, четверг Святой недели, друг мой, а здесь только четверг Страстной. При дворе состоялась большая церемония, которою все здесь восхищаются, но в которой я не нахожу ничего особенного. В середине придворной церкви (очень хорошенькой) была устроена эстрада, дюймов в 8 вышиною, покрытая ковром. На этой эстраде поставили по шести стульев с каждой стороны, а в середине, против алтаря, одно кресло. На кресле поместился епископ или архиепископ, а на стульях — священники, представлявшие 12 апостолов, тогда как епископ играл роль Иисуса Христа. Начали читать Евангелие, причем епископ раздевается, берет таз, салфетку, и начинает исполнять на деле то, что, по словам Евангелия, делал Иисус Христос, то есть, моет ноги священников, вытирает их и, в заключение, целует. Эта последняя церемония заставила меня уйти. В общем, греческая церковь демонстративнее католической; поют у них гораздо лучше. Но, увы, мой друг! есть вещи, из которых даже лучшие ничего не стоят.

С субботы, 13, до вторника, 16. — К брату.

Накануне Пасхи, мой друг, здесь повторяется та же церемония, что и накануне Рождества — служат обедню в полночь. Императрица слушает эту обедню в придворной церкви. Все в парадных мундирах; женщины богато разодеты. Но нужно простоять не менее двух или трех часов на ногах, и это обстоятельство помешало мне удовлетворить свое любопытство. После обедни можно целовать всех женщин, говоря им «Christos was Christ». В этот день Императрица целуется со всеми часовыми, встречающимися на пути.

Потом все ужинают, как под Рождество; а утром все делают друг другу визиты, как на Новый год. В простом народе все целуются, меняясь яйцами, и наши мужики не забыли принести нам яиц, чтобы получить на водку. Порядочные люди также меняются яйцами, картинками и проч.

Принц Генрих Прусский приехал сюда в субботу вечером. До понедельника он не явится ко двору, а потому сегодня все были у него. Он остановился во дворце Воронцова, на Невском. Этот принц пользуется репутацией справедливого, гуманного, умного и воинственного человека. Он принимал всех очень вежливо и с

большим достоинством. Он мал ростом, одет в статское платье прусского фасона, взгляд его производит неприятное впечатление (ужасно кос), но психические его достоинства заставляют забывать о физических недостатках.

Сегодня, во вторник, обычный куртаг при дворе, но народу было больше, чем обыкновенно. Вообще, говорят, самым блестящим балом на Пасхе бывает третий.

Среда, 17. — К брату.

Принц Генрих привез с собой большую свиту, и между прочим г-д Врейх (Vreich), которые мне, как и всем, очень нравятся. Это, мне кажется, делает им честь. Я с ними ужинал у Бемер, где гр. Вахмейстер говорил мне о своем проекте перейти на французскую службу. Я очень боюсь за его сестру, бедную Пушкину, у которой, после операции, рак груди опять возобновился.

После обеда у гр. Андрея, мы с Комбсом отправились смотреть альбом Фальконэ. Есть прекрасные рисунки; особенно де-Бушэ и его сына, которые работают с большим вкусом.

Фрерон[81], стало быть, умер. Бедняк давно, говорят, страдал подагрой и умер внезапно, получив известие о запрещении его газеты. Это запрещение было следствием его неаккуратности в уплате пенсий из доходов с газеты. Правда ли, что его сын, с помощью двух бывших иезуитов, работавших вместе с Фрероном, вновь получил право издавать газету?[82] Желаю им продолжать с тем же успехом, каким пользовался покойный.

Четверг, 18. — К брату.

Опять, мой друг, имел разговор с Пиктэ. Я ему передал список вопросов, которые тщетно задавал Дидро; он обещал ответить. Он мне дал уже две записки по этим вопросам и рассчитывал давать по две каждую неделю, причем мы будем их сообща обсуждать, чтобы не забыть чего-либо, относящегося к делу.

Я его спросил об одном бале, на который он сопровождал Императрицу; оказалось, что это был бал у Ивана Чернышова, в год коронации. Чернышова тогда подозревали в участии в каком-нибудь революционном заговоре, и императрица остерегалась его, но не желая показать боязни, явилась к нему на званый маскарад в сопровождении вооруженной свиты, скрывавшей оружие под маскарадными костюмами. Пиктэ был в этой свите и ее величество собственноручно кормила его конфектами. Он состоял тогда в связи с гр. Брюс, большим другом императрицы и ровесницей ее, старшей всего на несколько месяцев, чему трудно

поверить.

После обеда был у кн. Трубецкой, которая по-прежнему очень любезна. Вечером был у кн. Куракина, где и поужинал очень весело, в холостой компании. Был там гр. Шереметьев, порассказавший мне о Порталисе нечто такое, что заставляет меня относиться подозрительно к этому молодому человеку. Я рассказал бы тебе все сейчас же, но хочу прежде собрать сведения, а потом уже передать тебе всю историю моих сношений с этим французом.

Пятница, 19. — К брату.

Не знаю, мой друг, производят ли твердость и мудрость нашего правительства такое же впечатление во Франции, как за границей. Сомневаюсь в этом, на основании того, что ты мне сообщил, а также в виду всегдашнего недовольства людей тем, что они имеют. Кроме того, во Франции есть столько людей, интересы которых противоположны настоящей системе, что козни против нее нисколько не удивительны. Но здесь все относятся сочувственно к французской нации. Англичан это не радует, особенно с тех пор, как они вообразили, что мы намерены позаботиться о развитии нашей торговли. Два торговых судна (*Gabares*), которые должны прийти сюда, под начальством лейтенантов, заставляют их бояться как бы наши суда не повадились ходить в Балтийское море. Возник вопрос о регулировании приема этим двум судам в здешнем порте. Знаменитая эскадра в 25 кораблей, долженствующая идти отсюда в Данию, сведена теперь к 20-ти судам и, по словам Маркиза, будет заниматься только эволюциями, хотя снабжена провиантом, по обыкновению, на шесть месяцев. Секретарю Прусского посольства говорили даже, что послано будет всего десять кораблей, и что гр. Иван Чернышов, который ими командует, намерен идти в Париж. Кстати, по поводу морского дела, говорят, что кн. Репнину его миссия не удалась. Он должен был добиться от турок права свободного прохода через Босфор как для иностранных торговых судов, идущих в Россию, так и для русских; ему отказали.

Ужинал сегодня у Бемеров. Шарлота была нежна и грустна; мои к ней отношения оттолкнули от меня Нормандеца, что мне очень жаль. Он жалуется на мое поведение по отношению к нему; хотелось бы поправить дело, если возможно. Вижу, что он теперь сходится с Пюнсегюром.

Императрица подарила принцу Генриху пуд ревеня. Ты знаешь, мой друг, что это наилучший ревень в Европе, и что он представляет собою, для России, значительную отрасль торговли.

Суббота, 20. — К брату.

Я, кажется, говорил тебе, мой друг, о визите, который я недавно сделал кн. Трубецкой. Мы говорили о романе Руссо: *Юлия*, который я предложил ей прочесть. Сначала она не хотела, но потом, по совету Комбса, который меня поддержал, согласилась. На другой день я воспользовался одной оказией, чтоб послать ей первый том *Новой Элоизы*, вместе с моим письмом, изящно нежным так же, как книга, которую оно сопровождало. Представь себе, мой друг, каков был ответ: письмо к Комбсу, в котором княжна распространяется об опасности для нее читать подобные книги, и о том, что несмотря на это она, по его совету, прочтет их, но боится как бы не проникнуться гибельным энтузиазмом, которым они проникнуты. Она приписывает несколько строчек и ко мне лично, прося Комбса прислать мне ее письмо, что он в точности и исполнил, оставляя за собой право на ответ. Комбс думает, что это с ее стороны маленькое кокетство, чтобы завлечь меня.

Был у жены голландского резидента и встретился там с Нормандецом. Он говорит, что Потемкин находится в критическом положении, исхода которого все ждут. Пиктэ, с которым мы тоже встретились у президента, рекомендовал мне врача, открывшего секрет лечить бешеных животных, и желающего быть представленным Маркизу, чтобы открыть ему этот секрет для Франции. Имя врача — фон-Венгель (*Woengel*). Затем я был у г-жи Пушкиной, здоровье которой поправляется. У нее встретил вице-канцлера; говорили о налогах (imcpositions) в Голландии и Англии; Пушкин, состоящий русским посланником в Лондоне, уверяет, что в Англии налоги равняются 32 %, а в Голландии — 43 %.

Воскресенье, 21. — К брату.

Говорят, что принц Генрих строит козни (*cabale*). Маркиз предупредил меня, что он старается отдалить гр. Андрея от великого князя. Я говорил об этом гр. Андрею так же, как и о том, что его упрекают за манеру вести себя. Он дал мне прекрасный ответ — разумный, благородный и философский, прибавив, что не любит интриг, не ответит на сплетни и будет жить покойно, не увлекаясь самолюбием. Я с ним спорил, говоря, что не желать оправдываться в глазах Великого Князя, который так молод, что его могут обманывать, было бы слишком высокомерно. Он очень хорошо принял мои доводы и даже, кажется, был убежден ими.

Понедельник, 22. — К брату.

Фавор Потемкина кончается. Уже в Москве случилось что-то такое, что его пошатнуло, а здесь кризис возобновился с новой силою. Орловы, и в особенности князь, опять начинают пользоваться доверием. Я тебе писал о болезни кн. Орлова и о подозрениях, которые были ею вызваны. Еще вчера мне опять об этом говорили; утверждают, что кн. Григорий был отравлен на ужине у обер-шталмейстера Нарышкина. Этот Нарышкин принадлежит к древнему роду, но человек он бесхарактерный, придворный по призванию и по низости душевной. Императрица и весь двор называют его дураком[83]. Это один из тех людей, про которых не говорят ничего дурного, потому, что и хорошего о них сказать нечего.

Обедал у кн. Голициной, вместе с гр. Матышкиной; она очень шутила над моей склонностью к княжне Лапиньке, и советовала ей этого не показывать, так как она кокетка и любит командовать, а потому, чтобы обуздать ее, нужно стараться быть с нею похолоднее. Говоря это, графиня смотрела мне в глаза, желая узнать что я думаю. Я предоставил ей думать, что влюблен в Лапиньку. Затем я спросил какую страсть испытала она три года тому назад, как когда-то говорила мне; она отвечала, что была влюблена в одного поляка, который теперь женат. Потом стала уверять, что не любит Кошелева и никогда его не любила, и что говорит это вовсе не с досады. Она только что была у Нелединской, которая передала ей наш последний разговор и прочла одно из моих писем. Мне нравится, мой друг, кружить головы этим дамам, которые все-таки очень милы и забавны.

Вторник, 23. — К брату.

О родах Великой Княгини ничего еще не слыхать. Говорят, что это запоздание задерживает окончательное падение Потемкина. Гр. Брюль уверен, что императрица поручила кн. Орлову уведомить Потемкина, что он может ехать в свою губернию. Все этому будут рады; высокомерие его всем надоело, тем более, что он не стеснялся даже с Императрицей. На Пасхе, между ними произошла очень грязная сцена, благодаря тому, что она отказала ему в том, чего он просил. Теперь Орлов опять в фаворе у Екатерины II, которая смотрит на него как на настоящего друга; но он не хочет больше играть другой роли, а так как Императрице нужен любовник, то таковым будет Завадовский. Говорят, он не пользуется влиянием; возможно ли это, однако, для человека, которого любят?

Я говорил с гр. Брюлем о Разумовском. Его по-прежнему упрекают по поводу отношений к Великому Князю, от которого Панин отдалил всех благоразумных людей, приближенных к нему

Разумовским; таких, например, как Эпнин (*Epnin?*) (человек очень умный, но льстец, как я слышал), Николай и Ля-Фермьер[84]. Последний, говорят, человек очень знающий, но по внешности это — педант, и мне он не нравится. Затем гр. Андрея обвиняют в том, что он приблизил к великому князю некоего Дюфура, который прежде был лакеем, а теперь стал секретарем, к которому Его Высочество очень благоволит, что дает ему возможность смеяться над всеми, как уверяет гр. Брюль. Потом мне сообщили, что этот Дюфур был помещен самим Паниным, четырнадцать или пятнадцать лет тому назад, и что причиною благоволения к нему является искренняя преданность к Великому Князю и внимательный уход за ним во время его болезни. Из этого я заключил, что нельзя всему верить, что говорят.

Кажется я писал тебе, мой друг, о русском посланнике в Англии; Пушкин говорит о переводе его в Швецию, откуда отзывают Симолина. Это, по-видимому, должно благоприятствовать миру. Пушкин — человек прямодушный, толковый и простой. По манерам он напоминает де-Верженна, и я считал бы его честным и откровенным человеком, если бы не знал, что он — русский.

Среда, 24. — К брату.

Сегодня утром Пиктэ рассказал мне историю Рэмбера и Бильо. Рэмбер родом из Лиона и основался в России ради торговли, которая приносит ему большие выгоды, благодаря коммиссионерству, которым он давно уже занимается. Бильо, его сожительница и сотрудница, родом из Бургони. Она была замужем за Бильо, лавочником, торговлю которого расширила, благодаря энергии, и теперь ее не покидающей. Но она обладала и еще одним достоинством — была хороша как день, так что один из приказчиков мужа, некий Муаньяр страстно в нее влюбился. Она тоже, как водится, нашла его более достойным любви, чем муж. Но у любовника скоро явились соперники, и в том числе местный Кюрэ, который однакож не понравился, за что и решился мстить. В качестве священника, он принял сторону мужа, и возбудил процесс за скандальное поведение жены. Любовники бежали в Женеву. Пиктэ, служивший в тамошней полиции, познакомился с ними по этому случаю, говорил об их деле с Вольтером и успел каким-то образом временно примирить м-м Бильо с мужем. Но связь ее с Муаньяром не прекратилась, и в одно прекрасное утро любовники бежали в Вену. Там они завели торговлишку, по-видимому не совсем чистую с точки зрения общественной нравственности, так как императрица-мать, не любившая, чтобы сбивали с толку ее дам и девиц, приказала им

выехать за границу государства. Бильо распродала свои товары и уехала в Россию. Здесь она встретилась с Рэмбером, который в нее влюбился; они вместе съездили в Париж и вернулись в Петербург с товаром. Бильо, под именем М-м Муаньяр, стала помогать Рэмберу, ввязалась в интриги высокопоставленных людей и начала играть крупную роль. Между тем Муаньяр, имя которого она носила, не замедлил отыскать ее спустя несколько времени, но нашел, что она совершенно изменилась и занять место в ее сердце уже не мог. Через год она его сплавила куда-то, заплатив десять или пятнадцать тысяч рублей, а сама продолжала жить с Рэмбером до смерти своего мужа. Тогда она опять переименовала себя в м-м Бильо и выписала детей, которых стала воспитывать. Это — умная женщина и с характером, а к дурному ее тону можно привыкнуть. Не знаю, почему она не любила Пюнсегюра, надеюсь, что она будет мне здесь очень полезна.

Четверг, 25. — К брату.

Забыл тебе сказать, друг мой, что, по словам Пиктэ, для Франции и для России было бы выгодно, ради экспортной торговли завести коммерческие конторы в Париже и Лионе. Русские купцы не были бы обманываемы комиссионерами, с которыми имеют дело, а французские избегли бы опасности нести большие потери от банкротств. Говорят, что за текущее столетие они потеряли таким образом двадцать пять миллионов ливров.

Я узнал, что мои сношения с Пиктэ обратили на себя внимание кого следует и что об них говорят. Не знаю как быть, но своего поведения не изменю; этот человек может быть мне очень полезен. Кроме того я знаю, что виконт де-Лявон[85] прибегал к нему во многих случаях; также буду делать и я. Я просил его доставить мне список здешних негоциантов с их характеристикой; он обещал.

Кстати, по поводу торговли, здесь говорят, что Лями хлопочет перед Паниным о преимуществах для испанцев. Он хочет, во-первых, чтобы торговые дела велись коммерческой компанией, а не обыкновенными судами и чтоб испанцы получили такие же права что и англичане, которые платят пошлину рублями, а не рейхсталерами, что даст им полтора процента выгоды. Если Испания добьется этого права, то и мы должны хлопотать о том же.

В последнем моем письме к тебе, или к матушке, я говорил о беременности Великой Княгини. Уже с месяц начали говорить о предстоящих родах, но боли начались только в прошлую субботу. На другой день Императрица не показывалась, так как была у Великой Княгини. С часу на час все ждали салюта, так как здесь в

обычае давать 300 пушечных выстрелов при рождении принца, и полтораста при рождении принцессы. Но ни на другой, ни на третий день ничего не было. Начали беспокоиться, потому что вторник — последний срок. В этот день я встретил принца Генриха (у Ивана Чернышова), который сказал что по словам Императрицы беспокоиться нечего, что ребенок лежит правильно и проч. Еще через день, то есть в среду, я обедал у кн. Щербатова, где мне сказали что ребенок мертв, но Великая Княгиня еще не разрешилась, очень страдает и за нее сильно боятся. Боюсь, мой друг, как бы она не умерла, да и все здесь ждут того же. Вот завтра увидим.

Нева сегодня вскрылась, но из пушек не стреляли в виду болезни великой княгини. Здесь принято стрелять с крепости во время переезда коменданта с докладом к Императрице, которая вознаграждает его за это приличной суммой.

Пятница, 26. — К брату.

Не даром боялись за Великую Княгиню, мой друг. Эта несчастная принцесса умерла сегодня не могши родить. Она сделалась жертвой невежества этой нации и, если верить слухам, даже варварства, которое весьма возможно в стране, в которой ужасы очень обыкновенны.

Около великой княгини не было никого кроме плохой бабки из Страссбурга, которая жила здесь всего 18 месяцев и никакой практики не имела. Говорят ее рекомендовал Крузе (Krouse), врач великого князя. Этот племянник знаменитого Боэргава не любит своего дела, а занимается больше фабриками и проч. Он только теоретик, изучивший сочинения своего дяди. Акушерка, с его согласия, позвала хирурга только в понедельник. Хирург, некий Тоди, предложил наложить щипцы, что вероятно и следовало сделать тотчас же, хотя еще накануне смеялись над другим врачом, говорившим что положение великой княгини ненормально. Между тем, несмотря на эти предупреждения, протолковали об операции до четырех часов среды, когда ее и начали. Тот же Тоди без всякого толка работал кто говорит — 4 часа, а кто — 8. Великая Княгиня наконец попросила оставить ее в покое, так как была совершенно измучена. Ее перенесли на кровать, а окружавшие лица ушли тоже совершенно выбившись из сил. Я забыл тебе сказать что еще раньше Императрица упрекала бабку, говоря что она ответит за последствия. В ту же ночь, с среды на четверг, был позван Моро, который просидел во дворце шесть часов сряду, не видав больной, а только слушая рассказы о ее положении. Наконец он рассердился и сказал, что обо всем этом думает. Тут Императрица заявила, что надо выслушать

мнение Сената если за успех не ручаются. Наконец позвали архиепископа Платона, который явился исповедовать больную под тем предлогом что таков обычай. Но Великую Княгиню это не обмануло; она сказала что сама этого желает, так как давно уже чувствует что должна умереть и не говорила об этом потому, что не хотела никого беспокоить. Исполнив все религиозные обязанности, она захотела со всеми проститься, подавая каждому руку для целования, по русскому обычаю. Эту трогательную и печальную сцену она провела со всей возможной твердостью, и каждому что-нибудь сказала. Кн. Куракину, например, она сказала: «Если вы хотите, князь, передать что-нибудь вашей покойной тетушке, так я за это берусь, мы с ней скоро увидимся». Затем она долго, наедине, говорила с Императрицей о России, о дворе, о ней самой, прибавив что обо всем этом можно свободно говорить только на краю могилы. С мужем она также долго говорила наедине, но раньше публично просила его поскорее забыть об ней и вновь жениться, так как это необходимо для блага Империи и народа. Говорят даже, что она указала ему невесту. Эта просьба и эти советы, высказанные без всяких гримас и ходульности, всех растрогали до слез — говорят, все кругом рыдали. Наконец, утром в пятницу, принц Генрих прислал ей своего врача, с которым она говорила о Берлине, как будто и больна не была. Новый доктор тоже ничем помочь не мог, так как было уже поздно, а к кесарскому сечению приступать не хотели, потому что Императрица требовала, чтобы отвечали за жизнь больной. Между тем началась гангрена. Великая княгиня встала, однакож, с кровати, села на кушетку и выпила чашку кофе. Врачу, состоявшему при ней, она сказала что к вечеру умрет, так как ребенок не вышел. Затем она вновь легла на постель и от времени до времени разговаривала о разных пустяках, в роде того, например, что река разошлась и что очень приятно кататься на лодке. В комнате стоял отвратительный запах, что помешало Великому Князю оставаться в ней. Великая княгиня часто спрашивала об нем перед смертью, так же как об Императрице, которой велела передать собственноручно написанный список лиц, особенно ею рекомендуемых ее величеству. До самой смерти при ней оставались только горничная, немка, вывезенная ею из Дармштадта, в Дюфур, камердинер великого князя. Умерла она, по словам Андрея Разумовского, в пять часов без восемнадцати минут. Я был у него в шесть часов, когда он лежал уже в кровати. Камердинер сказал что он спит, но меня все-таки впустил. Как только гр. Андрей меня увидел, так зарыдал, причем и я не мог удержаться от слез. «Ах, какой ужас, какой ужас! — воскликнул он. — Вы не знаете, мой друг, кого мы потеряли». Я попробовал

его утешить и он продолжал: «Какую твердость, какую доброту она проявила! Она сама всех утешала, и так как я всегда имел честь пользоваться ее вниманием, то мне последнему она сказала: «Мы с вами увидимся когда-нибудь, мы созданы для того чтобы увидаться». Затем он опять стал плакать, и так как в это время вошла его сестра, то я ей уступил свое место. Через час я опять к нему заехал, но г-жа Загряжская увезла его к себе, так что я просил только передать ему от меня нюхательную соль.

Вот печальная история, мой друг, и я горюю вместе со всеми. Великому Князю пускали кровь; он с матерью уехал в Царское Село. За ними поехали Потемкин и графиня Брюс — в экипаже, а князь Орлов — верхом. Уверяют, что Потемкин, накануне печального происшествия, когда все плакали, играл в вист и проиграл 3000 рублей. Да и вообще горе в этой стране непродолжительно. А я, мой друг, я долго сохраню в душе своей память об этой несчастной принцессе и о сожалении, которое она успела всем внушить.

Суббота, 27. — К брату.

Сегодня я послал узнать о здоровье гр. Андрея Разумовского. Мне отвечали, что он еще плохо себя чувствует, а как поправится так уедет в Царское Село. Такой неопределенный ответ заставил меня самого отправиться навестить больного, но я уже застал его уезжающим, чему очень был рад. Бильо, к которой я потом заехал, сообщила мне, что сестра гр. Андрея, Загряжская, распорядилась пустить ему кровь и что потому-то он уехал в Царское Село только сегодня, а не вчера. Между тем враги могут воспользоваться этим временем для того чтобы очернить его в глазах Великого Князя. Уж и теперь говорят, что гр. Андрей потому так убивается, что покойная Великая Княгиня была с ним в связи. Говорят даже, что Императрица предупреждала об этом великого князя еще в Москве. В виду таких сплетен, я нисколько не удивлюсь если Разумовского успеют отдалить от двора, тем более что и принцу Генриху приписывают такое намерение[86]. Кончина Великой Княгини может ускорить его выполнение, так как принц все это время не отходит от Великого Князя; и теперь он в Царском Селе. Между нами говоря, мой друг, я знаю, что Великая Княгиня предпочитала гр. Андрея весьма многим; думаю даже, что между ними существовала живая и нежная дружба; это вполне естественно, так как оба они были молоды и достойны любви. Но только такой злой и развратный двор может подозревать в таких отношениях что-либо грязное.

Я узнал от Бильо, что Загряжская далеко не так сильно любит брата, как старается показать. Она его полюбила только с тех пор

как он попал в милость. Да и теперь, несмотря на политику, она иногда старается во всем ему противоречить и очень не любит, чтобы он бывал у нас. Моя дружба с гр. Андреем ей тоже конечно не нравится, но я смеюсь над этим.

Сегодня обедал с Моро, сыном парижского Моро, который в Hotel-Dien. Он очень опытный хирург. Он не хотел присутствовать при вскрытии тела Великой Княгини, потому что еще раньше откровенно высказал свое мнение придворным врачам и хирургам, которые решили, что она родить не может и не должна иметь детей, в виду недостатков своего телосложения. Моро даже не пригласили на вскрытие; приходили пробовать почву, но он держал себя очень холодно, и хорошо сделал. Мне он сказал, что пошлет отчет во Францию и что считает придворных врачей ослами. Великую княгиню, по его мнению, можно было спасти. Да и в самом деле, мой друг, удивительно как это не приняли мер заранее, даже для великой княгини! Она была слишком достойна любви и слишком любима, а это, в России, большой порок, особенно для лиц, стоящих на таком месте. Народ очень раздражен, он плачет и ропщет. Вчера и сегодня, в лавках говорили: «Вот молодые женщины умирают, а старые бабы живы!» К кн. Орлову приходили толпа крестьян спрашивать, правда ли что Великая Княгиня умерла, и когда им сказали что правда, то они горько заплакали. Они хоть и рабы, а любят своих монархов, тогда как в Англии народ свободен, а королей ненавидит. Французы же и не рабы и монарха своего обожают, что же это за чувство такое?

Сегодня вечером, у Бемеров я видел врача Принца Генриха, который был приглашен Императрицей на вскрытие тела покойной Великой Княгини. Он говорит то же, что и придворные врачи, но сообщил мне, что ребенок был мужского пола и очень велик: двадцати трех дюймов в длину и восьми в ширину.

Воскресенье, 28. — К брату.

Я был во многих домах, мой друг, везде говорят об одном и том же. Разговор вертится на судьбе несчастной принцессы. Но горе здесь не бывает ни глубоким, ни прочным, им просто развлекаются, как и всякими другими ощущениями. И горе, и радость — здесь все только развлекает на несколько минут, ничто глубоко не задевает. Среди соболезнований вдруг берут альманах, чтобы приискать новую невесту для Великого Князя. Правда, что это необходимо, но горе, казалось бы, должно заставить забыть о политике. Я должен однакож отдать справедливость некоторым лицам, которые, по душе, как будто бы и не принадлежат к числу русских. Таким лицом является,

например, Нелединская, которая захворала от огорчения. Я ее сегодня видел и мы говорили исключительно о покойной, вспомнили все случаи, в которых нам приходилось с ней разговаривать, вспомнили ее доброту и благородство. Я никогда не забуду, что три раза ужинал с несчастной принцессой, два раза — у нее, и один — у Ивана Чернышова, где я играл комедию. Как она была ко мне добра и сколько любезностей наговорила по этому поводу! Нелединскую она особенно любила и допускала ее в свой интимный кружок, в котором та имела возможность любоваться на взаимную любовь великокняжеской четы. И вот такой-то почтенный и трогательный союз хотели разрушить сплетнями, но он выдержал и был разрушен только неумолимой смертью! Нелединская — внучка той Лапушкиной (Lapouchkin), которая, при Елизавете, была публично высечена кнутом за нескромное выражение. Она была молода и красива; однажды, при выходе ее из театра под руку с влюбленным в нее австрийским послом, кто-то шепнул ей на ухо, что Императрица может быть этим недовольна. «Почему же она не позволит мне иметь одного любовника, когда у самой были тысячи?» — громко ответила Лапушкина. Эта фраза ее и погубила[87].

Маленькая княжна Трубецкая в отчаянии. Правда, она потерпела больше, чем кто-нибудь другой, потому что лишилась друга и покровительницы, так что теперь отец может безвозбранно угнетать ее и заставлять обедать с своими мерзавками (coquines). Великая Княгиня, очень ею интересовавшаяся, часто приглашала ее на свои интимные вечера; теперь этого уже не будет.

Ты знаешь, мой друг, что люди к самым простым происшествиям всегда примешивают что-нибудь чудесное. Простой народ говорит, что Великая Княгиня умерла, потому что за нее не молились и пригласили к ней иностранных врачей. В русском народе вообще распространено мнение, что при родах непременно должна помогать русская женщина, а иностранцев он не любит. Такая ненависть к иностранцам очень невыгодна для Принца Генриха; в народе говорят, что он, в первый свой приезд (1781 г.) завез чуму в Москву, а во второй — был причиною смерти Великой Княгини. Но чудеса этим еще не кончаются: мой аббат Паскини предсказал ее смерть с помощью каббалы; он же угадал, что Великая Княгиня должна произвести на свет принца.

Понедельник, 29. — К брату.

Ужинал у фельдмаршала Голицина, где видел гр. Матюшкину, находящуюся в меланхолическом настроении; она уже не любит более Кошелева, да и никого любить не хочет. Нам

было очень весело, и никто не предвидел, что империя скоро потеряет всеми любимую принцессу. Говорят, что она вспомнила перед смертью о гр. Чернышовой и о гр. Шуваловой, которые обе беременны, и велела им кланяться. Первую из них я видел, она, по-видимому, искренно огорчена и сказала мне, что у большинства горе скоро пройдет. Полагаю, что она не ошибается, так как хорошо знает свою родину.

Вторник, 30. — К брату.

Мои подозрения относительно судьбы Андрея Разумовского оказались вполне основательными; по крайней мере мне так кажется. Вчера мы с Комбсом его встретили. Он вернулся из Царского и смотрит совсем убитым. Отправился было я к нему, но не застал дома, тогда попробовал написать и сегодня вечером получил ответ: он желает меня видеть. Но меня очень беспокоят слова гр. Брюля. Говорят, будто бы Великий Князь подозревал любовь своей жены к гр. Андрею и дней пятнадцать тому назад сказал кн. Голицину: «Надеюсь, что эта глупость пройдет; подожду, что будет дальше». Перед смертью, говорят, она во всем призналась мужу, который, даже в эту торжественную минуту не переставал записывать свои разговоры с женою. У ее гроба он, говорят, был необыкновенно сдержан. Заметили, что кн. Гагарин остался в Царском Селе, а граф Андрей вернулся в город. Принц Генрих не покидает Великого Князя и кажется подтверждает мои подозрения относительно козней против Разумовского. Не знаю, мой друг, правду ли говорит Брюль, но он уверяет, что Великий Князь признался многим лицам, и в том числе жене фельдмаршала Румянцова. Меня удивляет такое поведение со стороны покойной Великой Княгини, которая была умной женщиной, а что касается Великого Князя, то это доказывает лишь то, в чем я никогда не сомневался, то есть, что он человек безхарактерный.

Графу Брюлю предложили остаться здесь, сохраняя за собой такое же положение, какое он имел на родине. Я думаю, что Великий Князь подал ему даже какие-то особенные надежды. Он, конечно, не мог поступить лучше как привязав к своей особе такого честного человека, как Брюль, но одной честности недостаточно для того, чтобы с выгодой для Великого Князя пользоваться его интимным доверием.

Май

Среда, 1 мая. — К брату.

Сегодня утром был у меня г. Брюль, и мы вместе с ним

отправились к гр. Андрею, которого застали в угнетенном настроении. При Брюле, мы не могли свободно разговаривать; гр. Андрей сказал мне только, что оставаясь в Петербурге, за возможностью ездить в Царское Село, он устранится от большого света; что сестра настоятельно предлагает поселиться у нее, и что он принял это предложение, с условием, чтобы быть свободным, и чтобы его никто не беспокоил; наконец, что он рад будет меня видеть, и что мы будем гулять вместе. «Мне очень приятно будет потолковать с вами», — прибавил он по уходе Брюля. Назначив друг другу свидание на завтра, мы разошлись, причем он просил никому не говорить, что мы видимся частным образом. Я тебе дам отчет о результате наших разговоров.

Пятница, 3. — К брату.

Я тебе еще не говорил, мой друг, о нашей вчерашней прогулке с гр. Андреем Разумовским. Поехали мы в карете за город, а там пошли пешком. Я предоставил ему начать объяснение, к которому он скоро и приступил. «Вы знаете, — спросил он», о чем говорит весь город»? — Догадываюсь, — отвечал я, но не могу верить, чтобы Великий Князь так внезапно от вас отстранился. — Моя связь с Великим Князем, — продолжал гр. Андрей, — началась уже давно. Мне было тогда десять лет. С тех пор я учился в Страсбурге, жил в Англии[88] и проч., но по возвращении нашел его по-прежнему ко мне расположенным и расположение это продолжало расти с тех пор. Смерть Великой Княгини, которую я так жалею, которую я имею основание жалеть, потому что горе мое законно — изменила мои отношения к Великому Князю; нашлись люди, которые сумели воспользоваться его растерянностью, чтобы овладеть им. Императрица и принц Генрих его не покидают. Утром в тот день, когда я выехал из Царского Села, мы с ним виделись; он меня обнял, но тут вошла Императрица и мне пришлось уехать в город. Я вам, под большим секретом, покажу письмо, которое я написал Великому Князю по приезде сюда. Салтыков в первый раз отвечал мне, что у Великого Князя лихорадка, и он мне писать не может, а во второй просто сообщил о здоровье Великого Князя. Я теперь решился; еду путешествовать по Франции, по Италии и, главным образом по Англии; мне нужно учиться». Я постарался укрепить его в этом намерении, в виду того, что путешествие даст ему знания, необходимые для того, чтобы сделаться государственным человеком. Граф Андрей молод — ему всего 24 года, будучи внуком пастуха, он не может опираться на свое происхождение, а стало быть должен собственными заслугами сделать себя необходимым. Великий князь слаб, и может забыть о нем, но ведь

может же и вспомнить, так что будущая роль Разумовского в России может быть гораздо важнее теперешней.

Обедал сегодня у гр. Брюля, который мне сообщил, что Румянцеву подозревают в участии в интриге Великой Княгини с Разумовским и что она боится последствий этого дела. Другие говорят, что найдена переписка Великой Княгини, из которой все и открылось. Едва ли это, однако же, верно: женщины не так просты.

Получил письмо от Гейкинга; летом он приедет в Петербург. Он сообщает, что принц Генрих намерен добиваться Курляндии для одного из шведских принцев, с тем условием, чтобы Швеция уступила Пруссии Померанию.

Суббота, 4. — К брату.

Утром написал гр. Андрею записочку, которую Комбс передаст через Бильо. Боюсь, друг мой, как бы этот молодой человек действительно не попал в немилость. Все говорят об этом и обращаются с вопросами ко мне, и, между прочими, барон Нолькен, которому до всего есть дело. Он засыпал меня вопросами, но ответы получил неопределенные. Были мы у князя Лобковича, австрийского посла, пригласившего меня к обеду; гр. Брюль тоже был там. Он мне сообщил, что к неприятностям, посыпавшимся на гр. Андрея, прибавилась еще одна: его упрекают в продажности, говорят, что он брал деньги от испанского посла, гр. Лясси; в эту аферу замешан будто бы и барон Нолькен, который служил посредником при сделке; но я в это не верю. Рассказывают еще, что на почте перехвачено шифрованное письмо Лясси к Разумовскому, которое теперь дешифрируется. Трудно поверить в эти рассказы, так как если и было что-нибудь, то Лясси слишком ловок и опытен, чтобы действовать неосмотрительно.

После обеда мы были у св. Александра Невского. Это — монастырь, расположенный в двух или трех верстах от города, в конце Невского проспекта; там, с четверга, лежит на парадном катафалке тело покойной Великой Княгини. Там же, как говорят, лежало и тело Елизаветы. Я был оскорблен и опечален бедностью обстановки; точно, будто бы, почести оказываются великой княгине нехотя, и смерть ее не удовлетворила ненависти, возбужденной покойною в сердце кого-то, кто сильней ее. Пускают народ; каждый, поднявшись на две ступеньки катафалка, целует руку покойной и уходит. Офицер, стоящий у гроба, приглашал поклониться праху и нас, но так как никто из посланников не отозвался на приглашение, то и я последовал их примеру. За катафалком стоят стулья и скамейки для придворных

дам, дежурящих по целым суткам, так же как и камергеры. Собственная свита покойной будет дежурить постоянно, вплоть до похорон, которые назначены на вторник. Из залы мы вышли в капеллу, в которой, направо, около алтаря, вырыта могила для великой княгини. В верхнем этаже — церковь Александра Невского, очень богатая серебряная гробница которого ничем особенно не замечательна; она устроена по приказанию Петра I.

Выйдя из монастыря, мы, с гр. Брюлем, отправились гулять в Летний сад, который хорош только своим положением — по берегу Невы, в конце прекрасной набережной. Есть там плохие подражания версальским боскетам; есть плохие мраморные статуи, с большими издержками привезенные из Италии; под каждой написано, кого она изображает.

Расставшись с Брюлем, я отправился к Бемеру. Там опять мне говорили о гр. Андрее, о его падении и о том, что он решил делать. Повидимому, мнение о Великой Княгине окончательно установилось. Одни говорят, что эта несчастная принцесса, перед смертью, сама созналась мужу в любви к гр. Разумовскому; другие говорят, что все дело открылось через Дюфура, камердинера Великого Князя, на основании подозрений которого, кн. Куракину поручено было рассмотреть к среде бумаги покойной, между которыми нашлась переписка ее с гр. Андреем, обусловившая окончательное его падение, так как он, будто бы, уж сослан в Ригу. Брюль к этому прибавляет, что Лясси давал Разумовскому деньги, и что шифрованное письмо его перехвачено на почте. Мне трудно поверить, друг мой, этой последней новости; невероятно, чтобы такой умный и опытный дипломат, как гр. Лясси, доверился неосмотрительному молодому человеку. Но мне об этом уже два раза говорили; вот почему и я тебе это вновь рассказываю.

Забыл тебе сказать, что гр. Андрей прислал мне, через Комбса, письмо, в котором приглашает меня к себе завтра, в 8 часов утра. Вернувшись домой, я нашел другое письмо, в котором он говорит, что дела заставляют его рано уехать, и что я его уже не застану. Беспокоят меня слухи о ссылке в Ригу; поэтому я приказал разбудить меня завтра пораньше, чтобы повидаться с гр. Андреем прежде, чем он уедет.

Воскресенье, 5. — К брату.

Сегодня я встал раньше семи часов. Застал графа дома. Он очень был удивлен, когда я заговорил об Риге, хотя сказал, что я не намного ошибаюсь, так как он, по приказанию Императрицы, переданному через фельдмаршала Голицина, должен выехать в Ревель, через 24 часа после похорон великой княгини. «Меня

успокаивали, прибавил он, относительно последствий этой ссылки, и я бы не беспокоился, если б не знал здешних обычаев. Просил, впрочем, позволить мне ехать к отцу, в Украину, а оттуда — за границу».

Сибирь пугает здесь всякого, впавшего в немилость, и Разумовский, в разговоре, намекнул мне, что подозревает кое-что, а потому, приехав в Ревель, постарается бежать морем. Пока мы разговаривали, он приводил в порядок свои бумаги, а затем мы вместе отправились из дома его сестры в его собственный. Там он опять принялся разбирать бумаги и между прочим показал мне тетрадь, писанную рукою Великой Княгини, датированную на полях и озаглавленную: «Начато 11 мая 1745 г.». Это — мысли Сенеки, переписанные несчастной принцессой нарочно для гр. Андрея. Я прочел кое-что, и с удивлением заметил полное отсутствие ошибок в языке и орфографии. Сказать по правде, удивительно хорошо владеют иностранцы нашим языком!

Говорил я с Разумовским о предполагаемой переписке его с Лясси; он на это только рассмеялся. Говоря о своем положении, он заявил, что нисколько не жалеет о дворе, лишь бы ему позволили путешествовать. Не жалеет он также ни о ком, кроме Великого Князя, и убежден, что все идет от императрицы. Затем гр. Андрей опять повторил, что в понедельник утром, в день отъезда его из Царского Села, ему помешали войти к Великому Князю в обычное время, то есть, когда тот вставал с постели, но когда он был наконец допущен, то Великий Князь его обнял и со слезами говорил о своей жене. Вскоре вошла Императрица, при чем он должен был уйти, получив от Ее Величества пакет на имя фельдмаршала Голицина, с словесным приказанием последнему немедленно исполнить заключающееся в пакете распоряжение. Разумовский, узнав еще в Петербурге, что дело идет о его ссылке, тотчас же написал письмо к Великому Князю, которое мне тут же и показал. Письмо это, в высшей степени твердое и благородное, кажется написанным скорее от друга к другу, чем от подданного к принцу. В нем Разумовский говорит, что не знает, по желанию ли Великого Князя его удаляют или нет; затем вкратце упоминает о своей многолетней привязанности к великокняжеской чете, и кончает заявлением о своем нежелании снизойти до обсуждения тайных причин и мотивов немилости, которая его постигла.

Вчера он получил приказ ехать в Ревель, через 24 часа после похорон, но так как Императрица с сыном вскоре едет туда же, то Разумовский думает, что ему позволят отправиться в Украину, а оттуда — в заграничное плавание. Гр. Иван Чернышов обещал уведомлять его обо всем, что будет происходить при дворе, но интересно бы было также завязать сношения с Великим Князем,

так как Салтыков, может быть, и не передал ему вышеупомянутого письма. Об этом Салтыкове хорошего не говорят, да и, кроме того, он — придворный до мозга костей. Расставаясь с Разумовским, я обещал писать ему, и сдержу свое обещание; да мы, может быть, еще и увидимся перед отъездом. Не знаю, замешана ли жена Румянцева в это дело, но говорят, что она теперь очень весела и покойна; это сильно удивляет наших сплетников.

Маркиз, с которым я имел разговор перед уходом из дома, говорит, что гр. Иван уведомил его о встрече, какая будет сделана нашим двум судам. Салютовать им будут крепость и сторожевой фрегат, а таможенный осмотр произойдет на борту. Ответ этот — официальный, и идет от вице-канцлера, Остермана, который, по-видимому, входит в милость. Гр. Брюлю советуют представить ему мемуар, написанный мною для Императрицы и подданный Потемкину, который не дал никакого ответа. Гр. Брюля уверяли, что таким путем мемуар наверно попадет в руки Императрицы и доставит ей удовольствие.

Панин все хворает; у него, говорят, водянка яичка, и нужно сделать маленький прокол. Он очень скрывает свою болезнь. Не знаю, в какой степени он пользуется расположением императрицы, но положение его прочно, если судить потому, что кн. Куракин — его племянник, и кн. Гагарин — его родственник, все время остаются в Царском Селе, при Великом Князе. Они, правда, не видятся с его высочеством, но он все время проводит с Императрицей и принцем Генрихом.

Завадовский по-прежнему состоит при Императрице, так же как Потемкин; но царству последнего пришел конец, хотя он и старается скрыть это. Военным министром, по слухам, будет назначен гр. Алексей Орлов. Князь — его брат — в величайшей милости. Ждем крупных новостей.

Мне так много нужно было передать тебе, мой друг, серьезных вещей, что уж не остается больше времени для разговора о моих личных делах. Я не пишу тебе о Шарлотте вовсе не по забывчивости или равнодушию. Нет, мой друг, я ее люблю больше, чем когда-либо. Почти все вечера я провожу с нею, и только в ее обществе пользуюсь прелестями жизни, если можно называть жизнью пребывание среди разодетых дикарей, прикрывающих нашими модами и обычаями природную жестокость своего характера. Среди них можно жить только забывая про них, только стараясь обманываться на их счет.

Понедельник, 6. — К брату.

Каждый день, мой друг, совершаются новые гадости. Сегодня

утром я сидел и писал, как вдруг приходит Комбс и говорит, что Лормуа, конюший Великого Князя, получил отставку, под предлогом каких-то преобразований. С ним, впрочем, хорошо обошлись и обещали подарок от его высочества. Но он требует возвращения пятнадцати или шестнадцати тысяч рублей, которые ему должны. Лормуа собирается уехать; то, чему он был свидетелем, не внушило ему желания остаться, и как только он приедет во Францию, так разрешит себя от молчания, которое хранит здесь. Но и тут он уже говорит достаточно сильные вещи, например: великий князь не только слабохарактерен, а совсем лишен характера; он груб и жесток по натуре, а доброта его есть лишь результат трусости. Он ненавидит свою мать, которая его презирает и считает недостойным занимать то место, к которому он предназначен. Да и происхождение его не таково, как думают. Отец его не Петр III, а Салтыков[89]. Это обстоятельство, в связи с возвращением Орловых, заставляет думать, что Екатерина II намерена оставить престол кому-нибудь из своих незаконных детей. Вот, в кадетском корпусе, у Рибаса, есть, например, маленький Бобринский, которому теперь 12–13 лет, и Рибасу дали понять, что это не простой ребенок, а с большим будущим. Он — сын Императрицы, от Орлова. Прежде чем Лормуа уедет, я с ним поговорю.

Заезжал на минутку гр. Брюль. Он говорит, что принц Генрих подарил, на днях, Потемкину свой портрет, осыпанный бриллиантами. Очевидно, он желает поддержать Потемкина, в ущерб Орловым, которые не любят пруссаков. Орлов, почти уверенный в своем фаворе, пренебрегает настоящим фаворитом и преследует его злыми эпиграммами.

Сделав, вместе с маркизом, несколько визитов, я ужинал у Бемеров, и видел там барона Нолькена, который говорит, что гр. Андрей Разумовский будет командовать черноморской эскадрой в пять кораблей. Нолькен смотрит на это, как на милость, а я думаю, что такое поручение, по следствиям, к которым оно поведет, есть не что иное, как только рассчитанное мщение. Черное море пользуется дурной славою; русские — плохие моряки, а сама экспедиция совсем не привлекательна, так как имеет цели только коммерческие. Если она не удастся, то виноватым окажется гр. Андрей, который дорого за это заплатит. Как бы то ни было, положение друга моего, Разумовского, весьма плохо.

Вторник, 7. — К брату.

Буду продолжать отчет в наблюдениях, которые я сделал над этой страною. Я положительно думаю, что, видя вокруг себя одну

только злобу, я и сам стану зол, если не поберегусь. Тут люди зубами рвут друг друга, клевещут друг на друга, и у них, как сказал мне один русский, нет постепенного перехода между двумя совершенно противоположными состояниями души: от опьянения удовольствиями они перескакивают к самой черной злобе.

Сегодня утром был я на похоронах Великой Княгини. Мы приехали в 9 часов; пришлось ждать Императрицу. Как только она стала на свое место, началась служба. Тело покойной, в гробу, по-прежнему лежит на катафалке, гроб покрыт золотой с серебром парчою, а над ним белые и черные страусовые перья. Вместо парадного зала, в котором гроб стоял прежде, он перенесен теперь в капеллу, в которую надо спускаться на две ступени. Спустившись, Императрица стала на правой стороне, а фрейлины и статс-дамы — на левой; там же стояли и мы, только подальше к углу, около лестницы, ведущей в церковь Александра Невского. Служба продолжалась два часа, после чего епископ Платон произнес речь, заставившую плакать всех присутствующих, одних — искренно, а других — из лицемерия. Церемония кончилась опусканием гроба в могилу, вырытую около алтаря. Подробности этой церемонии ужасно тяжелы, особенно для того, кто лично знал покойную. Вот в чем они состоят: духовник читает вслух разрешительную молитву и прощает покойнику грехи, присоединяя к этому свой последний поцелуй; затем покойника посыпают солью и дают ему в руки паспорт, в котором оценивается его нравственность; после этого несколько священников снимают с гроба покров, поливают труп маслом, что обозначает последнее помазанье, и закрывают его навсегда; потом несколько светских людей приносят крышку гроба, а простой рабочий, без всякого траура, начинает ее привинчивать. Вид этого последнего субъекта прямо меня возмутил — настоящий посланник смерти! Во время этой печальной сцены Императрица представлялась плачущею; но я не верю в ее слезы: она слишком суха для этого. Кн. Орлов стоял около нее и держался очень прилично. Граф Иван Чернышов — истый придворный — сделал ему три глубоких реверанса, а Потемкину едва поклонился. Последний, говорят, тотчас же ушел.

Обедал я у Нолькена, который потом поехал к своей невесте, а я отправился на Васильевский остров, к Бемерам. Бедная Зиновьева, плохо себя чувствует; мы с ней говорили о гр. Андрее. Для того, чтобы видеть последнего, я поехал к Нелединской, но ее не оказалось дома. Между тем в квартире гр. Разумовского, куда я оттуда отправился, мне сказали, что он у Нелединской. Тогда я опять к ней вернулся и послал графу записочку, но мне ее

вернули без ответа. Отправившись затем к Загряжской, я узнал, что брат от нее уехал, и что я застану его, может быть, у Брюля. Но у Брюля я видел только барона Сакена, который сообщил мне, что Разумовскому дано новое приказание — уехать через шесть часов и что он уже выслал вперед свои экипажи. Мы поговорили об этом приказании, очевидно рассчитанном на то, чтобы наделать шума. Сакен уверяет, что немилость к Разумовскому началась уже давно, еще с Москвы; что сближение его с Потемкиным было причиною, оттолкнувшею от него Великого Князя. Другие говорят о Дюфуре, который на него насплетничал, уверив всех в существовании связи его с Великой Княгиней; если судить по мерам, принятым против гр. Андрея, то это толкование надо признать вероятным. Может быть и принц Генрих участвовал в этой интриге; он поддерживает Потемкина, чтобы помешать кредиту Орловых, которые терпеть не могут пруссаков. Он был бы рад, конечно, купить у Потемкина Россию, которую тот продает с удовольствием. Посмотрим.

Сакен сообщил мне также, что маркиз де-Верак получил отпуск во Францию. Ужинал я у саксонского посланника с гр. Брюлем, который приехал в половине одиннадцатого и предложил мне отправиться в Краснабак (*Crasnabac?*), чтобы повидаться там с Разумовским, за которым следят и который едет под конвоем офицера. Вернувшись домой, я нашел записку от гр. Андрея. Он уведомляет, что отказался от удовольствия проститься со мною из предосторожности, не желая подвергать меня преследованиям, что за ним следят и что он не знает, когда мы увидимся. Мне действительно говорили, мой друг, что при Елизавете один кавалер из шведского посольства при таких же обстоятельствах был сослан в Сибирь и вернулся только в царствование Петра III.

До свиданья. Все это омрачает мою душу и я начинаю вздыхать по Франции; это, впрочем, испытывают все иностранцы, приехавшие сюда по делам.

Среда, 8. — К брату.

Дело гр. Андрея, мой друг, говорят, будет иметь последствия. По словам одних — он останется в Ревеле, по словам других — будет сослан в Архангельск, а оттуда до Сибири уж не так далеко. Говорят также, что кн. Куракин арестован сегодня ночью, но это мало вероятно.

Был у маленькой Нелединской, которая меня укрепила в моем мнении о Загряжской. Говорили также о сплетнях насчет Разумовского: в шкатулке Великой Княгини найдены будто бы его любовные письма, в которых имеется проект договора с Великим

Князем, компрометирующий и маркиза де-Жюинье[90]. Нелединская очень бы желала, чтобы Разумовскому позволили ехать путешествовать, но этому воспротивится, может быть, его отец, несоглашающийся платить долги сына. Всех долгов у него 20 000 рублей. Он надеялся заплатить их из тех двухсот тысяч, которые Императрица обещала подарить Великой Княгине после ее родов. Ты помнишь, мой друг, что еще в Москве Великий Князь собирался платить долги Разумовского; вот это когда началось. Отец гр. Андрея очень богат, однакоже, и если путешествие будет зависеть только от него, то я полагаю, что оно состоится. Он даст сыну 5000 руб. в год, а этого достаточно, чтобы путешествовать без расточительности.

Говорят, Дюфура прогнали; я этому не верю. Не даром он служил шпионом Императрице и Панину, как уверял Комбса кто-то, бывший свидетелем переговоров по этому поводу. Тот же Дюфур, когда беременность Великой Княгини стала известна, искренно или по злобе говорил актеру Дюгэ: «Этот ребенок, мой друг, не от Великого Князя, а от гр. Андрея».

Четверг, 9. — К брату.

Я, кажется, писал тебе, мой друг, что Лормуа, конюший Великого Князя, получил отставку. Для того, чтобы уехать, он ждет только уплаты 15 000 руб., которые ему должны. Обещали дать ему подарок, но еще не уплативши долга перестали выдавать жалованье. На русских, мой друг, нельзя полагаться! По словам Лормуа, Великий Князь бесхарактерен, слаб, подозрителен, жесток, несправедлив и развратен от безделья; он обладает всеми пороками малодушных людей и не имеет ни одной добродетели; не веря в честность, он презирает всех окружающих и часто говорил Лормуа, что его придворные — негодяи. По мнению Лормуа, Великий Князь не делал исключения и для гр. Андрея, так что последний напрасно считал его своим другом. Ко всем недостаткам этого принца нужно прибавить еще невообразимую скупость и большую долю чванства. Прислуге своей он плохо платит, а посторонним раздает; между прочим, велел спороть галуны с ливрей, чтобы сделать попоны.

Что касается Императрицы, то она вчера, перед похоронами, завтракала у м-м Ляфон[91] большим ломтем ветчины, а после церемонии вернулась туда же обедать, причем одна воспитанница пела ей какие-то глупости, для того, чтобы развлечь и заставить смеяться. Эта цель была достигнута; Императрица ласкала певицу и сказала м-м Ляфон: «Люблю эту девочку, потому что она похожа на меня: плачет и смеется одновременно». Хитрая она женщина, кроме того, и чувствует свое превосходство над Великим Князем,

который ее ненавидит. Бояться этой ненависти она не может, потому что он слаб, малодушен, изъеден золотухой и геморроем, вообще недолговечен… А кроме того, все дворянство его презирает. Лормуа сообщил мне, что, кроме маленького Бобринского, Императрица воспитывает по-великокняжески еще одного своего незаконного сына, которому теперь 10–11 лет. Я спросил, откуда он знает все это, но он отвечал, что не может говорить здесь, а вот когда повидается с де-Верженном, то пришлет на мое имя письмо. Я не стал настаивать, но буду очень рад узнать от него подробности. Он, кажется, хорошо изучил Великого Князя и думает, что гр. Андрей жестоко в нем ошибся. Этот принц принадлежит к числу людей, которые никого любить не могут. Имея в виду, что Лормуа весьма много болтает, несмотря на то, что отказался говорить, я спросил его о Салтыковых, состоящих при Великом Князе. «Ни муж, ни жена ничего не стоют», — отвечал он мне: — «гофмейстер — человек низкий, а жена его — злая женщина». Он же сообщил мне о судьбе акушерки, состоявшей при великой княгине: она куда-то исчезла и Лормуа уверен, что она, вместе с Крузе, преднамеренно погубила покойную, сделавшуюся жертвой ревности и страха. Великая Княгиня слишком воодушевляла и подкрепляла своего мужа, а Императрице этого не требуется… Не думаю, чтобы ему легко было еще раз жениться.

Кстати, по поводу политики Лормуа думает, что нашего маркиза продал кто-нибудь из прислуги. Подозрения падают на Антона (Antoine), в виду нескольких слов, сказанных им Лормуа по поводу Дюфура, с которым он был знаком. Кроме того, я знаю, что этот мерзавец хвастался гр. Шереметеву своей близостью с маркизом и Дюраном, которые, будто бы, советовались с ним о делах. Мне очень тяжело подозревать также аббата Дефоржа, но он говорит по-русски, лицемер, хитрец и обладает особенным талантом льстить, ради личной выгоды, и преимущественно иностранцам.

Через Лормуа я узнал некоторые подробности об Азоне (Azon), бывшем французском консуле в Петербурге во времена владычества Дюбарри. Когда Лормуа был в Лондоне, брат этой Дюбарри[92] приехал туда ради обычных закупок для короля, а вместе с тем намеревался, при помощи Азона, заработать себе денег каким-нибудь путем. Одна сводня уведомила их, что в тюрьме сидит некий негоциант, обвиненный в распутстве, и что, выхлопотав ему прощение, можно очень попользоваться. Вследствие этого, сводня завлекает к себе герцога Кумберландского[93] и знакомит его с молоденькой, хорошенькой женщиной, одетой в траур и разыгрывающей роль жены

негоцианта. Эта женщина овладевает глупым и сластолюбивым герцогом, а через него добивается помилования негоцианта. Когда последнее состоялось, сводня уверяет помилованного, что он обязан своей свободой заступничеству высокопоставленного француза, гр. Дюбарри. Негоциант очень благодарен и приглашает своего избавителя обедать вместе с Азоном. Эти господа привозят с собою вино, напаивают негоцианта и обыгрывают его в карты на 10 000 гиней. Между тем настоящая жена негоцианта открывает это мошенничество, но уже поздно — деньги получены и разделены между участвующими, которые разъехались.

Ты можешь себе представить, мой друг, что и меня стараются замешать в историю Разумовского. Говорят, что я порицаю то обращение, которому он подвергся, и это конечно правда; но не правда то, что я будто бы вмешиваюсь не в свое дело. Я сожалел об его участи, находил неловким и неблагоразумным со стороны Великого Князя, даже непочтительным к памяти его жены, наказывать Разумовского за ошибку — пожалуй за преступление — которое должно бы быть скрыто, если б даже действительно было совершено. Но что же мне за дело до глупостей, которые делает русское правительство, в его распоряжения я ни коим образом не вмешиваюсь. Между прочим, говорят, что фельдмаршал, кн. Голицын, получил от Императрицы письмо, с дозволением гр. Андрею, в виду заслуг его отца, отправиться в Украину. В письме этом, однакож, о Разумовском говорится очень сухо: его считают заслуживающим строгого наказания.

Суббота, 11. — К брату.

Сегодня я, мой друг, обедал у Рэмбера, а оттуда отправился в Монастырь. Я уже тебе говорил, кажется, что в этом воспитательном учреждении молодые девицы делятся на три класса, из коих в каждом обязаны пробыть три года. Выходят они через девять лет и вот сегодня происходили публичные раздачи наград. Эта церемония совершалась в том же зале, где даются балы. Воспитанницы были отделены баллюстрадой от громадной толпы собравшейся на торжество. В средине предназначенного для них пространства, был поставлен стол, за которым сидели, посредине — м-м Ляфон, а по бокам — Бецкий и Миних[94]. Маленьким — М-м Ляфон раздавала ножички, ножницы, серьги и т. под. Какой-то господин вызывал их по списку, на русском языке. Затем наступила очередь больших. Им роздали двенадцать золотых и серебряных медалей, а восемь девиц получили шифр Императрицы, из них пять приняты в число фрейлин. На медалях, с одной стороны — портрет Императрицы, а с другой — роза и

виноградные ветви с какой-то надписью. Мне все это покажут, так же как и работы девиц, которые выйдут из монастыря в понедельник.

На церемонию смотреть было интересно, но судьба многих девиц, в ней участвовавших, достойна сожаления. Таланты едва ли к чему-нибудь послужат тем из них, которые принуждены похоронить себя в снегах Сибири; для помощи сиротам Императрица дает однакоже, 100 000 рублей, что конечно пойдет им на пользу.

Воскресенье, 12. — К брату.

Сегодня, по русскому календарю, 1-е мая; согласно здешнему обычаю, мы ездили кататься в Екатерингоф, недурной парк, в котором аллея, служащая для катанья, напоминает Лоншанскую. Было много народа как пешком, так и в экипажах, но такого движения, как у нас на парижских бульварах, не замечалось. Здесь нет того духа свободы и веселья, который царствует во Франции; нет здесь такой смеси разнообразных народностей и нет нашей непринужденности, которой, однакож, стараются подражать.

Чем более я изучаю эту нацию, тем нахожу более трудным определить ее. Это какая-то смесь лиц, мало подходящих друг к другу, между которыми вы не найдете градаций и оттенков; последовательности в ходе их идей, принципов и систем вы не откроете! С первого взгляда вы увидите дикий народ и просвещенное дворянство, обладающее вежливыми, привлекательными манерами. Но посмотрите поближе и вы поймете, что это дворянство есть не что иное как те же дикари, только разодетые и разукрашенные, отличающиеся от простого народа только внешностью. Из этого общего правила можно сделать лишь несколько счастливых исключений, которые благодаря частым сношениям с иностранцами или другим каким-нибудь причинам избегли общей участи.

Видел я работы воспитанниц Смольного Монастыря, выставленные в большом зале: тетради, планы, рисунки, картины, ноты и проч. Особенно выдающегося ничего нет, но все же это чего-нибудь да стоит. Окончившие курс вышли в среду, и многие из них поступили компаньонками к придворным дамам. Нелединская взяла себе одну дворянку, и хочет взять еще одну, из буржуазного сословия. О судьбе гр. Андрея Разумовского ничего положительного неизвестно. Одни думают, что он пойдет Сибирь, другие говорят что он сослан в Архангельск, а есть и такие, которые уверяют что его пошлют командовать эскадрой, стоящей в Архипелаге.

Понедельник, 20. — Шарлотте Бемер.

В твое сердце, мой милый друг, хочу я складывать горе и радость, мне в жизни встречающиеся; ты одна будешь повереннoю моей души, тебя одну нахожу я достойной моего полного доверия.

Сегодня утром я получил письмо от гр. Андрея Разумовского; оно мне доставлено из Ревеля хирургом его отца, сопровождавшим бедного изгнанника, который, даже в несчастии, сохранил то честное и благородное сердце, тот здоровый, философский ум, которые привлекали меня к нему во дни счастия. Поэтому, дорогая Шарлотта, я не изменю своего о нем мнения, я не буду таким ветряным, как фортуна. Ты знаешь, мой друг, какую тень хотели набросить на мое поведение. Императрице донесли, что я провожал Разумовского за три станции, тогда как, в день его отъезда, я преспокойно сидел у бар. Нолькена, откуда тщетно рассчитывал видеть как он поедет. Мне это не удалось. Многие имели даже глупость уверять, что мы с Комбсом также арестованы и сосланы. Эти сплетни, мой друг, доказывают только, что Разумовского можно любить, и что французы способны не покидать своих друзей в несчастии. Я целое утро тщетно гонялся за ним; был, между прочим, у Нелединской, которая несмотря на горячую любовь к гр. Андрею, успела уже кажется позабыть его.

Видел сестру его, Загряжскую, которая собирается ехать в Ревель. Говорят, что он скоро оттуда уедет за границу; говорят даже, что он будет назначен русским послом в Португалии.

Вторник, 21. — К брату.

Новости за новостями. Падение Потемкина, возрождающийся фавор Орловых, отъезд принца Генриха — который, говорят, будет сопровождать в Берлин Великого Князя, где последний познакомится со своей будущей женой, принцессой Вюртембергской, теперь помолвленной с братом покойной Великой Княгини[95] — все эти готовые совершиться происшествия возбуждают пропасть разговоров и умозаключений. Я никаких не делаю, а жду что будет.

Сегодня была раздача наград в кадетском корпусе, церемония очень похожая на ту, которая происходила в монастыре. Кончили курс только двенадцать или четырнадцать молодых людей. Фельдмаршал кн. Голицин раздавал им серебряные и золотые медали разных величин; получивший золотую медаль посылается на несколько лет за границу, на счет ее величества.

Ужинал у Нелединской, которая сказала, что кн. Трубецкая

не приедет, причем показала письмо последней, в котором я ничего не понял. Между тем, по словам Нелединской, там говорится обо мне. Постараюсь разъяснить этот факт, который кажется мне очень интересным.

Среда, 22. — К брату.

Был у гр. Головиной[96], где танцовал до половины десятого. Было много воспитанниц монастыря, не считая м-ель Дугни (Dougni?) и Глинской, которые живут у Нелединской и Головиной. Первая — очень веселая девушка, и, по наивности или по какой другой причине, позволяет себе говорить двусмысленные вещи. Другая — натура более тонкая и деликатная. Не знаю уж достаточно ли они обе умны. Ужинал у жены фельдмаршала Голицына, которая весьма любезно упрекала меня за то, что редко бываю. Была там Матюшкина и сидела между мною и молодым кн. Голициным, который за нею ухаживает. Говорили о будущей Великой Княгине, как будто бы она уже была тут, а прежней никогда не существовало. Тебя это удивляет, мой друг, а меня — уже нет. Таковы русские! Я начинаю их узнавать.

Четверг, 23. — К брату.

Сегодня мы с Комбсом были у Леруа. Он нам прочел свое последнее письмо о России, касающееся здешних законов, нагроможденных друг на друга и совершенно неудовлетворительных. Леруа хорошо пишет; он отчетливо излагает свои идеи и вы без труда, но с большим удовольствием, следите за их развитием. Собрание таких писем, в которых будут описаны подробности здешней администрации, пороки и недостатки, которыми она страдает и проч., составит очень поучительную книжку.

После обеда я ездил с Бемерами за город. Шарлотта была печальна; она думает, что я влюблен в Спиридову, как ей кто-то сказал. Перед расставаньем мы имели объяснение по этому поводу; я, насколько мог, уверил ее что все сплетни на мой счет ложны. От Бемеров я отправился к Зиновьевой, где нашел княжну Трубецкую и Серест (Cereste), с которыми мы очень весело поужинали. Я сидел между хозяйкой и княжной, рассказывая им всякие глупости, над которыми они очень смеялись. Последняя несколько раз исподтишка взглядывала на меня и улыбалась, как бы давая понять, что видит меня насквозь. После ужина, с ней несколько времени разговаривал Комбс, причем я заметил, что Серест смотрит на него, стараясь понять о чем идет разговор. Таким образом, друг мой, я вижу, что княжна вовсе не

предубеждена против меня и что весь шум поднят отцом и гувернанткой.

Гр. Панин все хворает. Ему уже сделали два прокола, но кажется придется прибегнуть ко вскрытию сумки. Здесь немного хирургов, способных произвести такую операцию, так что решаются выписать очень искусного француза, бежавшего в Англию. Только Панин слишком истощен, благодаря распутству, и слишком слаб для того, чтобы выдержать операцию, и потому положение его очень опасно.

Мне сообщили, что гр. Петр Разумовский[97] собирается жениться на молодой вдове, которая была или продолжает быть любовницей Великого Князя, встречавшегося с нею у Панина. Отец его, фельдмаршал, очень противится этой женитьбе, а Великий Князь сделал уже свадебный подарок в 3000 рублей.

Пятница, 24. — К брату.

Я посылал тебе сегодня письмо с Лормуа, бывшим конюшим Великого Князя, выгнанным в отставку, как все, состоявшие при Великой Княгине. С ним поступили возмутительно; не заплатили ему 15 000 р. долга, не прислали обещанного подарка, и дали всего 500 р. Ну и воспевает же он им хвалебные песни за это! Он мне советует продолжать вести себя с русскими по-прежнему весело, но ни в чем им не верить, а кроме того остерегаться Гибала (Quibal) и Буассона, агентов Дюфура. Последний, служивший лакеем у гр. Андрея, француз по происхождению; он часто ходит к моему Гарри, но я нисколько не беспокоюсь о том, что он может подсмотреть и подслушать. Лормуа уверяет, что после Великой Княгини остался долг в 3 000 000 р.; он это знает из верного источника.

Суббота, 25. — К брату.

Лормуа уехал сегодня вечером, и без помощи маркиза не мог бы этого сделать. Маркиз дал ему 175 р., которые Лормуа пришлось внести по поручительству за одного француза и без которых ему не хватило бы денег на дорогу. Такая своевременная щедрость со стороны маркиза меня нисколько не удивляет, я тебе уже много раз говорил, что он скуп, но честен и справедлив. Мы с ним делали визиты, между прочим — к Зиновьевой и кн. Щербатовой, которым я его представил. У Щербатовой нам показывали медаль, даваемую воспитанницам монастыря, при выходе. Я тебе говорил, что медали эти бывают золотые и серебряные, но я ошибся: они все золотые, только разной величины. С одной стороны на них выбито изображение Императрицы, с ее именем русскими буквами, а с другой — ветки

винограда разных величин, освещенные лучами солнца, в середине которого помещена роза — эмблема императрицы; вверху — надпись: «Вот как они воспитываются» (C'est ainsi qu'ils s'elevent), а внизу — другая надпись, в которой значится что медаль служит наградой за добродетель и заслуги. Кроме того, на каждой медали выбито имя получившей и год выдачи.

День я кончил очень скучно, у гр. Чернышевой, у которой ужинал. Я тебе уже несколько раз говорил про эту даму, что она настоящая русская и сегодня она мне это доказала. Начала она с изысканной вежливости и особенного за мной ухаживанья; меня это удивило, но не надолго. Вскоре оказалось, что ей нужен девиз для кольца на кошелек, который она посылает гр. Штакельбергу. Я ей понадобился, вот она за мной и ухаживает. Обещав составить девиз, я внутренне решил не исполнять своего обещания. Людям надо платить тою же монетою, которою они сами расплачиваются.

Воскресенье, 26. — К брату.

Во вторник Великий Князь едет на Каменный остров класть первый камень своего дворца. Поездка его в Берлин еще не решена окончательно, а может быть ее пока не хотят объявлять, по политическим причинам. Горе свое он давно позабыл. Говорят, его развлекает одна из фрейлин Императрицы. Опять начали устраивать частные спектакли. Фельдмаршал Голицин строит театр; о спектаклях говорят и у Головиных, и у Спиридовой; я приглашен повсюду.

Вторник, 28. — К брату.

Мы с маркизом обедали у кн. Щербатова. Чем более я бываю в этом доме, тем более остаюсь им доволен. Это один из тех домов, в которых менее всего придерживаются национальных предрассудков. Хозяйка дома очень умна и знает свет. Она недовольна монастырем и взяла оттуда свою дочь, ничему хорошему, по ее словам, не научившуюся. К тому же здоровье дочери пострадало от плохой пищи, так как в монастыре царствует безобразное скряжничество. Воспитанием она тоже не особенно довольна, а что касается образования, то дочь ее, получившая медаль, писать правильно не умеет. Впоследствии мы узнаем больше — воспитанницы, привыкшие притворяться, не говорят пока всего, что думают и не рассказывают обо всем, что видели. Вот уже два года как их жалобы стараются заглушить всякими развлечениями, но очарование разбивается, они перестают бояться м-м Ляфон, а когда совсем про нее забудут, то заговорят. Кн. Щербатова очень боится за другую свою дочь,

которая еще в монастыре. Она отдала туда своих детей надеясь на кн. Долгорукую[98], которая тогда управляла монастырем, обладая всеми нужными для того качествами; но м-м Ляфон, с помощью Бецкого, сумела выжить Долгорукую и села на ее место. В виду рассказов об уме и достоинствах Бецкого, ты можешь вообразить, мой друг, что эта м-м Ляфон какая-нибудь особенная женщина, по крайней мере одаренная талантами и знаниями. Но ты ошибешься: ничего подобного. Все ее заслуги состоят в уменьи оседлать Бецкого, этого глупого и тщеславного старика, всю жизнь работавшего более для себя чем для родины. Я не буду говорить о происхождении м-м Ляфон; она, говорят, дочь здешнего торговца винами, и образование не заставило ее забыть винную лавку, — но что вполне верно и о чем все здесь говорят, так это то, что у ней нет никаких принципов, никакой системы. Я сам читал, мой друг, наставления, которые она давала выходившим из монастыря девицам, и могу сказать что в них нет никакой основы, никакой связи, и что даже написаны они на плохом французском языке, с орфографическими и стилистическими ошибками, так что представляют собою нечто плачевное как по мысли, так и по форме. Орфографические ошибки зависят может быть от плохой переписки, но они во всяком случае доказывают крайнюю небрежность в надзоре за работами воспитанниц, даже тогда, когда они работают не для себя лично, а для публики. У меня хранится целая тетрадь этих наставлений, которую я велю переписать для тебя со всеми ошибками; ты тогда сам будешь судить о справедливости тех безбожных похвал, которые расточаются подобным учреждениям и их творцам.

Проведя часть вечера у Бемеров, где читал один роман, я отправился ужинать к гр. Головиной, где была Нелединская, над которой я шутил по поводу отношений к Андрею Разумовскому и ее непостоянства. Она говорила, что это ей не нравится, уверяла, что не забывает отсутствующих, а в то же время давала понять, что не оттолкнет утешителя. К такому предложению не следовало быть глухим, но я остался глух, потому что надо же быть нравственным, и хоть я — цыган, но сердце мое менее склонно к иным сделкам чем ум. Эта дама увезла меня в своей карете, к себе, и я даже посидел у нее, но вышел столь же чист, как и вошел.

Среда, 29. — К брату.

Сегодня я, мой друг, с аббатом и молодым кн. Щербатовым[99] ходил по лавкам. Видел тульские клинки, очень не дорогие; вполне отделанная шпага, с портупеей, цепочками и

проч. стоила мне пять рублей. Молодой князь — полное ничтожество — ни идей, ни живости, ни деликатности. Затем мы отправились к Бильо. Бедная женщина в горе: сын ее, живший в Москве, бежал в Украину с тремя тысячами рублей, принадлежавших брату, который живет здесь. Этот молодой человек был любимцем матери, но игра заставила его уже наделать много глупостей. Между прочим Бильо жаловалась мне на глупости, которые делает Лессепс; завтра я объясню тебе в чем дело. Все это последствия малоумия нашего консула и его тщеславия.

Ты будешь смеяться, когда я расскажу тебе об очаровательном обеде вдвоем, который я имел сегодня. Я обедал с одним англичанином… У нас было одно только блюдо, но за то превосходное; а главное — некому было мешать. Шекспир был, впрочем, третьим среди нас, и мы веселились по-деревенски, так как это происходило у Перро. Поевши, поговоривши, почитавши Шекспира, мы занялись политикой, но не по образцу Нормандеца, который всюду вносит неприятную сухость, а как мудрые граждане и философы. Перро сказал мне, что английские роялисты очистили Бостон, что Испания вооружается, Англия — тоже, и что семейный договор (Pacte de famille) может вызвать ссору; желаю, чтобы ничего этого не случилось. Барон Сакен, которого я видел, перед обедом, уверяет, что дела Разумовского плохи, так как открыта систематическая его переписка с Дармштадским двором, и в этом состоит главная его вина. Затем — Великий Князь кажется не поедет в Берлин, так как Орловы тому препятствуют, а их влияние усиливается, в ущерб Потемкину. Что касается той фрейлины, которая состоит будто бы в связи с Великим Князем, то это едва ли верно. Мне говорили только, что через три дня по смерти Великой Княгини его свели с какою-то девочкой, чтобы утешить. Это средство подействовало — слезы его высохли, если когда-нибудь текли.

Четверг, 30. — К брату.

Час пополуночи, а солнце уже встает. Россия — положительно страна крайностей; то солнце не сходит с горизонта, а то совсем не хочет над ним подниматься.

Сегодня был у меня Жилляр (Gillard). Он не любит Рибаса из кадетского корпуса, и говорит, что этот Рибас ввел там сократовскую любовь, со всеми ее сальностями. Не хочется этому верить.

Пятница, 31. — К брату.

Я тебе говорил, мой друг, о фальшивом характере русских. В

обществе это только стесняет и сердит, но в делах — прямо губит. Несчастен тот, кому приходится иметь дела с русскими. Дам два примера, доказывающие ненависть этих людей к нам и их несправедливость вообще.

Есть здесь некий Дэмарэ, купец, которому один из Салтыковых много должен. По происшествии долгого времени, получив несколько отказов, Дэмарэ идет к своему должнику и требует немедленной уплаты. Салтыков отвечает, что ничего не должен, и рекомендует обратиться к своему опекуну. Дэмарэ настаивает, Салтыков грозит его выгнать, а когда первый сказал: «Фи, граф, неужели Салтыков так должен платить свои долги?», то последний приказал своим лакеям избить его до крови. Несчастный и теперь болен, и правосудию нет никакого дела.

Другой Салтыков, Сергей[100], задолжав 4000 рублей некоему Годэну, французскому купцу, живущему здесь уже двадцать лет и слывущему честным человеком, предлагает ему получить в уплату вексель г-жи Грибоедовой на 10 000 р. с тем, чтобы 6000 взять от него товаром. Годэн принимает вексель, так как сама Грибоедова его признала, но он предлагает дать только 4000 драгоценностями, а остальные 2000 внести деньгами. Согласились. Месяца два спустя, полицмейстер Архаров (Akarof) зовет к себе Дэмарэ, чтобы узнать подробности сделки, и без всякого суда засаживает его, в кандалах, в погреб, где тот и сидит теперь со 2-го февраля. Маркизу обещали освободить этого человека, но до сих пор обещания не исполнили. Вот, мой друг, легкий очерк русского правосудия и честности, встречаемой нашими купцами в этой стране.

Не знаю, как повернутся дела. Испания вооружается, Англия — тоже, так что и мы, пожалуй, не останемся простыми свидетелями. Мы здесь закупаем большие запасы пеньки; приехал некий Трэн (Train) для закупки леса. Лессепс заранее разгласил о приезде этого господина. Некий Сэн-Валь сообщил эту новость английской колонии, что не может быть полезным при настоящих обстоятельствах. Тем более, что и в самой России не совсем спокойно, некоторые народы взбунтовались (?); турки недовольны заключенным миром. Эти волнения скорее задержат, чем ускорят ход наших дел.

Говорят, что Великий Князь далеко не так сердит на Разумовского, как можно было думать. Он не верит сплетням на счет отношений гр. Андрея к Великой Княгине. Это мне кажется очень удивительным, так как он — человек слабый и подозрительный. Верно лишь то, что возвращаясь с Каменного острова, где произвел закладку нового дворца, он не заехал к гр. Панину и даже не присылал справляться об его здоровье.

Князь Орлов далеко не пользуется таким доверием, как говорили. Он очень груб и не годится для женского общества, за исключением известных случаев. Здесь есть г-жа Зиновьева, которая, будучи фрейлиной во время первого фавора Орлова, имела от него ребенка. Он тотчас же выдал ее замуж за Зиновьева, посланника в Испании[101]. Эта милая и любезная женщина была тогда в таких же отношениях с императрицей, в каких состоит теперь графиня Брюс. Однажды, прогуливаясь с Ее Величеством, она уступила ласкам последней и призналась в своей связи с Орловым. Это признание ее погубило: прислав на другой день 10 000 р., Императрица запретила ей показываться ко двору. Теперь, в виду расстройства своих дел и возрастающего доверия императрицы к Орлову, она обратилась, к нему за помощью, но тщетно: находя ее постаревшей и непривлекательной, он ей на отрез отказал.

У Бемеров был большой ужин; присутствовали пруссаки, и кн. Лобкович. Говорят, что Великий Князь окончательно решил 25 числа ехать в Берлин, где встретится с принцессой Виртемберской, невестой принца Дармштадтского, который прислал сюда свой отказ от нее. Принц Генрих остается еще здесь, а Великого Князя будет сопровождать фельдмаршал Румянцев.

Приехал сюда генерал Панин[102]; вот еще загадка, об этом следует подумать.

Июнь

Суббота, 1 июня. — К брату.

Не знаю, что и думать об одной женщине, поведение которой удивительно странно и непоследовательно. Я говорю о Нелединской, которая, в Москве, показалась мне очень ветреной, здесь, сначала — нежной, потом — опять ветреной, но всегда кажется хорошенькой и любезной. Она довольно серьезно была привязана к гр. Андрею, но отъезд его по-видимому нисколько ее не опечалил; меня это очень удивило. Однажды я сказал ей все, что об этом думаю, но она упрекала меня за недоверие. Между тем на другой же день она очень меня расхваливала гр. Вахмейстеру, который думает, что я за ней ухаживаю, и ошибается. Вчера я ее встретил у гр. Головиной, и мы вместе гуляли. Она говорила о гр. Андрее, но в очень смутных и двусмысленных выражениях, причем дала мне понять, что имеет право жаловаться на него, и до такой степени за мной ухаживала, что я не знаю, что думать. Она сделала все, что могла, чтоб удержать меня, но я не уступил, так как обещал быть у Голициной, куда и отправился. После ужина, мы пошли гулять по набережной, служащей общим местом встреч; там я опять нашел Нелединскую, подал ей руку и мы вновь поговорили. Посмотрим, что все это значит, а пока я постараюсь выведать от нее, чем ее обидел гр. Андрей; посмотрим чем это кончится. Вернулся я к себе в половине второго; ночь была дивная, удивительно светлая, в 12 часов можно читать газеты. А через месяц будет еще светлее. Но за это маленькое удовольствие приходится платить очень дорого; я не без оснований говорил тебе, что живу в стране крайностей как физических, так и нравственных.

Воскресенье, 2 июня. — К брату.

У маркиза обедал гр. Шереметев, наговоривший мне много любезностей и упреков за то, что редко видимся. Мне очень приятны эти любезности, но другом его я все же не буду. Это заставило меня подумать о себе: я, как и все, люблю похвалы и меня легко поймать на эту удочку, но есть люди, которым это никогда не удастся, с которыми я никогда не сойдусь. Шереметев, по общему отзыву, добрый малый, то есть не имеет особенных недостатков; Пюнсегюр, в Москве, находил его даже очаровательным человеком. Но мы с маркизом думали и думаем о нем иначе. Это человек русский, лишенный разума; человек, которого путешествия не развили и которому богатство не дает счастия, потому что он не умеет им пользоваться. Он

подозрителен как все мелкие души и слабые умы; он не умеет ни любить, ни ненавидеть; чувства его неопределенны, а привязанности обращаются чаще всего на льстецов и на лакеев. В его внешности и обращении есть что-то непоследовательное. Блестящая роскошь одежды, карет, ливрей, и никакой представительности в собственной особе, никаких приемов. Прибытие его возвещается скороходами (*coureurs*), но прибывает он, со своим блестящим кортежем, в весьма немногие дома и очень редко. Вообще Шереметев мало бывает в свете; он предпочитает сидеть дома, окруженный компанией, которой платит и которою командует. Он ни русский по манерам, ни француз по ходу идей; он любит все французское кроме самих французов, а к русским примыкает, только по национальному характеру. По богатству, он был бы первым человеком в России, если б обладал тонкостью в обращении, чувствительным сердцем и философским умом. Он завладел бы всеми женщинами, раздавил бы всех мужчин, все бы его боялись, любили, уважали.

Ездил с Комбсом кататься в Екатерингоф. Было много экипажей и толпа народа. Эти рабы, эти мужики, заменяющие здесь народ, представляют удивительный контраст с образованной частью нации. С одной стороны вы здесь видите роскошь, почти такую же, как в Париже, богатство, хорошие манеры, а рядом — грубые мужики пляшут и поют те же песни, которые вы услышите от извозчиков (*ichwauchiks*), на всех дорогах Империи. Цивилизация — с одной стороны, и варварство — с другой, всегда удивляют иностранцев. Точно будто два народа, две различных нации живут на одной и той же территории. Вы заранее чувствуете себя и в XIV и в XVIII столетии.

Проехавшись несколько раз, мы, по обыкновению, отправились в Летний Сад, а оттуда к гр. Головиной, где встретили княжну Трубецкую. После ужина я опять гулял по набережной, вместе с Потэ, который занимает в кадетском корпусе место, приносящее ему 600 р. в год. Он там играет роль заведующего развлечениями репетитора и режиссера спектаклей. Потэ приехал сюда по торговым делам, но любовь к театру, отвлекая его от этих дел, заставила взять место в корпусе, тем более, что они давнишние приятели с Рибасом, который в это время занял там место директора. Однакоже хитрый итальянец, вошедший в милость, не мог ужиться с нашим добродушным Потэ; Рибас хотел сделать из него домашнего шпиона, а Потэ не согласился, так что теперь они очень охладели друг к другу, и Потэ уже подумывает об отставке. Ему предлагали в Москве место на тысячу рублей, с готовой квартирой, отоплением, освещением и даже пищей, причем он должен будет управлять вокзалом,

который учреждается каким-то обществом. Этот Потэ наговорил мне много хорошего о Щербатовых, о которых я тебе писал несколько раз, и он же сообщил мне причину сумасшествия бедной княгини, так как она действительно сошла с ума.

Среди ее родных есть некий кн. Прозоровский, успешно дравшийся с Пугачевым; этот господин обладал слишком крупными преимуществами, по сравнению с мужем княгини, для того, чтобы последняя могла остаться к нему равнодушною, и не осталась. Желая, однакож, задушить опасную страсть, она употребила на это все усилия своей воли, и вышла из борьбы чистою, но потерявшей рассудок. Сколько дам, на ее месте, предпочли бы его сохранить!

Говорят что горничная покойной Великой Княгини получила отставку и две тысячи рублей, да несколько платьев, которые Императрица велела ей отдать; а между тем врачам и хирургам, невежество и небрежность которых были причиною смерти бедной принцессы, дано 10 000 р.

P. S. Только что узнал от одного русского, что тот Шереметов, о котором я тебе говорил, не что иное как человек очень ограниченный, помирившийся с отсутствием ума и предпочитающий хорошему обществу какую-то французскую потаскушку, которую содержит и от которой почти не выходит. Другие мне говорили, что это самый богатый, но в то же время и самый дрянной человек в Европе.

Понедельник, 3. — К брату.

Сегодня у меня был гр. Брюль и мы говорили о делах, которые не двигаются. Ему советуют повидаться с кн. Орловым, который сам желает его видеть, но он боится, как бы князь не предложил ему жениться на Зиновьевой. Ты знаешь, мой друг, что эта фрейлина, племянница князя, имела от него ребенка, за что он ей назначил 100 000 р. и настолько же бриллиантов; но нужно найти мужа, а Брюль не желает быть таковым. Ему может быть предложат здесь место, но я и того брать не советую — вмешательство кн. Орлова поставит его в неловкое положение.

Вторник, 4. — К Альбертине Бемер.

Сегодня я ужинал у г-жи Спиридовой, которая так беспокоит вашу сестру, боящуюся, чтобы она меня не соблазнила. Спиридова очень мила, но пуста, и с претензиями. Ее красивая и грациозная фигура действительно могла бы быть опасной для меня, если бы соединялась с образованием и постоянством. Мы с ней говорим о стихах, о литературе, о маленьких, пустеньких, рассказцах и проч. Она теперь переводит с русского на

французский язык немецкую поэму Гесснера: Потоп. В тот же день я обедал у кн. Щербатовой, которая пригласила меня ужинать, вместе с ее дочерью, но я отказался, потому что не хочу ссориться с Шарлоттой.

Вы знаете Биржу, это хваленое место прогулок, которое действительно могло бы назваться хорошим, если бы не было лучших. Я там был сегодня утром. Вид приходящих и уходящих коммерческих судов доставляет мне удовольствие; я люблю это зрелище, но здесь оно лишь слабо напоминает мне Амстердам, через который я проезжал в октябре 1774 г. В тамошнем порте стояло тогда 3000 судов, да ожидалось еще 5000. Ну а здесь их и всего то бывает несколько сотен, включая барки. А говорят о виде! Это справедливо лишь для того, кто не видал ничего другого. Все в мире относительно, все друг с другом связано. Абсолютной ценностью обладают только честные и твердые люди, для таких же честных и твердых, как они. Вы, мой друг, принадлежите именно к числу таких людей; но вы и Шарлотта, кроме того, еще и достойны любви. Судите же сами, прочна ли моя к вам дружба, основанная на таких непоколебимых принципах.

Среда, 5. — К брату.

Есть здесь, мой друг, некий гр. Нессельроде, который прежде состоял на прусской службе и был очень близок к королю, а потом перешел на службу ландграфини дармштадтской[103]. Он приехал сюда в надежде получить место при Великой Княгине, а она тем временем умерла. Это очень умный, остроумный и разговорчивый человек. Он много рассказывал о прусском короле и начертил мне, одним почерком пера, его профиль, говорят, очень похожий. Я бы его награвировал. Гр. Нессельроде даст мне прочесть письмо Вольтера к королю прусскому.

Четверг, 6. — К брату.

Мы с маркизом ездили сегодня смотреть фарфоровый завод, находящийся в 12 верстах от города. Директором его состоит один финляндец, живущий здесь с женой, которая очень не дурна. Завод плохо обставлен, хороших работников в нем мало, а продукты слишком дороги. Самое здание, о 19 окнах по фасаду, стоит в глубине двора, засаженного деревьями, на берегу Невы, другой берег которой, в этом месте, принадлежит уже Швеции.

Ничего особенно хорошего я там не видал. Рисунки посредственны, а тесто, не совсем белое, наклонно к остеклению. Нам показывали глину, из которой оно приготовляется; она привезена из Оренбурга и я взял себе кусочек на образец. Очаги, в

которых производится обжигание, устроены не так как в Саксонии: там огонь помещен внизу, а здесь он на одном уровне с изделиями. Правда, здесь употребляют более уголь чем дрова, а его, по словам директора, требуется гораздо меньше.

Вечером был большой концерт у жены фельдмаршала, кн. Голициной. Матюшкина еще утром, через моего лакея, рекомендовала мне быть на этом концерте, и я послушался. Концерт был очень хорош. У меня там завязалось маленькое приключение. Проходя в одну из боковых комнат, мы с Вахмейстером встретили дочь полицейского чиновника, Зыбину и молодую Теплову. Я им загородил дорогу и, задержав Зыбину, стал говорить ей любезности и даже поцеловал. Она нисколько не противилась, глазки у нее заблестели, и я думаю, что будь, мы одни, дело этим бы не кончилось.

Пятница, 7. — К брату.

Итак, мой друг, Тюрго и Мальзерб[104] остались за флагом. Первый пал жертвой коварства, а последний сам подал в отставку. Будучи способен к службе, он не хотел сидеть сложа руки, что ему пришлось бы благодаря козням врагов. Желаю, чтобы Г. Г. де-Клюньи и Амло[105] оказались способными заменить их, но боюсь, что они не имеют определенной системы и что это поведет к некоторой революции особого рода.

Маркизу говорили, что гр. Андрей настраивал Великую Княгиню против пруссаков, что это не нравилось Императрице; гр. Лясси, будто бы, внушил ему эти идеи.

Великий князь, вместе с принцем Генрихом, едет в Берлин 21-го. Некоторые полагают, что накануне отъезда он захворает, чтобы остаться здесь. Между тем все распоряжения по конюшне почти уже сделаны. Одна карета предназначена для великого князя, две — для свиты, и шесть — для прислуги.

Суббота, 8. — К брату.

Сегодня утром, мой друг, Пюнсегюр прочел мне сумасшедшее письмо своего отца, завзятого экономиста, относящегося к делу со всем фанатизмом и ходульной фразистостью, свойственными таким людям. Я не верю в его знания и думаю, что у него больше слов чем мыслей. Он принадлежит к числу людей, которые только роняют экономическую науку. Ты знаешь, мой друг, что я настолько же уважаю принципы экономистов, насколько возмущаюсь дутым энтузиазмом и сектантской манерой многих из них, притом именно наименее образованных.

Вчера, в Царском селе состоялась свадьба Рибаса с Анастасией Соколовой[106] горничной Императрицы. Обед

состоялся при дворе, в присутствии Великого Князя; молодые получили подарки. Этот Рибас, неаполитанец, хитер как все люди этой национальности. Я тебе рассказывал, как он объехал Бецкого и получил место директора в Кадетском корпусе. Теперь брак послужит к его дальнейшему возвышению. Ее Величество дала 10 000 р. ему и 15 000 — его жене, которая была прежде любовницей Бецкого[107], а этот безумный старик, выдавая ее замуж, прибавил еще дом и тридцать или сорок тысяч. Вот, мой друг, как здесь составляются состояния. Рибас ничего не имел, когда сюда приехал, но благодаря своей ловкости, приобрел очень много. Он, конечно, талантливый молодой человек, но не безупречный, и даже очень. Это не помешало ему сделаться директором корпуса. Я тебе говорил о дружбе его с Нормандецом; я думаю, что она зиждется на хитрости одного и глупости другого. Рибас, желая прослыть испанцем и пользоваться покровительством Гр. Лясси, ухаживает за Нормандецом, который рассчитывает им пользоваться, не понимая, что хитрый итальянец смеется над ним внутренне. Перро не любит ни того ни другого из них, но уж особенно испанца, потому что тот напел на него Бецкому и помешал получить место инспектора (directeur des etudes).

Воскресенье, 9. — К брату.

Давно уже я ничего не писал тебе, мой друг, о гр. Андрее Разумовском. Сегодня я получил об нем некоторые сведения косвенным путем, через Зиновьеву, которой он писал, что сам не знает, что с ним будет. Одни говорят что он будет возвращен, а другие, в том числе гр. Брюль, этого не думают. Последнее мне кажется более вероятным.

Женитьба Рибаса наделала шума. Фельдмаршал Румянцев был посаженым отцом Рибаса (a couduit a la ceremonie nuptiale), а Императрица — посаженой матерью Соколовой. Дидро воспользуется, вероятно, случаем восхвалять доброту Ее Величества, которая бесит русских и заставляет умных людей пожимать плечами. Но Дидро прекрасно знает что делает. Ему нужно издавать Энциклопедию и сундуки ее величества будут к его услугам. Я тебе не говорил, каково было воспитание Анастасии Соколовой? Ее воспитывала м-м Клэран, по рекомендации какого-то русского вельможи, который хотел сделать ее актрисой своего театра, но Клэран отказала ему в этом в виду дурной его славы. Будучи дочерью кучера и одной бедной женщины, из милости живущей в доме Бецкого, каким образом достигла она того, что теперь имеет? Колесо фортуны, мой друг, вертится в этой стране скорей чем где либо, и совершенно

незаметно подняло Рибаса с женой на теперешнюю их высоту.

У маркиза был большой обед. Он вполне основательно любит хорошо накормить гостей и соответствующим образом оплачивает повара. Но меня бесит, что он, перед своими секретарями, получающими от него не более ста пистолей, рассказывает о 1200 ливрах, которые платит повару. И он это делает вовсе не потому, чтобы не понимал разницы в их положении, как иной откупщик, платящий повару больше чем учителю, потому что обед для него важнее книги. Нет, мой друг, маркиз — человек честный и просвещенный, но он скуп, он любит деньги и тратит их насколько возможно меньше.

Штелин, секретарь академии, о котором я, в виду места им занимаемого, имел преувеличенное мнение, оказывается просто сыном лакея или даже сам служил в лакеях. Он здесь состоит еще и президентом петербургского экономического общества, в которое предложил вступить и мне. Я не дал положительного ответа — надо еще посмотреть, что это такое.

На набережной встретил Зиновьеву, с княжной Грузинской; князь Орлов подходил к их карете и сказал, что влюблен в одну из только что выпущенных воспитанниц Монастыря. Он гулял с ними в Летнем саду. Не люблю я, мой друг, самодовольного фатовства, которым отличается этот князь. Оно совсем не идет к той крупной роли, которую сыграл Орлов и еще намеревается играть. Наши вельможи ведут себя иначе; они, может быть, и делами не занимаются, и женщин любят больше чем русские, но они никогда не роняют своего достоинства.

Говорят, Орлов уже выбрал для своих забав четырех девиц, кончивших курс в Монастыре; в России всегда так поступают.

Не знаю, почему Леруа не советует мне довериться фрейлине Ефимовской, которая всегда ко мне хорошо относится; ее считают глупенькой, но отнюдь не злой.

Понедельник, 10. — К брату.

Здесь часто заболевают перемежающейся лихорадкой, а некоторые даже злокачественной и гнилой; у барона Сакена, саксонского посланника, недавно двое людей умерли. Я очень боюсь за гр. Брюля, у которого колотье в груди и озноб. Ты знаешь, мой друг, как я люблю этого милого малого; я нахожу, что он похож на тебя характером и прямотою, а потому он имеет еще больше прав мне нравиться. Сегодня я у него обедал, чтобы узнать о здоровье, и нашел, что оно не изменилось со вчерашнего дня. После обеда мы ездили в загородный дом обер-шталмейстера, находящийся в 5 или 6 верстах от Петербурга, и называющийся Ах! Ах! (Ah! Ah!), по причине удивления, которое

он вызывает при первом взгляде. Ничего тебе не скажу о доме, потому что, к стыду моему, я его не видел. Сады меня больше заинтересовали; но и то не надолго. Во-первых, почва там, как и повсюду под Петербургом, болотистая, хотя и осушается канавами. Эти канавы образуют несколько островков, хорошо содержимых и потому красивых. Есть там цветники, киоски, китайские беседки, и повсюду расставлены удобные садовые скамейки. На острова проложены мостики, настоящие и плавучие (паромы?). Хорошенькая, золоченая шлюпочка готова для прогулок по воде, и вообще ничто не упущено из виду для того, чтобы доставить гуляющим удобство и развлечение. Странный контраст представляют собою китайские костюмы садовников и английский наряд лакеев. Меня однакож нисколько не удивила эта рабская подражательность, царствующая в России повсюду. Ничего своего, никакого воображения, ни крошки сердца — на всем печать рабства. Влюбленный отвернется, человек со вкусом соскучится, а русский — доволен, тщеславие его удовлетворено.

Я ошибся, мой друг, посажеными на свадьбе Рибаса были Бецкий и Миних, а Соколова, говорят, незаконная дочь Бецкого; по крайней мере, все так думают.

Мне рассказывали, что Пюнсегюр, желая сблизиться с одною из воспитанниц Монастыря, попробовал выдать себя за учителя игры на арфе, и отправился к своей избраннице в сопровождении одного музыканта. Но музыкант этот был так плохо принят, что Пюнсегюр, ожидавший за дверью, предпочел ретироваться. Приключение это — если только рассказ верен, за что я не ручаюсь — легко объясняется скудоумием и тщеславием главного действующего лица. Но что верно, и что тоже меня нисколько не удивляет, так это желание аббата Дефоржа, чтобы маркиз представил его Бемерам. Последних не было, однако же, дома, чему они, вполне основательно, радуются. Этот аббат обладает всеми недостатками своего сословия: он мягок, вкрадчив и льстив по наружности, а на самом деле эгоист, интриган и гордец. Ты понимаешь, что такой человек не может быть моим другом. Он-то бы, пожалуй и хотел, но этого никогда не будет. Он слишком за мною ухаживает, чтобы я мог его полюбить; я его даже не уважаю.

Бедный Роджерсон, врач Императрицы, очень болен гнилой горячкой, а может быть и воспалением мозга; сегодня вечером он был особенно плох. Мне бы очень было его жаль; он пользуется здесь хорошей репутацией как врач, всеми любим, уважаем, и будучи тридцати лет от роду, может сделать хорошую карьеру. Я пожалел бы его и как хорошего, образованного, умного человека, так как такие люди очень редки; так как здесь привыкли к отравлениям, то говорят, что и Роджерсон отравлен своими

собратьями. Я этому не верю.

Граф Панин тоже не поправляется; хирурги в беспокойстве.

Вторник, 11. — К брату.

Я кажется говорил тебе, мой друг, о некоем Потэ, директоре удовольствий в кадетском корпусе, француз по происхождению. Сначала он был другом Рибаса, но когда тому повезло, то он совершенно отшатнулся от Потэ, так как последний отказался служить ему шпионом. По случаю женитьбы Рибаса, среди кадет возникла мысль устроить ему праздник, и сам Рибас, под рукою, подстрекал кадет поручить устройство Потэ. Последний был поставлен этим в затруднительное положение, так как генералу Пурпру (Pourpre?), полицмейстеру корпуса (directeur du Corps quant'a la police) праздник был бы неприятен, потому что ему, своему главному начальнику (?), никогда таких лестных знаков внимания кадеты не оказывали. Как бы то ни было, составили дивертисмент, под названием «Венец Цитеры», просмотреть который поручено было нам с Пюнсегюром, хотя я не знал, что последний также получил это поручение. Имея понятие о кознях и сплетнях, царствующих в корпусе, я туда не ходил, репетиций пьесы не видал и не желал видеть. Между тем Пюнсегюр, страшно расхваливший эту плохую компиляцию из комических опер и пасторалей, очень хотел попасть на самое представление. Ему посоветовали одеться так, чтобы быть принятым за купца.

Вчера утром, мой друг, я получаю от него приглашение пожаловать вместе с ним к 3 часам в кадетский корпус к Перро. Я ничего не знал, ни о чем не просил, и потому ответил, что не знаю пойду или нет, но справлюсь пойдет ли маркиз. Оказалось, что маркиз не пойдет, а я привык следовать его примеру. Только что я принял это решение, как получаю письмо от Потэ, в котором он, от имени Перро, просит нас не приезжать. Это вполне согласовалось с моими намерениями и я послал письмо Потэ к Пюнсегюру, с указанием на сделанный им ложный шаг. Он посмеялся над этим, и я тоже. А все-таки очень неприятно компрометировать себя участием в глупости. Сам Рибас, говорят, не хотел, чтобы мы с Пюнсегюром попали на его праздник — чувствовал, должно быть, смешную сторону последнего; и я не буду удивлен, если это ему было подсказано Нормандецем, большим приятелем Пюнсегюра. Он сам-то был там, вместе с Бемером. Удивительно мелочный человек этот Нормандец!

Ездил к Загряжской, она была дома, но не приняла меня. Бильо после говорила, что я не должен удивляться такому обращению, что это вполне в русском вкусе.

Опять стали говорить о возвращении гр. Андрея.

Положительного ничего не известно, но он писал великому князю из Ревеля и получил ответ.

Ужинали мы с маркизом у кн. Щербатова; князь говорит что м-м Ляфон сделала его дочери строгий выговор за то, что в доме ее родителей критикуют воспитание, даваемое в монастыре. Он писал по этому поводу письмо к м-м Ляфон, очень хорошее письмо, которое, однакож, было бы еще лучше, если б не содержало в себе крупных орфографических ошибок. Между прочим я был удивлен тем, что князь, потомок Рюрика, титулует ее «превосходительством», и вообще относится к ней с уважением. Но у него, в монастыре, дочь, зависящая от м-м Ляфон, и в этом лежит ключ к разгадке. Говорят, что м-м Ляфон не особенно прочна на своем месте, и что Рибас, который ее не любит, всеми мерами старается осмеивать ее и находить недостатки в ее деятельности.

Среда, 12. — К брату.

Все понемногу открывается, милый друг, и чаще при помощи случая чем благодаря старательным изысканиям. В стране интриг полезно все знать, ни к чему нельзя относиться индифферентно, но если сам думаешь и поступаешь прямодушно, то с трудом замечаешь всякие тонкости и даже относишься к ним презрительно.

Ты помнишь, мой друг, что я писал тебе о княгине Трубецкой, о предпочтении, которое я ей оказывал и к которому она относилась с удовольствием. Ты помнишь также один ужин у гр. Чернышовой, где эта женщина подвергла нас глупейшему допросу; я тебе рассказывал, как отношение кн. Трубецкой ко мне изменилось с тех пор, как трудно мне стало видеться с нею и проч. Запутанные речи ее гувернантки, м-м Серест, принужденность княжны с нею, полуобъяснение, которое я имел у Бемеров и Нелединской, когда убедился, что Трубецкая отдает мне справедливость, все это теперь почти открылось благодаря моему разговору с шевалье де-Серестом. Я ему прямо высказал мои сомнения и заявил, что они меня очень беспокоят. Он ответил, что я был слишком доверчив, что насчет моих отношений к княжне возникли сплетни; что один Андреевский кавалер оказал мне плохую услугу, распустив слух, что я человек резкий, злорадный, никого не щадящий и пишущий на всех эпиграммы, правда — не глупые. Я хотел узнать от него имена, но он отказался сообщить их мне, говоря, что это может повести к ссорам, так как сколько бы честных слов я ни давал, а моя живость и вспыльчивость возьмут верх и дадут мне средства отомстить моим хулителям. Мне не хотелось, однакоже, упустить

добычу, и я пригласил Сереста вместе пообедать, на что он согласился. За обедом я возобновил разговор и два часа сряду старался выведать от него что возможно, но он постоянно отказывался назвать мне имена. Но когда я упомянул о нашем разговоре с княжной, в воскресенье, за ужином, причем она мне сказала, что знает все сплетни, распускаемые на наш счет, то Серест воскликнул! «О: это она говорила про другое», то есть уж про что то новое. Наконец, мой друг, он взял с меня слово не видеться с княгиней до понедельника, когда обещал объяснить мне все. Ты можешь себе представить, с каким нетерпением я жду этого объяснения, желая знать, какие еще новые сплетни распускаются на мой счет. Впрочем, во время нашего загадочного разговора, Серест намекнул, что я во всем этом играю далеко не плохую роль, что женщины любят оказываемое им предпочтение, но не желают, чтобы оно проявилось слишком резко, и что, кроме того, большинство сплетен обусловливается завистью.

Четверг, 13. — К брату.

Кадет, о котором я тебе часто говорил, (?) мой друг, называется Ахвердов (*Acvedof*); он живет у Бецкого, и состоит в первом батальоне.

Барон Гриммер, русский уполномоченный в Польше, возвращается в Варшаву.

Суббота, 15. — К брату.

Сделав множество визитов, я ужинал у Голициных. Матюшкина просила меня написать ей эпитафию, на подобие той, которую я написал, в Касселе, для самого себя. Вот эта эпитафия:

> C'y — gst qui toujours eut vecu
> S'il avait toujours eu maitresse;
> Mais page eteignant la tendresse,
> Il cessa d'aimer et mourut,[108]

Я ей сказал, что сначала нужно жить, а потом уже претендовать на эпитафию, но она настаивала, и я обещал. За ужином присутствовал один очень богатый голландец, по имени Хансвит (Hansvit), по крайней мере, так это имя произносится. Ты видишь, насколько оно удобно для шуток и над ним действительно шутили. Затем принялись шутить над рогатыми мужьями (cocus), и это слово показалось таким невинным и милым, что с удивительной для француза легкостью переходило из уст в уста; мне казалось, что я присутствую на представлении *Школы мужей* Мольера. Поистине мой друг, я не перестану

говорить, что русские заимствовали у нас все самое дурное; нашу вежливость они заменили гримасничаньем, а сальности и глупости принимаются ими за свободу в обращении и хороший тон.

Воскресенье, 16. — К брату.

Поездка великого князя в Берлин решена; в будущую субботу он едет в Ригу, где подождет отъезда принца Генриха, соединится с ним в Мемеле и вместе поедет в Берлин, где король Прусский может держать его сколько хочет. Русские плохо понимают свои интересы, а все-таки громко осуждают этот проект. Князь Орлов сильно против него восстал, но он редко показывается при дворе, предпочитая ухаживать за воспитанницами монастыря. Гр. Панин, здоровье которого все еще плохо, не был уведомлен о предположениях двора относительно путешествия Наследника.

Сегодня я ужинал у кн. Щербатова, который занимался пустой декламацией; он знает русскую историю, у него есть идеи, но в нем, мой друг, есть также и большая доля педантизма!.. Была дочь его, Спиридова, критиковавшая всех и все. Упрекая других в злоречии, они сами оказываются злоречивее прочих. Так устроен мир!

Суббота, 22. — К брату.

Я наконец, открыл, друг мой, в чем состоят сплетни, распущенные на мой счет, оттолкнувшие от меня кн. Трубецкого и обусловившие сдержанность его дочери.

Серест сообщил мне, что андреевский кавалер, говоривший, что я очень резок и что меня следует остерегаться, есть некий Пассек. Но это еще не все; уверяют, что я, в мужском обществе, где трунили над моими отношениями к княжне, не только будто бы рассыпался в похвалах ей, но и признался в своей любви, и признал княжну своей любовницей! Сама княжна, впрочем, этого не знает, она отдает мне полную справедливость.

Ты видишь, мой друг, какие низкие клеветы распространяются в этой стране на человека, который никому не сделал зла. Говорят, что это из ревности, потому что княжна не обращает никакого внимания на клеветников, а меня несколько отличает. Может быть и так, но все-таки не тяжело ли быть предметом глупых и злостных сплетен? Серест берется примирить меня с князем, а что касается княжны, то она, по его словам, и так не верит сплетням, презирает их и сумеет оценить мое поведение.

Воскресенье, 23. — К брату.

Ужинал у кн. Щербатова. Маленькая Спиридова передавала нам новости, сообщенные ей мужем из Царского Села, где он теперь находится. Великий князь едет завтра; его провожают: Куракин, Гагарин, Нарышкин, Румянцов и другие, которых я не знаю. Может быть завтра узнаю, так как приглашен на проводы в 11 час. утра. Эта Спиридова, мой друг, очаровательна и далеко не так сильно любит своего мужа, как старается показать; говорю тебе это не с ветра.

Понедельник, 24. — К брату.

Я уже говорил тебе, мой друг, что все русские суть, в глубине души, нечто иное как простые мужики. Правда, они выработали себе изящную внешность, но натура все-таки берет верх и «как только маска падает, так остается человек, а герой исчезает».

Князь Вяземский, о котором я тебе несколько раз говорил как о плохой копии с наших отпетых кутил, произвел у себя в лагере дебош, совершенно немыслимый даже для последних. Составив проект гомерической попойки, он набрал приятелей и отдал приказ никого не выпускать из лагеря. В этой кампании был Нелединский, напившийся как извозчик, и между прочим Потэ из кадетского корпуса. Последнего тоже решились напоить и велели не давать ему ничего кроме водки, но лакей, француз, подменил водку чаем. Тогда компания постановила лить ему в горло пунш насильно. Рассерженный Потэ отнесся к ним как к канальям и стал драться, что только усилило любовь к нему с их стороны.

Сегодня утром был у г-жи Спиридовой, которая показала мне свои письма, написанные к мужу еще тогда, когда он был женихом. Написаны они по-французски, и очень недурно. По одному из них можно судить о духе, царствующем в среде фрейлин: сплетни, зависть, интриги — вот этот дух. Были между ними две кузины, Синявина (Sinevin) и Зиновьева, обе никуда негодные, по отзыву кн. Гагарина и других. Первая была влюблена в Спиридова перед его женитьбой и потому ревновала Щербатову и завидовала ей. Как это печально для человечества, друг мой, что мужчины или женщины, собранные вместе, почти всегда портят друг друга!

Барон Нолькен уехал сегодня в Дерпт. Мы с ним вместе обедали. Была там г-жа Пушкина, которую мне очень было жаль, так как здоровье ее плохо и она ужасно печальна. Все надеются на ее выздоровление, но я думаю, что напрасно. После обеда мы с Пюнсегюром уехали в загородный дом Гр. Чернышевой.

Прибыли мы туда в 7 часов. Дом этот находится в 13 верстах от города, влево от Петровской дороги, стоит на возвышении и очень хорош. Здание красиво и удобно; оно построено в форме

креста, причем средний зал, освещенный сверху, очень похож на салон в Марли. Распределение комнат очень удобно, так что помещений оказывается гораздо больше, чем можно думать с первого взгляда. Сада нет, но окрестности очень красивы. Против дома начинается канал, ведущий к довольно широкому озеру, с правой стороны которого есть островок, а на этом островке — прелестнейшая беседка, в которой можно бы было проводить вдвоем время самым восхитительным образом. Между тем теперь в этой беседке царствует скука и натянутость, а я, кроме того, был подвергнут в ней инквизиторскому допросу. Чернышева злонамеренно заговорила со мной о княжне Трубецкой, и нарочно стала настаивать на этом разговоре; я немножко покраснел, она меня в этом обличила, чем заставила покраснеть еще больше. По истине, мой друг, не могу я переносить эту женщину!

Вторник, 25. — К брату.

Великий Князь, вчера, в коляске, с фельдмаршалом Румянцовым, уехал в Берлин. За экипажем не было даже, кажется, лакея; это по прусской моде.

Поедет он тихо, употребит 24 дня на дорогу и 14 дней на остановки в разных местах. Свиту Его Высочества составляют: Румянцев, Куракин — уехавший больным, обер-гофмейстер Соминков (?), псковский губернатор Нарышкин, чтец Николаи, хирург, камердинер Дюфур и проч. Гагарин, о котором прежде говорили, остался дома.

Принц Генрих должен ехать сегодня после обеда. Внимание этому принцу было оказано неслыханное. Говорят, Великий Князь признался ему даже, что получил от своей жены рога. Затем Принц получил много подарков: шкатулку, шпагу, сапфировые украшения на мундир и шляпу и проч. Русские говорили, что все это стоит тысяч шестьдесят, да и не мудрено — Императрица всегда делает богатые подарки: подкуп здесь вошел в систему.

Среда, 26. — К брату.

Маркиз уехал с Пюнсегюром к Гр. Чернышовой на два дня. Эта дама очень мною недовольна, по словам маркиза, которого она надувает. Письмо, написанное мною для Порталиса, очень ее рассердило, а также предостережение, которое я ей сделал у жены Захара Чернышева, хотя за него она бы должна быть мне благодарна. Я решил не отказываться от своих прав на ее уважение и признательность; если она захочет, так я ей это докажу в присутствии мужа. В сущности ей просто досадно, что я знаю ее историю с Порталисом, авансы, которые она ему делала, и фальшивое, бесчестное поведение по отношению ко мне. Мне,

конечно, все равно, что она думает; я презираю таких женщин, которые не обладают даром даже забавлять меня. Поэтому буду являться к ней возможно реже.

Четверг, 27. — К брату.

Сегодня утром сделал визит Эйлерам, у которых давно не был. Невестку старого геометра нашел окруженной детьми; это мне понравилось. На этих днях представлю Эйлерам шевалье де Лилль, у которого есть письмо к старику.

Я тебе говорил о поездке к Головиным; я к ним попал в четвертом часу, благодаря тому, что мой извозчик проплутался два часа сряду. У Головиных я нашел большую кампанию: там были воспитанницы монастыря с м-м и м-ель Ляфон. Первая очень приличная и добродушная с виду женщина, но если она угодна Бецкому, который боится противоречий и привык чтобы его водили за нос лестью, то едва ли она годна, чтобы стоять во главе учреждения. После обеда, сервированного в двух залах, все вышли в сад и там танцовали. Забыл тебе сказать, что перед танцами, происходившими в аллее, которую замостили досками и окружили занавесями, м-ель Дугни (Dougni) помирилась с м-м Ляфон. Произошло это очень быстро, с обеих сторон пролиты слезы, может быть и неподдельные, как это обыкновенно бывает. Воспитанницы держали себя недурно; в их глазах блещет желание повеселиться и свет им кажется, я полагаю, очень соблазнительным. Я танцовал с девицей Симоновой, молоденькой, хорошо сложенной и обладающей тонким благородным профилем. В 8 часов бал кончился, так как в 9 надо быть в постели. Еще забыл тебе сказать, что дочь м-м Ляфон представляет собою полную противоположность матери. Ее живая и решительная физиономия свидетельствует об уме и современном настроении. Она очень любезна, хорошо поддерживает разговор и легко отбивается от нескольких спорщиков сразу. Претендует на ум и удачно поддерживает эту претензию. Остаток вечера прошел в прогулках, танцах и езде. Я говорил с Нелединской о гр. Андрее. Она вспоминает о нем с грустью и жалуется на обиды, нанесенные ей перед отъездом, на которые всякая другая женщина отвечала бы ненавистью, «а в моем сердце они вызывают печаль» — говорила она. — «Если бы я только потеряла его! Мое горе гораздо тяжелее!»

Не знаю, какие это такие тяжелые обиды; конечно, уж не сплетни насчет покойной великой княгини. Может быть его склонность к Барятинской? Влияние женщин Нелединская сама отрицала, что же касается Барятинской, то не думаю — они до сих пор друзья. Мне не хочется очень расспрашивать, так как она

всегда плачет при этих разговорах. Чтобы развлечь, я заговорил о ее предполагаемом путешествии. Она ждет продажи своего имения, причем, за уплатой долгов, у ней останется 12 000 р. дохода. Но надо подождать пока операция будет кончена. У русских так мало взаимного доверия, они так опасаются друг друга, что не смеют, как у нас во Франции, поручить кому-нибудь окончание своих дел в своем отсутствии. Небрежность и мошенничество суть два неудобства, с которыми здесь постоянно и последовательно встречаешься.

Перед отъездом, я должен был оказать внимание матери Нелединской, гр. Головиной. Это — добродушная старушка лет пятидесяти, глухая и болезненная, но не тяготящаяся своим положением. Она хорошо принимает гостей и я хотел заявить ей мою благодарность, посвятив несколько времени разговору с нею, что всегда нравится старикам.

Суббота, 29. — К брату.

В полдень приходил Серест, прочитавший мне письмо от Пиктэ, который, в виду неудачи своего ходатайства перед кн. Орловым, ждет помощи только от пистолета, которым завтра и просит снабдить его. Он просит Сереста приехать в Царское Село. Я стал искать средства спасти этого человека от самоубийства, к которому он способен прибегнуть. Серест говорит, что все двери перед ним закрыты, даже дверь голландского резидента. Я поехал к последнему, чтобы уговорить его сжалиться и снабдить несчастного суммой, нужной для того, чтобы уехать морем потихоньку. Но Сюарт сделал мне весьма основательное возражение, состоящее в том, что Пиктэ, по своему отношению к колониальным делам, является государственным преступником, и что в нашем положении было бы очень не тактично доставлять ему средства к побегу, так как этот чисто-гуманный поступок был бы приписан русскими каким-нибудь корыстным мотивам. Таким образом мы порешили, что Серест должен завтра отправиться к Пиктэ и уговорить его в последний раз попытать счастья у кн. Орлова, а в случае неудачи, мы посмотрим как поступить.

Эта история, мой друг, омрачила мою душу, а веселость бесшабашной Бильо вновь рассеяла мрак. Я обедал у нее с несколькими капитанами только что прибывших судов. После обеда я заставил ее разболтаться, так как она всегда знает какие-нибудь новости. По ее словам, поездка в Берлин, очень обеспокоившая народ, окажется, пожалуй, для великого князя гибельною, если прусский король вздумает задержать его. Кроме того, она уверяет, что принц Генрих выполнит поручение своего брата, возобновив союз между ним и Императрицей, союз

выгодный для него и который чуть было не был разрушен великой княгиней, к их удовольствию скончавшейся. Другие думают, что принц Генрих не достиг своих целей. Каковы бы они ни были, но он может еще вознаградить себя в Берлине, где великий князь останется до тех пор, пока это будет угодно его прусскому величеству.

Татары бойко работают; говорят, что они умертвили 2000 русских. Турки предложили кн. Репнину смягчить один из параграфов трактата, относящийся к татарам; Совет и Сенат будто бы согласились и только одна Императрица, из тщеславия, не утвердила их мнения, что и было причиною вышеупомянутой войны. Я ни за что не ручаюсь, но верю в возможность этого. Кн. Потемкин отказался от дома, который Императрица ему предложила; говорят, что он не нашел этот дом достаточно хорошим, но делает вид, что совершенно доволен.

Воскресенье, 30. — К брату.

Я еще не говорил тебе, мой друг, о шевалье д'Иле, который был в Копенгагене, а теперь проведет несколько времени здесь. Это очень порядочный малый, искусный в своем ремесле моряка и очень его любящий. Сегодня я его представил Штелину, Эйлеру и барону Сакену, а дорогой мы все время разговаривали. Он меня спросил о некоем мичмане (enseigne de vaissean) Капоне (Capon), называющем себя здесь кавалером Капони. Д'Иль знаком с ним и потому интересуется его судьбою, но он не знал, что этого Капона прислали сюда родители, за дурное поведение, как мне сообщил маркиз.

Я узнал новость, которая требует подтверждения: Ревель и Рига заложены (sont hypotheques) голландцам за русские долги. Это, еще месяц тому назад, говорили д'Илю в Стокгольме. Надо справиться в чем дело. Д'Иль уверяет, что английский посланник в Копенгагене имел много неприятностей по поводу истории с королевой[109]. А англичане продолжают терпеть неудачи в своих делах, в Америке[110].

Сакен, русский посол в Дании, пользуется там большим, влиянием; по-видимому ее величество начинает смотреть на Данию, как на провинцию своего государства. Характер датчан, так же, как и шведов, по словам шевалье д'Иля, видевшего и тех, и других, чрезвычайно подозрителен. Они нас ненавидят, боятся и все-таки нам подражают.

У гр. Андрея Разумовского, от которого я получил сегодня письмо, перекосило, говорят, рот на сторону. Апоплексический удар! В его-то годы! Мы, во Франции, называем это результатом отравы, и мы правы. Меня беспокоит судьба гр. Андрея; я хотел

бы поскорее видеть его выехавшим из этой страны, где убийства, отравления и пр. столь обыкновенны.

P. S. Гр. Головкин назначается, говорят, в Дрезден, вместо Белозерского; он очень порядочный человек.

Июль

Понедельник, 1 июля. — К брату.

Протекло уже, мой друг, шесть месяцев этого года, который я не рассчитывал сплошь провести вдали от тебя, а между тем, надежде на наше свидание не суждено, должно быть, исполниться и в продолжение шести следующих месяцев. Конца моего здесь пребывания не видать и — признаться ли тебе, друг, мой? — я начинаю менее желать его, так как с Петербургом меня теперь связывают такие нежные чувства, каких я не ожидал иметь. Я тебе часто говорил о милой девушке, с которой я познакомился вскоре по приезде сюда и которая тогда же показалась мне опасной для моего спокойствия. Опасность эта, с течением времени, возрастала, а теперь уже я могу сказать, что та привязанность, которая служила для меня сначала приятным развлечением, превратилась теперь в деспотическое чувство, вполне мною овладевшее. Я теперь покоя не имею от радости видеть себя любимым и от страха потерять эту любовь, пасть в глазах той, которую люблю. Ты знаешь, мой друг, крайнюю мою живость, впечатлительность и чувствительность, а стало быть можешь себе представить, что я испытываю. Шарлотта молода и красива; тысячи людей желали бы ей понравиться; она предпочла меня, я вполне счастлив, но кто знает, на долго ли?

Обедал у Голицыной, в ее загородном доме, в 18 верстах от Петербурга, по Петергофской дороге. Местоположение прекрасное, сады очень хороши, хотя не подстрижены, и самый дом не дурен. Из столовой видно море и вообще вид великолепный. Была там Матюшкина; играли в пословицы. Ужинать я отправился к Бемерам.

Вторник, 2. — К брату.

Сегодня мы были с маркизом в монастыре для малолетних девиц. Бецкий предупредил нас, что мы явимся нечаянно, и что он нарочно выбрал этот день, чтобы видеть учреждение без всякой подготовки. Мы, в самом деле, были в это время у Бецкого, на набережной, а потом, вместе с ним поехали в монастырь; сначала в квартиру м-м Ляфон. У нее мы нашли нескольких воспитанниц, которые нас потом и водили повсюду. Несмотря на предполагаемую нечаянность нашего визита, нас ждали, как

сообщила мне одна из девиц. Благодаря этому, вероятно, мы повсюду нашли порядок, что, говорят, не всегда бывает.

Видел я там м-ль Ляфон, о которой говорил тебе раньше. Она мне не показалась так хороша, как в первый раз. У нее много претензий, не идущих ни к ее положению, ни к фигуре. Может быть мне это только кажется, в силу предубеждения, так как я кое-что об ней слышал. Говорят, что она веселого характера и, по-видимому, не ошибаются. Была она влюблена в Денона и устраивала для него очень приятные ужины. Рибас, узнавший про эти маленькие развлечения, нашел их неподходящими, а так как он — правая рука Бецкого, то кредит м-ль Ляфон значительно понизился.

Забыл тебе сказать, что, осматривая очаровательный дом старика Бецкого, мы были и в том доме, в конце сада, который он подарил Рибасу с женой. Рибас принял меня очень любезно и просил посещать его.

Среда, 3. — К брату.

Утро провел в академии наук, вместе с шевалье д'Илем. Не стану тебе рассказывать, что я там видел, упомяну только о штанах из женской кожи, которые нам показывали; кожа толстая и плотная.

Фаворит, обвешанный всеми своими лентами, уехал, наконец; провожали его всеобщими проклятиями, но он зато увез много денег. Говорят, он получил шестьдесят или семьдесят пять тысяч пенсии, да 20,000 единовременно. Едет он прямо в свое губернаторство.

Вторник, 16. — К брату.

С 3-го числа, мой друг, ты не получал от меня писем и я не имел ни силы, ни смелости писать тебе. В воскресенье, 7-го, я был при дворе, в Петергофе, прекрасном загородном дворце Императрицы, на берегу моря, с очень хорошими садами и фонтанами. Но лучшее его достоинство состоит в местоположении. В этот день мы представляли ко двору многих французов, как моряков, пришедших на *«Тампонне»*, под командою Вердена, так и других, приехавших по сухому пути, как например: де-Мэма, Вассэ, д'Аттильи, а также испанца маркиза де-ля-Жамайк[111]. Удивительно, что из всей этой компании, самыми приличными по тону и манерам оказались моряки. Особенно один, по имени Маркери, человек очень достойный, хороший танцор и весьма просвещенный экономист. Мы встретились с большим удовольствием и я был столь же очарован, сколько польщен этим знакомством. Вечером, возвращаясь с гр.

Брюлем из Петергофа в Петербург, то есть, проехав около 30 верст, я очень утомился. Это утомление, соединенное, должно быть, с простудою, заставило меня прохворать восемь дней.

Лежа в своей комнате, я узнал о приключении, совершившемся в Петергофе, и служащем не к чести русских, особенно главного действующего лица. В среду был бал при дворе, причем кто-то распространил, под рукою, что Вассэ прекрасно танцует. Гр. Иван Чернышев донес об этом Императрице, и Вассэ заставили протанцовать, как на театре, менуэт, контрданс и аллемандр. Ты достаточно хорошо знаешь, мой друг, завистливость русских, чтобы угадать, что произошло. Они со вниманием следили за танцами, но только для того, чтобы их раскритиковать. Когда Вассэ кончил, Иван Чернышев опять обратился к Императрице с просьбой дозволить произвести сравнение французской ловкости с русскою, причем вызвать молодого гр. Миниха, который, действительно, хорошо танцует. Хотя этот молодой человек еще перед балом заявил императрице о смерти своего дяди, Скавронского, и просил извинения, что по этому случаю, танцовать не будет, но тут Иван Чернышев его уговорил постоять за славу России. Уподобившись марионетке, Миних согласился, и когда он кончил, то все присутствовавшие, с Чернышевым во главе, воскликнули: «вот это танцы!».

А сам молодой атлет, сияя радостью, сказал окружающим дамам: «я отомстил за честь России!» Видал ли ты, мой друг, где-либо такое нахальство и фатовство? Не думаю, потому что ты не живал в полярных странах.

Другое обстоятельство меня гораздо более занимает и тревожит, это — письмо, написанное мне Шарлоттой восемь дней тому назад. Она, под каким-то предлогом, приехала с матерью в город и послала мне письмо с каким-то солдатом, который, вместо меня, отнес письмо к Нормандецу. Нормандец, возвратившись домой, находит это письмо, распечатывает его несмотря на чужой адрес, находит слишком нежным и является на другой день к Бемерам с выговорами и жалобами. Шарлотта защищается как может, а женщины умеют защищаться!.. Приезжаю я; мне рассказывают всю историю, говорят, что наши сношения открыты, что весь свет об них говорит и что надо удвоить предосторожности. Признаюсь, эти дипломатические ходы мне не нравятся, мой друг; я рассердился, голова у меня пошла кругом, воображение настроилось на мрачный лад и я счел себя нелюбимым более, несмотря на тут же данные доказательства противного. На другой день пришло письмо от Брессона, упрекающее меня в непостоянстве и пробудившее в моем сердце былые чувства. А как я страдал! Как я проклинаю

свою впечатлительность!

Среда, 17. — К брату.

Ужинал у кн. Щербатовой. Нашел всю семью в саду, занятою приготовлением кушанья. Каждый сам себе готовил свое блюдо и можешь себе представить, было ли оно вкусно. Но было много смеха, а веселость, как ты знаешь, есть лучшая приправа к обеду, даже самому изысканному. Спрашивал кто будет новым фаворитом (Шарлотта просила меня узнать об этом), так как звезда Завадовского видимо закатывается — его повысили, сделали генерал-аншефом, а это верный признак отдаления. Заместителя его зовут Безбородовым (*Besborodof*); это — украинский полковник, по росту, силе, жизненной энергии вполне достойный нового поста…

Суббота, 20. — К брату.

Недавно видел г-жу Нолькен, жену Шведского посланника, только что вышедшую за него замуж и прибывшую сюда два дня тому назад. Она недурна, но страшно застенчива. Был у Щербатовых, где узнал о милостях, дарованных в четверг флоту Императрицею. Эволюций, впрочем, никаких не было, а потому и я не присутствовал, тем более, что мне нездоровится. Церемония, однакож, была, говорят, красивая, а главное — шумная, так как сопровождалась пальбою. Ее величество пожаловала адмиралу Грейгу ленту Александра Невского и раздала морякам 345 000 р. деньгами.

Я много разъезжаю и очень скучаю. Вчера ужинал у обер-мундшенка; у него прекрасный сад и хорошие огороды, много фруктов и цветов. Это в пяти верстах от Петербурга.

Бильо сообщила мне оригинальную новость. Она уверяет, что здешняя колония делает все, что может, чтобы добиться замещения маркиза де-Жюинье графом Адэмаром, нашим посланником в Брюсселе. Маркиз будто бы не пользуется достаточным влиянием; про него говорят только, что он «добрый человек». Ему вредит пристрастие к Чернышовым. Бильо прибавила, что я за то здесь преуспеваю; очень бы желал этого. Говорят, что я остер и насмешлив, но ведь с этими людьми иначе нельзя: они любят только того, кого боятся.

Воскресенье, 21. — К брату.

Мы думали, что в Петергофе будет куртаг и сильно ошиблись. Граф Брюль, собиравшийся везти меня туда, все-таки сдержал слово и мы отправились обедать к Ивану Чернышову, но прежде я заехал к Бемерам.

Тон Чернышовых был сегодня более милостивым. Я много говорил с маркизом де-ла-Жамайк, который проникнут массонскими идеями и кажется очень интересным. Я обещал дать ему шифр для переписки об этих вопросах. После обеда приехал барон Дюбен (Duben), который по интригам Остермана и против воли покойного короля был шведским посланником в Польше. Этот человек, продавшийся России, приехал сюда искать службы; но он человек дюжинный и не опасен.

Пробовали надеть скафандр на одного мужика, и он очень хорошо держится под водою. Затем плавал маленький негр гр. Чернышовой и мы удивлялись его способности нырять и долго оставаться в воде.

Часть общества ужинала у фельдмаршала Голицына, в том числе были и мы с Брюлем. Играли в пословицы; Пюнсегюр играл на арфе, и засиделись так долго, что я лег спать только в половине четвертого.

Забыл тебе сказать, что маркиз говорил мне о торговой компании, образующейся среди русских; он боится, как бы это нам не повредило. А я думаю, что опасения его неосновательны, так как русские не могут долго быть ни моряками, ни коммерсантами. Наш посланник хочет быть дальновидным! Довольно бы было с него и простого здравомыслия.

Среда, 24. — К брату.

В делах — ничего интересного; фавориты — Орлов, Завадовский, Безбородов — все на своих местах. Второй из них испытывает некоторые неудовольствия, но он держится за Орлова и потому положение его продолжает быть прочным. Говорят, что полицмейстер Архаров вызывается сюда из Москвы, чтобы получить свою долю фавора от монархини, которая уже даровала ему таковую в Москве. Влияние м-ель Брюс, говорят, будто бы падает. Слухи о назначении кн. Репнина военным министром не прекращаются; скоро он приедет в Петербург и тогда мы увидим, справедливы ли они.

Флот Императрицы, плавающий теперь в Финском заливе и долженствующий вернуться к 14 августа, состоит из пятнадцати кораблей о 60–74 пушках и семи фрегатов; галер при нем нет. Наши моряки с *Тампонны* находят, что русские суда плохо построены — в них слишком много ели.

Наша габара (*gabare*) недавно ушла в море с марк. де-ля-Жамайк, де-Мэмом, д'Аттильи, Вассэ и Пюнсегюром. Они идут в Копенгаген, откуда *Тампонна* вернется в Тулон. При дворе всем этим господам дали прозвища: Вассэ прозвали кавалером Сердечкиным (*de Cocur*), д'Аттильи — маркизом Верным (*de Foi?*),

Жамайка — бароном Невинным (*Innocent*), а де-Мэма — тем же самым (*de Meme*). Таков, мой друг, обычай в этой стране: все смешное тотчас же подхватывают и забавляются. Игра Пюнсегюра на арфе заслужила ему прозвище царя Давида. Думаю, что он вернется сюда к сентябрю; по крайней мере маркиз того желает и Чернышовы его поддерживают, потому что он за ними ухаживает, а они не хотят выпустить его из рук, что могло бы случиться, если б он подпал моему влиянию. Все думают, что я только и жду отъезда Пюнсегюра, чтобы начать действовать, то есть отвлекать маркиза от Чернышовых, от которых он не выходит. Все об этом говорят; русские говорят, что он поступил к ним нахлебником, что Чернышов его надует. Говорят даже, что и теперь Чернышовы над ним смеются, только он не замечает этого. Я там бываю очень редко, несмотря на зазыванья маркиза. Печально видеть, что такие люди овладели маркизом и слышать сплетни по этому поводу. Желаю, чтобы это не повредило ему в Париже, как вредит здесь. В Петербурге он не пользуется вниманием. Говорят даже, что недолго и останется здесь. Французские моряки очень его осуждали. Его громко порицают за слабость и смеются над нею. Недавно он оправдал это мнение, не заступившись за своего лакея, которого поколотили. Вообще он всегда останется дюжинным человеком.

Я познакомился с двумя английскими семьями; одна из них купеческая: муж — базельский негоциант, мистер Вельден, а жена — бывшая любовница Петра III, до сих пор разыгрывающая императрицу, что в ее положении довольно смешно, но что все терпят из-за ее дочери, девицы очень милой, талантливой и образованной. Другая семья — здешнего англиканского священника Таута (*Taught*). Это меня заставило заниматься английским языком, и я теперь всякий день читаю по-английски.

Был несколько раз у Головиных и разговаривал с Нелединской о гр. Андрее. Она все жалуется, плачет и старается его забыть. Ко мне она выказывает большую дружбу, что и меня заставляет относиться к ней дружески. Это не единственная куртизанка (*femme galante*), обладающая чувствительным сердцем. У нее живет четырнадцатилетняя девочка, Юрасова, которая со мной заигрывает (fait des agacerics plaisantes).

Воскресенье, 4 августа. — К брату.

Сегодня, мой друг, был последний куртаг в Петергофе. Сверх ожидания и без всякого предупреждения, много танцовали. Говорят, что причиной этого была весть о помолвке великого князя с принцессой Виртембергской. Весть эту привез сегодня Императрице один из офицеров полка его величества,

получивший в награду чин капитана и прекрасную табакерку.

Мы с маркизом обедали у гр. Чернышовой, которая скоро переезжает в город. Я там видел Загряжскую, очень повеселевшую и более обыкновенного доверчивую. Мы дружелюбно разговаривали и она нашла, что я обладаю особенным талантом вызывать ее на разговор.

Несколько дней тому назад мы с гр. Брюлем ездили смотреть русский флот на море. Поехали мы на шлюпке, из Петергофа в Кронштадт, с одним морским офицером. Выехали в 8 часов вечера, а приехали почти в полночь. Отправившись на другой день, в 8 часов утра, на парусном боте, мы в полтора часа доехали до стоянки флота, в 20 верстах от Кронштадта. Ветер был довольно силен, нас качало и даже несколько раз волны захлестывали палубу, но я морской болезни не испытал.

Флот, как я тебе уже говорил, состоит из четырнадцати кораблей по 60–80 пушек, и семи фрегатов. Адмирал Грейг, шотландец, принял нас на борту своего корабля, откуда мы отправились обедать к контр-адмиралу Барчу (*Barch*), русскому, очень веселому и добродушному человеку; говорят, что он получил место в Морской Коллегии, хотя предпочитает, по-видимому, оставаться на своем корабле. Капитанам здесь отдают честь музыкой, играющей при прибытии и отбытии, а для приема адмиралов команда выстраивается и кричит *ура*; иногда корабль салютует им пушечными выстрелами. После довольно хорошего обеда, мы вернулись к адмиралу Грейгу и смотрели на примерный морской бой между двумя половинами флота, стоявшего в две линии. Бой продолжался семь минут, причем из каждой пушки было выпущено по 7–9 выстрелов. Это зрелище очень меня заняло. Приготовления к бою и самый бой заняли около часу. Я не был удивлен скоростью маневров, но любовался порядком и крайней чистотою на судах, а также субординацией, царствующей на борту. Мы бросили якорь и провели остаток дня в еде, питии и слушании разговоров на русском языке, а затем легли спать. Кн. Гагарин уступил мне койку в своей каюте.

На другой день, во вторник, поднялся сильный туман, заставивший нас остаться на якоре. После обеда мы ездили на шлюпке осматривать мортирный фрегат (*fregate a bombes*) или гальот. При нас выпустили шесть бомб по 200 ливров. Выстрелы были так сильны, что пришлось затыкать уши; один раз я забыл сделать это и почувствовал в правом ухе довольно сильную боль. При выстреле, от толчка, судно погружается в воду фута на два.

Утром мы осматривали пороховой погреб, где оставались с полчаса. Этот погреб находится на самом дне судна, под водою. Он довольно обширен и освещается фонарем в два квадратных

фута, установленным на массивном пьедестале и состоящем из толстых, выпуклых стекол, защищенных проволочной сеткой. В фонаре горят несколько свечей, зажигаемых из другого помещения, отделенного особой лестницей. В погребе помещается 700 бочонков и 200 картузов с порохом. Для того, чтобы снабдить один 74-х-пушечный корабль, по 50 выстрелов на пушку, нужно 300 бочонков пороха. Порядок, царствующий в погребе, доставил мне большое удовольствие. Адмирал Грейг говорит, что на английских судах в пороховых погребах устроены краны, дозволяющие затопить их водою в случае пожара. После ужина, по сигналу, все суда были иллюминованы — на каждом из них появился белый фейерверочный огонь, дозволяющий видеть все вокруг, несмотря на темную ночь.

Справлялся я чем кормят матросов; пища хорошая, состоящая из овощей, затем четыре раза в неделю — мясо, а остальные дни — соленая рыба и масло. Сухари из черного хлеба, но очень хороши, я пробовал. Всякий день полагается по чарке водки и свиное сало (*couenne?*) сколько угодно. Одежда вся, с ног до головы, казенная, но жалованья полагается всего только по восьми рублей в год, поэтому матрос всегда нуждается в деньгах.

В среду мы сделали визиты нескольким капитанам, на их кораблях; на каждом пришлось выслушивать комплименты, закусывать соленым мясом и пить вино или ликеры, так что мы вернулись назад нагруженные пятью завтраками, сверх которых положили еще обед. После обеда уехал на шлюпке, а Бресоль остался.

Возвращение в Петербург было довольно продолжительно; мы провели ночь в море и прибыли только на другой день, в 8 часов утра, при сплошном тумане, мешавшем видеть город. Приехав домой, я получил от тебя пакет, переданный мне кн. Барятинской. В нем было письмо от м-ель де-Бреан и несколько милых строчек от м-ель де Бриссоль. Последние меня порадовали и опечалили, так как я живу далеко от нее, а ее чувствительная душа очень сходится с моею. Шарлотта меня любит, друг мой, в этом я не сомневаюсь, но я желал бы быть любимым так, как сам люблю, как Шарлотта любить не может, потому что она дает мне только частичку того чувства, к которому способно ее сердце, а мы этой частичкой удовольствоваться не можем. Вчера мы с ней виделись, она высказала мне доверие и привязанность; мне не на что жаловаться, я могу быть недоволен только сам собой.

Пятница, 9. — К брату.

Употребив большую часть дня на писание, я отправился к Нелединской. Поверишь ли, мой друг, что эта женщина, которую

считают куртизанкой, успокоила мою душу, столь тревожную за последнее время? У этой женщины есть сердце; она понимает самые тонкие оттенки, ускользающие от внимания других. Разговор с нею мне нравится, потому что мы сходимся во мнениях и она внушает мне доверие. Она предложила мне ехать в театр. Я все время сидел в ее ложе, и мы разговаривали. Разговор начался с гр. Андрея, а потом перешел на мнение, которое Нелединская желает, чтобы я имел о ней, на доверие и дружбу, которые она ко мне чувствует, с условием, чтобы я был искренен. Мне нужно было сделать визит Щербатовым, после чего я вернулся ужинать к Нелединской. Она была одна; мы вновь начали прежний разговор, который я приправлял маленькими ласками, принимаемыми так, как будто им не осмеливались верить. В моем кармане нашлись стихи сочиненные мною для Разумовского, о котором мы говорили во время спектакля. Написаны они довольно горячо. Я их прочел, и с большим успехом. «Не могу говорить, как я тронута» — сказала мне Нелединская, — «когда вы это сочинили?» Я отвечал, что, сочиняя, имел в виду ее, что она внушила мне те чувства, которыми согреты мои стихи. По правде, мой друг, удивительно была соблазнительна эта женщина! Хорошенькие глазки, устремленные на меня и горящие страстью, которую я описывал; сладострастная улыбка; белая, нежная шейка и отдающееся молчание… Я припал к ее руке, и пошел бы, пожалуй, дальше, если бы мы не сидели у окна, не ждали гостей и я не желал бы оставаться другом… Когда я кончил читать, пришел гр. Брюль и мы сели ужинать.

Суббота, 10. — К брату.

Приходил Фальконэ поговорить со мною о Помеле, напечатавшем свою записку в *Энциклопедическом журнале*. Фальконэ, сильно занятый работою в настоящее время, не может отвечать ему в газетах ничем, кроме простого опровержения, которое и напишет, когда будет посвободнее.

Бильо подтверждает слухи об отъезде маркиза. У Воронцовых, кажется, ей говорили, что маркиз уедет в сентябре, вместе с Пюнсегюром, который теперь путешествует по Швеции и Дании, а к тому времени вернется, я же останусь поверенным в делах. Очень хотел бы этого, но рассчитывать не смею, слишком уж было бы хорошо. К сожалению, на небрежность маркиза действительно все жалуются: французы не находят у него поддержки, иностранцы его не уважают и смеются над тем, как его объехал Иван Чернышов. Отсутствие твердости, по отношению к делам французов, очень ему вредит. Сам Остерман

жалуется на медленность в доставлении отзывов, и на то, что маркиз присылает последние с секретарем, вместо того, чтобы переговорить лично. Все это вместе вредит ему, а пристрастие к Лессепсу тоже не может поправить дела.

Был у консула и встретил там Сереста, который говорит, что многие русские и русские хорошо меня рекомендовали кн. Барятинской, и что если между мужчинами у меня и есть враги, то отношение ко мне женщин должно меня в этом утешить. Признаюсь, мой друг, без всякого тщеславия, что это меня очень порадовало, так как позволяет надеяться на такое же приятное существование как в Касселе. Кроме того Серест не теряет надежды помирить меня с княжной Трубецкой.

Воскресенье, 11. — К брату.

Имел свидание с Пиктэ, у Леруа. Я там был сегодня утром и мы проговорили часа два. Я поручил Пиктэ собрать справки насчет того, как ко мне относятся высокопоставленные люди и свет вообще. Между прочим, разговор обо мне шел на одном парадном ужине, где были Воронцов и Шувалов. Последний говорил и за и против меня, смотря по обстоятельствам. Пиктэ думает, что он и здесь, как в Москве, избегает меня, потому что считает влюбленным в его жену. Вообще, по справкам, собранным Пиктэ, оказалось, что меня считают способным вносить напряженность в общество, потому что я стремлюсь влезать в душу каждого, слишком тонко это делаю и беспощадно критикую все, что в этой душе найду. Но все же за мною признают общительность, способность вести разговор, развлекать и проч. Вообще, говоря между нами, в обществе делают сравнения весьма для меня лестные. Пиктэ советует познакомиться с Воронцовым, знания которого помогут мне разобраться в коммерческих вопросах, так как он сторонник торгового сближения с Францией. Я кажется говорил тебе, мой друг, о проекте удалить маркиза и оставить меня поверенным в делах. Пиктэ слышал от Воронцова, что Бакунин[112] узнал эту новость из канцелярии Панина, которому кн. Барятинский писал о ней в одной из своих депеш.

Видел Зиновьеву, которая вернулась в город, но скоро рассчитывает уехать в деревню. Здоровье ее все-таки плохо и грудь слаба; нарыв, образовавшийся на груди, немножко облегчил ее страдания, но все же она меланхолично настроена. Мы много говорили о кн. Барятинской, которой она меня представила. У нее большие проекты на эту зиму — хочет образовать у себя комитет, в который и я, может быть, буду принят, по крайней мере, она меня об этом просила.

Обедал у Нелединской, которая ко мне по-прежнему хорошо

относится. Меня очень смущает сомнение, в котором она находится по поводу моего образа мыслей на ее счет. Иногда она считает меня влюбленным в нее, а иногда ей кажется, что я только играю роль влюбленного — это выходит очень забавно. После обеда я ей прочел конец (*l'Homme sensible*), что ей доставило удовольствие. Мы говорили об англоманстве; она убеждена, что я не создан быть англичанином и что мой сплин зимою пройдет.

Говорят, что Нелединская, которая была прежде любовницей кн. Барятинского, откровенно заявила ему, что не любит его больше. Он, говорят, был от этого в отчаянии, но утешился с маленькой Клерофиль (*Clerophile*), которая больше ему подходит. Гр. Брюль думает, что желание Нелединской ехать во Францию объясняется привязанностью к Барятинскому, и что гр. Андрея она уже позабыла; а я думаю напротив, потому что она уже меня просила помирить ее с последним.

Вернувшись, я зашел пожелать доброй ночи маркизу. Он мне сообщил, что в Португалии начались волнения, что португальцы вторглись в испанские владения и произвели там резню.

Говорят, что на одном сеймике в Польше также произошел бунт; ранили русского офицера, командовавшего отрядом, а поляк, зачинщик бунта, был убит выстрелом из ружья. Перед смертью он просил прощения у офицера и сознался, что сам был виноват. Некоторые думают, что тут замешан Браницкий; он принадлежит к числу недовольных, так же, как Огинский.

Американские дела становятся интересными для всей Европы; как бы пожар не перекинулся из Нового Света в Старый.

Понедельник, 12. — К брату.

Все утро, мой друг, я употребил на писание писем. Обедал у маркиза. После обеда ждал одного русского моряка, который обещал представить меня м-ель Бонафини, итальянской певице, недавно приехавшей сюда. К ней мы и отправились. Нас встретила женщина высокого роста, около 23 лет от роду, довольно красивая, с очень хорошими глазами и превосходной косой. Она недурно говорит по-французски и разговаривать с нею довольно приятно, насколько об этом можно было судить во время визита, продолжавшегося четверть часа. Говорят, она очень талантлива. Затем я поехал ужинать к Бемерам. Застал там большую кампанию: м-м Вельден, Г. Г. Вельден и Визен и пр. Дочь м-м Вельден очень мила; она пела по-итальянски, а потом — по-французски, дуэт со мною. Шарлотта также пела, и, если не обращать внимания на произношение, лучше чем м-ель Вельден.

Вторник, 13. — К брату.

Я, мой друг, написал много писем, чтобы отправить их во Францию с Пиктэ, который едет на днях. Обедал у консула. Бильо подтверждает слухи об отставке маркиза и пр. Потом я поехал к Матюшкиным; молодая графиня передала мне утром, с лакеем, что меня примут, а между тем их не было дома. Поехал к Нолькену, а оттуда домой, где мне сказали, что маркиз ждет меня у Барятинской; потом и я поехал туда. По внешности, она мне понравилась: хорошенькая талия, красивое лицо, благородство, непринужденность и немножко претензии. Княгиня наговорила мне много любезностей по поводу моего драматического таланта, о чем ей рассказывали во Франции и пр. Были там Матюшкины, мать и дочь; последняя опять говорила мне об эпитафии. Мы много разговаривали, и смеялись над кн. Голициным, с которым она, по ее словам, вспоминала обо мне в деревне; я стал его расхваливать и это ее насмешило. Ты знаешь, мой друг, молодой князь влюблен в нее; желал бы, чтобы они поженились и говорят, что такой проект уже существует.

Говорил ли я тебе, мой друг, о приеме, оказанном Барятинскому Императрицею? Она ему, при первой встрече, сказала: «Ах, Боже мой! А я думала, князь, что вы пополнели[113]! От вас так и пахнет Парижем, из которого вы приехали!»

Удивительно, что Екатерина II, которую так расхваливают в Европе, способна к такой мелочности. Париж ей покоя не дает; все, кто там побывал, ей не нравятся, и восторг, с которым к нему относятся, ее оскорбляет. Так же думает и кн. Орлов. Он нас не любит и недавно, на придворном обеде, доказывал, что смешно, в России, изучать французский язык и говорить на нем. А князь Щербатов, который мне это рассказывал, ответил ему, что нужно же любить свою кормилицу.

Среда, 14. — К брату.

Обедал на даче обер-шенка, Нарышкина, где, кроме меня, не было никого посторонних. Разговаривали о моей поездке к эскадре, что произвело впечатление и всем понравилось. Судя по слухам, я однакож думаю, что гр. Иван Чернышов недоволен этой поездкой. Кн. Лобкович желал также осмотреть флот, но он уж теперь в гавани.

После обеда я был у Вельденов. Застал там девиц Ковенок; они молоды, веселы и бойки. Молодая Вельден была очень любезна, мы с ней проговорили и просмеялись часа два; когда я стал прощаться, она велела мне передать поклон туда, куда я еду, то есть Бемерам — женщины первые замечают эти вещи, и редко ошибаются. Я действительно ехал к Бемерам, Шарлотты однакож не застал, она отправилась с Визенами гулять в Петергоф.

Читал речь Г. Формэ[114], (*Formey*), произнесенную им в Берлинской академии, в присутствии великого князя и Румянцова. Это — сплетение общих мест, плоскостей и низостей. Говорят, что Формэ, в этот самый день, потерял сына, и король велел на сутки задержать похороны. Великий князь, однакоже, приказал передать оратору, что он может уделить академии лишь несколько минут, почему Формэ пришлось сократить свою речь, от чего она только выиграла. В конце ее он говорил о союзе дворов, прусского и русского, а также о дружбе соответствующих принцев, причем великий князь поцеловался с принцем Генрихом, и оба они поклялись в верности и незыблемости этой дружбы.

Уверяют, что прусский король, разговаривая с фельдмаршалом Румянцовым и генералом Лентулусом (*Lentulus*), сказал последнему, что Румянцов похож на него. Фельдмаршал заметил, что желал бы нравственно походить на человека столь достойного и оригинального. «О! на этот счет вам желать нечего — воскликнул король — вы сами оригинал».

Вечером у маркиза состоялся ужин с гостями: были м-м Остервальд и м-м Нолькен, что вышло не особенно весело. Но мы, в своем уголке, смеялись и рассказывали сказки.

Четверг, 15. — К брату.

Обедал у гр. Головиной; очень любезно упрекали в том, что редко бывал. Это, как я тебе говорил, очень хорошая семья, у них можно научиться добру. Была там Нелединская, мы много говорили, она по-прежнему относится ко мне дружески. Я спросил правда ли, что она не любит больше Барятинского и заявила ему об этом. Она отвечала, что правда, что она писала ему об этом девять месяцев тому назад, но что она все-таки дружески к нему расположена. Просили меня остаться ужинать, но я дал слово маркизу быть у Щербатовых, куда и приехал в 9 часов: ужин уже начался. Встав из-за стола, репетировали некоторые сцены из *Glorieux*; я взял роль Геронта, которую ты так хорошо играл в Труассре[115], и которую я играю также в труппе Спиридовой. Я предпочитаю играть у нее эту роль, вместо роли влюбленного, потому, что не хочу беспокоить Шарлотту, так как мне ее жаль, хотя мотив ее беспокойства и льстит самолюбию.

Пятница, 16. — К брату.

Актриса Дефуа, разрешившаяся мертвым ребенком, чувствует себя плохо; за нее боятся.

Пиктэ уезжает сегодня в Кронштадт, а оттуда во Францию. Полиция позаботилась о том, чтобы кредиторы его не беспокоили. Я с ним посылаю письмо к тебе, к де-Верженну, и

проч. Уезжая, он мне оставляет нотату о податях в России. Желаю ему большего успеха, чем здесь, где он пользуется плохой славою.

У маркиза, сегодня вечером, собралось много народа к ужину: Голицины, Матюшкины и кн. Барятинская, которая пользуется вниманием мужчин и потому привлекает на себя ревность со стороны женщин. Говорят, что она очень высокомерна, презрительна и не отдает визитов; это не правда; ее просто хотят каким-нибудь образом опорочить.

Кн. Голицин много говорил мне о своей любви; ему не идет быть влюбленным, но он не может этого скрыть. Он уверяет, что Матюшкина неисправимо легкомысленна и недавно завела себе нового любовника. Это — Салтыков, адъютант ее величества. Я не верю, потому, что данный господин не обладает нужными для того качествами.

Гр. Брюль, ночевавший у меня, говорит, что Мальтиц (*Maltitz*) послал письмо Матюшкиной через кн. Хованского (*Kavanski*), адъютанта фельдмаршала Голицина. Письмо это открыли, и Матюшкина, чтобы оправдаться в его получении, сказала, что оно ей передано Брюлем, хотя сам Хованский сознался в передаче. Нелединская уверяет, что Голицин на ней женится, но я не думаю — он считает ее слишком ветреной; посмотрим, чем кончится эта комедия.

Вторник, 20. — К брату.

Никаких известий от тебя, мой друг, и никаких надежд от министра. Слухи насчет маркиза не подтверждаются; я попробовал зондировать его самого, но он ничего не говорит, да по-видимому ничего и не знает. Он думает, что де-Бретейль не упускает из виду места министра иностранных дел, и что де-Верженн рано или поздно слетит; я бы этого не желал.

Говорят об отставке м-м Ляфон, потому, что Императрица узнала о беспорядках в Монастыре от той молодой девушки, которую взяла к себе. Уверяют, что Бецкий тоже не прочен и уйдет, если только его не станут удерживать. Надеюсь, что Ляфонов прогонят, для блага учреждения. Говорят, что маменька порядочно нажилась на этом месте, уплачивая расходы по учреждению только раз в 18 месяцев и пользуясь за это время двенадцатью процентами с доходов, достигающих 150 000 в год. Ей очищалось, таким образом, тысяч восемнадцать ежегодно. А дочка, говорят, просто потаскушка (*coduine*); она родила в Монастыре, о чем знают и воспитанницы. Сестра ее умерла от искусственного выкидыша. Как видишь — вся семья не представляет собою ничего поучительного для юношества.

К обеду у нас собрались Рибасы, гр. Миних, Нолькены, и

проч. Последний страшно ревнует свою жену; он постоянно держится рядом с нею и не любит, чтобы шутили на этот счет. Если так, то быть ему с рогами! Да и состояние-то его пошатнулось; двадцать тысяч рублей приданого еще не получены, а уже прожиты, остальные 3000 будут выданы только по рождении первого ребенка; между тем он, как говорят, нуждается, для этого, в помощнике.

Среда, 21. — К брату.

Слухи об отставке маркиза могут зависеть, мой друг, от англо-американской распри. Говорят, что русские берут сторону англичан и посылают им на помощь десять кораблей. Не знаю, насколько это верно, но здесь, тем не менее, постоянно разоружаются (on desarme).

Обедал у Спиридовой, где говорили о спектакле. Она предполагает сыграть le Glorieux и la Jeune Indienne в день имянин ее матери, 26-го. Мне поручено предложить старшей Бемер, Каролине, роль маркизы. Любезный и вкрадчивый Измайлов участвовать не будет. Князь Голицин займет его место.

Спиридова должна ехать поздравлять одну только что разрешившуюся от бремени даму. По здешним обычаям, она должна подарить родильнице букет. Я также собрался было исполнить этот обычай по отношению к жене Ивана Чернышова, но мне сказали, что молодые люди обоего пола от исполнения его избавлены. Надо быть родственником или другом дома, или по крайней мере, пожилым человеком, чтобы иметь право поднести букет и поцеловать родильницу, как обыкновенно делается.

После обеда, я ездил на дачу, к Головиным. Нелединская больна и лежит в постели. Боюсь, как бы она не отчаялась в своем положении, так как сестра ее умерла от такой же болезни, и ей имели неблагоразумие сказать это. Мы с ней много говорили и смеялись. Она находит, что я перестал быть англоманом и трунила надо мною по этому поводу. Перед ужином, когда мы остались одни, она много темных фраз наговорила обо мне, о Матюшкиной, о моих суждениях по поводу ее характера, о моем непостоянстве и проч. Я отвечал, что ничего не понимаю. «Не так давно вы понимали и были гораздо интереснее, — сказала она, — вы ведь уж больше не англоман? Ах, какой непонятливый!». Тут я вспомнил, что мы с ней толковали о чувствах, о любви, о дружбе, и поспешил перейти на вопрос о гр. Андрее, причем заметил, что, по моему мнению, непостоянство ее, как и Матюшкиной, зависит скорее от постоянной потребности в чувстве, чем от недостатка последнего; что весьма многие страдают таким непостоянством, и что я желаю ей скорейшего успокоения. Тогда лицо ее вдруг

изменилось, глаза покраснели, она заплакала и сказала: «Вы меня заставляете молчать, ну, так я ничего больше не скажу!». — «Боже мой, — сказал я, — что вас так огорчило? Вы меня не поняли!». — «Да вы всегда меня огорчаете!». — «Может ли это быть! — воскликнул я, — может ли желать вас огорчить человек, искренне вас уважающий и ваш друг! Это ваша подозрительность перетолковывает мои слова в другую сторону; вы не хотите меня узнать, несправедливо меня судите». Ужин прервал этот разговор. Я пошел в столовую, а Нелединская ужинала в своей комнате. После ужина, я опять вошел к ней напустив на себя серьезность и сдержанность. Заметив это, она сказала: «Хотите взять мои цветы? Вы ведь их любите», — «Благодарю вас, отвечал, я, — куда ж я их дену? Они изомнутся в карете. Зачем вы, — продолжал я, — меня подозреваете в желании огорчить вас? Вы дурно обо мне судите и не правы». С этими словами я вышел и мы с Брюлем уехали. Поистине, мой друг, если бы мое сердце не было занято, если бы в нем не царствовала Шарлотта, то я думаю, что влюбился бы в эту молодую женщину. Она нежна, она печальна, она плачет, а всякое чувство быстро покоряет тех, которые с ним уже знакомы и его уважают.

Четверг, 22. — К брату.

Я писал сегодня утром, друг мой, когда пришел меня навестить кн. Голицин. Мы говорили о его любовных делах, которые идут так плохо, что он готов от них отказаться.

Я не обедал, потому что в четыре часа должен был быть у Щербатовых на репетиции, и пробыл там до семи, поджидая актеров, а затем мы с кн. Голициным отправились к Пушкиной, которая уже два дня как переехала в дом Строгоновых, на Невском. Ужинал у фельдмаршала; там была молодая Головина, прическа и перья которой наделали шума в Петербурге. Матюшкина очень печальна, так как у нее какое-то семейное горе; кроме того, мать ее преследует. Говорят, она уверила свою мать, что кн. Голицин, за столом, сделал ей предложение, и затем публично заплакала. Князь мне сам это рассказывал, и он верит, хотя с огорчением видит в этом притворство и ломанье. Это Зыбина ему наговорила, а он, будучи влюбленным, верит всему, как хорошему, так и дурному. На чувствующую душу все производит впечатление. Любовь сильна, но у нее, зато, большие уши.

Пятница, 23. — К брату.

Я сегодня дал маркизу речь, произнесенную в Берлинской академии г. Формэ, при великом князе. Эта речь может служить

образчиком нахальства, низости и глупости.

Сделав несколько неудачных визитов, заехал к кн. Барятинской. Мы проговорили три четверти часа; она очень любезна и умеет вести разговор. Я нахожу, что она, по тону, похожа на парижских дам тридцатилетнего возраста; оттенок философии, примешанный к чувству, делает этих дам очень опасными. Княгиня вполне обладает такого рода кокетством, так как ведь это — кокетство. Говорили о гр. Андрее, которого она очень любила и любит, и который к ней был неравнодушен. Это очень милый малый, говорит она, только голова у него горячая.

Суббота, 24. — К брату.

Говоря о петербургском обществе, я сказал тебе, что оно очень отличается от московского — оно более подходит для иностранцев, встречающих в нем те же нравы, что и в остальной Европе. В Москве более своеобразия, более азиатчины. В Петербурге живет больше иностранцев, их здесь охотнее принимают, с ними чаще встречаются. Но, что странно, так это то, что русские мало сообщаются друг с другом. У всякого своя компания, из которой он редко выходит. Вы не увидите, даже в самых больших домах, того прилива и отлива публики, какой замечается, во Франции, повсюду. В некоторых отношениях это очень приятно, и мне нравится. Голицины, Чернышовы, Щербатовы и Головины живут именно так.

Сегодня я был на даче у последних. Я там обедал с Брюлем и актером Дюгэ. Нелединская поправилась и была очень весела. Мы много говорили в дружеском и доверчивом тоне. Имел я также очень приятный разговор с воспитанницей Монастыря, девицей Дугни (Dougni), которая живет у них. Эта молодая особа очень развилась физически и нравственно. Теперь она и чувствительна, и благоразумна, и остроумна. Общество Нелединской послужило ей на пользу. Шутя, я предложил ей вопрос: в каком виде она представляет себе человека, который бы мог ей понравиться. Она очень свободно отвечала, что желает видеть в нем чувство, ум, основательность и веселость в обществе. Это, мой друг, не похоже на застенчивый ответ девушки, только что вышедшей из Монастыря. Три месяца тому назад, она не могла бы поддержать такой разговор. Ты ведь представить себе не можешь, в каком виде кончают курс эти девицы. Дугни и Глинская не имели никакого понятия о религии, о катехизисе, и не могли сделать сложения (?). Гр. Брюль, который мне это передавал, сам учил их многому, чего они, к стыду своему, не знали. Дугни гораздо понятливее Глинской, что только подтверждает мое о ней мнение.

В город я вернулся к семи часам, и ужинал у Бемеров. С

Альбертиной имел длинный разговор о способности вести себя с женщинами; она во многом со мной согласилась. По ее мнению, эта наука мне хорошо знакома, я обладаю ею во всех подробностях. Разговор нас позабавил, что и требовалось. Такого рода разговоры нравятся Альбертине; она очень умна и в то же время забавна.

Воскресенье, 25. — К м-ль де-Брессоль.

Кажется, я говорил вам в последнем письме, что мы рассчитываем зимою возобновить наши старые проекты развлечений — спектакли и проч. Я приглашен в новую труппу кн. Щербатовой; дочь ее, Спиридова, будет главной актрисой. Она молода, красива, умна и желает иметь меня своим чичисбеем.

Я должен был обедать у кн. Лобковича, венского посла, но отказался, чтобы быть вместе с Шарлоттой, которая обедает у Щербатовых.

Она и действительно там была, вместе с своими родителями. Спиридовой не было. В качестве друга дома, я приехал во фраке, а хозяева были еще не одеты: князь — в халате и ночном колпаке, княгиня — также в колпаке, который делает ее похожей на поваренка. Когда приехали Бемеры, то меня послали принимать их, а хозяева бросились одеваться и вскоре вернулись: князь — в сюртуке, сапогах, парике и с ночным (?) платком на шее, а княгиня — в камлотовом капоте. По этому описанию, сударыня, вы не скажете, чтобы мы в России любили роскошь. Но посмотрите на нас во время парадов — не узнаете самых близких знакомых; такое великолепие. После обеда задумали ехать к Спиридовой, и застали там ее свекра и свекровь в таких же костюмах, в каких я застал Щербатовых. Здесь такая нечистоплотная распущенность в нравах. Она была бы благоразумна, если бы только дело ограничивалось одной простотою и костюмы были бы чисты.

Понедельник, 26 и вторник, 27. — К ней же.

Здесь строже, чем где-либо, соблюдается обычай празднования имянин и дней рождения, когда принесение поздравлений обязательно. По этому случаю, я сегодня приглашен к Головиным на празднование дня рождения старшего их сына, гр. Степана, не того, которого вы знаете.

Граф Брюль заехал за мною и мы отправились в шлюпке, с музыкантами кн. Орлова, которых нанял граф. Река была очень красива, ветер свежий, мы поставили два паруса и, благодаря желанию забрать больше ветра, чуть было не перевернулись. На даче Головиных собралось много народа; восемь или десять

воспитанниц Монастыря значительно оживляли общество. Мы обедали, потом танцовали в саду, причем я выбрал себе шестнадцатилетнюю девушку, ту самую, с которой я здесь и прежде танцовал — молодую Симонову, не особенно красивую, но обладающую выразительным лицом и очень свежую. Это, конечно, не были вы, мой друг, это не была Шарлотта, но ведь на миленькое личико всегда смотреть приятно. Натанцовавшись вволю, мы вернулись в дом. В восемь часов воспитанницы уехали и я имел, с Нелединской, длинный разговор, в котором она, со слезами на глазах, упрекала меня за шутки по поводу ее ветрености. Эта диверсия, от веселья к чувству, была очень пикантная, и я отдался ей, мой друг, с тою прямотою души, которую вы знаете и которая легко отдается всякого рода развлечениям. Я шутил, рассуждал, читал наставления, но кончил тем, что расчувствовался и просил прощения, которое мне наконец и было дано. С этой молодой женщиной, которую вы, может быть, увидите в Париже, очень интересно познакомиться. Чувствительная душа, доброе сердце и доверчивость, с которою она ко всем относится, привлекают к ней любовь каждого.

После этой маленькой, плаксивой сцены, мы вновь начали танцовать, только уже между собою, так как большая часть актрис тоже уехали. Потом был ужин, и я уехал только в полночь. Вот как я провел день, мой очаровательный друг, день, который вы бы очень украсили, если бы присутствовали при наших развлечениях, причем и сами бы повеселились в прекрасной местности, на берегу одной из лучших рек, в среде простых и любезных людей, которые заставляют позабывать все неприятности, испытываемые иностранцами в этой стране.

Четверг, 29. — К брату.

День прошел в визитах, и кончился репетицией у Спиридовой, да очень приятным ужином, на котором присутствовало много народа, притом, людей порядочных и серьезных. Молодой кн. Голицин, которого я там встретил, говорил мне о Матюшкиной и о своем намерении отказаться от женитьбы на ней. Причина этого отказа, конечно, ее кокетство, и до известной степени князь прав. Но я с ним не согласен по отношению предполагаемой ее любви к Малицу. Голицин намеревается образовать общество для приятного препровождения вечеров. Не знаю, удастся ли это, и не вполне разделяю его идеи.

Сегодня был большой обед у Кавенака, английского коммерсанта. На него были приглашены Голицины и Головины, с целью помирить их друг с другом, так как они поссорились еще в

Москве, из-за первенства на общественном спектакле, состоявшемся при дворе. Примирение, однакож не состоялось, так как обе стороны отнеслись к нему очень холодно. Ссора, говорят, будто бы, даже усилилась. Это и неудивительно, раз она произошла по такому ничтожному поводу и поддерживается тщеславием старых баб. Говорят, что последнее подстрекается кн. Хованским, человеком умным, но мелочным и суетным.

Среда, 28. — К брату.

Говорил ли я тебе, мой друг, что великий князь вернулся в Царское Село в воскресенье вечером? Он остался очень доволен Берлином, хотя Берлин едва ли остался доволен его щедростью: все, в этом отношении, было сделано ужасно скаредно. Управляющему загородного дома принца Генриха, где великий князь прожил несколько дней, он пожаловал, например, сорок серебряных дукатов. К человеку вполне порядочному, его высочество отнесся как к лакею, да и тому заплатил плохо. Почетный караул ничего не получил. Не понимаю я, в этом отношении, Императрицы, которая так любит выставлять свою щедрость и великолепие.

Многие подозревают Салтыкова, обер-гофмейстера Наследника в удержании подарков в свою пользу, но это трудно предположить. Положим, что Салтыков — дрянной человек. Все это я знаю прямо из Берлина.

Забыл тебе сказать, что, по уверению Поте, крупные претензии Рибаса не удались. Он желал получить для себя место генерала Пурпра, а для своей жены — место м-м Ляфон; но Пурпра поддерживает кн. Голицын, а что еще важнее — кн. Орлов.

Г. де-Веран рекомендовал мне, через Кальяра, одного молодого человека, некоего Кюсси (Cussy), который ищет место в кадетском корпусе или при каком-нибудь русском вельможе. Места учителей в корпусе очень хороши, так как дают 560 р. в год, но они редки. Что касается места секретаря, то я боюсь, что достать его будет еще труднее. Постараюсь сделать все, что могу. Надо заметить, однакоже, что этот Кюсси показался мне большим нахалом и хвастуном по отношению к своим талантам и знанию литературы. Я ему посоветовал вернуться в Копенгаген; это лучшее, что он может сделать.

Пятница, 30. — К брату.

Маркиз показал мне сегодня письмо, написанное им к гр. Штакельбергу, по поводу одного очень деликатного обстоятельства. Французские принцессы (Mesdames de France), по

смерти Польского короля, получили наследство в виде земли, перешедшей теперь к России, по разделу, которого Франция не признает. Земля была пожертвована принцессами иезуитам, на пользу просвещения; но с тех пор как поляки захватили землю этого ордена, принцессы желают восстановить свое право владения, чтобы передать его в благотворительный фонд покойной королевы французской. Вот это чрезвычайно деликатное дело и поручено теперь маркизу. По правде тебе сказать, мой друг, я подозреваю, что это просто ловушка, ему подставленная, так как сомневаюсь, чтобы он успел чего-либо добиться по делу, которое является смешным в виду печального положения Польши.

Суббота, 31. — К брату.

Пообедав у Головиных, мы смотрели ученье пехотного полка, состоящего под командой человека, который был адъютантом фельдмаршала Чернышова. В этом полку 1080 человек; он, говорят, принадлежит к числу наилучше обученных. Я не люблю их манеры маршировать; они слишком высоко поднимают ноги, не чувствуют локтя, а потому ломают фронт по недостатку опоры. Производили их любимый манёвр — карэ, при помощи которого они побеждали турок.

Сентябрь

Воскресенье, 1 сентября. — К брату.

Ездил с визитами, был в корпусе и в летнем саду. В последнем было много народа, и я не могу сказать, чтобы скучал. Между прочим была Спиридова; она шутила по поводу моего сравнения ее театра с табакеркой, а я продолжал шутку сравнив, ее самое с буфетом. Несколько времени спустя приехала Нелединская, с воспитанницами Монастыря. После обеда я к ней заезжал, но не застал дома и она меня попрекнула за то, что я ее позабыл. М-ель Дугни, которая была тут же, смеясь посоветовала мне идти опять к Спиридовой. В этом же кружке, я встретил Симонову, с которой танцовал недавно. Она со мной поздоровалась, и мы поговорили. Вообще прогулка мне очень понравилась; погода была дивная, хотя и холодно. В семь часов все мы вышли из сада; я подал руку Нелединской. Забыл тебе сказать, что встретил в саду Загряжскую, которая шутила над моими новыми склонностями и в особенности над их объектом. Положительно не знаю, что она хотела сказать, мой друг, а она не пожелала объясниться и сказала, что сделает это лишь тогда, когда все точно разузнает. Полагаю, что она говорит о

Нелединской, которую терпеть не может.

О гр. Андрее она, пять недель, никаких сведений не получала!

Из сада я зашел к графу Матюшкину, справиться о его здоровье. Здесь меня в первый раз приняли. Молодая графиня просила меня приходить к ним обедать и ужинать, а затем с большим интересом говорили о кн. Голицине. «Вы ему даете плохие советы, прибавила она, и если это будет продолжаться, то мы поссоримся с вами». Я отвечал, что мои советы согласовываются с поведением, и что от нее зависит изменить их. Проболтав, таким образом, с полчаса, я отправился на репетицию к Щербатовым. Там было много гостей, репетировали la Jeune indienne. Мы не особенно отличились, но некий Богданович (Bagdanowitch) так смешно играл квакера, что выходило очень комично, тем более, что он уверен в своем таланте и заранее хвастался им.

Понедельник, 2. — К м-ель де Брессоль.

Новая неприятность, сударыня, и по тому же поводу. Я хотел провести вечер и ужинать у Бемеров; таково было мое намерение вчера, но, вернувшись домой в час ночи, я застал лакея Головиных, который ждал меня, чтобы предупредить, от имени своих господ, что военные упражнения, которые я желал видеть, вместо девяти часов утра, назначены в шесть вечера, и что поэтому Головины приглашают меня обедать на дачу, а оттуда вместе отправимся на ученье. Обедать я обещал у Спиридовой, но не желая отказываться от ученья, назначенного ради меня, я послал ей сказать, что приеду к ужину. Как же быть с Шарлоттой, да и с самим собой, так как эти перемены были очень мне неприятны? Тем более, что Шарлотта, по словам моего лакея, Гарри, вчера жаловалась на меня. Я решился ехать завтракать в тележке. Вы не знаете, сударыня, что такое представляет собою этот национальный экипаж, удивительно нелепый. Представьте себе кабриолетный ход, на котором помещена очень маленькая, очень узенькая и очень высоко поставленная скамеечка[116], все неудобства фаэтона и фиакра вместе взятые. Взобрался я в этот экипаж, сзади меня сел бородатый мужик, и понеслись мы довольно скоро. Шарлотту я застал с подвязанной щекой; она собиралась встретить меня холодно, но я ее развеселил и все неудовольствие кончилось тем, что она назвала меня шалуном как вы называете графа Степана. За два или три часа, которые я пробыл у Бемеров, мы успели поговорить, погулять, посмеяться и позавтракать. В самый разгар веселья, вдруг явился сумрачный Нормандец, окончательно нас заморозивший. Я пробыл еще с

четверть часа и уехал обедать к Спиридовой. Там собралась наша труппа и мы, без всяких претензий, очень весело провели время. Я особенно напираю на это и достоинства, которые здесь не во всех кружках встречаются и которых мне очень недостает, если только более нежные чувства не отвлекают моего внимания.

Уехал я в четыре часа, чтобы отправиться к Головиным, но на половине пути встретил гр. Степана и мы с ним вернулись в Петербург прямо на ученье егерей Преображенского полка, в котором императрица состоит полковником, а Потемкин и Алексей Орлов подполковниками. Это ученье доставило мне большое удовольствие. Солдаты молоды, подвижны и ловки; одежда их состоит из зеленого камзола, таких же брюк, сапог и кожаного кивера, на манер английских, охотничьих, а вооружение из ружья и кортика, который служит также штыком. Командует егерями молодой Теплов, по протекции своей матери, к которой кое-кто из начальствующих лиц полка неравнодушен. Этот молодой человек не приобрел еще навыка командовать, но так как под его командой состоят люди, хорошо уже обученные, то дело идет само собою. Ученье производилось в две линии — их обычный строй. Самые разнообразные упражнения производились беглым шагом, причем то все смешивались, то вновь быстро разбегались по своим местам. Дрессировал их капитан, раньше Теплова командовавший этой ротой. Фельдмаршал Румянцев думает, в случае войны, соединить егерей всех полков в один корпус. У них у всех один мундир, а полки отличаются только по эполетам.

Вторник, 3. — К ней же.

Мы с маркизом превосходно пообедали сегодня у Рембера, крупнейшего из здешних французских негоциантов, обладающего самым правильным взглядом на торговлю. Там был кн. Лобкович и гр. Чернышов. После обеда я был на смотру полка кн. Вяземского, довольно плохо упражнявшегося. Я был вместе с гр. Вахмистером, братом Пушкиной. Этот молодой человек обладает странным характером, который может показаться фальшивым, если не узнать его хорошенько. Неуверенность в суждениях, легкость перехода от одних мнений к другим, совершенно противоположным, зависит у него не от лживости, а от слабости характера. Он был другом и сторонником Бемеров, а теперь нападает на них, благодаря влиянию своей сестры и ее мужа, которые окончательно им завладели. На его нападки, касающиеся исключительно отца, старика Бемера, я отвечал, что не могу с ними согласиться, так как считаю президента человеком хотя и не особенно любезным, но честным, твердым и надежным.

Среда, 4. — К брату.

Обедал у кн. Щербатова. Я думал, что будет репетиция, но ее не было; я, поэтому, соскучился, уехал, сделал один визит и отправился к Вельдену, английскому коммерсанту, где Бемеры должны были ужинать. Вечер прошел очень весело. У Вельденов две дочери, очень любезные, особенно одна, которую зовут Шамбреленой (Chambrelin), и о которой я тебе уже говорил несколько раз. Она пела по-итальянски, аккомпанируя себе на клавише, и проч. Шарлотту тоже просили петь, но у нее насморк и она отказалась, что мне было очень неприятно. После ужина, веселились еще более, играли в разные игры, много смеялись, даже целовались; Шамбрелена была в прекрасном расположении духа, и я, пожалуй, слишком уж был к ней внимателен в присутствии Шарлотты.

Четверг, 5. — К брату.

Сегодня у нас состоялась торжественная обедня в честь св. Людовика. Аббат Дефорж, очень ревниво относящийся к своим обязанностям, постарался сделать службу возможно великолепной, и успел в этом. Боюсь говорить об этом человеке, потому что не могу сказать про него ничего хорошего. Он лжив, интриган, мелочен, даже опасен. Мы не симпатизируем друг другу, как ты себе можешь представить, а это не поощряет моего благочестия. Кроме того, я узнал, какими проповедями угостил он актрису Дефуа, добрую и некрасивую женщину, которую исповедовал после родов. Довольно пошло было с его стороны разыгрывать Филинта с этой женщиной. Да его нельзя назвать и честным человеком; не люблю я этой смеси ханжества с самым грязным сластолюбием.

Ужинал у Бемеров, видел там гр. Нессельроде. Он мне рассказывал о бароне де-Бретейле, которого Шуазель называет последним христианским бароном; ходят слухи о назначении его военным министром. Нессельроде, впрочем, получил письмо из Парижа, в котором говорится, что Бретейль уже назначен посланником в Вену. Маркиз получил сведения от своего брата[117], который пишет, что падение Сен-Жермена неизбежно.

После ужина я имел маленький спор с Альбертиной по поводу братьев Визет, которым она покровительствует. Один из них не лишен образования, но считает себя очень умным, в чем ошибается. Другой, младший, менее педантичен и обладает более красивой, хотя лишенной выражения физиономией, но он ленив как азиат, бесцеремонен как султан и твердо убежден в своем величии. Вообще это два тупых фата дурного тона, которых я бы

поместил: одного — в храм Фемиды, а другого — в какой-нибудь маленький провинциальный сераль. Я дурно сделал, высказав эти мои мнения Альбертине, но что делать! Увлекся.

Пятница, 6. — К брату.

Обедал дома, а после обеда отправился с маркизом к кн. Щербатовой по случаю ее именин. Была там Спиридова и показалась мне очень серьезной. Ужинать поехал к жене Ивана Чернышова. Говорят, что гр. Захар назначен военным министром и к нему уже послан курьер; но этот слух требует подтверждения. Князя Репнина ждут со дня на день; его тоже прочат на место военного министра, но есть люди, которые думают, что этому помешает удаление гр. Алексея Орлова.

Воскресенье, 8. — К брату.

Ты знаешь, мой друг, наши проекты устройства спектаклей у Щербатовых, а потому, имея понятие о русских нравах, ты можешь себе представить, что дело не обойдется без неприятностей. Это во вкусе всех здешних кружков. Вот уже четыре дня, как мы с кн. Голициным аккуратно являемся к Щербатовым или к Спиридовой для того, чтобы участвовать в репетиции, и всякий раз даром, потому что другие актеры не являются. Не дальше как вчера нас постигла та же участь. Спиридова решила ограничиться одной только комедией; мы стали шутить по этому поводу, а она заметила, что в труппе есть лица, играющие только из любезности, и что нельзя же этой любезностью злоупотреблять. Такие слова могли относиться только к Голицину и ко мне, мы и отвечали на них, как водится в этих случаях, то есть любезностями. Тем дело и кончилось. Сегодня мы опять были у Щербатовых и говорили со Спиридовой, которая еще серьезнее, чем вчера. Она жалуется на то, что про нее распускают слухи, будто бы она затеяла играть комедии для того, чтоб быть окруженной молодежью, не возбуждая ревности мужа. Тут шутки уже были неуместны, особенно в виду тона, которым говорила Спиридова, и тем более с моей стороны, так как я и без того слыву насмешником. Мне поэтому пришлось напустить на себя серьезность и спросить у Спиридовой имена распускавших такие слухи. Возбужденный и сердитый вид, который я при этом принял, произвел впечатление; Спиридова стала уверять, что не верит этим слухам и просит меня успокоиться. Я тотчас же перестал настаивать, но сохранил задумчивую серьезность до самого конца. Заметив это, Спиридова несколько раз заговаривала со мной о том же, и из этих кратких, отрывочных разговоров я вывел заключение, что всему виною был паж,

Спиридов. Я при нем спросил кн. Ивана, кто бы такие могли быть низкие распускатели таких слухов. Он ничего не ответил, а минуту спустя я видел, как Спиридова горячо о чем-то говорила пажу и в конце сказала, что ничего не хочет об этом слышать. А паж во весь вечер относился ко мне очень холодно. Репетиция началась поздно; в 8 часов шел еще только второй акт, после которого Голицин, ни с кем не простившись, тотчас же уехал ужинать к фельдмаршалу. Спиридова, должно быть, особенно его обвиняет, потому что почти с ним не говорила. К тому же он вновь провинился, сев в одной сцене между мною и ею. В начале четвертого акта уехал и я (ужинать к Бемерам), но перед отъездом успел поговорить со Спиридовой.

Понедельник, 9. — К брату.

У нас уже началась зима; по утрам мороз доходит до 5–6 градусов, и везде начали топить. Такова осень в России; во Франции это называется зимою. Особенно неприятен быстрый переход от тепла к холоду.

Вчера мне сказали, что Нелединская нездорова. Мы с кн. Голициным собрались ее навестить. В полдень я за ним заехал и, припрягши его лошадей к моим, мы, четвериком, отправились к Головиным. Там были гости, и между прочим жена обер-церемониймейстера, Семена Нарышкина, которая, по виду и манерам, похожа на престарелую куртизанку, так как, в 50 лет, одевается как молодая женщина, желающая жить. Да она таки и живет больше, чем многие другие, не нуждающиеся для этого в нарядах. Нелединская лежала в постели, страдая нервами, истериками и обмороками. Эта болезнь очень истощает несчастную; она ничего не ест и чувствует страшную слабость. После обеда у ней опять был обморок. Мы все вышли; но час спустя Брюль опять пригласил меня к ней. Я несколько времени просидел у ее постели, поддерживая подушки и почти не разговаривая, так как боялся упомянуть в разговоре о чем-нибудь для нее неприятном. В шесть часов приехали Кошелев и Вахмейстер, а в семь мы с Голициным уехали. Голицин предложил мне разделить с ним курицу, я согласился, и мы проболтали до полночи. Этот малый имеет шансы и желает их увеличить; у него более знаний солидных, чем приятных, более ума, чем остроумия. Ему не хватает вкуса и такта, дающих ту любезность и деликатность, которые женщины приобретают раньше нас и которыми обладают в большей степени.

Вторник, 10. — К брату.

Сегодня, мой друг, в России большой праздник: св.

Александра Невского. Будет процессия кавалеров ордена, в которой, при хорошей погоде, участвует сама Императрица. Не явившийся кавалер платит 30 р. штрафа в пользу монастыря, потому что монахи из всего умеют извлечь выгоду.

На этот раз Императрица не присутствовала на церемонии, что уменьшило мое любопытство, а потому и я тоже не был. К тому же мы сегодня отправляем курьера, есть кое-какие дела, и я обедал дома.

Среда, 11. — К брату.

Ужинал у маркиза; были гости, между прочим Щербатовы и Спиридовы. Последняя была очаровательна; сестра ее тоже хорошеет с каждым днем. Перед ужином я им рассказывал сказки, но за столом мы сидели далеко друг от друга, что и помешало нашему веселью. Г-жа Налькен кажется полным ничтожеством перед Спиридовой, с которою г-н Налькен считает меня состоящим в связи, чего на самом деле нет. Вот, мой друг, как иногда составляются репутации. Прощай. Сегодня мы ждем принцессу Виртембергскую.

Четверг, 12. — К брату.

Собирался обедать у Нелединской, но попал, по обязанности, на обед к маркизу. Видел там молодого гр. Чернышова, мальчика 14 лет, не особенно развитого, так как его послали путешествовать слишком рано. Гувернер его кажется совсем глупым: сух и резок, вот все его достоинства. В четыре часа, мы с графом Брюлем были у Нелединской, которую нашли еще очень слабой. Меня сначала ввели в китайский кабинет, где графиня Матюшкина пряталась от теток Нелединской, приехавших ее навестить. Через четверть часа я проводил графиню до кареты и пошел в комнату Нелединской. Приехал ее муж из Царского Села; он рассказывал, что принцесса Виртембергская приехала вчера, тотчас же по приезде была принята Императрицей, причем бросилась ей в ноги, а что дальше происходило — неизвестно, так как дверь поспешили затворить. Но Ее Величество, кажется, осталась довольна своей будущей невесткой; она спрашивала у Нелединского, что он о ней думает. Нелединский отвечал так, как должен был отвечать, а может быть и как думал. Нам он сказал, что принцесса высокого роста, хорошо — хотя слишком — сложена, красива лицом, цвет которого не имеет себе подобного, ручки и ножки ее прелестны. Великий Князь должен был ехать, ей навстречу, в Ямбург (Lambourg); но он, проехав Нарву, встал из экипажа и пошел вперед пешком. Через несколько минут он поровнялся с поездом принцессы, причем последняя хотела тоже

выскочить из кареты, но Румянцова ее удержала. Кареты остановились, принцесса вышла, поздоровалась с женихом, и потом они вместе сели в его карету и таким образом приехали в Петербург. Я узнал все эти подробности от Нелединского, который провожал, сюда принцессу.

После нескольких визитов, я отправился ужинать к фельдмаршалу; там мне сказали что свадьба назначена 18-го числа этого месяца (по старому стилю). Видел Головину; они, в субботу, едут в Москву, откуда вернутся только будущей весной.

Пятница, 13. — К брату.

Обедал сегодня у Нелединской. Ей лучше, но все еще слаба. Говорил ли я тебе, что она теперь погрузилась в философию, и что Гельвеций не сходит у нее со стола? И это у нее не претензия, а подлинная необходимость в ее положении. Я заметил что люди, которые много любили, но перестали любить за неимением объекта, всегда обращаются к метафизике. Вот в таком положении находится и Нелединская. Отъезд Разумовского погрузил ее в меланхолию, и промежуток между двумя страстями она наполняет философией, которая, в свою очередь, будет изгнана новой любовью. Общество ее, которое мне очень нравится, может, однакож, быть опасным для меня. Она относится ко мне в высшей степени дружески, и все окружающие ее уверяют что у меня не может быть лучшего друга. Удивительно, между прочим, что она не верит в мое дружеское к ней отношение. Всякий раз когда я, со свойственными мне откровенностью и живостью, бросаюсь целовать ее руки или другим каким-нибудь образом выказываю волнующие меня чувства, она восклицает смеясь: «Ах! шевалье, шевалье, как вы можете так притворяться!» Не дальше как вчера, и даже сегодня она сказала это, когда я ей читал то место из Гельвеция, в котором идет речь о страстях. Я пропускаю эти слова мимо ушей, боясь, чтобы она в самом деле не подумала, что я ее обманываю. А все-таки эта идея мне нравится и я не стараюсь разуверить Нелединскую.

Печальная новость распространяется в городе: говорят, что Разумовский умер. Это могло случиться во время пребывания его у отца, откуда, в течении шести недель, не было о нем никаких сведений. Одни говорят, что его отравили, другие — что он умер с горя, даже не доехав до отца. А я думаю, что его просто схватили на дороге и согнали в Сибирь. Это меня очень беспокоит.

Свадьба Наследника состоится, говорят, раньше чем думали, а именно 16-го числа этого месяца (по ст. ст.).

Воскресенье, 15. — К брату.

Много говорят о будущей великой княгине; она очень любезна, предупредительна и добра. Гувернантка принцессы особенно расхваливает ее характер. Она милостиво принимает всех представляющихся и с каждым разговаривает. Теперь она учится русскому языку и скоро будет говорить на нем. Но вот внешность ее не особенно хвалят; говорят что она слишком крупна и жирна, а кроме того зубы у нее черные. Я, впрочем, не видал ее до сих пор и сужу по рассказам, из которых нельзя вывезти определенного суждения, так как они крайне разноречивы.

Сегодня у Щербатовых была репетиция. Кн. Голицын заставил себя ждать часа два, а потом явился с извинениями, в фатовском тоне.

Меня в нем очень сердит этот тон, неподходящий ни к внешности, ни к внутреннему его содержанию. Мне кажется, что Щербатовы его портят — он от них заимствует внешний лоск свободного мыслителя, который делает его смешным.

Понедельник, 16. — К брату.

Мы с Брюлем обедали у гр. Головина, отца Нелединской. И он и жена — прекраснейшие люди; последняя, впрочем немножко сплетница, как все пожилые маменьки. Говорили о намерении Матюшкиных ехать в Москву. Графиня Головина думает, что это фортель, который они с успехом выкидывают от времени до времени, чтобы вытягивать у императрицы деньги. После обеда принесли восьмимесячного ребенка, которого графиня очень ласкала. Говорят, что это плод незаконной любви ее старшего сына, который, тут же в доме, открыто живет с какой-то крестьянкой. Не нравится мне бесцеремонность, проявляющаяся в таком нарушении приличий, хотя оно, может быть, и спасает от горших бед. Лучше бы было, мне кажется, не делать открыто некоторых вещей, достаточно и того, что их терпят. Но таковы нравы в этой стране, в которой много азиатского.

Говорят, что дом бывшего фаворита Васильчикова куплен императрицею для фельдмаршала Румянцова[118], а другие говорят, что для Захара Чернышова, называемого военным министром. Князь Репнин приехал. Это другой кандидат на то же министерство или на министерство иностранных дел. Его, кажется, вообще боятся.

Вторник, 17. — К брату.

Сегодня утром я видел живописца Ролэна. Он показал мне

портрет принцессы Виртембергской, начатый им на этих днях, в Царском Селе. Круглое, свежее лицо, но без всякого выражения. Ее ждали в театр до семи часов, а когда она приехала с Императрицей, то была встречена пушечной пальбой в адмиралтействе. Этот обычай, — встречать монархов, при въезде и выезде их из города, пушечными выстрелами — был установлен при Елизавете, а в нынешнее царствование отменен. Екатерина восстановила его только для принцессы Виртембергской. В театре собралось много народа, для того чтобы ее видеть. Давали Нанину, по-русски. Ни аплодисментов, ни даже ропота одобрения здесь не допускается; только одни французы, мой друг, по свойственной им живости и прямодушию, выказывают свою любовь к монархам веселым шумом.

Занавес поднялся в семь часов, а я уехал в семь с четвертью, так как мне нужно было поздравить кн. Щербатова с именинами.

Завтра будет концерт у принцессы Виртембергской; в четверг — парадный бал; в пятницу — спектакль; в субботу — эрмитажный вечер; в воскресенье — куртаг и маскарад. Не знаю, что будет дальше, но кажется, что мы повеселимся.

В Москве, мой друг, есть невеста из купеческого круга, молоденькая, хорошенькая, говорящая по-французски, и обладающая приданым в семнадцать миллионов деньгами и в двадцать пять тысяч душ (?). Недурная партия!

Среда, 18. — К брату.

Маркиз сказал сегодня, что Захар Чернышев приедет через 15 дней. Одни говорят, что он будет президентом военной коллегии, другие прочат на это место кн. Репнина. Матюшкин говорил вчера, что Императрица предлагала Румянцеву быть президентом, с жалованьем в 60 000 р. и казенным домом, но он отказался, потому что не может жить в Петербурге. Странный он человек, как говорят.

Обедал у Нелединской. После обеда был у сестры Разумовского, которая передала письмо от него. Был также у Барятинских и у Бемеров, где рассчитывал ужинать, но Шарлотта велела мне лучше прийти в другой день, так как они заняты приготовлениями к завтрашнему торжеству — представлению Ее Высочеству, принцессе Виртембергской. Я вернулся ужинать к Нелединской. Она меня прямо балует и я не остаюсь к этому равнодушным. Была там Зубова, которая рассказывала нам историю своей любви и несчастий: это настоящий роман, в котором она играет страдательную роль. Муж, которого она очень любила и для которого всем пожертвовала, бросил ее для любовниц и живет теперь в Москве.

Четверг, 19. — К брату.

Сегодня состоялось представление Великой Княгине. Все мы, члены дипломатического корпуса также, как многие из придворных, собрались в большом зале дворца. В пять с половиной часов к нам вышла принцесса Виртембергская, в сопровождении Великого Князя и жены фельдмаршала Румянцова, которая всех нас ей представила. Каждый подходил к Ее Высочеству и делал поклон, не целуя руки; Румянцова называла фамилию представлявшегося, принцесса кланялась и тем кончалось дело. Затем все перешли в галерею, где танцовали. Маркиз, не занятый на этот раз карточной игрой с Императрицей, стоял тут же. Как вдруг приходят просить его танцовать с Ее Высочеством, но так как эта честь была ему оказана уже после генерал-аншефов, то он отказался под предлогом старости и слабости. Императрица заметила его отказ и говорила с ним об этом, но и ей он дал тот же ответ, без сомнения, вполне благоразумный.

Пятница, 20. — К брату.

Вчера я не хотел тебе сказать, мой друг, моего мнения о Великом Князе, которого не видал четыре месяца. Первых впечатлений следует остерегаться, и высказывать их только проверив чужими мнениями.

Вообще, им кажется все не особенно довольны. Поездка в Берлин, если судить по внешности, придала ему больше самодовольства, чем он имел ранее. Аффектация, с которою он появился, его натянутость, ненатуральность, смешные попытки быть грациозным — все это заставляет меня признать в нем настоящего провинциального петиметра. Таков он был и прежде, но после поездки в Пруссию стал еще хуже. Выход его к нам напомнил мне комедию *Криспэт, соперник своего господина* и сцену с лакеем в *l'Homme a bonnes fortunes*, где лакей, надевши платье своего господина, копирует его позы и мины. Принцесса и не красива, и не мила, но она проста и естественна. Несмотря на то, что ее и теперь уже упрекают в отсутствии той тонкости и той характерности, которые были свойственны ее предшественнице, я уверен, что она сыграет свою второстепенную роль при такой свекрови, какова Императрица.

У нас новый приезжий — Г. Гримм[119]. Мнения насчет его расходятся: одни считают его очень умным и еще более хитрым человеком, а другие говорят, что он простой болтун, что и похоже на правду.

Суббота, 21. — К брату.

Празднества, которых мы ожидали по поводу свадьбы В. К., сведутся к очень немногому. Великий Князь сказал, что она состоится 24-го, а переход принцессы в православие — 15-го. Графиня Брюс говорит, что празднества будут происходить только три дня; это она слышала от Императрицы.

Я ездил смотреть представление осады Бендер, происходившее в нескольких верстах от города. Из раскрашенных досок устроили декорацию крепости; понаделали вокруг нее траншей, баттарей и проч.; взорвали две маленьких мины, действие которых было почти незаметно. Вообще эффект получился ничтожный. Против крепости, в деревянной ложи, поднятой на несколько ступенек, находился начальник артиллерии, кн. Орлов со своей свитой. Мы, иностранцы, тоже оттуда смотрели на эту жалкую комедию. Ждали Императрицу, но ни она, ни Великий Князь, не приехали.

При этом случае, мой друг, проявилась та национальная особенность русских, которую Петр I и Екатерина II направили на преждевременное приобретение государственного величия и которая, под влиянием невежества и скудоумия, выродилась в романтическое ребячество и в пустое тщеславие. Вся свита Орлова восторгалась зрелищем и восклицала: «Ах как хорошо!» Этот глупый восторг зависит настолько же от необразованности, насколько от привычки льстить.

Мы, с кн. Голициным, поехали оттуда к Щербатовым, где после репетиции ужинали. Голицин сообщил мне, что кн. Хованский, окончательно разорившийся благодаря своей безумной расточительности, живет теперь на счет кн. Голициной. Он умен, злоречив и забавен, а этого-то и нужно доброй княгине, которая, как все женщины ее лет, любит сплетни и пересуды.

Воскресенье, 22. — К брату.

Утром — выход при дворе, вечером — бал. После обеда посетил меня гр. Нессельродэ, так как я никуда не выходил. Говорили мы о разных вещах и между прочим об отставке кн. Лобковича, который весною уезжает. Заместителем его называют кн. Кауница[120], человека очень умного и любезного.

Коснувшись дел гр. Брюля и расположения к нему кн. Орлова, я сообщил слух о поездке последнего в Париж вместе с Зиновьевой. Нессельродэ сказал, что эта фрейлина совсем завладела князем и желает, чтобы он на ней женился, а если он на это решится, несмотря на гнев Императрицы, то они уедут вдруг и неизвестно куда. Не это ли, мой друг, заставляет Потемкина упорно оставаться при дворе, несмотря на то, что его

старательно выпроваживают? Если Орлов уедет, то он может надеяться вновь попасть в фавор. По внешности, он совершенно покоен и даже нахален, что в этой стране почти всегда служит верным доказательством успеха. Вот тебе характерная черточка. В прошлую пятницу он посылает чиновника военной коллегии ко всем высшим генералам с приглашением пожаловать к нему в полдень. Они приезжают, не застают Потемкина дома, узнают, что он обедает и играет в вист у графа Панина, но ждут. От Панина Потемкин едет во дворец, и оттуда присылает ординарца, то есть простого солдата, сказать собравшимся, что теперь уж поздно представляться Ее Высочеству (что было целью собрания) и что они могут разъезжаться.

Весь вечер я пробыл у себя: Комбс вернулся с бала в 10 часов, и сообщил, что народу было не особенно много. Между тем роздано четыре или пять тысяч билетов. Мы с Комбсом, до полночи, рассуждали о моем политическом положении. Де-Бретейль, как ты знаешь, к концу октября возвращается во Францию, и в Вену больше не поедет. Если замена его может доставить мне место, то Комбс не знает как бы ему отделаться от маркиза, тем более что подарок, недавно сделанный последним, еще более связывает их друг с другом. Может быть это и к выгоде Комбса, если не к его удовольствию. Но надо все-таки посмотреть, что будет со мною. Если в Вене будет вакансия, то на нее могут перевести Шуазеля, из Турина, а Жюинье послать в Турин. Но тогда закричат г. г. де-Понс, де-Верак, де-Монморэн, де-Монтейнар, которые все старше маркиза. Придется, стало быть, отозвать Цукмантеля из Венеции и послать туда де-Верака, де-Понса — в Петербург, де-Монморэна — в Берлин, де-Монтейнара, — в Копенгаген, а меня отправить в Кобленц или Бонн, если только в намерения министра не входит оставить меня в Петербурге, сначала поверенным в делах, а потом посланником. Это был бы путь к повышению очень скучный, но очень быстрый. Прощай; пора спать, тем более что я уже наяву вижу приятные сны!

Понедельник, 23. — К брату.

Я вышел сегодня только после четырех часов и не застал дома Нелединской, которая утром присылала справляться обо мне. Был также у Зиновьевой, у которой сестра больна. Ее проекты сойтись с кн. Барятинской отложены на январь. Леруа показал мне часть своей работы над доходами России, которая безконечно ценнее тех сведений, которые нам присылают. Но так как эта работа написана исторически, то из нее возьму, для маркиза, только те точные цифры, в которых он нуждается, а все

сочинение Леруа пошлю весной к де-Верженну.

Не застав дома гр. Чернышевой, я очень рано попал к Бемерам. Там надо мной стали шутить по поводу вчерашнего моего нездоровья; Шарлотта приписывает его политике с моей стороны: она говорит, что я сказался больным, чтобы не попасть в затруднительное положение, очутившись среди всех тех женщин, за которыми ухаживаю. Шутки вообще были очень добродушны и кончились приглашением остаться на ужин. Несмотря на то, что мне очень хотелось ужинать у Голициных, я все-таки остался. Было много гостей, между прочим, Визен, протеже его — Марков[121], человек умный, но фат, и новый секретарь саксонского посольства, Клеандер. Бемерам он не понравился, а я нашел его добрым малым, может быть, благодаря тому, что он привез мне поклон от барона Лейснина, которого я очень люблю. В сущности, Клеандеру нужно еще немножко пообтереться в свете; он слишком фамильярен, и принимает этот недостаток знания приличий за простоту и вежливую развязность. Вечер прошел очень приятно: мне было весело, Шарлотта была очень хороша, о чем я ей тут же заявил.

Вторник, 24. — К брату.

Вчера я обещал Леруа навестить его и отправился пешком, вместе с Комбсом; погода была превосходнейшая. Леруа прочел нам свои заметки о доходах Российской империи. Они доходят до 31 000 000 р. и делятся на семнадцать отраслей. Леруа сдобрил голые цифры своими историческими и критическими рассуждениями, отчего они потеряли свойственную им сухость. Я тебе, мой друг, покажу его работу, когда увидимся.

От Леруа я проехал к Нелединской, которую нашел за туалетом. Она уверяет, что Матюшкина собирается учиться пению у Дюгэ. Я думаю, что мы из политики от спектаклей перейдем к концертам, потому что жена фельдмаршала боится рассердить Двор.

После обеда я сделал много визитов, был у Бемеров, у Голициных, а ужинал у гр Головиной. Нелединская встретилась со мной, по обыкновению, дружески. Мы много говорили между прочим о кн. Репнине, который недавно приехал из Константинополя. Я нашел его очень самонадеянным человеком. Говорят, он умен, но очень резок; мне кажется, что мужчины должны его любить меньше чем женщины. Нелединская уверяет, что он способен тонко анализировать чувство, а так как я оспаривал некоторые его принципы и согласился с другими, то мы перешли к разговору о наиболее выгодной, для любви, обстановке. Я сказал, что такой обстановкой является уединение,

что страсти чаще всего развиваются в деревне.

Среда, 25. — К брату.

Сегодня, мой друг, принцесса Виртембергская отказалась от протестантизма и перешла в греческую веру. Церемония назначена была в 10 ч. утра, и мы с маркизом отправились ко Двору. Через полчаса императрица проследовала в церковь, а за нею шел великий князь, под руку с принцессой. Она была одета во все белое, казалась печальной и очень бледной, так как не нарумянилась. Мы тоже, вместе со всеми, вошли в церковь, но там было так много народа, что я ничего не видал. Говорят, принцесса прочитала по-русски Символ Веры, и хорошо прочитала. Церемония присоединения была для нее сокращена — из древней формулы выкинули все унизительное, вроде отказа от своих родителей, вхождения в церковь с потушенной свечкой, и проч. Императрица сама показала будущей невесте как следует прикладываться к иконам. Она ведь прекрасная актриса, наша Екатерина. Она в высшей степени богомольна, благочестива, нежна, величественна, деликатна, любезна… а в сущности всегда остается сама собою, то есть человеком, думающим единственно и исключительно о своих интересах, и надевающим, ради них, какую угодно маску. Вновь конфирмованная принцесса приняла имя Марии Феодоровны, вместо своего прежнего, София-Доротея. Я уехал из дворца утомившись, соскучившись и умирая с голода, а обедать пришлось у маркиза, то есть весьма скучно, хотя и в большом обществе. Между прочим там был Гримм, о котором маркиз говорит так много хорошего, но который для меня не представляет никакого интереса: самый обыкновенный человек, да говорят еще болтун, а я бы к этому прибавил — высокомерный.

После обеда молодой кн. Голицын заехал за мной, чтобы отправиться вместе к Нелединской. Там мы репетировали несколько сцен из комедии, танцовали, хохотали. Был Кошелев. Голицын, не лишенный самомнения, считает себя стоящим гораздо выше его, но он не вполне прав.

Четверг, 26. — К брату.

Празднества наши продолжаются, мой друг. Сегодня утром в присутствии императрицы, состоялось обручение великого князя. На эту церемонию смотрят здесь как на самую важную; раз кольца надеты — брак состоялся[122]. После обручения был обед для первых четырех классов государства. Императрица сидела на троне. Я не был на этой церемонии, потому что не совсем здоров, да и не стоит ходить, так как из-за множества народа ничего не увидишь. Вечером был парадный бал, куда я отправился заехав

сначала взглянуть на Нелединскую, которая была очень красива. Во дворце мне передали пакет, адресованный на имя Гарри и распечатанный; в нем оказалась кокарда, присланная Шарлоттой, и я ее надел. Протанцовав несколько менуэтов и полонезов, отправился ужинать к Бемерам; Шарлотта была очаровательна в своем дезабилье, с волосами не завитыми, не напудренными, просто подвязанными платочком, по-русски.

Я узнал новость, которая может ускорить наше с тобой свидание. Князь Лобкович говорит, что Сэн-При[123] уехал из Константинополя во Францию на судне, которое сам нанял. Гр. Нессельроде, с своей стороны, сказал мне, что Монтейнар отозван из Кельна. Вот тебе и вакантные места, так что может быть и моя очередь придет наконец.

Пятница, 27. — К брату.

Сегодня утром — новая церемония при дворе. Мы ездили поздравлять великую принцессу — так теперь называется жена великого князя (?), получившего титул императорского высочества, хотя еще не считается великой княгиней. Прием был весьма многочислен и блестящ; были даже старая графиня Чернышова (жена Петра Григорьевича) и графиня Головина, три года уже не появлявшаяся при дворе. Обедал я у последней, вместе с дочерью ее, Нелединской, дружба которой становится мне все более и более дорога. Затем мы с гр. Вановичем отправились к Бонафини, которую застали за репетицией оперы *Армида*, идущей сегодня. Эта итальянка очень мила; у нее прекрасные глаза, нежный, выразительный голос и красивая фигура.

Понедельник, 30. — К брату.

Наши проекты насчет спектаклей трудно осуществимы. Должны были играть сегодня, а отложили на среду. Обедал у Щербатовых, где накануне была репетиция. После обеда провел часа полтора у Зиновьевой. Говорили о смешных поступках кн. Барятинской, которая навезла из Парижа модных вещей, вызывающих и критику, и подражание. Императрица терпеть не может ничего французского, и ей, конечно, вторят. Кстати об императрице; ты помнишь, что я говорил об ее характере; она удивительно непостоянна, легкомысленна и обладает редким даром притворства, во всей Империи нет лучшей комедиантки. Я сообщал тебе уже несколько характерных для нее черточек; сообщу еще одну, о которой узнал лишь недавно. В те времена, когда кн. Орлову приходилось ехать на конгресс в Букарест, императрица ужасно горевала в виду необходимости разлуки. В

день его отъезда, или накануне, она отправилась в Царское Село и дорогою, в карете, в присутствии ехавших с нею дам — Румянцовой, Зиновьевой и Брюс — отчаянно плакала. На другой день Ее Величество заперлась в своем кабинете, куда допускала только графиню Брюс; на третий день у нее сделались колики, на четвертый колики продолжались, на пятый она вышла в добром здоровье и в прекраснейшем расположении духа, а на шестой день об Орлове не было и речи — Васильчиков занял его место. Такова, мой друг, эта прославленная Государыня; увлекаемая впечатлениями минуты, она кажется непоследовательной, хотя, в сущности, всегда идет по пути, указываемому ее страстями. Менее фальшивая, чем непостоянная в ветреная, она настойчиво стремится только к удовольствиям и к удовлетворению своего самолюбия.

Зиновьева настоятельно просит дать ей мой ярославский дневник, который она видела у Лясси. Она хочет показать его Барятинской. Я обещал прислать, присоединив к нему мое послание к гр. Андрею Разумовскому, который был любовником Барятинской. Эти две женщины, может быть, самые умные, любезные, образованные и тактичные в России, задумали основать кружок. Можешь быть уверен, мой друг, что и я войду в его состав!

Октябрь

Вторник, 1 октября. — К брату.

Сегодня опять торжество, и это еще не конец. Был выход по поводу дня рождения великого князя. Ожидают новых производств, которые еще не состоялись, хотя многие высокие посты вакантны. Молодой Голицын надеется получить ключ.

Обедал у гр. Шереметева; было много гостей. Пюнсегюр вернулся. Я тебе говорил, кажется, что он приехал два дня тому назад в добром здоровье и очень довольный своим путешествием по Дании и Швеции. Нелединская нашла, что он похудел, и даже сказала ему это, чем он, по ее словам, остался недоволен. Думаю, что он останется здесь на зиму, хотя видимо скучает и говорил Комбсу, что может тотчас же уехать в Париж. У него новый проект — хочет заняться торговлей (entrer dans les negociations). Эта идея меня не удивляет, мой друг; я давно уже предполагал нечто подобное и думаю, что ему нет другого выхода, если только он по натуре окажется способным к такому делу, в чем я сильно сомневаюсь. Пюнсегюр — добрый малый, но он не особенно умен, мало образован, бестактен и не годится для света. Его плохо учили; этим я не хочу сказать, что он не знает латинского языка (хотя он его на самом деле плохо знает), так как не в том дело, но он не умеет правильно писать и говорить по-французски, не умеет хорошо выражаться. Ему недостает также сдержанности, решительности, твердости, которые так важны в данном ремесле; недостает способности разгадывать людей, без которой его постоянно будут обманывать.

Сегодня был парадный бал. Я танцовал с великим князем, который разговаривал со мною в первый раз со смерти своей жены.

Среда, 2. — К брату.

Наконец, сегодня мы играли нашу комедию Le Glorieux. Мой дебют в роли Лизимона был так успешен, как только я могу желать. Спиридова играла очень хорошо, другие — посредственно. У большей части из них гасконский акцент, что производит неприятное впечатление.

Пятница, 4. — К брату.

Не думай, мой друг, что я здесь ограничиваюсь только изучением общества и страны; а обогащаюсь и другими сведениями, более существенными. Дело идет о превращении металлов в золото, и меня тотчас же посвятят в тайны, ведущие к

этому драгоценному знанию. Я тебе говорил о ложе генерала Мелиссино и о составляющих ее семи степенях. Седьмая и последняя из них, которая называется Капитулом (Chapitre), знакомит и с первичной материей, и с процессами, которым она должна быть подвергнута для достижения высшей цели. Правда, никто еще из членов Капитула не нашел того, чего все ищут, но все убеждены в существовании искомого, а это уже много значит. Я буду очень рад сделаться членом Капитула, как мне это обещали, и тогда передо мною будут открыты все данные по этому вопросу.

Суббота, 5. — К брату.

Были у меня гр. Нессельроде с Брюлем, но последний скоро ушел, а с первым мы вели обычные разговоры. Он спрашивал меня, кто будет послан в Кельн, чего я не знаю. Затем мы произвели смотр некоторым из наших посланников. Говоря об О'Дюнне (O'Dunne)[124], который теперь в Мангейме, Нессельроде сообщил мне, что в 1763 г., во время переговоров о мире по поводу уступки Флориды, гр. Шуазейль, не получая ответа от испанского посланника, командировал О'Дюнна в Мадрид, и ловкий ирландец уже через 12 дней привез ответ, подписанный испанским королем. Этот ответ был представлен совету помимо испанского посланника, хотя и в его присутствии.

Обедал у Нелединской; она нездорова. Что это за очаровательная женщина, мой друг! Но если ты соберешь во едино все мои отзывы о ней, то найдешь, может быть, что она часто бывает сама на себя непохожа. Это и я нахожу, друг мой! Характер ее оказывается более основательным только при ближайшем рассмотрении. Она, например, гораздо более постоянна в любви, чем я думал. Гр. Андрей до сих пор близок ее сердцу, и я, хотя в ущерб своему самолюбию, но все-таки с удовольствием вижу, что ее дружба ко мне возникла в виду моей дружбы к Андрею. Я в этой дружбе вполне уверен, так как еще недавно, когда я говорил о привязанности ко мне кн. Голицына, она заметила: «Но уж, конечно, он вас далеко не так любит, как я». Маленькая Юрасова хорошеет; я говорил тебе о ней, так же как и о Дугни. Эти две девицы очень милы и чувствуют ко мне доверие; вообще, в этом доме все мне нравится.

Вернувшись, я зашел к маркизу. Он больше, чем когда-либо, уверен, что Захар Чернышов не будет военным министром и скоро вернется назад. Продолжают говорить, что кн. Репнин купил у Чернышова тот дом, в котором помещается наше посольство, и что через полгода нам придется переезжать, а пока он поместился у своего дяди, гр. Панина.

Воскресенье, 6. — К брату.

У маркиза был обычный обед, после которого мы с Брюлем отправились с визитами к обер-мундшенку и к адмиралу Грейгу, которых не застали дома. Затем мы поехали к жене Ивана Чернышова, где Теплов очень хорошо играл на гармони-флюте (clavecin organise?). Потом мы были у Нелединской, где застали Матюшкину. Последняя все еще печальней обыкновенного, но это к ней идет. Я наговорил им обеим множество глупостей, отчего веселость моя не уменьшилась. Я думаю, что теперь моя душа наклонней, чем когда-либо, к живым и внезапным впечатлениям. Затем мы посадили обеих дам в карету, причем я обещал Нелединской ужинать у ее родителей, а Матюшкиной — заехать к ее тетке. Они хотели было посадить меня с собою, но я отказался, так как должен был ехать к Бемерам. Шарлотта тотчас же заметила, что у меня рыльце в пушку, и стала шутить над этим. Ведь этакая несчастная способность краснеть! Все видят, смеются, а я еще больше краснею. Шарлотта требует, чтобы я остался ужинать; я отвечаю, что обещал Головиным; мне говорят, что я так часто у них бываю, а в конце концов приходится оставаться. Вернувшись, нашел у себя Комбса, который убежден, что меня в Петербурге избалуют и что я погибну. А ты как думаешь?

По поводу празднеств, которые завтра начинаются, посылаю тебе их программу, или по крайней мере, выписку из программы.

Во вторник, в 10 ч. — поздравление их высочеств в собственных апартаментах; вечером — бал в галлерее и ужин в большой зале для особ первых четырех классов и дипломатического корпуса. Рассаживаются по порядку билетов.

В среду — отдых.

В четверг, к одиннадцати часам, собираются в апартаментах их высочеств, а вечером — куртаг в галерее. Перед обедом — народный праздник перед дворцом.

Пятница — отдых.

Суббота — тоже.

Воскресенье — итальянская опера.

Понедельник — отдых.

Вторник — дворянский маскарад.

Среда — французский спектакль.

Четверг — отдых.

Пятница — русский спектакль и маскарад для дворянства и купечества.

Суббота — отдых.

Воскресенье — куртаг вечером.

Понедельник — отдых.

Вторник — французский спектакль.

Среда — народный бал и ужин.

А в заключение празднеств будет пущен фейерверк, но так как для этого требуется хорошая погода, то день заранее назначить нельзя, а когда он наступит, то жители Петербурга будут уведомлены об этом пятью пушечными выстрелами, в полдень.

Вот, мой друг, перечень наших торжеств, в которых, я полагаю, не будет ничего необыкновенного. Во дни отдыха, только кадеты да Бецкий станут развлекать нас, что тоже, конечно, никаких чудес не обещает.

Понедельник, 7. — К брату.

Когда мы с маркизом приехали во дворец, сигнал из пяти пушечных выстрелов только что начался; мы приехали первые. Затем начали съезжаться дамы, разодетые и усыпанные бриллиантами. Надо побывать в Петербурге, мой друг, чтобы видеть такое обилие драгоценностей. Через час вышла Императрица с их высочествами; мы поспешили в церковь, чтобы занять там сколько-нибудь сносные места. Духовенство встретило высочайших особ при входе, и когда они вышли из алтаря, Императрица взяла их высочества за руки и… но тут я перестал что-либо видеть, так как колоссальная фигура барона Юбен (Ueben) заслонила от меня весь мир. Мне стало жарко, душно и я ушел. Но я тебе расскажу в чем состояла церемония, со слов живописца Ролэна, который все видел. Супруги приблизились к алтарю и стали читать молитвы. Затем кн. Орлов держал корону над головой великого князя, а Бецкий держал другую над головой великой княгини. Князь часто переменял руку, а Бецкий держал все время одною, хотя она у него сильно дрожала. Ну, а остальное не стоит описания. Ты меня спросишь, может быть, почему, в параллель кн. Орлову, выбрали для этой церемонии Бецкого. Это потому, мой друг, что здесь незаконные дети пользуются особым счастьем. Ты ведь знаешь, я думаю, что Бецкий или Бецкой — незаконный сын Трубецкого. Незаконность происхождения здесь не приносит бесчестья, и незаконным детям дают обыкновенно часть своей фамилии: Трубецкой — Бецкой, Голицын — Лицин, и т. д. А короны, во время венчания, обязательно должны держать холостяки.

Обедали мы у кн. Лобковича; затем я, сделав визиты графине Салтыковой и жене Петра Чернышова, отправился ко двору, где был парадный бал. Я танцовал три полонеза. Бал кончился в 7 часов, так как все устали и нуждались в отдыхе.

Забыл тебе сказать, что в галерее состоялся большой обед.

Императрица и их высочество сидели под балдахином, императрица посредине, а молодые супруги по бокам. Сзади ее величества стояли обер-шенк и обер-шталмейстер — двое Нарышкиных. Ее величество пила за здоровье иностранных послов, причем мы все встали, так как наш стол стоял отдельно от других и как раз против балдахина. В остальных частях галереи были поставлены четыре стола для особ первых четырех классов, мужчин и женщин. Хоры были полны зрителями, и там же стояли музыканты, которых не было слышно. Среди общего шума и звука труб, при тостах, знаменитый Нолли (Nolly) старался даром. Столы были узенькие и стояли в одну линию, под апельсинными деревьями, осенявшими гостей и придававшими галерее удивительно красивый вид.

Производств никаких не было. Ожидали назначения четырех статс-дам, но не дождались. Назначены только лица, долженствующие сообщить о браке великого князя иностранным двором. В Вену едет молодой гр. Румянцов; в Стокгольм — камер-юнкер кн. Куракин; в Берлин — камер-юнкер и директор академии наук, Домашнев (Domachenef); в Штутгарт — Рахманов (Rokmanof).

Заезжал к Бемерам, приняли меня, по-видимому, холодно и натянуто, поэтому я скоро уехал к Нелединской, которая пригласила меня ужинать у ее отца. Вместе с нею мы поехали по городу смотреть иллюминацию. Наиболее богатая была у кн. Лобковича, а наиболее красивая у графини Брюс. Последняя представляла собою архитектурный фронтон, состоящий из четырех колонн, с карнизами и вращающимися вазами над ним. Все это было усеяно зелеными, красными и синими лампочками, похожими на бокальчики с налитою в них прозрачной жидкостью. Нелединская, которая бывала в Константинополе, у кн. Репнина, говорит, что это по-турецки. Громадная толпа народа, множество экипажей, и весьма мало порядка — почти нельзя было двигаться. Особенно красива была набережная Невы. Крепость, находящаяся на той стороне, была по архитектурным линиям усеяна лампочками, что производило особый эффект. Это, по-моему, было лучше всего.

Ужинал у Головиных, Нелединская рассказывала мне о Трубецкой, которую не любят за ее фальшивость; жаль, что эта молодая особа портится. Говорили мы также о графине Салтыковой-Чернышевой, которая, по словам Нелединской, зла как черт и жена в превосходной степени. Супружеская верность ее, однако же, не дорого стоит, потому что она безобразна. Маркиз очень ее расхваливает; едва ли он прав, если верить слухам. Должно быть судьба его такова, чтобы лица, носящие

фамилию Чернышевых, вводили его в заблуждение.

Вторник, 8. — К брату.

Сегодня их высочество принимали поздравления. Говорят, что великий князь успел уже трижды доказать жене свою высочайшую любовь. Я был не совсем здоров и потому ко двору не ездил, что очень досадно, так как было много народа и у великой княгини целовали руку. Вечером состоялся парадный бал, на котором я хотя и присутствовал, но не танцовал. Мы с Мятлевым (Metelef) вели длинный разговор о капитуле, в который меня хотят принять, так как за меня стоит даже Перфильев, самый строгий член капитула.

После бала, все отправились смотреть апартаменты их высочеств; богато, красиво и со вкусом меблировано. Некоторые думают, что кн. Куракин, отправляющийся в Стокгольм, останется там посланником, а другие полагают, что туда вернется Симолин (Simolin).

Говорил с Ролэном, у кн. Лобковича, о Дании. Золотой век наук и искусств в этой стране зависел всецело от покойного короля[125], а не от Струэнзе и не от Брандта[126]. Все заслуги этих двух господ состоят в их физической бодрости, а знания последнего ограничиваются медициной, которую он практиковал.

Граф Сольмс не особенно доволен выбором Домашнева для посылки в Берлин; хоть он и камергер, а говорят — сын кучера.

Кн. Потемкин вчера претерпел великое унижение от кн. Орлова, который взял его за плечо и отодвинул назад, для того, чтобы самому идти тотчас же за императрицей. Новопожалованный князь промолчал, но стал грызть ногти с досады.

Императрица, мой друг, очень любит держать много собак. У нее их дюжина, и одна лучше другой. Когда она идет обедать, то берет с собою одну из своих любимиц. В столовой есть кресло, назначенное для императрицы, но она на него никогда не садится, а сажает собаку. К собаке приставлен паж, обязанный покрывать ее платком от мух и вообще подчиняться ее фантазиям. Вчера, одно из этих привилегированных животных пропало, и всю ночь целый город искал его. Счастливцем оказался лакей Кошелева, получивший за находку сто рублей.

Среда, 9. — К брату.

Утром был у генерала Мелиссино и гр. Брюля. Первого не застал дома, а со вторым виделся. Мы толковали о его положении, о надеждах, которые ему здесь подают, и о покровительстве, которое оказывает ему великий князь.

Последний, при случае, дает понять, что у него теперь руки связаны, и что когда он будет царствовать, тогда найдет средства помочь своим протежэ. Между нами, мой друг, я думаю, что он будет плохим государем. У него мало подъема в душе, еще меньше философии в голове и мелочность во всем остальном. Вот тебе новое доказательство этого, которое ты можешь присоединить к прочим.

Вчера, на куртаге, когда императрица удалилась к себе, великий князь с женой остались, и вокруг них образовался кружок. Маркиз, проходя сзади великого князя, когда тот разговаривал с гр. Брюлем, нечаянно толкнул его, сам этого не заметив. Великий князь ничего не сказал, но Брюль сделал знак маркизу, и тот отступил. Но так как великий князь при разговоре резко жестикулирует, а кружок, вокруг него собравшийся, беспрестанно менялся и передвигался, то маркизу пришлось вторично толкнуть его высочество и даже в третий раз. Тогда великий князь прервал разговор, и сказав гр. Брюлю, по-немецки, «это уж слишком!» — отступил шага на два назад, сильно толкнул локтем маркиза, а затем обернулся и стал извиняться. Приблизившись затем опять к Брюлю, он сказал ему вполголоса, тоже по-немецки: «вы заметили?» Брюль отвечал: «не думаете же вы, ваше высочество, что это было сделано преднамеренно». — «О! отвечал великий князь, три раза одно и тоже не делается нечаянно. Но вы видели, что я сделал?» вот, мой друг, будущий заместитель Екатерины II и Петра I!

Пообедав дома и сделав несколько визитов вместе с маркизом, я провел часа два у Голицина, с которым много говорил о масонстве, о философии и разных других вещах. Ужинать отправился к Бемерам.

Четверг, 10. — К брату.

Сегодня утром был народный праздник, а вечером куртаг и третья иллюминация города. Собрались у Их Высочеств, куда пришла и императрица. В $11^1/_2$ часов начался народный праздник.

Вот в чем он состоял.

Перед дворцом лежит огромная площадь, на которой может поместиться 30,000 человек. Посредине этой площади был устроен квадратный, деревянный помост, возвышавшийся на несколько ступенек. На помосте лежал жареный бык, покрытый красным сукном, из которого торчали голова и рога животного. Кругом стоял народ, сдерживаемый полицейскими, которые кнутами отгоняли особенно нетерпеливых, как у нас это делается с охотничьими собаками, ожидающими раздела затравленного

ими оленя. На той же площади, по бокам помоста, были устроены два фонтана, в виде сосудов, из которых лилось вино и кислые щи (kincli-chi?) По сигналу, данному выстрелом из пушки, все стали готовиться, а по такому же сигналу полиция отступила и народ бросился к быку. В эту минуту, грубый русский народ показался мне еще более варварским и диким чем обыкновенно. Но мотивом его, в данном случае, было не одно только обжорство: все стремились захватить рогатую голову животного, потому что принесший ее во дворец должен был получить сто рублей за свою силу и ловкость. Но сколько же было конкурентов на этот приз! Сотни людей бросались, толкали, мяли, топтали друг друга, чтоб отбить добычу, и в конце концов до трехсот этих несчастных растащили быка по кусочку, и сто рублей были разделены между ними. Не люблю я, мой друг, таких диких и варварских зрелищ, в которых ярче всего выступает самая отталкивающая жадность. Если характер народа отражается на его развлечениях, то по этому развлечению русского народа нельзя высказать хорошего мнения о его характере. В русских обычаях нет и следа древнего благородства. Наши древние обычаи получили свое начало или из религиозного культа галлов, или из доблести древнего Рима, или из насильнического, но красивого рыцарства наших отцов. Я люблю, я уважаю даже эти странные обычаи, к которым просвещенные страны все-таки чувствуют некоторую привязанность. Кто-нибудь скажет, пожалуй, что это тоже остатки варварства, но эти остатки прикрывают собою великие, исчезнувшие добродетели и потому заслуживают почитания. Правда, что русский народ не имел счастья внедриться в другой, более цивилизованный, как мы, французы. Он рос от всех в стороне, вполне самобытно. Он не вышел, подобно нам, из своих скал и лесов для того, чтобы сесть на готовую уже цивилизацию. Рост и победы его совершались только на счет ближайших соседей, таких же диких, как он сам, и только длинным путем постепенного прогресса может он дойти до желанной цели. Они, римляне, находясь в таком же положении, то есть возрастая самобытно, в стране, до них никем ни занимаемой, успели быстро цивилизоваться, и этой цивилизацией они всецело обязаны своему энергичному и мудрому правительству. Они рано познали свободу и свои естественные права, рано сделались способными поддерживать то и другое.

Пробыв несколько минут при Дворе, я отправился к Голициным, где встретил Матюшкину, которая мне горько жаловалась на своего возлюбленного, оставляющего ее, несмотря на то, что она теперь любит его больше чем прежде. Она

настаивает, чтобы я похлопотал за нее, так как не может жить без Голицина с тех пор как он ее бросил. О женщины, женщины! Как непостоянно ваше сердце! Неужели нужно обманывать вас, чтобы упрочить за собою вашу любовь?

Ужинать я отправился к Головиным. Нелединская отвела меня к сторонке, чтобы поговорить о Матюшкиной, о Трубецкой, о гр. Андрее и о самой себе. Затем она стала плакать, чем поставила меня в неловкое положение. Потом сказала, что хранит у себя в шкатулке доказательство измены гр. Андрея. Должно быть, какая-нибудь женщина прислала ей письмо последнего. Так как Нелединская сказала, что никто об этом не знает, то и я не стал просить дальнейших объяснений. По правде сказать, мой друг, эта женщина гораздо интереснее, чем думают, и дружба ее мне очень льстит. Но прощай, прощай, мой добрый друг!

Пятница, 11. — К брату.

Сегодня я был приглашен к обеду Спиридовыми. Было много народа, плохой обед и мало занимательного. Но Спиридовы хорошие люди, и в их обществе всегда хорошо себя чувствуешь. После обеда я хотел ехать с визитами, но меня удержали для того, чтобы ехать смотреть китайские тени. Я когда-то видал их в Париже, и теперь они мне напомнили родину. Как бы ни были хороши путешествия, а все-таки мне часто вспоминается стих Бэллуа:

«Чем более смотрю на иностранцев,
Тем сильнее люблю родину».

После этого маленького спектакля, надо было вернуться к Спиридовым, чтобы завезти мальчика, их сына, ездившего со мною. Это совсем уж расстроило мои предположения. Заехав на полчаса к консулу, я вернулся домой, где и ужинал у маркиза. Ужин этот был настолько весел, насколько мог быть в таком обществе. Занимались музыкой, что мне не особенно понравилось, но за ужином я сел рядом с Брюлем и мы поговорили. Великий князь видимо к нему милостив. Сегодня утром он говорил с ним о делах и приглашал к себе на службу. Брюль не скрыл от него двух неудобств, которые он вполне основательно видит в этой службе. Во-первых, закон Петра Великого, по которому, всякий иностранец, желающий служить в России, понижается на одну степень в чине; во-вторых, громадные расстояния, которые приходится проезжать во время командировок. С первым неудобством великий князь согласился, а что касается второго, то сказал, что Брюлю ездить не придется,

потому что он желает оставить его при себе. Все это очень лестно, но можно ли довериться человеку безхарактерному, сегодня отказывающемуся от того, что он говорил вчера? Горячая дружба великого князя к Разумовскому, так внезапно изменившаяся, должна служить уроком для каждого, вступающего на тот же путь. Говорят, что Разумовский обманул его, связавшись с покойной великой княгиней, но правда ли это? Мне, действительно, рассказывали, что в Москве, садясь на лошадь, великий князь сказал кн. Гагарину: «Побудьте с великой княгиней и не оставляйте ее». Такое же приказание он отдал и бар. Николаи, а потом оба, придя к великой княгине, застали ее наедине с Разумовским. Она попробовала от них отделаться, но когда они заявили, что исполняют приказание его высочества, то она отошла с Разумовским к окну, и там разговаривала с ним потихоньку. Гагарин и Николаи, из скромности, вышли в другую комнату. Вскоре вернулся великий князь, и, найдя свою жену наедине с Разумовским, спросил у Гагарина, почему тот не исполнил его приказания. А когда Гагарин рассказал, как было дело, то великий князь заметил: «Надо было оставаться, как я вас просил; у меня есть на это свои причины». Но что же все это доказывает? Что великий князь подозрителен, но это у него в характере. Я положительно не знаю, было ли что-нибудь между великой княгиней и Разумовским. Да, она обладала достаточным влиянием на мужа, чтобы заставить его подчиниться своей воле. Говорят, что она знала о намерении мужа произвести революцию, и пользовалась этим как средством держать его в руках. Она сама имела такое намерение, и конечно была бы в состоянии его выполнить, но только никак уж не в пользу мужа, а в свою собственную. Принц Вальдек говорил принцу Ангальту про великую княгиню: «Если уж эта не сделает революции, то никто ее не сделает».

Суббота, 12. — К брату.

Может быть я ошибаюсь, мой друг, но я недоволен своими кистями. Я хочу рисовать людей, а подлинные-то их физиономии от меня ускользают. Вместо того, чтобы схватить общее, а потом отделывать подробности, я привязываюсь к одной какой-нибудь черте, особенно мне понравившейся, а на остальные не обращаю внимания. Я бы должен был относиться к моим заметкам как политик и философ, а отношусь как наблюдатель и чувствующий человек. Просматривая иногда написанную мною страничку, я упрекаю себя или за сухость газетчика, или за эпикуреизм эгоиста. Кроме того, я слишком редко себя проверяю и слишком мало трачу времени на такую проверку. Но какое мне до этого

дело? Буду продолжать как начал, не стесняясь.

Провел часа два у Голицина. Толковали о разных разностях, между прочим, о Домашневе. Он сын писателя, а не кучера; кучером-то был его дед. Но от кого бы он ни происходил, а все-таки, по словам Голицина, он человек умный и знающий, даже недурной поэт (на русском языке). Вечер кончил у Бемеров.

Воскресенье, 13. — К брату.

Ничего интересного, мой друг. Утром, по обыкновению, был куртаг. Великая княгиня много говорила, но ничего достопримечательного не сказала. Я считаю ее ограниченной, но старающейся преуспеть.

Понедельник, 14. — К брату.

Сегодня утром, мой друг, Леруа доставил мне свой труд о доходах Российской Империи, которые достигают 30 470 707 рублей. Я ему теперь поручил изучить расходы и таким образом мы пройдем через все, что хотим знать.

Обедал у Щербатовых и видел их дочь, Спиридову, которая нездорова. Читали разные пьесы. Мать ее ужинала у великого князя и возвратясь говорила, что теперешняя великая княгиня не похожа на прежнюю, да и вообще искренние люди далеко не так ее хвалят.

Вторник, 15. — К брату.

Обедал по-английски, у англиканского священника Таута (Taught), на Галерной (Galernhof). Это оказалось не особенно весело. Визит к Вельдену был более занимателен; Шамбрелина мила по-прежнему. До самого маскарада, то есть до семи часов, просидел у Бемеров. На маскараде целых два часа проходил и протанцовал с Юрасовой, которая никак не хотела от меня отвязаться. Она, впрочем, была хорошо одета и казалась очень хорошенькой; все у меня спрашивали, кто это такая. В конце бала встретил Шарлотту и Шамбрелину, с которыми и прохаживался. Это мне помешало поговорить со многими людьми, что было очень досадно. В полночь уехал к Бемерам пить чай, а потом вернулся домой и лег спать.

Среда, 16. — К брату.

Ах, мой друг, любовь, источник наслаждений, является также источником горестей! Во всех возрастах нужно ее оберегаться. Комбс, как ты знаешь, влюбился здесь в дочь актера Дюгэ. Этой двадцати или двадцатидвухлетней девушке он также понравился самым прочным образом, так как она вполне искренна и

благоразумна. Началась переписка, все шло как следует, и вдруг одна нескромная подруга открыла тайну любовников отцу. Скандал! Отец рвет и мечет, девица признается, во всем обвиняя Комбса, так как он обещал жениться. Сегодня утром я вел переговоры с Дюгэ, который ничего не хочет слышать, и требует от Комбса, чтобы он или не смел показываться или женился, доказав, что может иметь тысячу экю дохода. Боюсь, как бы не узнали к какой религии принадлежит Комбс, так как молодая девушка вполне разделяет взгляды отца. Как бы то ни было, наш Корнишов очень огорчен этой катастрофой. Не знаю, что будет дальше, как повернется дело.

Видел княжну Трубецкую; разговаривали по-прежнему, только я ввернул несколько колкостей, весьма удачных.

Англия прислала, говорят, Императрице просьбу о помощи против Американских колоний, но просьба эта принята неблагосклонно.

Четверг, 17. — К брату.

Утром, в течение получаса, занимался английским языком с Перро, а затем говорил с ним о Небри (Neubry). Он страшно влюблен в эту девицу, что очень жаль, так как она его обманывает и непременно заставит сделать какую-нибудь глупость. Она пользуется плохой репутацией в городе. Будучи учительницей у какого-то русского, она состояла с ним в связи. Домашнев тоже пользовался ее благосклонностью — она ходила к нему на свидания по утрам. А Перро, вот уже год, как в нее влюблен; раз пять он собирался порвать с нею, в виду ее невозможного поведения. Эта Небри очень странная девушка; она обладает живой душою, романической головой, тонким умом и испорченным сердцем. Порочные наклонности и беспорядочное поведение заставляют ее искать себе ширмы, в лице мужа. Она хочет женить на себе Перро, но он старается избежать этой участи, и даже раз, в минуту ревности, сказал ей: «Вы будете днем — м-м Перро, а ночью — м-м Домашнева». Барданович тоже чуть было на ней не женился, но, к счастию, успел отделаться. Я боюсь, что Перро этого не удастся. Говорят, что она решилась отмстить за вышеприведенную фразу, осуществив ее. Перро это знает, убежден, что она его не любит, и все-таки не в состоянии уйти от нее. Каролина приходит от этого в отчаяние, но она не умеет взяться за Перро; попробую помочь ей. Я ему говорил сегодня о дурном поведении Небри, он соглашается, но считает возможным переделать ее. Желание удостовериться в ее проделках побудило его захватить письма, которые Небри запирает в своем столе, но он в них ничего особенного не нашел.

Что же это доказывает? Только то, что она очень ловка.

Пятница, 18. — К брату.

День маскарада, мой друг, и многих происшествий. Обедал я у Нелединской, где назначил свидание Кошелеву. Юрасова сильно покраснела, когда я вошел, потому что перед этим много шутила насчет ее отношений ко мне. За столом мы много смеялись и шутили над Нелединской, по поводу ухаживаний за нею кн. Репнина. Она защищалась, но очень слабо. Репнин, в самом деле, большой поклонник женщин, с которыми обращается по-французски, то есть довольно легко, но к этой легкости он прибавляет еще величавость вельможи. Это придает его ухаживанию скорее оттенок небрежности богатого человека, не привыкшего к отказам, чем оттенок искреннего чувства. А кроме того он еще, говорят, и смеется над Нелединской, повсюду рассказывая, что она лишена здравого смысла. Ко всему этому надо прибавить, что Репнину 42 года, а на вид и всех 50, и что он отчаянный игрок. Рассказывают, что недавно, будучи у кн. Барятинской, за которой тоже ухаживает, он горько жаловался на затруднительное положение. Эти жалобы произвели эффект — княгиня сделалась нежнее, что ободрило ухаживателя и он стал настойчивее. Но в конце концов Барятинской это надоело, что она и не замедлила показать Репнину. Тогда он вскочил и ушел, сказав на прощанье: «Вижу, что надо уходить; ничего не добьешься».

Я рассказал это Нелединской, которая отвечала, что все давно знает. — И это вас не пугает? — спросил я. — Все вы материалисты в любви, — отвечала она, смеясь и показывая мне до самого колена свою хорошенькую ножку, которую горничная обувала в это время. — Согласитесь, однако же, что без некоторой дозы материализма нельзя обойтись, — сказал я, собираясь уходить. Но Нелединская задержала меня, чтобы показать письма гр. Андрея, уличающие его в измене. Оказывается, что они писаны к Матюшкиной. Такое доверие очень мне польстило, мой друг, но я им злоупотреблять не буду и никакой выгоды из него не извлеку.

На бал я приехал в половине девятого и, не намереваясь танцовать, стал прохаживаться по зале. Молоденькая Спиридова, о которой я тебе еще не говорил, просила меня танцовать с ней контрданс; я с полчаса отнекивался, но потом согласился.

Этой молодой особе всего четырнадцать лет, но она сложена как восемнадцатилетняя и притом очень грациозна. Очень похожа на покойную Великую Княгиню, только помолодевшую и с более нежными глазами. С некоторого времени я за ней, в шутку,

ухаживаю, что заставляет ее подтягиваться и очень красит. Желание нравиться вообще придает лоск женщинам! Не знаю уж воспоминание ли об одном нашем коротеньком разговоре, в доме ее родителей, или о той встрече, при которой я поцеловал ее руку, придало особое выражение моему взгляду и особый оттенок моим манерам, но только этот взгляд и эти манеры были замечены. И кем же, как ты думаешь? Шарлоттой, которая, в костюме летучей мыши, все время за мной следила! Я наконец узнал ее, хотел догнать, но толпа помешала, а тем временем ко мне пристала Юрасова. Эта сумасбродка все время называла меня душенькой, жизненькой (douchhica, gisninka) и заставила танцовать с нею. Шарлотта все это видела и, при встрече, бросила мне несколько презрительных слов. Отделавшись от Юрасовой, я побежал к Шарлотте. Встретили меня очень сурово и Каролина шепнула мне, что очень сердятся. Тщетно предлагал я свою руку — ее не приняли; захотели тотчас же уехать, чтобы не мешать мне. И ведь действительно уехали! А я остался, досадуя, что огорчил того, кого люблю, но наслаждаясь этим огорчением, как доказательством любви. Вот таким то образом, мой друг, провел я время на балу; вернулся домой в три часа и не мог заснуть до четырех.

Суббота, 19. — К брату.

Вчера на балу, я обещал Спиридовым приехать к ним обедать, что и сделал. Г-жа Спиридова шутила над моей задумчивостью; она полагает, что я влюблен в жену ее брата. От Спиридовых поехал к Нелединской, у которой пробыл с час. Дугни сказала, что мне должно быть очень нравятся маскарады, и что Юрасова чрезвычайно мила. Я отшучивался, так как всегда этим выигрываю и приобретаю друзей, которые мне могут быть очень полезны даже в сердечных делах.

Воскресенье, 20. — К брату.

Гатье, говорят, успел спасти от огня самые ценные вещи, а пожар дома послужил ему, пожалуй, на пользу. Дело в том, что у него много долгов, которые он не может уплатить в срок. Теперь уплата будет отложена, и может быть и Великий Князь что-нибудь для него сделает.

Я справился о несчастном Паскье, который покушался на свою жизнь. Этот мягкий и простодушный человек с некоторого времени впал в меланхолию, причин которой никто не знает. Четыре дня перед попыткой на самоубийство он не хотел ничего есть, хотя его к этому принуждали и советовали пустить себе кровь. В виду того, однакоже, что у него разлилась желчь, доктор

прописал ему лекарство. Молодая женщина, живущая у Балле, утром хотела дать ему это лекарство, но Паскье отказывался и наконец выбросил его, и женщина ушла. Через несколько времени, услыхали в комнате больного шум, который приняли за рвоту, но, войдя в эту комнату, увидали Паскье около кровати, плавающим в своей крови. Он два раза черкнул себя бритвой по горлу, причем в первый раз только оцарапался, а во второй нанес себе огромную рану, через которую потерял много крови. Вскоре его перевязали, причем он пришел в себя и очень раскаивался в своем поступке.

У маркиза был обед, на котором присутствовал принц де-Шимэ[127] (Chimay), только вчера прибывший. Не знаю, зачем он приехал, но останется здесь несколько времени и будет жить у маркиза.

Понедельник, 21. — К брату.

Сегодня мы опять обедали в нашем маленьком обществе с принцем Шимэ. Это — высокий, сухой, серьезный человек, похожий на духовную особу. Да он и действительно был духовным и довольно поздно вышел, чтобы поступить на военную службу. Потому-то он, в 40 лет слишком, только в полковничьем чине. Его длинная фигура украшена лентой ордена св. Гумберта, которая дается только принцам крови. Он принадлежит к древней фландрской фамилии Боссю. Об уме его ничего тебе не могу сказать; он очень выбирает выражения и потому кажется претенциозным, а я этого не люблю. Должно быть он получил такую отделку в доме м-м Жоффрен, у которой, как говорят, часто бывал.

Несчастный Паскье умер сегодня в 9 часов. К самоубийству его побудило расстройство дел. Говорят он был банкротом, причем погубил очень многих, вознаградить их ничем не мог, мучения совести довели его до меланхолии, а последняя — до самоубийства.

Вторник, 22. — К брату.

Интрига кн. Репнина с Нелединской наделала шума. Близость между ними установилась и все удивляются выбору молодой женщины. Одни говорят, что ее ослепило высокое положение Репнина, а другие — что она просто хотела отбить его у Барятинской, которая охотно бы сделалась его любовницей. А я думаю, что это иллюзия со стороны Нелединской: необходимость любить, вместе с ухаживанием князя, возбудили в ней некоторую склонность к нему, которая долго не продержится. Я ей это говорил сегодня, пока она делала свой туалет и получил ответ

очень дружеский. Приехал я к ней, чтобы возвратить два письма гр. Андрея к Матюшкиной. В этих письмах, с которых я снял копии, выражается самая страстная любовь, что и огорчило Нелединскую до глубины души. Андрей даже не скрывал перед нею своей любви к Матюшкиной, но последняя, должно быть, ему не отвечала, так как решилась отдать его письма Нелединской. Этого я понять не могу. Или гр. Андрей был очень неловок, или он преднамеренно желал огорчить женщину, которая его любила. И в том и в другом случае он заслуживает осуждения.

Опять начали говорить о женитьбе кн. Орлова на Зиновьевой, которая беременна. Так как она родня князю, и сам Синод не может разрешить брака между родственниками, то говорят будто бы князь представит свидетелей, которые под присягой покажут, что Зиновьева не дочь своего отца и своей матери. «Nihil mortalibus arduum est», как справедливо сказал Гораций.

Это внесет некоторые изменения в склонности императрицы.

Ужинал у Головиных, и мы с Нелединской опять разговаривали о том же, о чем и утром. Я ей советовал не очень афишировать свое сближение с Репниным, и она со мной вполне согласилась. Она просит у меня совета по всем своим делам, а между тем это ее видимо огорчает. В половине первого мы вместе вышли от ее родителей, и я, в ее карете, проводил ее домой, причем, поднимаясь на лестницу, сказал: «вы печальны, матушка (matouchka), и я боюсь быть причиной вашей печали» — «А зачем же вы постоянно волнуете и огорчаете меня?» — отвечала она. — «В душе моей идет борьба: мысли путаются, смешиваются, и я никак не могу сказать вам всего, что думаю».

Среда, 23. — К брату.

Пообедав у Спиридовых, я заехал на часок к Нелединской и застал у нее Репнина, а я знаю, что он был и утром. Дела подвигаются быстро; Нелединская точно разочарована, представления друзей на нее не действуют. А друзья ее находят эту интригу смешною, и все вместе восстали против князя, которого в доме никто терпеть не может. Молодой Нелединский, который видел его в Константинополе, говорит, что он высокомерен и нагл. Вообще никто его не любит.

Я узнал, мой друг, одну новость, которая очень меня удивила. Говорят, императрица косится на Брюля за его прежнюю близость к Разумовским, которой даже и не было. Они никогда не были друзьями, потому что гр. Андрей завидовал искусству Брюля играть на скрипке и ревновал его к великому князю, а Брюль вообще был недоволен Разумовским. Говорят еще, что Бемеры очень жалеют о гр. Андрее и хорошо относятся к Брюлю именно

во имя общей привязанности к изгнаннику. Я не понимаю, кто мог сочинить такую историю! Разумовский даже никогда не бывал у Бемеров, которые знали его только по моим, а может быть еще чьим-нибудь рассказам. А Брюль у Бемеров бывает очень редко. Так что вся эта история неосновательна и невероятна. К несчастью, здесь много сочиняют таких историй. Императрица Екатерина II, подобно покойному королю Людовику XV, очень любить слушать всякие сплетни и анекдоты. Она знает обо всех любовных интригах в городе, для чего, говорят, на почте ей делают выписки из частных писем. В прошлую пятницу, во время спектакля, когда я разговаривал с Трубецкою и Бемерами, я заметил, что императрица пристально на меня смотрит. Шарлотта тоже это заметила.

Не знаю, упоминал ли я тебе об одной истории, которую мне передали несколько дней тому назад, и которая окончилась только вчера. Вот в чем дело:

Великий князь — шеф кирасирского полка, которым командует полковник Паткуль, ливонец, из рода тех Паткулей, о которых говорится в «Истории Карла XII». В числе подчиненных этого жестокого и несправедливого, как говорят, полковника находился майор Готц или Котц (Hotz ou Cotz), швейцарец по происхождению, храбрый молодой человек и хороший офицер. Разными кривыми путями Паткуль ухитрился выжить его из полка, вследствие чего, майор, по праву всякого порядочного человека и по законам чести, решился отмстить за себя. Паткуль был при полку и должен был вернуться вчера; Котц его ждет, а в ожидании весело и с аппетитом обедает, как прилично храброму человеку. Ему доносят о прибытии Паткуля; он летит на квартиру последнего, а там уже ждут его заранее подговоренные офицеры: барон Шинкен, подполковник того же полка, майор Перре, из кадетского корпуса. Вместе с ними входит он к Паткулю и говорит ему: «Я пришел не для того, чтобы поздравить вас с приездом, а для того, чтобы просить удовлетворения за те недостойные порядочного человека средства, при помощи которых вы заставили меня выйти из полка». Прижатый к стене, Паткуль отвечает, что никакого удовлетворения давать не намерен, и рекомендует обратиться к суду. Котц настаивает; Паткуль отказывается. Тогда Котц говорит ему: «Так как вы отказываете мне в удовлетворении, то я заявляю, что вы негодяй, и всякий раз, как вас встречу, буду говорить вам это, и бить вас палкой!..» и проч. и проч. в таком же роде. Паткуль, вместо всякого ответа, делает шаг назад, схватывает пистолет и целится в Котца. Последний, не отступая, вынимает шпагу и бросается на Паткуля. Шинкен и Перре схватывают их, обезоруживают и

советуют Котцу уйти. Разъяренный Паткуль приказывает часовым стрелять, но Шинкен запрещает им это и уводит Котца с собою.

Оставшись наедине с Паткулем, Перре советует ему принять вызов Котца; «это порядочный человек, — говорит он, — которому вы не можете отказать в удовлетворении». Паткуль вновь отказывается и требует, чтобы Перре был свидетелем, что Котц приходил его убить. «Нет, этого не было, — отвечает Перре. — Я скажу то, что видел, и повторю те слова, которые слышал». — «Если я не дерусь с майором Котцем, — говорит Паткуль, — так покажу другим, что умею драться». Говорят, что эти слова относятся к Шинкену. Котц вернулся от Паткуля во дворец, а я, выходя оттуда, услышал всю историю от Перро, которому рассказал ее Перре. Кстати, фамилия Шинкен (Schinken) пишется Шанкс (Shanks).

Четверг, 24. — К брату.

Все утро, дорогой брат, я занимался своим дневником, который берет у меня довольно много времени, хотя и пишется исподволь. Я жалел бы об этом времени, если бы меня не утешала мысль, что в будущем дневник мой доставит нам обоим много удовольствия. Когда-нибудь я прочту его в семейном кружке, тебе и твоей жене. Вы узнаете всю мою жизнь, переживете со мною все мои мысли и чувства.

Говорил со Щербатовым о кн. Репнине, которого, мне кажется, никто не любит. Это человек возмутительно высокомерный, с невозможными претензиями и без всяких талантов, которыми бы эти претензии оправдывались. Обладая довольно живым, но поверхностным умом, он нравится женщинам, но зато и подчиняется им всецело; удовольствие есть единственный мотив всех его поступков. Работой его в Польше здесь все недовольны, так как он только запутал дела к невыгоде России. Он был влюблен в жену Адама Чарторыжского[128], самого страшного врага русских. Подчинившись этой женщине, он, говорят, заплатил ей за ночь покровительством Барской конфедерации, вопреки интересам своего двора. Эта крупная ошибка произвела здесь такое дурное впечатление, что возникал вопрос, не отозвать ли Репнина под тем предлогом, что он сошел с ума. Связи его в высшем обществе обусловили, однако же, иное решение этого вопроса. Репнин был произведен в генерал-аншефы и поэтому должен был вернуться в Петербург. Уверяют, что Императрица его не любит. А между тем, мой друг, после всех его неловкостей и ошибок, после невольной поездки за границу (в Париж, при Чарторыжской), он ухитрился во время войны с турками прибыть в армию и сделаться там необходимым при

заключении мира[129], а потом был сделан посланником в Константинополе. Ты видишь, мой друг, что и здесь, как повсюду, великие таланты не пробивают себе дороги, а ловкость, нахальство, интрига всегда добьются, чего хотят.

Пятница, 25. — К брату.

При дворе было торжество по поводу дня рождения великой княгини.

Дело Котца принимает неблагоприятный оборот. Против него вооружили великого князя, и можно думать, что он будет наказан. Паткуль показал, что был в халате, когда Котц пришел требовать от него удовлетворения, что он первый обнажил шпагу и что свидетельства Шанкса и Перре ничего не стоют, так как эти господа — друзья Котца и враги Паткуля.

Обедал у адмирала Спиридова. При дворе был бал, на котором я много танцовал. Ужинал у Головиных. Была там княжна Трубецкая с теткой своей Барятинской. Я говорил с ней, стоя сзади ее стула, что тетке должно быть не понравилось, так как она сказала, что не видит меня из-за перьев на голове своей племянницы, и пересела на кресло, стоявшее рядом с последнею. Затем я вел Трубецкую к ужину и хотел сесть слева от нее, но ее пересадили, под тем предлогом, что из двери дует. Особенно забавно то, что она дала мне подержать свой веер, а сама взяла другой — вероятно у соседки — и когда я после ужина сказал ей, что ее веер у меня в кармане, то она, смотря на тот, который был у нее в руке, сказала: «да, ведь, и этот очень мил». Эти маленькие сценки очень забавны, мой друг, и женское кокетство чрезвычайно приятно, когда мы не бываем им обмануты! Но где же такие мудрецы, которых нельзя бы было поймать на эту удочку? Я таких не знаю.

Суббота, 26. — К брату.

Видели мы, наконец, знаменитый фейерверк, заканчивающий брачные торжества. Он оказался далеко не так хорош, как я ожидал. Последняя декорация была, впрочем, недурна; она представляла храм Гименея, горящий синими огнями, и продолжалась 6–7 минут. Весь фейерверк тянулся минут 25 и стоил 6000 р., т. е. около 30 000 фр. Я сидел рядом с Дерпером, секретарем Митавской ложи строгого наблюдения, и мы о многом переговорили.

Воскресенье, 27. — К брату.

Сегодня состоялся обыкновенный куртаг, на котором я не был. Теперь их, кажется, несколько недель не будет, так как

Императрица едет в Царское Село, где, говорят, должен объявиться новый фаворит.

Пюнсегюр должен немедленно ехать. Он хотел сегодня же откланяться Императрице, но Остерман с кислой миной заявил, что это невозможно, так как Императрица не предупреждена. А настоящая-то причина состоит в том, что вице-канцлер желал бы, чтобы ходатайство об аудиенции дошло до него через маркиза. Это жалкая мелочность, друг мой, но в такой мелочной стране нельзя и ожидать ничего другого.

Был на Васильевском острове у Зиновьевой, а ужинал у Бемеров, где встретил Котца. Дела его действительно плохи — великий князь покровительствует Паткулю и подарил ему на днях золотую табакерку.

Понедельник, 28. — К брату.

Говорят, будто все науки, искусства и таланты соединились в Петербурге, но говорят это только те, которые видели Россию поверхностно, или судят о ней по словам Вальтера, да журналистов, состоящих на жалованьи у Екатерины II. Правда, что здесь много различных учреждений, еще больше громко высказываемых предположений на будущее, но ведь это только предположения. Петербург — оглавление ненаписанной книги; он содержит в себе заглавия несуществующих статей. Во Франции вам говорят о петербургской Академии Художеств; но приезжайте в Петербург и посмотрите, что такое называется этим именем. Я был и видел нечто в высшей степени жалкое. Понаделали академиков из людей, которые едва ли годились бы у нас в академию св. Луки. Но это еще не беда — надо же как-нибудь начать — а самое смешное это та накрахмаленная пышность, которою они обставляют свои пустяковые начинания. Секретарь академии из сил выбивался, чтобы произнести по-немецки речь, которая, однакож, никакого впечатления не произвела; затем он прескверно прочел по-французски благодарственное письмо одной нашей провинциальной академии, которой здешняя подарила коллекцию местных камней. Бецкий — великий человек на малые дела — с величественным видом победителя, раздающего империи, роздал несколько медалей. А в заключение это ребяческое заседание закончилось еще ребяческим балетом и комедией, которыми нас угостили. И как бы ты думал, мой друг, кто играл в комедии и плясал в балете? Ученики, мой друг, ученики! Не обладая талантами в живописи, скульптуре и проч., они тратят время на изучение танцев и ролей. Что же из этого выходит? Да то, что из них не выходят ни художники, ни танцоры, ни актеры, а люди, ко всему одинаково мало пригодные.

Среда, 30. — К брату.

Здесь совершаются вещи, которых во Франции не увидишь или, по крайней мере, которые там всех бы возмутили. И что всего неприятнее так это то, что ответственность за них падает на нашу нацию. Она так плохо здесь представлена! Сюда едут только подонки нашего общества, а потому я и не удивляюсь результатам, к которым это приводит. Еще надо отдать справедливость мягкости Екатерины II: законы здесь строги, и только доброта императрицы спасает иностранцев.

Вчера, в полночь, высланы отсюда за границу, в кибитке (kibick), м-м Шампаньало, ее мать и брат. Вот их история:

Шампаньало приехала сюда несколько лет тому назад, с кучером гр. Петра Чернышова, возвращавшегося с посольства. Этот кучер случайно утонул, сходя с корабля, и вдова его, очень хорошенькая, вышла вторым браком за некоего Тульи. Вдовство ее было очень непродолжительно и не особенно тяжело. Говорят, она даже в ту минуту, когда муж тонул, воскликнула: «ах бедный! Если бы можно было спасти хоть его часы!». Но ни часов, ни мужа не спасли. Через несколько лет, м-м Тульи опять овдовела, но вкуса к замужней жизни не лишилась. В это время, некий Шампаньало, бывший ораторианец (oratorien?), а тогда — офицер, которого Комбс когда-то знавал за вздорного малого, но потерял из виду, явился в Россию и получил какое-то место у Захара Чернышова. Наскучив этим местом, он приезжает в Москву, женится на вдове Тульи, и начинает жить вольным промыслом — то ли прелестями своей жены, которые она вынесла на рынок, то ли милостями жены советника Банно, при которой он играл роль мужа. В прошлом году, перед нашим выездом из Москвы, этот господин, в качестве француза, представился маркизу и мне. Затем он приехал в Петербург, где снял не то трактир, не то гостиницу. Весной он явился к нам за паспортом и через несколько недель по смерти великой княгини уехал. А надо заметить, что еще раньше, встретив меня с Комбсом у дверей своей квартиры, он попросил нас зайти; пробыли мы у него с четверть часа, но и в это короткое время успели убедиться, что жена его — мошенница. По отъезде мужа, всякие слухи об этой чете замолкли. Но вот, в одно из воскресений, м-м Шампаньало является в посольство к обедне, и Сен-Поль приводит ее ко мне; она рассыпается в любезностях и упреках за то, что я у нее никогда не бываю. Я отвечаю обычными вежливостями, но дальше не иду. В августе вдруг начинают говорить о фальшивых банковых билетах, подделываемых в Голландии и ввозимых сюда. Кн. Голицын, предупрежденный в Гаге гравером, своевременно

дает об этом знать. Сначала это известие наделало большого шума, который потом заглох. Но вот, несколько дней тому назад, капитан одного судна, пришедшего из Любека, заявляет, что у него есть семь тюков, адресованных в Петербург, на имя м-м Шампаньало. Тюки эти вскрывают и находят в них, вместо кружев, банковые билеты, в роде тех, которые подделывались в Сибири неким Пушкиным. Билеты из четырех тюков вынимают, кладут туда старую газетную бумагу, и просят капитана доставить их по адресу, что он и делает. В квартире Шампаньало он застает некоего негоцианта, Патингона, или что-то в этом роде, который познакомившись с нею у французского консула, накануне обедал у нее вместе с последним, захворал и остался ночевать. Пользуясь этим обстоятельством, Шампаньало заявляет капитану, что тюки принадлежат Патингону, и что он уплатит за их провоз по получении остальных трех. А негоцианту она жалуется, что получила газетную бумагу вместо кружев. Но путать ей пришлось не долго: в тот же вечер она была арестована и приведена к генерал-прокурору Вяземскому, а через день ей приказано собрать пожитки и выехать из России, вместе с матерью и братом. Дам посадили в карету, кавалера — в кибитку, и отправили всех под конвоем в Митаву. Многие говорят, что им придется ехать подальше, но этому противоречит состав конвоя: их провожают не линейные солдаты, а сенатские. Императрица простерла свою милость так далеко, что дала каждому из них на дорогу по сто рублей.

Эта история наделала большого шума; говорят, что Шампаньало-муж тоже арестован в Гамбурге или Варшаве. К несчастью, в ее комнате, во время ареста, был найден Сен-Поль, который с ней спал. Подмечена также связь между ней и Пюнсегюром. Все это дает повод зло острить над французами.

Заезжал на несколько минут к молодому Голицыну; говорили об академии художеств, о пошлой комедии, которую там разыгрывают и о плохих успехах учеников. Нечему и удивляться, когда во главе ее стоит Бецкий, человек столь дюжинный! Великий князь тоже состоит там членом, неукоснительно присутствует на заседаниях, но скромно садится на стульчик, тогда как Бецкий восседает в кресле.

Ужинал у Нелединской, вместе с Матюшкиной. Я их застал лежащими на одной постели. Ужин прошел более чем весело, в самом дружеском тоне.

Четверг, 31. — К брату.

Сегодня был очень долгий и скучный обед у Нолькена; саксонский посланник сообщил мне, что О'Дюнн едет в

Константинополь, и что Порта думает иметь посольство в Варшаве. После обеда был у Панина и Спиридовой, которая беременна и плохо себя чувствует. Она рассказывала об обеде у великого князя, на котором все перепились. Я не удивлюсь, если будут говорить, что великий князь берет пример с Петра III. Некоторые уверяют, что у него очень весело, и Барятинская страшно сердится, что ее не приглашают. Ты знаешь, мой друг, что великий князь был в нее сильно влюблен; поэтому-то ее и не приглашали при покойной великой княгине. Должно быть и теперь не приглашают по той же причине.

Ноябрь

Пятница, 1 ноября. — К брату.

Панин все хворает; говорят, он скоро уедет в свои имения, в Украину или Смоленскую губернию, и будет заменен кн. Репниным. Г. Боскам (Boskam) уехал из Варшавы в Константинополь, а турки пришлют посланника, то есть признают короля польского. Правда ли, что О'Дюнн уехал из Мангейма в Константинополь?

Воскресенье, понедельник, вторник, 3, 4 и 5. — К брату.

Во вторник у маркиза был ужин с четырьмя дамами: Барятинской, Трубецкой, Строгоновой и Нелединской. Говорят, было очень скучно; не могу судить, потому что сам не был, по нездоровью.

Пюнсегюр нынче ночью уезжает. Я его снабдил 23-мя письмами.

Среда, 6. — К брату.

Сегодня, в 9 часов утра, меня разбудил Пюнсегюр, желавший со мною проститься. Вообще я не особенно люблю эти нежности, тем более, что они всегда очень печальны. С Пюнсегюром мы никогда не были близки, но в данном случае тон его меня тронул. Россия ему не особенно нравилась, но покидать ее все-таки тяжело для него, и это очень естественно! Ведь он ее, может быть, никогда больше не увидит. Так он, должно быть, и думал, а потому был печален. Но, в сущности, чего бы ему горевать? Он свободен, обладает талантами и 24 000 ливров дохода. С этим, кажется можно бы быть счастливым!.. Немножко побольше философии в голове и в душе, я хочу сказать немножко побольше твердости, и ему ничего бы не оставалось больше желать. Но где же такой человек, который был бы доволен тем, что имеет? Таким человеком может быть только истинный философ, а много ли

таких на свете?

Четверг, 7. — К брату.

У меня были гости. Принц де-Шимэ, который несколько раз уже приезжал ко мне, выигрывает при близком знакомстве. Ему больше сорока лет; он светский философ, живущий в свете по привычке, и удаляющийся из него от пресыщения. Философия его, впрочем, гнездится скорее в уме, чем в инстинкте. Думаю, что наше общество ему приятно. Он умеет поговорить, а это, по моему мнению, есть драгоценный и редкий теперь талант. Я не знаю с какой целью он путешествует. Во Франции есть у него очень милая жена[130], состоящая при королеве, а он ездит вот уже почти два года. Зиму он провел в Мюнхене и очень хвалит Фоляра, который был тогда посланником в Баварии, а теперь состоит в отставке, получая 10 000 фр. пенсии и 2000 экю пожизненной аренды (premiere pension viagere), из коих, однако же, после его смерти, по тысяче ливров получат его две дочери, а остальное жена. Но Монморэном из Трира принц уже не так доволен, потому что этот Монморэн страшно высокомерен и его никто не любит; а кроме того он, как школьник, влюблен там в одну даму[131].

Де-Грэ и де-Бомбелль, равным образом, не заслужили особого уважения в Касселе и Регенсбурге. Первый своим тоном и поступками, окончательно не нравится кассельскому двору. Он, например, требовал себе преимуществ перед герцогом Виртембергским, отцом великой княгини, на торжествах в честь приезда последнего. В виду этого, барон Виртоф (Wirtof) получил приказание объявить г. де-Грэ, что ему не советуют являться ко двору, потому что его присутствие всех бы стеснило, и он, пожалуй, не получил бы обеда.

А де-Бомбелль отличается в Регенсбурге тем же самодовольством, которое я замечал у него в Версали и Париже. Ослепленный своими маленькими талантами и своим маленьким постом, он аффиширует роскошь, превосходящую его средства, так как он беден. Кроме того он уверен, что водит за нос старых немецких политиков, которые смеются над ним. Да еще влюбился в дочь прусского посланника Швартцуана (Schwartzuan), у которой ничего нет, и хочет на ней жениться. Вот каков, мой друг, этот знаменитый ученик де-Бретейля! Маленький, манерный, завистливый и раб этикета; одним словом человек, недостойный своего положения.

Де-Шимэ, при своих поездках по Германии, остался очень недоволен лицами, которых наше министерство употребляет в качестве шпионов: каким-то шевалье де-Нальяком,

путешествующим по Европе на 10 000 фр. жалованья, и посылающим министру кучи глупых, смутных и наскоро собранных слухов; каким-то де-Рюльером, который делает тоже самое за 2000 экю и проч.

Принц де-Шимэ, мне кажется, хороший наблюдатель, по крайней мере, он любит наблюдать, а такие люди приобретают привычку не верить первому впечатлению и исправлять его впоследствии. Теперь он немножко предубежден в пользу России, потому что его здесь хорошо приняли. Он воображает, что обязан этим приемом своей простоте в обращении. Сама императрица сказала ему, что видит в его лице второго француза, обладающего такой простотою. А я думаю, что тут дело не в простоте: порядочность принца, красная лента Св. Гумберта, и комплименты, которые он наговорил императрице решили его участь. Двор дал тон, а по его примеру и весь город хорошо принимает принца. Только уж никак не за простоту в обращении, которой и нет в сущности, потому что де-Шимэ принадлежит к числу людей, претендующих на отсутствие претензий и щеголяющих простотою.

Заходил несколько раз Перро. Каролина говорит, что я его одобряю. Он мне рассказал историю покушения на жизнь португальского короля[132]. Всего удивительнее в этой истории продолжительная безнаказанность заговорщиков, не достигших своей цели. Перро был в их числе, и говорит, что они были арестованы, при выходе с бала, только шесть недель или два месяца спустя после происшествия. Говорят, что кучер короля узнал их руководителя, герцога д'Авейро, при свете вспышки пороха на полке пистолета, который, однако ж, не выстрелил. Все неуспевшие бежать, потом были казнены, не исключая лакеев. Товарищ Перро, Поликарп (Polycarpe)? тоже бежал и неизвестно где находится.

Четверг, 14. — К брату.

Я еще болен и не выхожу, мой друг, причем постоянно окружен избранным обществом, так как ты знаешь, что я принимаю лишь тех лиц, которых люблю. Принц Шимэ, мой теперешний сосед, заходит очень часто, и мне его общество нравится. Он оригинал, но порядочный человек, по-видимому, довольно образованный и обладающий собственными идеями, что придает разговору великосветский тон. Он заметил предпочтение, оказываемое нашим маркизом Чернышовым вообще и жене Ивана, в которую он влюблен насколько может; в особенности поразил его также тон первенства над всеми посланниками, принятый маркизом, и очень всех стесняющий. По примеру гр.

Лясси и кн. Лобковича, маркиз всюду старается быть первым, а за это его во многие дома и не пускают. Он не получает приглашений в Эрмитаж, например, и на другие интимные вечера императрицы, на которых она не допускает этикета. Это очень неловко, и де-Шимэ это заметил.

Сегодня, в монастыре был спектакль; принц туда не поехал в виду легкого нездоровья (насморк, боль в горле и проч.), поэтому мы все после обеда, до 7 часов, провели вместе. Пришел Перро, и мы разговаривали об очень интересных вещах. Перро рассказывал об Эйлере, знаменитом геометре, составляющем гороскопы. Составил он таковые, между прочим, для своих детей, и отдал им запечатанными, советуя не читать до поры до времени. Это доказывает, что и сам он и его дети верят в гороскопы, что составляет хотя и терпимую, но все же слабость. В Берлине он действительно славился своим талантом, которым однако же никогда не хотел наживать деньги, что легко мог бы. Мы с Перро решили обратиться к нему за гороскопами.

Пятница, 15. — К брату.

После обеда был у меня кн. Щербатов-отец. Три четверти часа толковали об американцах и о форме правления. Князь допускает только республиканскую форму, даже для больших государств. Ты скажешь что это довольно последовательно для русского, но он вполне искренен и принадлежит здесь к числу самых порядочных людей.

Суббота, 16. — К брату.

Все утро я пробыл или у себя, или у принца де-Шимэ. У него большое семейное горе, которое и заставило его путешествовать. Не знаю, чтобы это могло быть, но он мне рассказывал, что в молодости бежал из семинарии, где был иподьяконом (sousdiacre de seminaire), а затем ездил в Рим просить разрешения, но что этому препятствовали его родители и кардинал де-Ротшуар, тогдашний французский посланник в Риме. Вообще мне кажется, что де-Шимэ — очень страстный человек.

Я ему рассказывал о своем пребывании в Касселе, где он пробыл бы подольше, если бы наш посланник, де-Грэ, был повежливее. Последний отказался представить его ко двору, находившемуся тогда в Веймаре, так что де-Шимэ пришлось самому просить Виртофа, который его и представил. Правда, де-Грэ был тогда в ссоре с двором, но он мог бы воспользоваться удобным случаем помириться. В общем это было неловко, что меня и не удивляет, так как де-Грэ плохо вел себя в Касселе. Он жил там, например, с одной танцовщицей, причем это

совершалось с согласия мужа. Такое поведение, вместе с его глупыми претензиями, как можешь себе представить не могло заслужить ему уважения. Рассказав мне об этом, де-Шимэ прибавил: «желаю чтобы вы не изменились когда будете посланником; этот пост кружит голову молодым людям, которые на него попадают». Мы обещали друг другу встретиться тогда, и вспомнить об этом разговоре. Был у Нелединской, застал у нее Кошелева. Когда он уехал, мы перешли в маленький салон и долго разговаривали. Она просила меня никогда не смеяться над ней при посторонних: «наедине, говорите мне все, что хотите и что думаете». Вообще она отнеслась ко мне дружески-нежно. Кн. Репнин недоволен, что она с ним много говорит обо мне, а она отвечала, что находит удовольствие в разговоре со мною. Однако, вся эта болтовня, в которую я вкладываю много веселости, и на которую смотрю как следует, становится для меня опасною. Нелединская положительно очаровательна. Она просила меня остаться ужинать, и я охотно бы это сделал, если бы не дал обещания Шарлотте.

Императрица пожаловала 1000 р. немецкой комедии, где ее ждали.

С 25 по конец месяца. — К маркизе Бреан.

На зиму у нас составляются проекты новых удовольствий, хотя здесь эти проекты редко исполняются и еще реже удовлетворяют кого-либо когда исполнились. Более всего нас занимают проекты спектаклей и частных вечеров. Эти проекты, еще очень далекие от осуществления, уже успели возбудить много неприятностей, в которые и я замешался. Но прежде всего надо вам сообщить о впечатлении, произведенном здесь одной русской дамою, которую вы нам вернули из Парижа.

Княгиня Барятинская, тридцатилетняя женщина, красивая, изящная и любезная, привезла с собой все моды, манеры и смешные замашки, которые вы в Париже имеете дар сделать приятными, и подражание которым никогда не удается, особенно вне свойственной им обстановки. Здесь Барятинская не особенно понравилась, потому что много говорит о Париже, а мы не любим неприятных сравнений. Императрица нашла все ее моды смешными, а потому и двор, и весь город принялись критиковать их. Выплыли на свет Божий любовные похождения Барятинской; будучи замужем за дурным человеком — одним из сподвижников Петра III — она взяла себе в любовники гр. Андрея Разумовского и уехала в Париж беременной от него. В Париже она родила, прикрыв свое приключение припадком водяной болезни. Муж, однако же, подозревал ее и узнав всю правду от одной из

горничных, поставил вопрос ребром. Слезы смыли однако же следы проступка и заставили позабыть его, но в Польше начались новые похождения, вновь поссорившие супругов. Дано было обещание прекратить всякие интриги; но перехваченное мужем письмо доказало, что обещание это не только не исполняется, а что над ним еще смеются. Это сделалось поводом к полному разрыву.

Есть здесь некая Зубова, женщина низкого происхождения, злая, нахальная интриганка, втиравшаяся в лучшие дома для того чтобы поддерживать в них темные делишки и пользоваться денежными выгодами, продавая семейные тайны. Во всем, что касается ее ремесла, она очень не глупа. Разойдясь с мужем, за которого вышла будто бы по любви, и которому по слабости приставила рога на другой день после свадьбы, она сделалась присяжной покровительницей влюбленных девиц и женщин легкого поведения, доверие которых дало ей большую силу в многочисленных кружках лиц, интересующихся такими делами. Зубову презирают, но ею пользуются, а раз попользовались, то начинают и бояться. Барятинская скоро попала в лапы этой женщины, и теперь уж из них не вырвется. Именно Зубова поссорила ее со всем обществом, передавая в преувеличенном виде разные сплетни, ходившие на ее счет в городе. Между тем у Барятинской есть приятельница, некая Зиновьева, урожденная Меньшикова (Menzikof), очаровательная женщина, муж которой состоит посланником, в Испании. Эта Зиновьева благодаря разным несчастиям и превратностям жизни, должна была отдалиться от двора и от света, а потому вместе с Барятинской решилась основать свое маленькое общество друзей, среди которых и я должен был получить место. Этот проект осуществился, общество собралось впервые у Барятинской и в весьма претенциозной обстановке. Я тогда был болен, и на открытии этого общества, названного литературным, не присутствовал. Лектором и главным столпом его вызвался быть молодой кн. Голицин, желающий слыть умным человеком. В свете над обществом стали смеяться, прозвали его «клубом любви», «академией», и проч. Узнав об этих насмешках, я также смеялся, и это теперь поставлено мне на счет кн. Барятинской, которой Зубова представила меня как человека хитрого и опасного. Потребовали, чтоб я оправдался; я отвечал, что не вижу в том надобности; меня за это исключили из числа членов нового отеля Рамбулье. Но с княгиней мы продолжаем встречаться. В сущности, главная моя вина состоит в том, что я друг Нелединской, соперницы Барятинской, которую я нахожу более любезной и которою никогда не пожертвую в пользу княгини, уже

хотя бы потому только, что она самая старая моя знакомая.

Спектакли также повели к ссорам. У жены фельдмаршала, кн. Голициной, играют le Roi et fermier, причем у меня отняли роль Люрьеля и дали роль Рюсто. Эта мелочность показала мне, что не следует быть любезным с людьми, не обладающими деликатностью. Я это высказал открыто и хотя сыграл роль Рюсто, которая мне не по голосу, но дал себе слово вперед брать только те роли, которые мне подходят, или совсем не играть. Подозреваю, что душою этих мелочных интриг является молодой Голицин, который желает не допускать меня в кружок Барятинской, где сам хочет преобладать. Думаю, однако ж, что участие его в этом кружке повредить ему в глазах многих, а между прочим и в глазах двора, от которого он ждет назначения на должность камер-юнкера. Все это доказывает, что Голицин не обладает ни умом, ни деликатностью, ни тактом, а с одним здравым смыслом да честностью, которые я за ним признаю, он блестящей карьеры не сделает, и навсегда останется ниже своего положения в обществе.

Декабрь

Воскресенье, 1 декабря. — К брату.

С некоторого времени, мой друг, мания самоубийств вошла в моду. Со смерти несчастного Паскье, перерезавшего себе горло, один повар, француз, последовал его примеру; один англичанин, которого хотели арестовать за долги, размозжил себе череп выстрелом из пистолета; наконец, 20-го ноября, один берлинский негоциант, по имени Бахман, отравился. Этот последний, человек лет сорока от роду, учредил фабрику зеркал на деньги короля Прусского, но дела пошли плохо, король прислал некоего Гергарда обревизовать их, и Бахман, боясь попасть в Шпандау, написал пять писем разным лицам и отравился мышьяком.

Понедельник, 2. — К брату.

Новая трагическая история, мой друг, заставившая забыть Бахмана и взбудоражившая весь город. Проездивши весь день, пообедав, между прочим, у голландского резидента, Зюарти, который сообщил мне, что гр. Нессельроде — шпион Прусского короля, что выяснилось из дела Бахмана, я отправился ужинать к Бемерам. Там находились гр. Вахмейстер и Хюттель (Huttel), секретарь прусского посольства, большой сплетник, как мне говорили. Если ты когда-нибудь встретишься с этими двумя господами, то остерегайся их. Нессельроде не глупый человек, очень едкий и остроумный рассказчик, но он очень искусно

выспрашивает у людей то, что желает знать. Хюттель — холоден и медлителен; он делает вид, что ничего не слышит, а потом передает все подслушанное гр. Сольмсу, к числу сторонников которого, однако ж, не принадлежит[133].

После ужина, мы заговорили о Биланде (Byland), голландце, состоявшем в русской морской службе, из которой он теперь вышел. Это — порядочный шалопай, не пользующийся уважением. Пока мы смеялись над различными его выходками. Хюттель толкнул меня и показал записочку, в которой ему сообщали, что несчастный Биланд дрался на дуэли за Екатерингофом и кажется убит. Это известие нас огорчило, но не удивило, так как Биланд пользовался репутацией бретера. Между прочим, мы старались отгадать, кто бы мог быть его противником, причем, конечно, о русских и не думали, так как они не любят таких крайностей; почти единогласно остановились мы на одном итальянце, гр. Робазоми, кавалере ордена св. Георгия, недавно вышедшем в отставку. Гр. Биланд, задолжавший всему миру, по словам Хюттеля, был должен 800 р. и Робазоми. Вернувшись домой, я хотел пройти к маркизу, чтобы сообщить ему эту новость, но уже на лестнице встретил лакея, которого маркиз послал за мною. С первого же слова последний сообщил мне, что сегодня вечером Робазоми отыскал его у Ивана Чернышова и просил позволения скрыться во французском посольстве, потому что дрался с Биландом и подлежит ответственности. Маркиз отвечал, что не может поместить его у себя, и советует обратиться ко мне. — Он, вероятно, ждет уже вас, — прибавил маркиз, — что же вы думаете делать? — Оставить его ночевать у себя, — сказал я, — он военный человек, мы, стало быть, товарищи, и не могу же я выгнать от себя его ночью. — Как хотите; но завтра мы его попросим уйти. Придя в свою квартиру, я действительно нашел там Робазоми. Он очень печален, но покоен, и рассказал мне следующие подробности своего дела:

«Вчера я узнал, от одного из друзей, что гр. Биланд готовится потихоньку уехать, а так как он должен мне 800 р., то я должен был принять свои предосторожности. Сегодня утром я послал ему с лакеем записочку, которой Биланд не взял, приказав мне сказать, что он никого не принимает. Я послал лакея в другой раз; Биланда не оказалось дома, он пошел обедать в один трактир на Миллионной. Тогда я оделся и поехал в этот трактир сам. Как только Биланд меня увидел, так сказал своей компании: «Господа, гр. Робазоми пришел ко мне». Я отвечал, что действительно пришел поговорить с ним. Тогда все присутствовавшие ушли и оставили нас одних, я показал Биланду мою записку, прибавив:

«Вы можете ее прочесть, в ней нет ничего оскорбительного». Биланд отвечал мне то же, что и лакею, то есть, что он записки не примет, да и вообще не желает иметь со мной никаких сношений, причем наговорил столько дерзостей, что мне пришлось его вызвать. Он принял вызов и заявил, что желает драться около дома Перро, потому что хорошо знает эту местность. Вышли мы вместе, расселись по своим экипажам, и оставив их около саксонского посольства, пошли пешком, под деревьями, влево, к дому Визена. «Здесь есть тропинка, сказал Биланд, поищем ее». Найдя тропинку, Биланд стал утаптывать снег на расстоянии двух или трех туазов, причем сказал мне: — Если я вас убью, то легко спасусь по этой дорожке; а если вы меня убьете, то доставите мне большое удовольствие и окажете услугу, так как тогда мне не придется платить долги. — Не желал бы оказывать вам такой услуги, — отвечал я, — но раз вы сами этого хотите, то пусть будет по вашему, судьба решит за нас. Затем, мы стали драться, и так как я несколько раз отступал слишком далеко, то он спросил, не боюсь ли я. Наконец, он высоко поднял руку, чтобы нанести мне удар в лицо, и при этом открылся; отпарировав этот удар, я проткнул Биланду грудь. «Это ничего», сказал он, зажимая рану рукою, но в то же время стал харкать кровью и зашатался от слабости. Я бросился его поддерживать и стал звать его лакея с извозчиком, но они уехали. Тогда я сел в свой экипаж и поехал в город искать хирурга, но не нашел. Поэтому я написал к Сакену, что около его дома лежит раненый, нуждающийся в помощи. Племянник Сакена прочел записку, но отослал ее назад, говоря, что не может будить дядю для этого. Между тем дело происходило часов в шесть вечера, так как мы дрались между четырьмя и пятью. Второе письмо к Сакену также осталось без результата. Тогда я поехал к Румянцову, который меня успокоил, обещал свое покровительство и посоветовал обратиться к маркизу де-Жюинье, что я и сделал, а остальное вы знаете».

Рассказ этот очень меня заинтересовал, хотя неприятно было думать, что молодой, сильный и ловкий Робазоми решился драться на шпагах с Биландом, таким слабым и изношенным. Пистолеты, в данном случае, были бы более уместны. Выслушав Робазоми, я сказал ему: «Погода прекрасная, и если можете удовольствоваться креслом у камина да туфлями, то я с удовольствием окажу услугу порядочному человеку. Ваше дело очень простое, хотя и неприятное. Вам следует поскорее уехать, так как немедленной опасности, по словам Румянцова, вы ожидать не можете, а маркиз де-Жюинье не имеет права дозволить вам оставаться в посольстве надолго». Пожелав ему, затем, доброй ночи, я лег спать. Гарри потом сказал мне, что

часов в 10 вечера, желая помочь несчастному Биланду, он взял мою карету и поехал, вместе с де-Кюсси, на место поединка. Биланда они нашли распростертым на снегу, уже похолодевшим, без шпаги, без шляпы, без парика, — совершенно обокраденным; только портфеля воры не посмели взять, потому что он лежал под телом, которое надо было для этого перевернуть. Гарри и де-Кюсси попробовали вдвоем перенести Биланда в карету, но он окостенел, и когда стали класть, то испустил вздох, вероятно, последний. Они испугались, поняли, что все кончено, и, оставив его на снегу, вернулись. Мужики, которые были с ними, так же как и какой-то офицер, тряслись от страха.

Вторник, 3. — К брату.

Утром мне сказали, что приходил полицейский и справлялся у Комбса, тут ли гр. Робазоми. Комбс отвечал что не знает и что вообще полиции незачем являться во Французское Посольство. Ему очень вежливо отвечали, что пришли только справиться. Когда полицейский уходил, Робазоми имел неосторожность с ним встретиться, причем тот сказал, что бояться ему нечего. Я тотчас же спрятал Робазоми и Комбса, а сам пошел к маркизу. Маркиз потребовал, чтобы Робазоми был немедленно удален из посольства, но я заметил, что это лучше сделать ночью, тем более что Робазоми ждет ответа от кн. Орлова, к которому послал нарочного. Через час маркиз опять прислал за мною, потому что к нему явился секретарь гр. Панина спросить, от имени Императрицы и этого министра, действительно ли Робазоми находится в посольстве. Маркиз, при мне, отвечал, что в его помещении Робазоми нет, «а вот спросите шевалье де-Корберона». Я отвечал, что не скрываю, что Робазоми ночевал у меня, так как я не решился выгнать, в полночь, на улицу, военного офицера, но что в настоящую минуту у меня его нет, в чем даю слово. «Но, милостивый Государь, — сказал секретарь — мне нужен положительный ответ: находится ли гр. Робазоми в этом доме или нет? — «Ни маркиз, ни я не можем сказать чего не знаем; дом велик, и мы во все его уголки не заглядывали», — отвечал я. — «Обещаю сегодня же узнать доподлинно — сказал маркиз — вот и г. Корберон об этом позаботится. В одном могу вас уверить, что не намерен скрывать незнакомого мне человека против воли Ее Величества». Затем я отправился к себе, но секретарь догнал меня и сказал: «А вот полицейский видел здесь гр. Робазоми». Я вспылил и ответил довольно резко: «Разве вы не изволили слышать, что маркиз и я имели честь сказать вам?» — «Но ведь и маркиз говорит то же». — «Совсем нет; будьте добры не перетолковывать слова маркиза и понимать меня буквально. Я

вам повторяю, что гр. Робазоми ночевал в моей квартире, но что его теперь там нет; я не знаю, находится ли он в этом доме, но обещаю узнать об этом. Не угодно ли вам будет войти ко мне?» Секретарь стал шелковым и сказал: «В мои обязанности не входит производить у вас обыск». — «Я это знаю так же как и вы, но не угодно ли вам погреться, а я пока прикажу навести справки о том, что вы хотите знать».

Мы с ним вошли в мой кабинет, причем я сказал: «Вы видите, что г. Робазоми здесь нет, и что если я что-нибудь говорю, то это правда». Затем я позвал Гарри и сказал ему, в присутствии этого господина, который оказался секретарем вице-канцлера Остермана Алопеусом[134]: «Ступайте к Комбсу и попросите его справиться, здесь ли г. Робазоми». А надо заметить, что я еще раньше заходил к Комбсу, чтобы посоветовать Робазоми тотчас же уйти, потому что в политике, мой друг, ремесле часто очень трудном, следует всегда прибегать к ловкости, а отнюдь не ко лжи. Через четверть часа Гарри явился донести, что Комбс не думает, чтобы г. Робазоми находился в Посольстве. Поняв из этого ответа, что он еще не ушел, я сказал Алопеусу, собравшемуся уходить: «Подождите немножко, я сейчас постараюсь вам дать более положительный ответ», но Алопеус сказал, что этого достаточно и что он хотел бы поговорить со мной наедине — с нами был де Кюсси. Когда мы вышли в другую комнату, Алопеус сказал: «Надеюсь, вы поверите, что мне неприятно исполнять такое поручение, но это мой долг. Прошу вас, скажите мне положительно, тут ли г. Робазоми или нет?» — «Да ведь я же вам сказал, что дом велик и я не знаю, не спрятался ли Робазоми в каком-нибудь уголке» — «Но это ответ формальный, а я обязан сказать гр. Панину да или нет». — «Ну так скажите нет, если хотите; но только заметьте, что я не могу вам сказать ничего, кроме того, что вы от меня уже слышали, то есть что г. Робазоми ночевал у меня, что теперь его в моей квартире нет, что я не знаю, находится ли он в доме посольства, но что я вам обещаю, согласно намерениям м. де Жюинье, не укрывать его в этом доме, если он в нем еще находится. Кроме того, милостивый государь, я очень сожалею, что не сдержал своего раздражения при обсуждении этого вопроса, но так как я всегда откровенен и всегда говорю правду, то был очень удивлен, что вы усомнились в моих словах». После этого Алопеус, наговорив мне множество комплиментов и любезностей, уехал и мы стали ждать ночи, чтобы выпроводить Робазоми. Между тем через несколько минут по отъезде Алопеуса, мне доложили об итальянце, по имени Амати, который явился справиться о судьбе Робазоми. Я ему сказал, что не знаю, где теперь Робазоми

находится. «А я пришел его уведомить — сказал Амати, — что кн. Орлов здесь, а не в Царском Селе, и что надо ему адресовать письмо в Петербург. Я на это ничего не хотел сказать человеку, которого не знаю, так что он тотчас же ушел, а я велел сказать Робазоми, чтобы он немедленно писал другое письмо к князю. Затем, чтобы не выказать слишком большого интереса к этому делу и послушать что об нем говорят в свете, я отправился с визитами.

Обедал у Нелединской, потом был на спектакле и кончил день у Бемеров. По возвращении, узнал от маркиза, что гр. Панин очень недоволен и что все обвиняют в этом деле меня, хотя не могут правильно построить своих обвинений. А я думаю, мой друг, что если бы маркиз выказал побольше твердости, то у других было бы ее поменьше. Они, и главным образом полицмейстер, сердятся на себя за то, что оказались очень неловкими в этом деле. Полицмейстер сделал Императрице фальшивый доклад, чтобы выгородить себя и свалить все на нас.

P. S. Забыл тебе сказать, что маркиз, вернувшись в половине шестого от Панина, велел удалить Робазоми, если он еще тут, и запереть все двери. Двери были заперты раньше удаления Робазоми, но Гарри нашел средство вывести его из дома. Он действовал прямо, твердо и гуманно — три качества, которые я считаю главными в человеке. Сначала он вышел на набережную, и убедившись, что она пуста, вывел туда Робазоми. Затем он отнес письмо последнего к Рабасу, который, будучи, соотечественником и другом Робазоми, отправился хлопотать за него перед кн. Орловым. Орлов дал записку к Робазоми, но так как этот последний от нас ушел, то я не знаю что было в этой записке и куда она девалась. В общем, все идет хорошо; все вели себя как следует и я вполне покоен.

Среда, 4. — К брату.

Сегодня у Вице-Канцлера был обед, по поводу имянин Императрицы. Меня тоже пригласили и гр. Остерман был даже очень любезен со мною, но из этого ничего не следует, так как здесь все фальшиво. Я заслышал, что родственник Остермана, кн. Щербатов, отнесся ко мне очень холодно. После обеда был у гр. Петра и у кн. Лобковича, так как желал знать его мнение о деле Робазоми, но у него были гости и потолковать нам не удалось. Разговор шел насчет обеда у Вице-Канцлера, все нашли его очень хорошим и роскошным. Не знаю сколько он получает от двора на званые обеды, но, будучи посланником в Швеции, он, говорят, получал на это по 500 р. в месяц.

Дело Робазоми наделало шума в городе. Об нем

рассказывают на сто разных манер и очень обвиняют Робазоми. Признаюсь что этот человек, которого я прежде не знал, сделался теперь для меня очень интересным, потому что несчастие и преследования располагают к себе нашу душу!.. Робазоми обвиняют в том, что он, будто бы, убил Биланда без дуэли; маркиза и меня упрекают за то, что мы его укрыли да еще и признались в этом. Хюттель, секретарь прусского посольства, тоже порицает меня, и говорит, что если бы дело шло о Беноне, историю которого ты знаешь, так с ним поступили бы не так легко. Все эти толки нисколько меня не беспокоят.

Четверг, 5. — К брату.

Робазоми, говорят, по совету кн. Орлова, явился к Панину. Министр его не принял, а выслал секретаря сказать, чтобы он отправился к полицмейстеру, что Робазоми и сделал. Полицмейстер велел его арестовать при полиции, где с ним хорошо обращаются. Не думаю, чтобы его наказали. Правда, местные законы не признают дуэлей, за это назначается тюрьма или Сибирь. А между тем, в Москве, дрался на дуэли один Голицин и его даже не привлекли к ответственности.

Пятница, 6. — К брату.

Буря, собравшаяся над моей головою, отчасти разразилась. Я являюсь, в некотором роде, маленьким Меньшиковым, то есть не достигнув такой высоты как он, я и упал не так низко. Тем не менее однакож гр. Панин сказал маркизу, что Императрица не желает меня видеть при дворе. Маркиз отвечал, что это его удивляет и огорчает; что Императрица получила, вероятно ложные донесения на мой счет; что я ничего не сделал такого, чего бы и он сам, маркиз, не мог сделать; что он настоятельно просит Панина убедить Ее Величество в ложности полученных ею донесений. Панин обещал, но все же настаивал на том, чтобы я, пока, не показывался при дворе. Не знаю что из этого выйдет, но если двор выкажет упрямство, то дело может стать серьезным, политическим.

Надеюсь, что нас не принудят к этому. Маркиз очень огорчен, и я это глубоко чувствую, так как его огорчение доказывает прочную и сердечную привязанность его ко мне. Что касается сущности дела, то она меня не беспокоит. Я ничего дурного не сделал, на меня рассердились потому, что сами были в плохом расположении духа, а такой мотив слишком легковесен, чтобы вызвать серьезные последствия.

Суббота, 7. — К брату.

Известие, сообщенное мне вчера маркизом относительно неудовольствия Императрицы, рассердило меня, но не встревожило; спал я покойно. Сегодня день Св. Георгия Победоносца и при дворе праздневство. За невозможностью присутствовать на нем, я решил, что с моей стороны будет лучше и совсем в свете не показываться; поэтому я не пойду и на бал к Теплову, на который получил приглашение. Думаю провести вечер у Бемеров и написал по этому поводу записку к Шарлотте, уведомляя ее, что ни ко двору, ни на бал не пойду.

Обедал дома, и в пять часов говорил с маркизом, перед его вторичным отправлением во дворец. Он говорит, что утром Императрица видимо была в дурном расположении духа и не разговаривала ни с ним, ни с другими послами.

У маркиза обедал Гримм. Ты знаешь, мой друг, в какой он милости у Ее Величества. Она с ним часто разговаривает и принимает в своем интимном кружке. Видя, что он ничего не знает о моем деле, маркиз решил его предупредить и сказал между прочим: «Я не прошу вас разговаривать об этом, но если разговор сам собою возникнет, то вы можете сказать Императрице, что ей неправильно доложили о поведении де-Корберона. Не скройте от нее также, что и меня это очень огорчает». Я поблагодарил маркиза, да и в самом деле очень тронут его ко мне участием.

Маркиз просил меня зайти к нему по возвращении от Бемеров. Нового при дворе, однакож, ничего не оказалось. Панин сказал только, что не забудет поговорить обо мне с Императрицей.

Воскресенье, 8. — К брату.

Дело мое все еще не кончилось и причина тому — нездоровье Панина. Он не выходит, и поручил вице-канцлеру Остерману поговорить обо мне с Императрицей, а Остерман не торопится или плохо старается, что и не удивительно, так как он терпеть не может французов! Сегодня вечером Панин сказал маркизу, что не знает еще намерений Императрицы на мой счет. Маркиз представил ему, что мое положение становится затруднительным, особенно в виду необходимости участвовать в спектакле у жены фельдмаршала, где будет Великий Князь, но что я не желал бы, чтоб мои оправдания были выслушаны только по этой причине, так как они и сами по себе достойны внимания. Панин отвечал, что мне бы следовало, из уважения к Императрице, отказаться от участия в спектакле, что я и сделаю, сославшись на боль в горле. Маркиз видел кн. Голицину, которая справлялась обо мне. Он ответил, что я не совсем здоров. «Действительно, я вчера не

видала его при дворе», заметила Голицина. Кажется она в самом деле не знает, почему я там не был, если бы знала, то спросила бы, могу ли я играть в субботу. А она, напротив того, просила напомнить мне о том, что во вторник будет репетиция.

Шарлотта и Альбертина ездили сегодня к Визену, чтобы узнать новости. Визен сказал им, что слышал разговор обо мне между маркизом и Паниным, но он, по-видимому, не знает о мерах, принятых против меня Императрицею. Это всеобщее незнание я объясняю в свою пользу. Говорят, у Императрицы новый любовник — генерал Румянцов[135], очень глупый, но хорошо откормленный человек. Говорят также о первом актере немецкой труппы. Это было бы неудивительно, но я пока не верю.

P.S. Узнал, что кн. Барятинский, русский посол во Франции, получает всего 8000 р. В Стокгольме Остерман получал не больше, но ему давали еще 6000 р. на стол и экстраординарные расходы. Он и здесь получает ту же сумму для той же цели и дает три-четыре обеда в год.

Гувернантка (?) фрейлин получает 1000 р. в год. Теперь эту должность исполняет баронесса Мальтиц (Maltitz), очень достойная женщина, сын которой, красивый малый, тоже, говорят, будто бы был намечен в фавориты Императрицы, но не понравился, потому что блондин. Мне это рассказывал гувернер пажей, Ростэн (Rostaing), которому она сама говорила (?).

Понедельник, 9. — К брату.

После нашего вчерашнего разговора с маркизом я написал графине Матюшкиной, чтобы предупредить ее о моем нездоровье и невозможности играть в субботу. В это письмо надо было вложить веселость человека, не придающего значения опале, твердость мужчины, ничего дурного не сделавшего и не намеревающегося делать.

Маркиз видел сегодня Остермана, который сказал, что Императрица ничего не имеет против него, но сердита на меня. Неужели ее неудовольствие может мне повредить? Альбертина уверяет, что меня боятся и говорит, что я вмешиваюсь в дела. Надеюсь, что скоро все распутается. Вице-канцлер обещал повидаться с Паниным и сговориться с ним насчет меня.

Вторник, 10. — К брату.

Опять ничего нового, мой друг! Принц де-Шимэ был вчера на балу у великого князя, который сказал, что очень рад, что принц, не замешан в дело Рабазоми. «Говорят, во всем виноват г. де-Корберон; а что такое г. де-Корберон? Вы его знаете?» На такой вопрос сам великий князь мог бы отвечать лучше, чем де-Шимэ,

так как знал меня через графа Андрея. Поэтому принц не дал ему определенного ответа, а великий князь прибавил: «Де-Корберон напрасно вмешался в это дело; он слишком молод. А впрочем, ему уже 26–27 лет, хотя этого и не кажется».

Австрийский и прусский посланники пошло поступили по отношению ко мне. На этих днях они давали обеды и меня не пригласили. Удивляться нечему: политический вихрь всегда приводит к низости и подлому страху, потому что производится малейшими дуновениями со стороны двора, а не собственной своей силою; дипломатами правит страх или надежда на милости. Саксонский посланник Сакен также говорил колкости насчет моего поведения. Так и должно было быть; я этому очень рад, по крайней мере, выучусь познавать людей.

Среда, 11. — К брату.

Сегодня большой праздник при дворе. Опала с меня еще не снята, и я сижу дома.

Заезжали ко мне князья Иван Щербатов и Голицын. Последний уверяет, что в обществе мне отдают справедливость и что мое дело, когда выяснится, послужит только к моему возвышению в глазах света и самой Императрицы, которая даст мне это почувствовать. Я ничему не верю, мой друг, так как подозреваю, что Императрица сердится на меня еще за мою близость к Андрею Разумовскому. Остерман показывал Маркизу рапорт, поданный Императрице по делу Робазоми. Обо мне там нет ни слова. Маркиз спросил, говорил ли Остерман с Императрицей, а тот ответил, что просит избавить его от такого поручения, так как он не знает, какими мотивами руководствовалась Императрица, да и вообще лучше поручить это дело Панину, через которого было передано касающееся меня распоряжение. Маркиз просил у Панина аудиенции на завтра. До меня дошли слухи, что в обществе теперь обвиняют больше Маркиза, чем меня. Его обвиняют в слабости, податливости; но я очень доволен образом его действий по отношению ко мне. Немножко больше или немножко меньше твердости ничего не меняют в положении дела, особенно когда против меня существует предубеждение. Я только жалею, что сам не могу повидаться с Паниным и поговорить с ним о моем деле, но Маркиз этого не желает. Если предубеждение Императрицы против меня очень сильно, то почему же она меня не вышлет? Почему она публично не воспретила мне появляться ко двору? В свете никто, ведь, этого не знает, так как Панин сказал только прусскому посланнику Сольму, который сам в опале по поводу самоубийства бедного Бахмана.

Сегодня вечером видел Хюттеля, который ничего мне не сказал. Между тем я знаю, что он сообщил Бемерам о том, что мне запрещено бывать при дворе, и советовал им поосторожнее выбирать знакомства, давая понять, что моя опала может отразиться и на них. Они так плохо приняли эту инсинуацию, все три барышни так напустились на Хюттеля, что он вскочил и ушел, даже забыв свою табакерку.

Четверг, 12. — К брату.

Вернувшись, видел де-Шимэ, который, желая оказать мне услугу, виделся с Паниным и говорил с ним о деле. Панин не оправдывает Маркиза, а меня обвиняет только в опрометчивости, свойственной туристу. Но это потому, что он судит по первому впечатлению, которое не верно. Де-Шимэ, так же как и все мои друзья, негодует, что мне самому не удается поговорить с министром. Панин сказал де-Шимэ, что он не желает, чтобы я показывался на глаза Императрице.

Это очень странно, и заставляет меня подозревать, что он сам выдумал запрет появляться ко двору, а Императрица об нем ничего не знает. Тайна, которую делают из этого запрета, подтверждает мои подозрения, так же как и совет Остермана обратиться за разъяснением дела к Панину. Надо это распутать, мой друг.

Маркиз был у Панина. Последний сказал ему, что не забывает о моем деле, но что нужно дать Императрице время успокоиться, так как она женщина и очень вспыльчивая. К этому он прибавил: «Я уже поручил кое-кому сделать некоторые намеки, да и Остерман, несмотря на свой отказ, должен будет поговорить». Все это только подтверждает мои подозрения, а Маркиз вполне всему верит. Он думает что Панин поручил действовать кн. Репнину, и спрашивал меня, нахожу ли я выгодным и приличным обратиться к последнему с просьбой о содействии, я отвечал что лучше подождать. Мне очень хотелось бы выяснить вопрос о том, кто собственно наложил на меня запрет. Комбс навел меня на одну мысль по поводу Репнина. Ты знаешь, мой друг, мои отношения к Нелединской; она мне говорила что эти отношения не беспокоят Репнина, ее нового любовника, а между тем теперь она не присылает узнать о моем здоровье. Надо подождать, да посмотреть что будет дальше. Можно воспользоваться услугами де-Шимэ; он окажет их мне отчасти по сочувствию, а отчасти из самолюбия, так как недоволен небрежностью Маркиза, не сообщившего ему подробностей моего дела, тогда как он то именно и мог бы помочь.

Понедельник, вторник и среда, 16, 17 и 18. — К брату.

Мое дело все в том же положении; можно сказать даже что оно усложняется, так как императрица имеет очень дурное обо мне мнение. Но публика, мало-помалу узнающая в чем дело, отдает мне полную справедливость. Говорят, что это дело послужило лишь предлогом чтобы высказать мне неудовольствие. Предубеждение Императрицы против меня вызвано, по видимости, моим легкомыслием, чисто французскими манерами, светской жизнью, и проч. К этому прибавляют, что она считает меня опасным, потому что я вхожу в сношения со всеми недовольными ее правительством, и делаю что я хочу из Маркиза. Но действительной причиной этого предубеждения является моя близость с гр. Андреем Разумовским, а также сношения с Пиктэ и Леруа, которые помогли мне во многом здесь разобраться. Императрица делает мне много чести, считая опасным человеком.

Панин интересуется моим делом; он отдает мне справедливость и порицает Маркиза, который кончил тем, что пожертвовал мною, хоть я на него за это и не в претензии. Панин порицает также Императрицу: «Она не раз уже попала бы впросак — сказал он — если бы я не устраивал дело». Он вполне стоит за меня, но встречает противодействие, а так как он болен и не выходит, то дело и двигается очень медленно. Отчаиваться, впрочем, нельзя. Маркиз говорит, что Барятинскому передавали мое дело в очень мрачном свете, а Визен говорил Альбертине, что в последних трех депешах не было ни слова обо мне. Надо подождать; может быть я попробую повидаться с кн. Орловым. Потом дам тебе отчет, мой друг, о результате моих хлопот. Это дело может ускорить мое повышение и наше с тобой свиданье; но как бы последнее ни было мне приятно, а покинуть Шарлотту будет очень тяжело.

Четверг, 19. — К брату.

Дело мое принимает плохой оборот. Маркиз, вместо того чтобы признать его своим, воспользовался случаем отретироваться и свалить все на меня, говоря что он не знал что я делаю, тогда как я исполнил только его распоряжения. Но я его не обвиняю; он так поступает не с дурными намерениями, а просто по слабости. Желаю чтобы он вышел сух из воды, но не надеюсь на это. Он во всяком случае испытает то неприятное чувство, которым сопровождается недостаток твердости и которое он должен испытывать уже не в первый раз, так как всегда был слаб и лишен уверенности в себе; здесь это знают все и французы и русские, которые называют его простаком. Что касается меня, которого они упрекают в недостатках совершенно

противоположных, то мне это все равно, я уже решился. Я уеду отсюда уже несколько познакомившись со страною. Смею думать что это знакомство может быть полезным для обоих Дворов. Эти люди думают противное; но я их жалею, а мнения их презираю. Как бы ни хотелось быть об них лучшего мнения, а поневоле приходится возвратиться к печальной истине: это настоящие дикари, не обладающие даже качествами, свойственными народам еще не цивилизованным; они только грубы. В них совмещается рабское одичание с испорченностью, которую несет с собою слишком скороспелая цивилизация. Наклонные ко всем порокам, обусловливаемым роскошью, испорченные не успевши созреть, они напоминают собою те плоды, которые сняты в незрелом виде, не обладают ни запахом ни вкусом, и никогда не будут обладать ими. И не почва в этом виновата — Российская Империя богата всякими сокровищами; не виноват и садовник — Екатерина II, хотя и не представляет собою того, чем хочет казаться, а все же не плохая правительница. Она только женщина в полном смысле этого слова, женщина, не имеющая никакого понятия о философии; действующая исключительно над влиянием самолюбия; желающая скорее пользоваться эфемерной репутацией в Европе, чем благими делами завоевать себе прочную в своей стране.

Вообще, есть, пожалуй, одно только идеальное средство помочь этой стране достигнуть величия, зародыш которого она в себе хранит, это — совершенно отделить будущие поколения от существующего, для того чтобы избавить их от гангрены, которая разъедает последнее. Когда эта оздоровительная операция будет произведена, и нация вернется к своей первобытной простоте, к своим естественным началам, тогда два-три последовательно царствующих монарха-философа могут постепенно, без кризисов и потрясений, довести ее до возможного совершенства. Нужно, однакож, чтоб эти монархи были русские по происхождению, и имели неоспоримое право на престол, ими занимаемый, а не приобрели его убийством или другими злодеяниями; нужно, чтобы их власть, основывающаяся на справедливости, была любима и уважаема народами, которыми они управляют[136].

Пятница и суббота, 20 и 21. — К брату.

Дела мои не двигаются. Маркиз полагает что он отделался, а я этого не думаю. Все упрекают его в том, что он мною пожертвовал. Он уверяет, что Барятинскому писали из Парижа, требуя отмены запрета, а я уверен что не писали, потому что Визен, видевший последние депеши, не нашел в них упоминания о моем деле. Маркиз старается, по-видимому, уверить себя, что

кончено, так как теперь его меньше теребят; но сами коллеги его находят позорным, что он оставил меня сидеть в яме. А в глазах публики, отдающей мне справедливость, я стал даже интересной жертвой. Сегодня я не выходил, так как мигрень, заставляющая меня сильно страдать, все еще продолжается.

Днем я узнал, что наш дом подвергнут полицейскому надзору и продается. Говорят даже что аббат состоит шпионом Чичерина. Я давно уже подозреваю его и Антона; говорил об этом Маркизу.

Воскресенье, 22. — К брату.

В полдень был у Зиновьевой. Она приняла меня дружески и много говорила о моем деле, и о том, что она сказала вчера де-Шимэ, убеждая его похлопотать за меня у кн. Орлова. Он отвечал, что Маркиз ничего ему об этом не говорил, что он из всего делает тайны и пр. Ты видишь, мой друг, что и он не особенно одобряет моего патрона, которого я больше жалею чем порицаю.

Обедал у Щербатовых; княгиня мать тоже удивлялась, что Маркиз не старается меня вызволить. Она мне посоветовала отправиться к Остерману, что я тотчас же и сделал. Этот министр принял меня превосходно и сказал: «Мне очень досадно, что все это отозвалось на вас, тогда как мы бы должны иметь дело с французским посланником, а не с вами; он свалил все на ваши плечи, вы и отделываетесь». Я отвечал: «Раз Маркиз де-Жюинье донес куда следует, так уж мне теперь делать нечего; я подчинюсь воле Императрицы, но желал бы иметь право рассчитывать на ваше заступничество, и надеюсь, что вы отдадите мне справедливость и поверите, что я вел себя согласно своему долгу». Он наговорил мне множество любезностей, и дал понять, что недоволен поведением Маркиза не только в деле Робазоми, но и в других прочих. Затем разговор наш стал более интимным; Остерман рассказал мне об одном своем столкновении с Маркизом и спросил, что я об этом думаю. Я отвечал, что не мне быть судьею между ними, тем более, что я не знаю подробностей дела, но что все, им сказанное, кажется мне весьма простым и справедливым.

Понедельник, 23. — К брату.

У Маркиза были гости, а между прочим прусский полковник Коцей (Сосеу), приехавший поздравить их Высочества с законным браком. Голландский резидент много болтал о моем деле, говорил, что оно скоро кончится, что Императрица вчера улыбалась Маркизу, и что на нее подействовали разговоры о запрещении мне приезда ко двору. Не знаю желал ли он что-нибудь из меня вытянуть, но во всяком случае не достиг цели — я

ему ничего не сказал. Он был сегодня у меня, вместе с Комбсом.

Что касается дела, то я думаю, что если оно благополучно не кончится, то Маркизу несдобровать. Сегодня уже, при дворе, говорили об его отъезде и назначили ему преемника. Положительно не знаю, чем это кончится. Ужинал у фельдмаршала Голицина, где меня прекрасно приняли. Нужно терпение, мой друг.

Вторник, 24. — К брату.

При дворе был спектакль, я, конечно, не показывался. Ничего нового, мой друг. Сделал много визитов, ужинал у Бемеров, где были гости, и между прочим Марков, очаровательный член из Константинопольского посольства. Ему предлагают сопровождать Остервальда на Мальту, но он говорил, что мой пример открыл ему глаза, доказав что не следует быть вторым лицом при человеке малого ума и не обладающим твердостью. Таков Остервальд да и многие на него похожи!

Среда, 25. — К брату.

Не знаю, мой друг, каким образом может кончиться моя ссора с двором. Уверяют, что Панин далеко не на моей стороне, но говорят также, что он не в ладах с Императрицей, которая недавно намекнула ему письмом об отставке. Она, действительно, не любит его. Из трех отставных фаворитов, Орлова, Потемкина и Завадовского, Потемкин теперь в большем фаворе чем когда-либо, и недели через три должны произойти события, доказывающие насколько этот фавор велик. Маркиз беспокоится о моем деле, последствия которого отзовутся скорее на нем чем на мне.

Четверг, 26. — К брату.

Мы с Комбсом обедали у Бильо. Она, по обыкновению, много говорила о Маркизе, о том, что в публике смотрят на мою ссору с двором благоприятно для меня, и что мне не следует выказывать особенного желания поскорее примириться. Я и без советов Бильо, которой нельзя верить, держусь того же мнения, и думаю, что мне, ни в чем не провинившемуся, следует держаться твердо и индифферентно по отношению к русскому двору, до которого мне нет дела. Кроме того с удовольствием узнал, что Фонсколомб (Fonscolombe), наш посланник в Генуе, выходит в отставку. Ах если б мне дали это место! Вот было бы хорошо! Как приятно было бы жить при этом маленьком дворе и какое наслаждение покинуть Россию при таких условиях.

Воскресенье, 29. — К брату.

Поверишь ли ты, чтобы в 45 лет, не обладая ни красотой, ни умом, ни богатством, ни именем, ни талантами доставляющими иногда счастье, можно было сводить с ума всех молоденьких женщин города? Поверишь ли ты, чтобы смерть такого человека, отличавшегося только простотою и добродушием, могла произвести целую революцию в кружке молодых женщин? Этого многие не смогут себе представить, а я это видел в Петербурге!

Трагический случай, происшедший здесь несколько дней тому назад, поверг в отчаяние большую часть наших здешних красавиц. В ночь с четверга на пятницу умер Небуш (Nebouch), бедный Небуш, о котором я тебе так часто говорил. Он был очень полнокровен, и потому страдал удушьем и вообще плохо себя чувствовал. Какой-то шарлатан уверил его, что это зависит от полипа, и дал рвотного. Хирург, с которым он потом советовался, предложил тотчас же пустить ему кровь, угрожая в противном случае дурными последствиями. Небуш отложил кровопускание на завтра, а ночью задохся от кровавой рвоты. Все наши хорошенькие женщины захворали по этому поводу. Этот Небуш, немец по происхождению, но родившийся в России, был беден, занимал в обществе довольно низкое положение и не блистал ни умом, ни талантами. Но он был честен, прост и добр. Мужчины обвиняли его в бесхарактерности, но я находил его слишком хорошим для этой страны, так как он отличался прямотою, говорил правду и фаворитам и самой Императрице. Эта прямота казалась мне драгоценной и достойной почтения чертою характера. Я с удовольствием ухаживал за г-жей Зиновьевой, которая действительно заболела от горя по поводу смерти Небуша. Эта Зиновьева как я уже тебе говорил, одна из самых милых и естественных женщин в Петербурге. Она выказала мне горячее участие в деле Робазоми.

Понедельник, 30. — К брату.

Не хочешь ли немножко политики, мой друг, давно уж я с тобой об ней не говорил. Ты должен знать прежде всего, что уже с месяц как на всех трех фаворитов дуются: на Орлова — за то, что он влюблен в Зиновьеву и хочет на ней жениться; на Завадовского — за участие, которое он принимал в отставке Пикте, так как в ней уже раскаиваются с тех пор как последний получил место во Франции. Говорят даже, что и Воронцов не получил ленты за то же самое. На Потемкина тоже дулись за что-то, но теперь он вынырнул, в большой чести, и ждет каких-то необыкновенных милостей в скором времени; этот человек обладает большим умом — тем тонким умом, который дает успех при дворе. Ты

знаешь, что он родился в бедности и сам предсказал свою судьбу прямо, объявив Императрице, что если захочет быть любимым ею то достигнет своей цели; он не ошибся, как видим. Эти слова мне передавала Зиновьева, слышавшая их от самого Потемкина, еще ранее его фавора, в кружке Строгонова, Барятинских, Загряжских и проч., к которому он тогда принадлежал и из которого был даже исключен за злость и сварливость.

Дела Брюля по-видимому налаживаются. Великий князь, от имени Императрицы, предложил ему жениться на Левшиной (Lofchin), или Алымовой (Alimof), с правом отказаться, что он и сделал по отношению к первой, в чем я его вполне оправдываю. Левшина не умна, безхарактерна и, должно быть, надоела Императрице, которая желает от нее отделаться, что, в сущности, делает отказ от нее затруднительным. Алымова — нечто совсем иное; да она и нравится Брюлю. Великий князь и великая княгиня, при которой она состоит, с большим интересом относятся к ее замужеству. Переходя на русскую службу, Брюль сохраняет чин генерал-лейтенанта, а потому может сделаться гофмаршалом великокняжеского двора, что ему уже обещано когда уйдет Салтыков, получающий место генерал-губернатора. Все это говорил мне сам Брюль, и я ему этого желаю.

Прекрасно провел вечер у Зиновьевой, где были Бемеры и фрейлина, графиня Ефимовская, много говорившая со мною о непостоянстве французов и о моих личных привязанностях.

Вторник, 31. — К брату.

Вот уже год как я в Петербурге, мой друг, и мы с тобой больше года уже не видались. Не думал я, что мое отсутствие так долго протянется и не знаю, когда наступит ему конец. Пожалуй что и скоро, в виду моего здесь положения, но я этого боюсь, так как ты знаешь, что меня связывает с Петербургом.

Ездил к Остерману поговорить о моем деле; принял он меня хорошо, но из-за множества гостей говорить мне не удалось. Затем я написал кн. Орлову и вернулся ужинать в посольство. Тут тоже оказалось много гостей. Гр. Брюль говорил мне о своих делах; они идут не совсем так, как ему хочется: Великий Князь желает кончить их поскорее, а Алымова не приняла предложения. Эта девица видит в замужестве только желание отдалить ее от Их Высочества. Она плачет при всяком упоминании о свободе; Великий Князь весьма милостиво сообщил об этом Брюлю, хотя сам очень сердится. Брюль просил содействия г-ж Ляфон — они обещали постараться.

Год 1777

Январь

Пятница, 3 янв. — К брату.

Вчера у нас было торжественное собрание масонов, в память несчастного Бахмана, который принадлежал к числу членов. Ложа была затянута черным сукном, как полагается по смерти маестра. Под звуки печальной музыки, гроб с куклой, изображающей покойного, был перенесен в другую комнату и поставлен в разукрашенную могилу. Церемония довольно красивая, но зачем она? Я бы предпочел что-нибудь иное, но со сбором денег в пользу сирот покойного, которые находятся в крайней бедности. Но здесь форма всегда преобладает над сущностью, здесь любят казаться, а не думают о существенном.

Суббота, 4. — К брату.

Сегодня канун Рождества по старому стилю: в русских семьях этот день празднуется играми. Я явился к Спиридовым с коротеньким визитом, но они задержали меня ради этих игр, так что я у них и ужинал. Несмотря на опалу, адмирал и его жена, добрые люди старинного покроя, приняли меня очень хорошо, что мне доставило большое удовольствие.

Воскресенье, 5. — К брату.

Празднество, о котором я тебе говорил, мой друг, совершается собственно сегодня. По-русски оно называется праздником цветов[137]. Проездив целый день с визитами (здесь это обязательно, так же как в Новый Год и на Пасхе), я ужинал у Щербатовых, где собрались и Спиридовы с семьею. Играли в разные русские игры. Сначала собралась вся женская прислуга дома, и самая старая из женщин обошла всех присутствующих с блюдом, на которое мы клали какой-нибудь предмет, в виде фанта; затем все женщины выстроились у стены в ряд и запели по-русски длинную песню, а во время этого пения самое почетное лицо из присутствующих брало фанты с блюда, покрытого салфеткой. При каждом фанте, старшая певица переставала петь и предсказывала судьбу владельца этого фанта, согласно смыслу того куплета песни, который только что был пропет. Предсказано было много свадеб, а мне — большое счастье в этом году. Женщины здесь вообще очень любят гадать, и на Рождестве многие крестьянки ходят по домам и гадают на картах за деньги.

Поиграв в разные игры, в *поездку в Киев*, в *quete a la romaine* (?) и проч. мы сели ужинать, причем стали загадывать загадки. Щербатов спросил меня: что такое, будучи прибавлено к тяжелому грузу, делает его легче?.. Оказалось — колеса кареты, которые облегчают ее движение. Мне так понравилась эта загадка, что я обещал изложить ее в стихах. Разошлись мы в полночь, и я был очень доволен днем.

Понедельник, 6. — К брату.

Обедал у Голициных, а после обеда был у Бильо. Она много говорила о моем деле. Талызин (Talesin) рассказывал ей, что по уходе моем от гр. Панина, последний сказал: «Маркиз Жюинье ведет себя как дурак; он не знает ни своих прав, ни своих обязанностей. Если он на военной службе не вел себя лучше чем теперь, в качестве дипломата, то значит совсем уж никуда не годится». Очень печально, мой друг, что в публике уважение к моему патрону видимо падает. Говорят, что он уходит, переводится в Швецию, но он сам меня уверил, что это не правда. Задержка с наймом другого дома для посольства подкрепляет эти подозрения и слухи.

Есть слухи и еще более неприятные — говорят о его связи с женой Ивана Чернышова. Ты знаешь, что он у них чуть не живет; я бы тоже считал его влюбленным, если бы не знал, что он неспособен к горячей привязанности. Несколько месяцев тому назад, некий грек Ласкарис, состоявший при Чернышове, и привезший знаменитый камень для пьедестала статуи Фальконэ, уехал во Францию. Корабль, на котором он ехал, потерпел крушение. Местная хроника говорит, что жена Ивана Чернышова, наделавшая долгов при своем отъезде из Парижа, поручила Ласкарису расплатиться с ними. А Ласкарис, будто бы, ссылается на то, что все счета, инструкции и деньги потонули при крушении. Между тем всех долгов было на 16 000 р.; теперь говорят, что их уплатил Маркиз. Ты понимаешь, мой друг, какой эффект произведет это известие, если распространится. При всем известной скупости Маркиза, он мог уплатить эти деньги только из сумм министерства, ссылаясь на то, что сношения с графиней Чернышовой полезны для службы. Но ведь я писал уже тебе, что эта женщина совсем глупа и вполне подчиняется своему мужу, бессовестному плуту, который мог пользоваться ослеплением Маркиза не только для того чтобы вытягивать из него деньги, но и для того чтобы снабжать его, через свою жену, фальшивыми известиями. А Маркиз, недостаточно тонкий чтобы провести мужа, и недостаточно любезный чтобы подчинить жену, мог сделаться игрушкой их обоих. Дай Бог, чтобы мои предположения

не оправдались!

Вторник, 7. — К брату.

Маркиз поручил мне сегодня депешу в Копенгаген, и дозволил прибавить несколько слов от меня лично к маркизу де-Вераху, чем я и воспользовался, написав их в самом дружеском тоне. Я описал ему мою здешнюю жизнь, удовольствия, которыми пользуюсь, семьи, с которыми знаком, празднества, и проч. и проч. Между прочим, я воспользовался случаем похвалить Императрицу и ее любезность в частной жизни, рассказав, как эта Государыня проводит время в тесном кружке, играя в те же игры, в которые играют и все ее подданные. В этом году, впрочем, при дворе игр не было, а вместо того танцовали. Причина, по которой я писал все это де-Вераку, состоит в том, что здесь ведь все письма распечатываются и экстракт из них — особенно все то, что говорится об Императрице — ежедневно посылается Ее Величеству. Мне советовали даже нарочно описать мою историю, в письме в Париж. Я это и сделал, но только не послал письма, думая что в то время никого нельзя было этим обмануть. А вот теперь я воспользовался подходящим случаем. Посмотрим что выйдет. Я, признаться, не люблю таких кривых путей: если руль когда-нибудь окажется в моих руках, то я, столько же по гордости сколько и по свойственной мне прямоте, никогда не буду пользоваться такими мизерными средствами, которые доказывают только слабость и недостаток изобретательности. Не правда ли — и ты так же думаешь?

Продолжают говорить о будущем возвышении Потемкина, которое скоро должно объявиться. Орловы падают. Гр. Алексей уехал в Москву, и уехал недовольный. Некоторые говорят, что свадьба кн. Григория с его двоюродной сестрой, Зиновьевой, скоро состоится и что молодые тотчас же потихоньку уедут. Подозревают, что Императрица смотрит на эту свадьбу сквозь пальцы, для того, чтобы сделать Орлова ненавистным народу, так как женитьба на двоюродных здесь не в обычае и считается преступлением. Она давно уже ищет случая отмстить Григорию Орлову за дурное с ней обращение. Он часто бивал ее, и Пиктэ, бывший свидетелем их интимной жизни, говорит, что Екатерина жаловалась ему на Орлова и плакала. Мне говорили, что имущество семьи Орловых принадлежит собственно говоря, короне, и что монарх может отнять у них это имущество.

Новый год должен принести много новых назначений, между прочим, посланников в Неаполь, Турин, Португалию и проч. Департамент иностранных дел стоит здесь от семисот до семисот пятидесяти тысяч рублей, помимо секретных расходов.

Брелан-де-ля Бреландьер, этот кропатель плохих стихов, сослан в Сибирь, так как участвовал в подделке банковых билетов.

Среда, 8. — К брату.

Видел Фальконэ-сына, только что приехавшего из Франции. Это закоренелый англоман, что меня предрасположило в его пользу, а для него это нелишнее, так как, по внешности, его можно принять за слабоумного. Многие так к нему и относятся, но я не верю. Он привез из Парижа новую пьесу, наделавшую там шума: Le Bureau d'esprit. Это комедия в пяти актах и в прозе, представляющая собой сатиру на m-me Жоффрэн и энциклопедистов. Приписывают ее многим, но настоящий автор кажется неизвестен. Единственный ее экземпляр находится у великого князя. Прочту когда достану.

Четверг, 9. — К брату.

О моем деле — никаких слухов, милый друг! Маркиз в него уже больше не вмешивается, что и не удивительно, так как у него своих хлопот много.

Провел вечер и ужинал у Спиридовых, где было много гостей, играли во всевозможные игры и танцовали, но я от танцев отказался, из приличия.

Молодая Спиридова, которой я сказал, что по той же причине не буду завтра в маскараде, заметила, по поводу моей истории: «И по делом вам! Но я вас хоть и браню, а все-таки жалею». Мне ужасно нравится наивность этой молодой особы. Ей пятнадцать лет; глаза у нее черные и нежные, вид простодушный и свежесть здоровой юности. Была там и моя Шарлотта за ужином, я хотел сесть рядом с нею, но Спиридова нас разлучила, посадив около себя. По глазам было видно, что Шарлотте это не понравилось. Ужин прошел довольно весело, но меня опечалило известие, что молодая княжна Щербатова, кузина Спиридовой, страдает падучей болезнью. Ужасно будет, если она не вылечится, ей всего восемнадцать лет, и притом она считается одною из красивейших девушек в Петербурге.

Пятница, 10. — К брату.

Я не говорил тебе о вчерашнем заседании Академии Наук, по поводу полувекового юбилея ее существования. Король Прусский состоит в числе ее членов и от него было получено приветствие, в котором сказано, что выбор его оправдывается глубоким его почтением к Академии. Празднование юбилея было отложено в виду отсутствия директора, Домашнева, который был послан в

Берлин для сообщения о женитьбе великого князя. Он вернулся лишь недавно и, говорят, сам хлопотал о том, чтобы празднование было отложено, для того, чтобы самому на нем председательствовать. Это по-русски, мой друг. Выбрали несколько французских ученых, как например: Бюффона, Добантона, Вольмонт-де-Бамара, Сто-де-Ляфона и проч.

Ты помнишь, мой друг, барона д'Юбена, шведа, приехавшего сюда с поздравлением по поводу свадьбы. Говорят, он — внук лакея, но теперь — кавалер Польского ордена Станислава и обладает претензиями, свойственными не особенно умному человеку. Впрочем, добрый малый, танцор, певец и волокита. Смешные стороны его характера очень потешают здешних насмешников, не упускающих случая покуражиться над иностранцами, которых ненавидят и которым завидуют. Недавно, праздность, завела нашего ухаживателя к одной русской актрисе, притом — без приглашения: она ему понравилась, он и решился действовать наскоком. Но это не удалось, нимфа наделала шума, сосед прибежал к ней на помощь. Тогда барон попробовал ее умилостивить предложив свои часы, красавица бросила ему их в лицо, и бедный рыцарь принужден был ретироваться с расцарапанной физиономией. История быстро разошлась по городу, над бароном смеются, а он считает долгом, из политики, рассказывать ее всем женщинам, отрицая, однако, свое в ней участие. От этого он, конечно, становится еще смешнее, но не унывает — поет и танцует всюду, где бы ни появился. Говорят, он скоро едет.

Говорят о новых назначениях в посольства. Как хотелось бы мне, чтобы Разумовский попал куда-нибудь!

Суббота, 11. — К брату.

Сегодня — последний день русского года, мой друг; вечером родственники делают друг другу подарки. Я ездил по лавкам и делал закупки, потому что, как ты можешь себе представить, желаю чтобы у Бемеров на меня смотрели как на родного. Я у них ужинал, в полночь мы все перецеловались и я роздал свои приношения.

Вообще я больше влюблен и больше счастлив чем когда-либо и страшно боюсь как бы обстоятельства не изменили моего положения. Маркиз ведет себя так мягко со всеми и так дурно по отношению ко мне, что я могу сделаться несчастной жертвой, хотя и оплакиваемой даже русскими, сочувствие которых не мало меня утешает. Вот что значит, мой друг, иметь дело с дюжинным и нерешительным человеком.

Воскресенье, 12. — К брату.

Вот и Новый Год прошел, а меня ко двору не пригласили, что очень обидно; я ожидал что к этому дню запрет будет снят.

Узнал новость, доставившую мне большое удовольствие: гр. Андрей Разумовский назначен русским посланником в Неаполь. Он давно желал перейти на дипломатическую карьеру, а опала только усилила его желание путешествовать. Еще хорошо, что опала не помешала ему получить такое назначение. Императрица выказала много такта и милосердия избирая такого подходящего к делу человека, потому что немногие обладают достоинствами Разумовского. Вообще, эта женщина совмещает в себе тактичность способного монарха с тактичностью, свойственной ее полу. Между прочим, говорят, что Потемкин много содействовал этому назначению.

Принц де-Шимэ, который всем здесь нравится, не исключая Императрицы и Великого Князя, стал предметом зависти для иностранных посланников. Говорят, что он будет назначен на место Маркиза, которого отзовут; но в этих слухах нет ничего правдоподобного. Говорят, что он сам этого добивается косвенными путями, но я повторяю, что де-Шимэ вполне честный человек и не способен на такую низость.

Понедельник, 13. — К брату.

При дворе был маскарад, и я на нем не присутствовал в силу запрета. Просил Маркиза донести де-Верженну, что, несмотря на опалу двора, я прекрасно принят во всех русских домах; действительно, ко мне все относятся с дружбой и доверием, за что я, конечно, очень благодарен.

Передавали мне одну черту характера Императрицы, которою я остался очень доволен. Принимала она депутацию из Новгорода, в котором вводится новая форма администрации, и пригласила депутатов к интимному обеду. Новгородский губернатор, граф Сиверс[138], которого она очень любит, узнав об этом сказал: «Но ведь эти господа — не особенно богатые люди». — «Извините, г. губернатор, отвечала Императрица, они очень богаты усердием». Этот прекрасный ответ вызвал слезы на глаза депутатов и порадовал их больше чем денежные подарки. Вот как действуют, мой друг, способные правители, к числу которых принадлежит Екатерина II.

Вторник, 14. — К брату.

Собирался ужинать у Голициных, но Сперидовы меня задержали, хотя это мне и было неудобно, так как я намеревался, при помощи Матюшкиной, покончить свою ссору с Нелединской.

Отложу это на другое время. Спиридова показала нам опыт: намочив нитку в кислых щах (kislichi) с солью, она сделала ее нервущейся даже после сгорания, — кольцо, привязанное к этой нитке, не упало, несмотря на то, что нитка была сожжена.

Маркиз послал депешу по моему делу, но она так бесцветно и неловко составлена, что я сомневаюсь в успехе; должно быть он хочет избавиться от меня, но я желаю этого еще больше чем он.

Нет никакой выгоды, мой друг, состоять при людях очень ограниченных, особенно когда они не довольствуются ролью доброго человека. К счастию, де-Шимэ может быть свидетелем всего, что тут происходило. Он говорит, что у Маркиза есть проекты, которых он нам не сообщает. По правде сказать — меня это беспокоит, но не пугает.

У датского посланника, Асфельда, был сегодня обед; меня он не пригласил. Асфельд подражает другим своим коллегам. Маркиз не оправдывает такой политики по отношению ко мне, но я думаю, что он знал это заранее, что его предупреждали, так как иначе это было бы невежливо по отношению к нему. Впрочем мой патрон не отличается дальновидностью, да и не претендует на нее.

Среда, 15. — К брату.

Вот уже две недели, мой друг, как я в ссоре с Нелединской по поводу самых невинных шуток моих над нею и ее пасынком, который особенно снабжал пищей мое остроумие. Нелединская заговорила со мной таким тоном, которого я не потерплю даже от женщины. Я тотчас же ушел, но на другой день написал ей письмо, в котором сказал, что если мои отношения ко двору заставляют ее не желать меня видеть, то я подчиняюсь ее решению, не признавая, однакож, за собою никаких провинностей по отношению к ней лично. К этому я добавил, что не осмелюсь явиться иначе как по особому приглашению. Ответа не последовало и я у Нелединской не был. Сегодня мы встретились за ужином, у Головиных, и отнеслись друг к другу вежливо, но холодно.

Четверг, 16. — К брату.

Продолжаю беспокоиться по поводу моего дела, особенно в виду отношения к нему Маркиза. Несмотря на то, что все неприятности обрушились на меня только потому, что я следовал его инструкциям, он не считает этого дела своим, а всегда называет его делом шевалье де-Корберона. Это просто возмутительно! Ты знаешь, мой друг, до какой степени сердце этого человека неспособно к нежным чувствованиям; справедливо

говорится, что у скупых душа бывает сухая и черствая. А у него нет даже любви к порядку и справедливости, так как иначе он высказал бы истину в моем деле и тем оправдал меня. Это нечто иное как слабый, глупый, нерешительный, человек, который навсегда останется дюжинным. Еще раз повторяю — тяжело подчиняться таким машинам. Де-Верженн — думал сделать мне добро, прикомандировывая к Маркизу, а между тем из этого выйдет, пожалуй, худо, то есть по отношению к карьере, так как философия дает мне возможность жить внутренней жизнью совершенно самостоятельно, и я даже не хотел бы, подобно Маркизу, сознавать себя прежде всего королевским посланником, а потом уже — человеком. Я, мой друг, дорожу более последним званием, и это предпочтение внесет, может быть, в мою жизнь крупицу счастья, несмотря на множество неприятностей, которыми мне угрожает излишняя впечатлительность.

Пятница, 17. — К брату.

Я говорил уже тебе, мой друг, о церемонии благословения Невы[139], поэтому теперь повторять не стану. Надо только заметить, что за последние 18 лет в этот день ни разу не было так тепло как теперь. Вообще больших морозов в эту зиму не было.

Обедал у Щербатова, был очень грустен, что все заметили и приписали моему делу. Говорили об этом по-русски, но я знаю что в сочувственном ко мне тоне. Маркиз — единственный человек в Петербурге, мнение которого на этот счет меня не утешает. Кн. Щербатов вчера говорил о моем деле с вице-консулом, который отвечал, что сделал все, что мог. Передавая мне этот ответ, Щербатов прибавил: «Не может ли вам помочь гр. Иван Чернышев?» — «Если бы и мог, так я бы к нему не обратился!» отвечал я шопотом. — «Вы его знаете»: сказал Щербатов пожимая мне руку. Он его тоже знает, мой друг, и презирает, как большая часть порядочных русских. Я рассказал об этом де-Шимэ и хотел рассказать Маркизу, но принц меня отговорил. «Не следует, сказал он, бесполезно обострять свои отношения с такими людьми. Он не избавится от своего ослепления, а вам это может повредить».

Ты видишь, мой друг, до чего меня довели; но за меня разум, здравый смысл, принц де-Шимэ, мои друзья, и даже русские. Чего же мне больше?

Воскресенье, 19. — К брату.

Сегодня один человек принес мне добрую весточку о моем деле. Это — барон Мейер (Mayer), состоящий на службе и большой музыкант. Он дал мне понять, что, по отъезде Робазоми,

я получу позволение являться ко двору. Не знаю откуда он получил такие сведения, хотя он часто бывает у кн. Потемкина.

Вечер провел у Голициных. Нового ничего не узнал, так как мы занимались только осуждением новой пьесы: Bureau d'esprit. Собственно говоря, эта пьеса есть критика на общество кн. Барятинской. Подозреваю, что автором ее был Катюльян (Catuellan).

Вторник, 28. — К брату.

Мои отношения к двору не изменились. Зиновьевой кто-то говорил, что отсюда писали Барятинскому, чтобы он потребовал от французского двора моего удаления, выбрав такой момент когда шансы де-Верженна будут падать. Между тем бар. Майер продолжает уверять, что дело мое кончится благополучно, и скорей чем я думаю. Кн. Потемкин будет говорить об этом с императрицею; он это обещал де-Шимэ, о чем передавал Майеру, который переходит в русскую службу чтобы состоять при Потемкине.

Молодой господин провел у меня вечер. Мы говорили об истории, и я показал мою записку о вторжении варваров в Европу. Думаю, что он хочет изложить тоже самое по-русски, покрайней мере он выразил такое намерение прочитав мою записку, которая очень ему понравилась. Его ожидания так же не исполнились как и мои — камер-юнкером он не назначен.

Мне сказали, что сибирскому Нарышкину отрубили голову в крепости (?), но это не правда — он в Москве, куда, по его делу едет фельдмаршал Голицин. Нарышкина, говорят, признали сумасшедшим и засадили в монастырь. Рассказывают, что Тобольский губернатор Чичерин (Sitfcherin) совершает такие ужасные вещи, что его бы следовало казнить, но Императрица не решается на это, сколько по гуманности, столько же из-за страха. Этот страх, мой друг, всегда живет в сердцах деспотов.

В воскресенье, обер-гофмаршалу Голицину дана отставка, с пенсией в 4000 р. Генерал Сиверс, Новогородский губернатор, получил в подарок 20 000 р. Это очень хороший человек, который, будучи ливонцем, заслужил уважение русских; это большая похвала.

При дворе составляется кадриль из 16 человек, в том числе Барятинская. Нелединская, Трубецкая, Матюшкина и гг. Понятовский[140], Голицин, д'Юбен и проч. Но Великий Князь, который не выносит Понятовского ни Барятинской, старается помешать составлению кадрили. Он сказал де-Шимэ: «Я очень рад, что вас там не будет; между нами говоря, все это шуты гороховые» (polissons). Со стороны Великого Князя, мне кажется

глупо и неприлично было говорить такие вещи иностранцу, которого он знает всего два месяца. Кадрильные дамы в бешенстве, но они не смеют ничего сказать.

В понедельник я был на репетиции италианской оперы, на сюжет Метастазио (Nitelli), сочиненной новым капельмейстером, два месяца тому назад приехавшим из Неаполя — г-н Паэзиэлло[141]. Музыка мне понравилась. Я отправился на репетицию, потому что на придворный спектакль не попаду, но и отсюда должен был скоро уехать, так как в театр, неожиданно, прибыл Великий Князь. Но он все-таки знает, что я был там; де-Шимэ боится, как бы это не произвело дурного впечатления. А я нисколько не боюсь, и, на ужине у Щербатовой, при Остермане, прямо заявил, что был на репетиции и уехал с нее по причине прибытия Великого Князя.

Среда, 29. — К брату.

Я еще тебе ничего не говорил, мой друг, о Датском посланнике, Асфельде, и о слухах, которые здесь про него ходят. Репутация его не лучше чем других, прочих; над ним все смеются. Говорят он так скуп, что сидит, с женой и компаньонкой, при одной сальной свечке. После обеда, он сам осматривает сколько вина осталось в бутылках, затыкает их мякишем белого хлеба и запирает у себя в кабинете. Сам ходит на рынок за мясом; нигде не бывает и жену никуда не пускает, из скупости. А между тем этот человек получает 25 000 р. в год. Можешь судить насколько его мозг способен производить великие идеи.

Императрица сделала прекрасные подарки артистам итальянской оперы: мужчины получили золотые табакерки, а Бонафини — бриллиантовую брошку. В тот же день, Гримм получил табакерку с портретом Императрицы, а Домашнев — 5000 р., 1000 р. прибавки к жалованью, и табакерку в 2500 рублей.

Ты знаешь, мой друг, что де-Шимэ, благодаря Лобковичу, не пустили в театральную ложу, предназначенную для лиц дипломатического корпуса, а между тем Понятовского приняли. Это не очень приятно для де-Шимэ, хотя надо заметить что Понятовский играет здесь роль польского посланника, так как прислал благодарить Императрицу за границы. Он не представил, однакоже, верительных грамот, а потому его следовало бы рассматривать только как племянника Польского Короля. Кроме того он не в больших ладах с двором, особенно Великокняжеским.

Де-Шимэ имел сегодня большой разговор обо мне с гр. Паниным, который совершенно откровенно высказался насчет Маркиза. Он прекрасно знает, так же, как Императрица, что

именно Маркиз послал Рабазоми в посольский дом прежде чем я узнал об этом; что вернувшись домой в полночь, я уже застал его в своей комнате, и оставил ночевать только по приказанию Маркиза. Панин прибавил также что к нему, от имени Маркиза, приходил аббат Дефорж, который дал честное слово, что Рабазоми в посольстве нет, тогда как последний был там. Вот это то честное слово, сказал Панин, и было причиною того, что де-Корберона наказали вместо его патрона. «Не люблю я этого аббата, заметил Панин, и манеры его, и речи мне нравятся». Но против меня существуют другие обвинения. Этим летом, в Петербурге, какие-то путешествующие французы наделали грязных шалостей; Остерман получил от Императрицы приказание просить Маркиза принять против них строгие меры. Вот и меня замешали в эту историю, хотя ты, мой друг, видел из моего дневника что я в это время хворал лихорадкой, и никаких сношений с безобразниками иметь не мог.

Четверг, 30. — К брату.

Боже мой, как растут сплетни! Как они распространяются, усиливаются, видоизменяются!

Нормандец рассказывал сегодня у Бемеров, что Императрица читала вчера нешифрованную депешу де-Верженна к маркизу, в которой он будто бы потешается над делом Рабазоми, и проч. А де-Верженн, напротив того, в своей депеше, действительно нешифрованной, одобряет благоразумное поведение маркиза в этом деле и выражает убеждение, что оно не может повредить ему в глазах такой мудрой и просвещенной монархини, какова Императрица.

Я всегда думал, что дело Рабазоми не было настоящей причиной моего удаления от двора, а теперь, узнав в каком виде оно было представлено Императрице, я в этом окончательно убедился, и полагаю, что узнал настоящие мотивы моей опалы. Я тебе говорил о Пиктэ, прожившем здесь около тринадцати лет. У меня были с ним сношения, и когда Императрица его выслала, то я не мог отказать ему в рекомендательном письме к де-Верженну. Он, в свою очередь, тоже имел неблагоразумие письменно поблагодарить меня за прием, оказанный ему министром, да и сам министр написал мне по этому поводу нешифрованное письмо. Все это было прочтено и поставлено мне на счет. Ну, конечно, мой друг, они могли меня упрекать за такую переписку, но если бы я был здесь посланником, то и тогда старался бы пользоваться своими знакомствами на благо обеих стран. Таков, по моему, главный принцип политики: посланник не должен пользоваться своим знанием страны, в которую послан, к ее

невыгоде, иначе он будет содействовать не сближению стран, а к усилению вражды между ними.

Мне приписывают еще другие проступки, в которых я уже решительно невиновен; таковы, например, сношения Сен-Поля и Пюнсегюра с Шампаньоло, у которой я, всего один раз, восемь месяцев тому назад, провел четверть часа, да и то против воли. Готов в этом поклясться чем угодно. Между тем, из намеков Нессельроде видно, что именно сношения с Шампаньоло являются главным против меня обвинением. Этим я, должно быть, обязан фальшивому доносу Ивана Чернышова, который, будучи низким, лживым и злым человеком, способен на все, а меня терпеть не может.

Пятница, 31. — К брату.

Шарлотта говорит, что Императрица дуется на генерала Бауэра[142], за то, что он намеревался перейти на французскую службу, как это выяснилось из нешифрованного ответа де-Верженна маркизу. Посылать такое письмо нешифрованным было, разумеется, весьма неблагоразумным поступком со стороны версальских канцелярий. Дочь Бауэра, фрейлина, тоже заслужила неблаговоление Императрицы тем, что привезя из Дармштадта письма к покойной великой княгине и не застав уже ее в живых, отправила эти письма обратно, вместо того, чтоб передать их Императрице.

Ты видишь, друг мой, как здесь относятся к свободе и чужим секретам. При такой форме правления это и не удивительно. Бауэры не хотят здесь оставаться и в текущем году уедут.

Февраль

Суббота, 1 февраля. — К брату.

Сегодня я обедал по-русски, в полном смысле этого слова. Это был чисто военный обед у полковника Вяземского. Говорили о военном сословии и согласились, что в России оно не пользуется таким уважением как во Франции. Здешние офицеры не обладают корпоративным духом, потому что свободно могут переходить из одного полка в другой, что и мешает развитию прочных связей.

Молодой Нелединский, немножко подвыпивший, принялся горячо толковать о политике и морализировать. Жаль, что этот молодой человек начинает кутить. Он много читал, и голова у него хорошая, но он может погибнуть для родины и общества, если будет предаваться кутежам, даже и в них внося резонерство.

Дело мое не двигается. Спиридова говорит, что де-Шимэ

значительно его подвинул; не знаю. Кстати о де-Шимэ; граф Панин, разговаривая с ним о Лясси и о влиянии последнего на маркиза, сказал: «Если бы кто-нибудь собрался разрушить Империю, то не мог бы лучше приняться за это дело». А между тем не только Лясси был оракулом для нашего маркиза, но и Нормандец — тяжелый Нормандец — наследовал ему в этой роли[143]. Они по два, по три часа несколько раз в неделю просиживают вместе; один только Бог знает, какую они там политику делают.

Воскресенье и понедельник, 2 и 3. — К брату.

Толки о моем деле продолжаются, но какие толки? Кн. Щербатов, например, рассказывает что я танцовал, на придворном балу, в военной форме. Да хоть бы и так! Что ж тут необыкновенного в стране, где не только все военные танцуют в мундирах, но и большинство иностранных посланников не носят другого костюма.

Затем де-Верженн ответил на вторую депешу по поводу моих отношений ко двору. Он ясно и категорически меня оправдывает, что дает мне возможность не бояться гнева моего правительства. Но Комбс говорит, что для Маркиза такой ответ не может считаться благоприятным. И он прав: Маркизу ответили на рапорт, написанный с целью самооправдания, обвиняющий Императрицу и ее министров в предубеждении. Будет ли здешний двор доволен такой постановкой вопроса? не захочет ли он оправдать свое поведение? Что касается меня, то мне обещают скорое окончание дела в мою пользу; говорят, Императрица обещала вернуть меня ко двору когда уедет Робазоми. По правде сказать — не ожидал чтобы мною так много занимались. Комбсу писали из Риги, что я уезжаю.

Вторник, 4. — К брату.

Наше положение здесь, мой друг, с каждым днем становится затруднительнее, потому что Маркиз подает поводы к толкам, весьма для него неблагоприятным, а это падает на всю нацию. Его вечные, таинственные совещания с бедным Нормандецом, возвеличивающие этого ничтожного поверенного в делах (чем он уже хвастается), никого, конечно, не пугают, но они дают повод смеяться над нами. Маркиз действует непоследовательно и неловко, является игрушкой в руках Ивана Чернышева и Лобковича, наконец стесняет решительно всех. А в домашних делах им руководит аббат Деформ, пользующийся здесь дурной славою. Все идет к черту, а Маркиз только радуется. Де-Шимэ видит, что дело идет плохо, и сердится, но это ничему не

помогает.

Принц де-Шимэ оригинальный человек. Если я до сих пор не очертил тебе его характера, так только потому, что это не легко. Не получив хорошего образования, и не обладая от природы стойким и цельным характером, он, вероятно, вырабатывал различные убеждения, противоположные наследственным предрассудкам и неподходящие к его положению, а кончил тем, что ничего стойкого и последовательного не выработал — в его-то годы, когда люди уже перестают меняться. С одной стороны, он очень высоко ставит свое происхождение, а с другой, по привычке к придворной жизни, способен унижаться; резкий, в тех случаях когда не встречает препятствий своим мнениям, он становится мягким, когда не чувствует за собою силы поддержать их, или когда надеется выиграть променяв их на чужие. Не обладая большим самолюбием и не имея определенных целей, он постоянно колеблется между крайностями, смотря по влиянию окружающих обстоятельств. Многообразие форм, в которых он, таким образом, является, заставляет предполагать отсутствие у него и характера и ума; между тем он не глуп и не фальшив, а просто крайний эгоист, притом слепой. Непоследовательность и неопределенность его поведения заставляет иногда предполагать в нем отсутствие сердца и даже честности, а между тем он не жесток и не бесчестен. Исключительный эгоизм, заставляющий его все относить к самому себе, доводит его иногда до ребячества, делает мелочным и смешным. Прибавьте к этому отсутствию душевной твердости, слабость физическую, и вы не удивитесь, что принц де-Шимэ то является слишком высокомерным, то чересчур скромным; то очень доверчивым, то очень замкнутым; то подозрительным, то слепым — веселым, печальным, философом, мизантропом, беззаботным, скупым, ищущим удовольствий — одним словом самым непоследовательным, самым неуравновешенным, а потому, без сомнения, и самым несчастным человеком.

Вторник, 25. — К брату.

Я тебе часто говорил, мой друг, что любовь и дружба утешают меня в несчастии. Во главе моих здешних друзей стоят Бемеры, а за ними следуют Щербатовы, Головины и Нелединская. Я только и живу в их обществе, приятно удивленный постоянством русских в дружбе, и с своей стороны культивируя это постоянство.

В четверг 6-го я ездил, со Спиридовыми кататься на санях. Доехали мы до фарфорового завода, который я уже знаю. Нет там ничего особенно хорошего и замечательного. Фаянсовый завод лучше: там есть рисовальная школа, очень хорошо поставленная.

Она учреждена для мужицких детей (petits moujiks), которые живут в очень чистеньких дортуарах, где у каждого своя постель (?). Рядом с дортуарами находится большой зал, в котором они едят, работают и разыгрывают пьесы — благодаря лишенному смысла Бецкому, театральная мания проникла всюду.

В воскресенье я обедал у тех же Спиридовых, а затем мы смотрели бега на санях, устраиваемые на Неве, в Галерной (Galernof)[144]. На этих бегах всегда бывает много народа и они довольно красивы.

В среду, 12-го (по здешнему 1-го), захворал Гарри. На другой день болезнь его усилилась. Я ужинал в этот день у Головиных и старая графиня гадала мне на картах, причем предсказала перемену к лучшему в моем положении. Кроме того она объявила что особа, которую я люблю, в свою очередь нежно меня любит; что проектам нашим, на счет брака, не суждено сбыться в близком будущем; что я, тем не менее, впоследствии буду счастлив; что скоро я узнаю новость, которая меня очень обрадует и удовлетворит; что этой радостью я буду обязан человеку, которого я мало знаю, но который мною очень интересуется и что, по окончании моего дела, этот человек уедет в Москву.

В воскресенье, 16-го, я ухаживал за Гарри, слабость которого меня очень беспокоила. Зубной врач, Дюбрейль, его друг, видимо начал отчаяваться, а Комбс, по своему обыкновению, ничего не говорил. Вошел Маркиз с саксонским посланником, бароном Сакеном. Я их встретил довольно холодно, особенно последнего, потому что не до них было. Погревшись немножко, Маркиз сказал: «Вы можете поблагодарить барона. Благодаря его дружеским стараниям, ваше дело благополучно кончилось — можете вернуться ко двору». Признаюсь, мой друг, я не был ни удивлен, ни обрадован этой новостью; даже не нашел подходящих выражений чтобы поблагодарить Сакена и обещал сделать это после. Сообщив мне, что опала снята через кн. Орлова, посетители удалились. А как только они вышли, то невозможность сообщить принесенную ими новость бедному Гарри, его тяжелое состояние, ожидание дурного исхода, до такой степени потрясли меня, что я разразился слезами. Комбс стал меня уговаривать; актер Дюгэ, бывший тут же, подумал, что мне приказано вернуться во Францию, и все мы повесили носы, вместо того чтобы радоваться. Должен отдать справедливость Маркизу — в этом случае он оказал мне услугу не ради блеска, а из дружбы.

На другое утро Гарри стало лучше и у нас родилась надежда спасти его от страшной болезни, потому что у него была холера (cholera morbus).

В среду я должен был ужинать у Спиридовых, так как мать и две дочери собирались, на другой день, ехать в Москву. В десять часов вечера я вернулся посмотреть Гарри, обещав Спиридовым приехать завтра обедать и проститься с ними. Новость о моей реабилитации при дворе уже распространилась по городу; Спиридовы поздравили меня с такой простотой и наивностью, которая сохранилась только в провинции. Я был от нее в восторге. Особенно старшая Спиридова, которой, всего 16 лет, свежая как роза, наговорила мне любезностей и даже пропела вполголоса: «Какое счастье! Он прощен! Значит все мы прощены!.. И в особенности — я», добавила она шепотом. Ты понимаешь, мой друг, какое впечатление должны были произвести эти слова, сказанные молоденькой и хорошенькой девушкой потихоньку, на такого шалопая как твой брат! Я был тогда шалопаем в душе, мой друг, и стал бы им на деле, при случае… но… надо же быть нравственным.

Моей реабилитации недоставало однакож официального признания. Вечером я его получил, или, лучше сказать, получил Маркиз, в форме письма от Панина, уведомлявшего, что императрица дозволяет мне, по-прежнему, бывать при дворе.

На утро я отправился благодарить Орлова, Панина, Остермана и проч. Благодарность была необходима, но я постарался сократить мою благодарность, потому что, в сущности, мне только отдали должное. Бемеры дали мне знать, что кн. Орлов говорил обо мне с генералом Бауэром, и очень меня хвалил за благоразумие и деликатность. Бауэр, именно, и посоветовал ехать благодарить его.

Воскресенье, 23, было для меня великим днем — я вновь появился при дворе, хотя ты понимаешь, мой друг, что это не особенно великая милость. Я туда приехал вместе с Маркизом, получил множество поклонов — это единственные комплименты, которые я допускал, так как всякий раз когда собирались меня поздравлять, я переставал слушать. Вышла императрица, я поцеловал ее руку как обыкновенно, без всякой аффектации. Она видимо избегала моих взглядов, для того ли чтобы меня не сконфузить или для того чтобы самой не сконфузиться. Я потом узнал от Сакена, которому много обязан в этом деле, что в первый раз, когда Орлов заговорил обо мне с императрицей, она молча отвернулась и заговорила с кем-то другим. Всякий другой, на месте Орлова, не стал бы настаивать и даже изменил бы, может быть свое собственное мнение, но князь, напротив того, стал смотреть на нее с холодным вниманием, и с той настойчивостью, которую разум имеет право употреблять против слабости.

Такая твердость заставила императрицу вновь к нему обратиться, причем он вернулся к прежнему разговору и заставил ее сказать наконец: «Ну, пусть он вернется ко двору; теперь все забыто». А между тем она писала к Панину, спрашивая, не компрометирует ли ее такая снисходительность. Министр отвечал, что напротив, эта снисходительность сделает ей честь. Таким образом, дело мое благополучно кончилось[145].

Эту черту в характере кн. Орлова, тебе полезно знать, мой друг. Он откровенен, прямодушен, честен и обладает твердой волей. Если бы он обладал государственными знаниями, да постоянством, которое необходимо для общественного деятеля, так это был бы великий государственный человек, он спас бы Россию.

Вчера утром, мой друг, в 9 часов, я отправился к кн. Орлову. Он живет в огромном доме, на Мойке (Mocka), где и я живу. Кабинет князя был полон людьми, ожидающими его выхода. Это был настоящий двор, о котором у нас, в европейских странах, не имеют понятия. Наши министры и даже принцы крови принимают вполне одетые, и относятся к публике с уважением. А здесь азиатские нравы оставили еще за собою деспотическую небрежность, вследствие которой высокопоставленные люди обращаются с публикой довольно нахально. Князь вышел к нам из своей комнаты в халате, с растрепанными волосами и с длинной трубкой во рту. Все стали подходить и раскланиваться. Когда пришла моя очередь, то я сказал, что несколько раз уже заезжал к нему, но не заставал. Князь не дал мне договорить, взял за руку и сказал, что очень рад был исполнить мое желание и вперед просит пользоваться его услугами. Затем он сел в кресло, велел парикмахеру делать папильотки, а сам продолжал курить и разговаривать. Со мной он, однакож, говорил не долго. Спросив о некоторых общих знакомых, он приказал показать мне свою картинную галерею. Когда я проходил через толпу, все меня приветствовали — такую власть над людьми имеет фавор сильного человека! Осмотрев картины, среди которых есть хорошие, преимущественно фламандской школы, я вернулся опять к князю, простился с ним, и ушел очень довольный своим визитом. Орлов, в тот же вечер, уехал в Москву. Говорят, что он уже женат на своей кузине, Зиновьевой, и едет мириться с ее родителями.

Ужинал у Голициных, где Матюшкина рассказала мне в чем состоят оскорбления, нанесенные Андреем Разумовским Нелединской. Ты знаешь, что несмотря на свою связь с нею, он ухаживал за всеми женщинами, даже в ее присутствии. В день отъезда из Петербурга, он, вместе с Матюшкиной, ужинал у

Нелединской. За ужином последняя плакала, а он ел за троих и требовал, чтобы Матюшкина ехала провожать его до Екатерингофа, а когда та стала отговариваться, то он заявил, что поедет один, что он ни в ком не нуждается. Бедная Нелединская уже сама стала упрашивать Матюшкину ехать, чтобы и самой как-нибудь за ними увязаться. Наконец, выехали; Андрей не захотел в карете сесть рядом с Нелединской, а сел против Матюшкиной, которая попросила только довезти ее до дому. Перед тем как ей выходить, Разумовский залился слезами, стал целовать ее руки и говорить, что только с нею ему жаль расстаться, только она привязывает его к Петербургу, и проч. Можешь себе представить положение бедной Нелединской! Она его проводила, однако, до Екатерингофа. Признаюсь, я никогда не мог понять поведения Андрея в качестве любовника и волокиты: в первой роли ему не хватает порядочности, а во второй — ловкости. Но его ослепляет тщеславие, которое, я полагаю, служит главным двигателем его поступков. Надо надеяться, что годы, а также хорошее сердце, в которое я не перестаю верить, исправят его со временем и возвратят к естественности.

Пятница, 28. — К брату.

Обедал у Лобковича. Говорили о его заместителе, Каунице. «Это — фат», сказал мне, на ухо, сидевший рядом со мной Нессельроде; «он будет делать все глупости, какие ему прикажут». Потом я был у Бемеров, у Остермана, и наконец на придворном маскараде, где очень скучал.

Март

Понедельник, 3 марта. — К брату.

Давно не видал ни Щербатовых, ни Спиридовых, а сегодня обедал у последних. Молодая Спиридова показывала мне свои рисунки, которые очень недурны, если только действительно она их сама рисовала. Опять мне говорили об истории Брюля и Дугни, об их проектированной и несостоявшейся свадьбе. Спиридова видела дядю молодой девушки, который говорит, что Брюль приходил к нему и плакался на невозможность в данную минуту жениться на его племяннице, причем заявил, что готов сделать для нее все, чего можно ждать от него. Не понимаю я этой истории.

Вторник, 4. — К брату.

Сегодня обедал у Щербатова, с Архаровым, московским полицмейстером. Его приезд сюда вызывает толки. Некоторые

уверяют, что он будет любовником Императрицы.

Барон Строгонов, которого вы нам, шесть месяцев тому назад, прислали из Парижа, расшиб себе голову, при падении, и умер. Это был человек, по меньшей мере, бесполезный.

Пятница, 7. — К брату.

Сегодня писал к де-Верженну, мой друг, в ответ на его письмо, в котором он говорит о моих сношениях с Рабазоми. Я отвечал, что таковых никогда не было.

Был на придворном маскараде. Масса народу собралась, чтобы посмотреть испанскую кадриль из двенадцати пар, с великим князем и его женой во главе. Все были одеты в белое и голубое. Ничего особенного однакож; мне этот маскарад не понравился: стеснение и манерность, царствующие при Дворе, отняли у него всю прелесть. С полчаса пробыли мы у фрейлины Бауэр, помещение которой, по меблировке, напоминает квартиру уличной девицы — главным образом диваны и альковы. В половине первого я уехал.

Суббота, 12 апреля. — К брату.

Пишу тебе два слова, мой друг, только для того, чтоб уведомить о нашем переезде в другой дом. Завтра мы уже будем ночевать на Галерной, где у меня прекрасная квартира, которую я тебе потом опишу. Точно также скажу тебе тогда, почему молчал с 7 марта, а пока — прощай.

Воскресенье, 13. — К брату.

Я тебе обещал сказать, почему не писал целых пять недель. Сначала помешала карнавальная суета, а потом — нездоровье. Я простудился, а здесь ведь все болезни происходят от простуды.

Дело в том, что на первой неделе я катался с ледяных гор (partie de glisser) в Галерной гавани (Galler haven). Это — маленький городок в 3 верстах от Петербурга. Мы были на даче Ивана Чернышова, на дворе которой устроены прекрасные горы (glissoire?). Совершенно новое ощущение! Сначала быстрота движения пугает, а потом начинает нравиться. Стоял большой мороз; я был в шубе, да еще согрелся от движения, а потом должно быть и простудился. Дня через два начались боли во всем теле, с лихорадкою, а потом страшный кашель, который и теперь продолжается. Прощай, мой друг, ложусь спать впервые на новой квартире.

Понедельник, 14. — К брату.

Прекрасно выспался, но проснувшись подумал, что нахожусь

в Англии. Для того, чтобы ты мог понять как это случилось, опишу тебе мою келью. Она состоит из четырех комнат, из коих самую большую, в три окна, я отдал Гарри; рядом с нею находится моя спальня, в одно окно, выходящее на двор; перед спальней — небольшая приемная, из которой, через коридорчик, заставленный шкафами, я прохожу в свой кабинет, имеющий два окна на Неву — наш дом стоит на Галерной набережной. Так вот, из окон кабинета, я вижу почти одних только англичан, так как в нашем квартале живут преимущественно английские купцы.

Пятница, 18. — К брату.

На этих днях здесь окончился оригинальный процесс: умер некий граф Ефимовский, вдовец, имеющий двух дочерей, из коих одна замужем за гр. Минихом, а другая — фрейлина. Все его состояние перешло, по наследству, к этим дочерям. Между тем, месяцев через шесть после его смерти одна бывшая его любовница, крестьянка освобожденная дочерьми, начала против них процесс, доказывая что была замужем за покойным и имеет от него законного сына. Она выиграла этот процесс и завладела состоянием Ефимовского. Императрица которой делали представления по этому поводу, ничего не хочет слышать.

Суббота, 19. — К брату.

Поездка Гарри решена, мой друг, и я думаю, что она скоро состоится. Я сказал Маркизу что хочу послать де-Верженну подробную записку о положении России, и что я ему эту записку покажу. «Вы можете мне ее и не показывать, но хорошо сделаете, если напишете», отвечал он. Я хочу дать общий очерк нравственных и материальных ресурсов Российской Империи. Недостаточно обладать богатствами да солдатами, нужно еще иметь государственных людей, нужна национальная связь для того чтобы науки, искусства и добродетели процветали в стране. Прежде чем пустить в ход машину, нужно подумать о принципах, которые бы ею двигали. В центре Империи, мой друг, я вижу Монархиню, женщину, стоящую выше своего пола, но ниже своей репутации; а вокруг нее толпятся слабые, низкопоклонные и лишенные гениальности министры, да рабский народ, не обладающий ни энергией, ни характером. В результате — великие проекты и плохие планы для их выполнения. Заглядывая в будущее, я вижу Наследника престола, человека слабого, бесхарактерного, лишенного той высоты душевной и того жара, которые обусловливают сильную страсть и крупные таланты. Поверхностный ум при сильно развитом самолюбии заставит его в качестве монарха плохо выбирать людей, точно также как и

теперь он плохо выбирает лиц, облекаемых его доверием, да из кого же ему и выбрать способных, просвещенных министров? Ленивая, необразованная, тщеславная молодежь не обещает дать ему со временем толковых и надежных подданных. Несколько ярких проблесков ума, некоторые поверхностные знания в современном русском обществе могут броситься в глаза иностранцу, при первом взгляде на это общество, но при внимательном наблюдении в нем нельзя увидеть ни силы, ни гениальности, ни энергичных и определенных вкусов, никаких решительных действий, даже ничего постоянного и последовательного. Это — люди, которые, по словам Несельроде, носят прекрасные манжеты, но не имеют рубашек. Если вы будете искать в науках и художестве тех черт, которых недостает им в политической и общественной жизни, то и там ничего не найдете. Есть у них академии, но нет ученых, есть фабрики, но нет выдающихся фабрикантов. Вот что представляет собою, мой друг, эта блестящая, по газетным отзывам, нация, если заглянуть в ее сущность. Она бедна цивилизацией, но богата — конечно богата! — ресурсами: народонаселением, качеством почвы, рудами и проч. Если бы она не старалась казаться старше чем она есть, если бы не допускала необузданной роскоши, которая погубит ее тем вернее что предметов этой роскоши она сама не производит, то богатство послужило бы ей на пользу; а продолжая как начала она неминуемо должна сделаться данницей иностранных государств.

Вот об этом я и хочу написать де-Верженну, чтобы доказать ему, что не ограничиваюсь наблюдением только тех лиц, которые меня окружают, а начинаю глубоко понимать страну, с которой мне придется иметь дело, если обстоятельства поставят меня во главе посольства.

Понедельник, 28. — К брату.

Сегодня мы были на большом торжестве во Дворце. В ночь с субботы на Пасхальное воскресенье, в дворцовой церкви, совершается богослужение, а потому в это Воскресенье выхода не бывает. Но за то сегодня мы целовали руку Императрицы и Великой Княгини. Эта продолжительная церемония не исцелила моей простуды, так что я вернулся домой с сильной головной болью. Новых назначений не было, но их ждут в будущую пятницу, в день рождения Ее Величества.

Расскажу тебе гениальную мысль Бецкого. Кто-то сожалел о том, что у великой княгини до сих пор нет детей, и приписывал это слишком горячему ее темпераменту, так как вообще пылкие женщины начинают родить лишь тогда, когда похолодеют

немножко. Великий Бецкий, самым серьезным образом, тотчас же предложил непогрешимое средство против временного бесплодия великокняжеской четы: облить их холодной водою в самую горячую минуту. Ты примешь это за глупую шутку старого развратника, но если бы ты знал этого человека как я его знаю, то увидал бы, что это одна из черт его гениальности. И вот такой-то человек стоит во главе воспитательных учреждений России, заведует образованием юношества обоих полов, проводит ежедневно два часа в самом близком общении с Императрицей, так как состоит при ней чтецом!

С часу на час ждем вскрытия Невы. Запоздание его причиняет большие бедствия жителям столицы, потому что, несмотря на страшную опасность перехода по льду в это время, беспрестанно находятся люди, готовые пренебречь этой опасностью во имя веры в Николая Чудотворца, во имя которого и тонут беспрестанно. Я спросил: почему же не расставят сторожей по берегам реки, мне ответили, что это средство уже испробовано, но оно только увеличило число несчастий, так как простой народ, стараясь обмануть сторожей, переходит в самых опасных местах. Меня это не убедило; я думаю, что хорошей охраной и штрафами можно спасти очень многих от гибели. Да наконец нельзя ли завести какие-нибудь сети для спасения погибающих? Должно быть все эти средства слишком просты и принесут только невинную пользу, а мы хотим блеска, шума, славы: надо помнить, что мы живем в России и нами правит женщина!

Вторник, 29. — К брату.

Весна вносит некоторые изменения в состав нашего общества: уезжает кн. Лобкович, который будет заменен Кауницем; уезжает Сольмс, но только в отпуск. Лясси вернется только через три недели; нам его очень недостает для ремонта дипломатического корпуса. Ты, должно быть, видел его в Париже, говорят, он там был хорошо принят. Не знаю, говорил ли он обо мне с де-Верженном, но надеюсь на это, так как они были знакомы еще в Швеции[146]. Думаю, что могу узнать от него что-нибудь относительно настроения министра на мой счет.

Говорят, Нолькен будет отозван в июне; отъезд его не произведет особого впечатления, так как ни он, ни жена его никакой роли в обществе не играли, хотя м-м Нолькен и молода, и очень хороша. Один русский, на ужине у Голициных, сравнил ее со статуей Пигмалиона, до оживления.

При Дворе нового ничего нет. На будущей неделе Императрица едет в Царское Село, и не будет показываться в публике до июня, то есть до переезда в Петергоф. Слухи о войне

продолжаются; артиллерию перевозят отсюда в Киев, а из Киева не знаю куда-то на берега Черного Моря. Думают, что в конце концов произойдет открытый разрыв с турками, чего очень желает Австрийский Император, но о нем вам лучше знать, так как он теперь в Париже[147].

Среда, 30. — К брату.

Наконец, Нева вчера в 3 часа дня, разошлась. Комендант крепости, стоящий на том берегу, тотчас спустил шлюпку и отправился донести об этом Императрице. Во все время его переезда с крепости стреляли из пушек, а комендант получил, говорят, тысячу рублей.

Обедал я, с принцем де-Шимэ, у себя в кабинете, чтобы любоваться рекою. Несчастный принц постоянно хворает и вот уже пятьдесят девять дней как не выходит на воздух. Ему уже надоело лечиться; собирается ехать в Карлсбад, куда его посылают врачи, а оттуда тоже на воды, в окрестности Неаполя.

Ты знаешь, мой друг, что я рекомендовал ему секретаря, некоего Кюсси де-Маратрэ, но он им недоволен и с собою не возьмет. Маркиз желал бы навязать ему Сен-Поля, от которого старается почему-то отделаться. Он говорит мне по поводу разговоров относительно связи Сен-Поля с Шампаньало, но мне кажется, что разговоры эти уже прекратились. Я думаю, что маркиз просто не любил Сен-Поля за его лень, неаккуратность и чересчур свободные манеры. Надеюсь, что он не возьмет себе другого секретаря, если прогонит Сен-Поля — скупость тому помешает.

Июнь

Воскресенье, 1 июня. — К брату.

Вот уже месяц как я тебе ничего не писал, мой друг, и ты можешь упрекать меня в лености; но если бы ты знал, сколько, за этот месяц, совершилось интересных происшествий, как мало у меня оставалось времени на размышление, и в каком возбужденном состоянии я находился, то ты бы меня извинил. Я тебе расскажу все по порядку, и тогда ты увидишь насколько я виноват.

В пятницу, 2-го мая по нашему стилю, или 21 апр. по старому, при Дворе было празднество по поводу рождения Императрицы. Ей исполнилось 48 лет. Приложившись к ее руке, мы, согласно этикету, отправились поздравлять великого князя. Я ушел из Дворца одним из первых, и поехал к Бемерам. Мы с моей милой Шарлоттой покойно разговаривали, когда вошла старшая ее сестра, Каролина, и с испуганным видом сообщила, что согласно письму, которое она держала в руках, старик Бемер захворал во Дворце. Это меня удивило, так как я сам видел как он там читал газету, сидя у камина, в ожидании выхода Императрицы. Вся семья, конечно, перепугалась. Но испуг и горе несчастных женщин еще более усилилось, когда отца семьи привезли в карете, поддерживаемого солдатами. Сначала все сочли его мертвым, но я, выбежав на двор, тотчас же убедился, что он жив, а только поражен апоплексическим ударом, заставившим его упасть в одной из зал Дворца. Мы перенесли несчастного старика в его спальню. Он вообще был очень тяжел, толст и апоплексический удар угрожал ему уже давно. Но момент его перенесения был прямо ужасен; я никогда не видывал такой тяжелой, трогательной сцены: четыре женщины, в страшном горе, с плачем и рыданиями бегали по комнатам до тех пор пока больной не был уложен на кровать, когда все столпились вокруг него, стараясь так или иначе уменьшить его страдания.

Беда, однакож, оказалась далеко не так велика: старик мог говорить и сохранил свои умственные способности. Приехал Хюттель, а я, будучи приглашен на торжественный обед к вице-канцлеру, должен был уехать, так как уже пробило два часа. В четыре я опять вернулся к моим друзьям; старику пустили кровь, он чувствовал себя лучше и сидел в креслах, только правая рука оказалась парализованной, но он уже несколько времени перед тем чувствовал в ней тяжесть.

На другой день, у бедного Бемера, удар повторился, и даже с эпилептическими явлениями. С этого дня положение его стало

серьезным; надежда на полное поправление исчезла, и все заставляло опасаться смерти или чего-нибудь еще хуже. Периоды кажущегося улучшения делали положение бедных женщин еще более печальным, возбуждая в них бесплодную надежу. Вечером, в понедельник, однакоже, они убедились, что дело непоправимо. Я просидел с ними до часу ночи. Все четыре были в страшном горе. Предполагая, что больной не переживет ночи, и боясь тяжелого влияния последних его минут на семью, я пошел к Хюттелю и пробыл у него до трех часов, беспрестанно посылая к Бемерам справляться о положении больного. Так как все пока обстояло сравнительно благополучно, то в 3 часа я уехал домой, где до 6 часов писал, а потом заснул на софе. Проснувшись через полчаса, я опять отправился к Бемерам и застал их в надежде на улучшение. Несмотря на страшную усталость, они не хотели прилечь. Только в среду, в 7 часов вечера, эта трагедия кончилась, как я и ожидал, смертью старика Бемера. Я сделал, что мог, чтобы помешать им быть свидетельницами этой смерти, так как для больного это было не нужно — он задолго до того потерял сознание.

Похоронили Бемера в субботу, и я присутствовал при отпевании в протестантской церкви на Невском проспекте. Покойному было 54 года; вся семья жила его трудом — Бемеры не богаты. Он получал в Берлине 6000 германских экю за свой труд, испытанную честность и редкое знание дела. Императрица пригласила его работать над своим кодексом, и он приехал в Россию только после вопиющей несправедливости, испытанной в Берлине. Здесь он был вице-президентом юстиц-коллегии и получал две с чем-то тысячи рублей. Смерть его лишила семью всякого дохода, да еще остались кое-какие долги. Я, вместе с другими друзьями, помог им устроить дела: составил просьбу к Императрице и проч. Ее Величество приняла просьбу очень милостиво, но до сих пор ничего еще для семьи Бемеров не сделала, так что я начинаю за них бояться. Здесь ведь немного делают из чистой гуманности по требованию сердца, а все больше из-за тщеславия.

Связь Нелединской с Репниным кончилась. Нелединская променяла князя на Льва Разумовского, брата Андрея, и хорошо сделала, так как первому сорок с чем-то лет, а последнему — двадцать. Никаких колебаний быть не могло.

Отъезд Гарри задержался из-за противного ветра. Он уехал отсюда в Кронштадт еще 22 мая. Принц де-Шимэ — самый необыкновенный человек — сначала влюбился в моего лакея и хотел завести такого же, а при отъезде Гарри горько жаловался на то, что он избаловал всю прислугу. Этот бедный принц совсем не

имеет характера, всеми недоволен и претендует на какую-то особенную философию, которою не обладает. Он очень любит роль опекуна молоденьких актрис, которую играл в Париже и хотел играть здесь, но без успеха. Есть у нас одна актриса, некая Мишлэ, с которою Лев Разумовский был в связи. Как только узнал об этом де-Шимэ, так написал ей письмо, предлагая свои услуги и прося это письмо сжечь; а она отослала его к Разумовскому. Затем де-Шимэ отправился к Мишлэ сам, но не с тем, чтобы ее видеть, а, чтобы только поговорить с горничной, которую засыпал вопросами. Вообще он дает много пищи сплетням в этом городе, где иностранцев не щадят; уедет он отсюда пробыв слишком долго для того, чтобы оставить по себе хорошие воспоминания. Я узнал, что он долго выпрашивал себе Мангеймскую ленту, которую носит, и даже поссорился из-за этого с женой, упрекавшей его за мелкое тщеславие. А между тем он делает вид, что не придает ордену никакого значения, и принял его лишь потому, что не мог отказаться.

Граф Лясси уже пятнадцать дней как приехал, но он не привез мне ни одного письма от моей семьи, хотя отец и обещал прислать с ним многое.

На этих днях мне показывали портреты, писанные одним русским, Мятлевым (Miatelef). Недурно для русского. Этот Мятлев не глупый молодой человек. Мне говорили, что он фальшив, и этому можно поверить судя по его поступку с ген. Мелиссино, которого Мятлев старался поссорить с Кошелевым, лучшим его другом, потому только, что приревновал, так сказать, Мелиссино к последнему. Кошелев, между прочим, очень хорошо себя вел в этой истории и выказал прямоту характера, которая внушила мне уважение к нему.

Князь Потемкин собирается учредить в Петербурге и других городах школы для солдатских детей (corps des cadets), подготовляющие образованных унтер-офицеров, которых так не достает русской армии. Это очень хорошая мысль, так как русские солдаты не умеют ни читать, ни писать. Осуществить ее поручено генералу Мелиссино и я постараюсь добыть у него письменное ее изложение. Точно тоже хотел устроить и для казаков. Я хочу собрать все постановления Екатерины II.

В июне сюда приедет, на четырнадцать дней, Шведский король, и будет называться графом Готландским.

С неделю тому назад к нам прибыл некий шевалье де-Тейссоньер, человек очень достойный, рекомендованный де-Кастри[148], де-Бретейлем и другими, которые об нем хорошо отзываются. Этот человек, капитан в отставке, в 1774 г. путешествует пешком. Он прошел всю Германию, намеревается

обойти север, а затем вернется во Францию и вновь поступит на службу[149]. Был он и в Америке. Он не глуп и хороший наблюдатель, как кажется. Мне очень нравится ответ, который был им дан одному прусскому офицеру. Присутствуя на параде прусских войск, он на все вопросы об их эволюциях отвечал: «Очень хорошо!» Один офицер, подъехав к нему верхом (Тейссоньер стоял в толпе), насмешливо спросил: «Так вы, сударь, находите, что наши полки маршируют хорошо?» — «Да, очень хорошо» — «не так, как вы маршировали при Россбахе?» — «Да, не так, потому, что мы тогда маршировали так же, как вы, при Франкфурте-на-Одере». Этим ответом разговор покончился.

Кн. Лобкович уехал. Ждем гр. Кауница, который должен его заместить. Гаррис (Harris)[150] тоже должен скоро приехать; говорят, он очень милый человек.

У маркиза опять началась лихорадка. В Петербурге вообще много больных и особенно скарлатиной.

В среду, 28-го, я очень боялся за Гарри, так как в 10 часов вечера разразилась сильная буря, с громом и молнией. Не знаю, в каком месте моря находится теперь мой камердинер; не знаю даже в какой день он выехал из Кронштадта. Впрочем, один приезжий из этого города сообщил мне вчера, что там урагана не было.

Понедельник, 2. — К брату.

Предстоящее прибытие Шведского короля производит впечатление. Говорят, к нему назначили двух камергеров, и проч. А между тем он путешествует инкогнито. Императрица не очень довольна его визитом, так как это влечет за собою расходы, а наша старушка становится скуповата.

Вчера пришел в Петербург голландский, трехмачтовый корабль. Так как он является сюда впервые, то салютовал Адмиралтейству четырьмя выстрелами; ему отвечали тремя, а он потом отблагодарил еще одним.

Говорят о свадьбе княжны Трубецкой с молодым ливонцем, графом Менгденом (Mingden).

Ужинал у Щербатовых, говорили о морских приготовлениях в Кронштадте. Одни думают что это делается в честь приезда Шведского короля, а другие — что флот будет отправлен в Архипелаг.

Вторник, 3. — К брату.

Ездили гулять на Каменный остров — очаровательное местечко, принадлежащее великому князю. Он там выстроил, в лесу, большой танцовальный зал с несколькими другими

комнатами. Зал этот с большим вкусом убран пальмовыми деревьями, расставленными вдоль стен в разных кадках. По концам зала — четыре маленьких камина, с зеркалами. Вообще все очень красиво. Проведя там время очень приятно, мы вернулись, вечером, на шлюпке так же как и приехали.

Среда, 4. — К брату.

Я говорил тебе о семи военных кораблях, приготовляемых к плаванию; их будет всего шестнадцать, да четыре фрегата, да гильот с бомбами. Но это все ничего не значит — дело идет о простых эволюциях, как в прошлом году.

Спектакли наши отложены, не знаю, что из них выйдет. Нелединская нездорова, я ее вчера видел. Она меня упрекает за то, что я постоянно бываю у Бемеров, но ведь это мне не мешает посещать и моих русских друзей. Обедал у Спиридовых, они завтра выезжают на дачу.

Бедная Протасова, фрейлина императрицы[151], сошла с ума. Во всяком случае она страдает меланхолией. Некоторые думают, что это от любви к Орлову и ревности к Зиновьевой, на которой он женился.

Четверг, 5. — К брату.

Обедал сегодня вдвоем с маркизом. Здоровье его плохо и силы не возвращаются. После обеда был у Панина, у Ивана Чернышева и у баронессы Нолькен, которая, недавно, во второй раз выкинула. Затем я ездил гулять в Екатерингоф и ужинал у Голициных. Матюшкина была очень мила и красива; я сидел рядом с нею и мы много говорили. Она дала мне понять, что может быть выйдет замуж, но продолжает любить Мальтища и другого любовника себе не возьмет. Они уже давно любят друг друга; Матюшкина отказала многим женихам по этому поводу и думала даже оставаться в девицах до тех пор пока ее не отдадут за Мальтища. Родители, однакож, запретили ей и думать о нем; поэтому она хочет выйти замуж, для того чтобы потом жить с Мальтищем.

Понедельник, 9. — К брату.

Маркиз серьезно болен. Не успев избавиться от лихорадки, он вышел слишком рано, схватил колики, ему пустили кровь, но лихорадка вернулась и если она продолжится, то может выйти плохо. К счастию, его лечит превосходный доктор, англичанин Роджерсон, врач императрицы. В городе говорят что у маркиза гангрена в желудке; это одна из сплетен, которыми так богат Петербург.

Вернувшись, от Бемеров домой я застал у себя Комбса. Он мне рассказал очень забавную историю, которая может показаться невозможной для тех, кто не знает этой страны. Я не говорил тебе что в тот день, когда мы ездили на Каменный остров, императрица обедала на Невских островах (iles de Nevski), у Потемкина, в палатке, устроенной по казачьи. Этот фаворит, который теперь сильнее чем когда-либо и играет роль, подобную той, которую играла Помпадур в конце своей жизни, представил Ее Величеству некоего Зорича (Zoritz), гусарского майора, которого сделали подполковником и инспектором легкой кавалерии. Этот новый фаворит обедал тут же. Говорят, он получит 1800 душ крестьян за свой первый опыт! После обеда Потемкин, стоя на коленях, пил за здоровье императрицы. После обеда она, в более веселом расположении духа (говорят, что старушка подвыпила) отправилась на Фарфоровый завод. А там, в это время, в одной из мастерских был новоприбывший француз, который не успел еще представить императрице своих рабочих и потому спрятался от нее в какую-то комнату, из которой, сквозь раскрывшую дверь, видел Ее Величество и слышал следующий разговор. Какой-то князь, судя по описанию — Репнин, взял не успевший еще затвердеть сосуд, сплющил его в руках, чтобы сделать отверстие овальным, поднес к императрице, в присутствии фрейлин и спросил: «на что это похоже?» Императрица сейчас же ответила: «на три вещи: на ночной горшок, на колпак и на 24. 99 330. 30. 50. 11. 60. 30»[152]. Затем повернувшись она прибавила потише но все же довольно внятно: «76. 60 300. 81. 68. 66. 95. 99». Французский рабочий, отделывавший сосуд, взял его обратно и спросил как с ним поступить. «Как прикажете, Ваше Величество?» — спросил тот же князь. «Ну — отвечала императрица — раз он сделал 300. 30. 5. 11. 60. 30, то остается только сделать 300. 30. 18. 64. 81». Все расхохотались, но, конечно, не привели этого в исполнение. Француз, слышавший разговор, передал его Комбсу, а Комбс — мне. Не знаю посоветовал ли ему Комбс держать язык за зубами, но желаю чтобы так было, а то ведь немудрено и в Сибирь прогуляться. Я тебе рассказываю эту историю по секрету, в своем дневнике, который ты прочтешь только вместе со мною.

Четверг, 12. — К брату.

Сегодня был у меня барон Гейкинг. Он поступил на русскую службу, майором 1 Кирасирского полка. Этим путем он думает вознаградить себя за лишение старосты в Курляндии. Он хочет, между прочим, заняться торговлей и удовлетворить свою любознательность путешествиями. Если это не удастся, то он

выпросит себе назначение каноником в Германии, где и будет жить на покое, развиваясь и работая для своего образования. Проект очень похвальный; я его одобрил. Затем я прочел Гейкингу некоторые места из моего дневника, которые так ему понравились, что он сам теперь хочет писать дневник. Уезжая в свой полк, он обещал сообщить мне заметки о Польше. Гейкинг не глуп, многое знает и я очень буду рад вступить с ним в сношения.

Шведского короля ждут сегодня или завтра.

Пятница, 13. — К брату.

Маркиз продолжает хворать. По вечерам у него лихорадка, хотя и не очень сильная, но все-таки изнурительная. Он худеет и бледнеет.

Шведский король прислал курьера уведомить, что противный ветер задерживает его прибытие.

Обедал у Бемеров и встретил там итальянца, маркиза Кавалькадо, который был русским поверенным на Мальте. Этот сорокалетний человек кажется очень порядочным и разумным. Как и у всех итальянцев, у него страсть к картинам; он даже сюда привез одну, не с собою, так как не хотел подвергать ее риску морского путешествия, а сухим путем. Один купец давал ему за нее тысячу дукатов, а король прусский — даже 2000 германских пистолей, то есть 40 000 франков, а Кавалькадо все-таки не продал. Ни климата, ни общества, ни женщин Мальты он не хвалит.

Суббота, 14. — К брату.

Утро прошло у меня с пользой, мой друг, так как мне выпал случай оказать услугу хорошему человеку и я, может быть, успею в этом.

В течение последних двух месяцев моего пребывания в Париже, меня осаждали просьбами лица, имеющие какие-нибудь дела в России. По приезде в Петербург, я поручил работу об этих делах нашему консулу, Лессепсу. Консул, весьма глупый человек, ничего по ним не сделал, и я, после многих бесплодных хлопот, в виду плохой репутации французов, должен был оставить эти дела без всякого движения. Случай привел ко мне одного актера, некоего Добекура. У этого Добекура есть старый процесс с Дэмарэ, которого я знаю за негодяя; он даже бежал отсюда, будучи подозреваем в подделке таможенной печати. Между тем Добекур — друг Перро, и принес мне письмо от него. Я выслушал его дело, вполне справедливое, и обещал помочь.

Между прочим, Добекур рассказал мне о жестокостях и

гадостях, совершаемых директором театра, Елагиным, который, с прирожденной глупостью и злостью, соединяет слепое отвращение к французам, проявляющееся всякого рода несправедливостями, что и служит помехой к улучшению здешней, никуда негодной, французской труппы. Этот Елагин не имеет никакого понятия о деле, а между тем во все вмешивается. Императрица ясно видит его неспособность и хотела дать ему другое место, но он упросил Ее Величество оставить его директором театра, так как очень любит это дело. Удивительно, мой друг, до какой степени Императрица подчиняется капризам этого человека! Был здесь французский актер, Дельпи, прекрасно игравший лакеев и очень нравившийся Государыне. Елагин, не испросив ее разрешения, прогоняет этого актера; месяца два спустя, Императрица справляется об нем и остается очень недовольна самоуправством Елагина, а все-таки не решается сменить его, да и никогда не решится. Я подозреваю, что доверие к нему опирается на 14. 24. 11 200 300. 66. 68. 66. 38. 24. 80. 66.

Обедал у Бильо, чтобы поговорить об одном деле, но должно быть придется побывать у нее еще раз по тому же делу. Состоит оно вот в чем: есть здесь француз Готье, очень хороший человек, перенесший много бедствий, и между прочим пожар трактира, который он держал на Каменном Острове. Этот Готье собирался вернуться во Францию, чтобы занять место метрдотеля при аббате де-Бурбонэ, но Бильо помешала, обещав устроить его здесь. И действительно, она успела собрать в его пользу, между русскими, пятьсот рублей. Теперь она поручила мне вытянуть сколько-нибудь у Маркиза; но ты знаешь, мой друг, что это дело не легкое. Я попробовал взяться за де-Шимэ, с которым все можно сделать подстрекая его тщеславие. Он просил сказать ему когда придет Готье; из этого я заключаю, что он что-нибудь сделает.

Г-жа Рибас больна, вследствие трудных родов. А иные говорят, что у нее была жестокая сцена с братом, по поводу их матери. Эту историю приходится начать издалека.

Происхождение г-жи Рибас всем здесь известно, хотя одни думают, что она дочь Бецкого, другие — что она его любовница, и это последнее вероятнее. Хотя легко может быть, что она имеет право на оба эти почетные титула: в России все возможно, и Бецкий не лучше других. Факт тот, что отцом г-жи Рибас слывет казак, женившийся на бедной француженке, дочерью которой и является Анастасия, которая сама уже теперь не молода. Два года спустя после свадьбы чета ее родителей поступила на службу к Бецкому, отец — конюхом, а мать — служанкой. Анастасия родилась и воспитывалась в его доме. Воспитание ей было дано не соответствующее положению. Закончилось оно в Париже, под

руководством м-ель Клэрон, причем воспитанница набралась резкого, решительного, даже рыночного тона, который многими считается доказательством ума, а мне всегда казался очень дурным. По возвращении в Россию Бецкий поместил ее камеристкой к Ее Величеству, где она пользовалась таким доверием, какое только может быть оказано горничной. Бецкий, заменивший ей отца, и которому она, по словам многих, заменяла нечто другое чем дочь, очень за нею ухаживал уже в виду того, что через нее можно было влиять на Императрицу. Сама Настя предпочитала слыть незаконной дочерью незаконного сына, и отказывалась от родства с бедным конюхом и его женой, служанкой. Рибас, смесь итальянца, испанца и ирландца, хитрый, фальшивый, самолюбивый, беспринципный и ничем не стесняющийся, стал низкопоклонничать перед Бецким, доставившим ему место в Кадетском корпусе (где он завел карточную игру, шпионство и содомию), и начал ухаживать за Настей, думая что за ней будет много приданого. Будучи молод и довольно красив, он без особого труда покорил сердце горничной Императрицы, тем более что они сходились по наклонностям, характеру и стремлению обобрать Бецкого. Но их тщеславие возмущалось тем, что мать одной и теща другого состояла на положении служанки в том самом доме, где они являлись хозяевами. Так как муж матери г-жи Рибас давно умер, то решено было удалить эту мать из дома, дав ей небольшую сумму денег, не как матери, а как прислуге, прогоняемой за ненадобностью. Купили ей маленький деревянный домик, и дали триста рублей, запретив показываться на глаза. После этого, г-жа Рибас стала уже открыто говорить, что она — дочь Бецкого. Выселение бедной старушки доставило последней много горя, тем более что ей угрожала нищета, так как трехсот рублей ей не выплатили. Надо заметить, что кроме Насти у нее было еще два сына, из коих один служил в таможне и не нуждался, но другой — лакей великого князя, уволенный по смерти первой его жены — находился в это время без места и жил, с большой семьей, на счет матери и брата-таможенного. Однажды, когда последний был в гостях у матери, она сообщила ему, что Рибасы не отдают условленных трехсот рублей, под тем предлогом, что у них нет денег. Тогда взбешенный брат бежит к Рибасам и делает сестре страшную сцену. Вот эта-то сцена, вместе с опасениями упустить Бецкого, в виду его страсти к Алышевой, и была причиною болезни г-жи Рибас. Я даже думаю, мой друг, что вторая причина была главною, так как грязные души более страдают от нарушения их материальных расчетов чем от сердечных ран.

Ты знаешь, мой друг, что Бильо вообще много болтает; но я

этим пользуюсь, так как она хорошо знает здешнее общество: от нее всегда можно узнать какие-нибудь секреты и меня это забавляет. Сегодня утром она была у Ивана Чернышова, по делу Готье; князь готов хлопотать за него. Но на это есть тайная причина, которую я тебе сейчас объясню.

Готье пользовался покровительством Великого Князя, который его, собственно говоря, и водворил здесь, заставив предпочесть содержание трактира на Каменном Острове месту у аббата де-Бурбон. Граф Панин понял, что отъезд Готье в Париж может повредить репутации Великого Князя, который мог бы допустить этот отъезд благодаря влиянию некоего Бофура, врага Готье. Решено, поэтому, задержать Готье, для чего Панин уговорил Репнина предложить ему место, но Готье отказался. Тогда Иван Чернышов взялся устроить его судьбу, и на этот раз дело будет сделано.

Кстати, по поводу Чернышовых. Бильо мне рассказала следующую легенду, всем здесь известную: Когда умирала их мать, любимица Императрицы Елизаветы, то она позвала всех трех своих сыновей, Петра, Ивана и Захара, разорвала на три части фланелевую кофту, которую долго носила, разделила им клочки и сказала: вот вам самое дорогое от меня наследство; я носила эту кофту все то время, когда была в милости; сохраните ее кусочки. Они принесут вам счастье. Два передних куска достались, при этом, Ивану и Захару, а задний — Петру. Первые двое действительно были очень счастливы, а Петр умер от пьянства.

Воскресенье, 15. — К брату.

Сегодня был в Куртое в летнем саду, или лучше сказать в летнем дворце. Императрица приехала из Царского Села на праздник Измайловского полка. В этот день она носит мундир полка, обедает вместе с офицерами и сама наливает им вино.

После церемонии целования руки, и после того, как Императрице представили молодого графа Потоцкого[153] и какого-то англичанина, имя которого я позабыл, она дала отдельную аудиенцию новому австрийскому послу, гр. Кауницу, сменившему Лобковича. Этот наш новый коллега молод, подвижен, мал ростом, но, говорят, очень богат и любит пожить. Отец его, канцлер в Вене, дал ему тридцать тысяч рублей на обзаведение. Говорят, он очень умен.

Из дворца я вернулся с гр. Нессельроде, который обедал у маркиза. Он уверяет, что кн. Белозерский отзывается из Дрездена и больше туда не поедет, потому что очень задолжал и вообще имеет там какие-то грязные, денежные дела. Нессельроде узнал

это от какого-то бригадира.

Маркиз при Дворе не был в виду своей болезни. Он спрашивал у Комбса, целовал ли я руку у Императрицы и справлялась ли она о его здоровье. На первый вопрос Комбс отвечал утвердительно, а на второй отозвался незнанием, что очень огорчило Маркиза.

После обеда было обычное катанье в Екатерингоф, через который, возвращаясь в Царское Село, проехала и Императрица. Народу было множество.

Король Шведский, иначе — гр. Готланд, приехал сегодня в 10 часов утра. Галера его стоит против наших окон; в ней нет ничего особенного. Сам Король сошел с нее в Ораниенбауме и приехал оттуда, с Нолькеном, в карете. Вечером он отправился в Царское Село.

Был у гр. Брюля, который, вот уже два дня, хворает, но теперь ему лучше. Я у него справлялся зачем сюда приехал молодой Потоцкий: оказалось — просить староства в Польше. Этот молодой человек довольно красив по внешности, но, говорят, большой фат. Да и очень он еще молод. Проживет он здесь недель шесть — не знает, очевидно, что в такое короткое время здесь ничего нельзя добиться. Но отец выдал ему 1600 дукатов на эту поездку.

Часа два провел в Екатерингофе, у бар. Гейкинга. Он скоро едет в Варшаву и вернется только зимой. По его словам, Дэболи[154] происходит из очень хорошей польской фамилии и вообще человек весьма порядочный. Обо мне он говорил, что плохо меня знает, что я, по слухам, очень общителен, но что по личному опыту он этого сказать не может, так как в обществе товарищей по дипломатическому корпусу я бываю редко. Я понял, что это значит и побываю у Деболи, который, по словам Гейкинга, посвящен во все здешние интриги. Очень может быть; но ты знаешь, какую цену я придаю подпольной политике. Я не из-за этого к нему поеду; я хочу побывать у Деболи, чтобы он не думал, что я его избегаю появляясь в тех кружках, где он не бывает, и которым я сам не придаю особого значения.

Ужинал у Голицыных; было много народа. Я хотел предложить руку княжне Трубецкой и сесть за стол рядом с нею, но гр. Сергей Румянцов отбил у меня ее. Думаю, что его послала тетка княжны, Барятинская, которая не любит, чтобы я говорил с ее племянницей.

Вторник, 17. — К брату.

Ужинал у Щербатовых и узнал там новую историю про нашего аббата Дефоржа.

У Щербатовых уже десять или двенадцать лет живет аббат де-Л'Иль (de l'Isle), очень хороший человек, весьма знающий, прекрасно воспитавший их детей и служивший капелланом (aumonier) у князя Лобковича, пока тот был здесь. Этот аббат заболевает; наш Дефорж, очень любящий исповедывать, идет к нему, предлагает свои услуги, ухаживает и проч., а потом говорит одному из друзей де-Л'Иля, что последний очень плох, что ему бы надо было привести в порядок свои дела, исповедоваться, приобщиться, но что едва ли в Петербурге найдется священник, которому можно бы было поручить все это, а потому он предлагает себя. Друг де-Л'Иля ничего не ответил, но передал слова Дефоржа самому больному. На другой день этот последний заявляет Дефоржу, что сам знает, к кому обратиться, что не любит людей, которые набрасывают тень на лиц, им мало известных, и что просит Дефоржа впредь его не посещать. Несмотря на эту горькую пилюлю, Дефорж через день опять является. Тогда больной ему говорит: «Должно быть, у вас очень мало самолюбия, если вы решаетесь приходить туда, откуда вас только что попросили удалиться!» А подкладка всей этой истории та, что Дефоржу хотелось получить наследство от де-Л'Иля.

Четверг, 19. — К брату.

Обедал у маркиза и рано ушел, чтобы сделать визит г. Франку (Franc), первому секретарю шведского министерства иностранных дел, который вчера расписался у меня. Был также у Панина, которого застал за интимным разговором с гр. Шуваловым, уезжающим на этих днях за границу. Говорят, что шведский король принял его в Царском Селе очень хорошо, несмотря на его поведение в Швеции.

Узнал, что Завадовский, бывший второстепенным фаворитом Екатерины II, получил от Ее Величества 50 000 р. единовременно, 5000 р. пенсии и 4000 душ на Украине. Согласись, мой друг, что ремесло фаворита здесь небезвыгодно[155]. Недавно он получил ленту, и дал при этом понять, что состояние его слишком недостаточно, чтобы с честью поддерживать свое положение. Намек этот был понят. Не понимаю, мой друг, каким образом шкатулка Императрицы выдерживает такие расходы. Еще недавно Ее Величество дала 30 000 р. новгородскому губернатору Сиверсу на уплату долгов, да говорят, что он еще получит столько же.

Вчера в Царском Селе, в присутствии шведского короля, состоялась свадьба княжны Белозерской с Салтыковым. Завтра или послезавтра Алымова выходит замуж за президента Медицинской Коллегии Режновского (Rejnoski?).

Шведский король всем здесь нравится, так как очень любезен.

Инкогнито дозволяет ему заменить королевское величие приветливостью частного человека. Два дня тому назад он был у Ивана Чернышова вместе с Нолькеном, который очень близорук. Не расслышав какой-то фразы, сказанной княгинею, Нолькен попросил ее повторить; тогда граф Готланд сказал шутя: «Король шведский прислал к вам посла, сударыня, который, как кажется, и глух, и слеп». Шутка монарха всем очень понравилась и над ней много смеялись. Очень желаю узнать его покороче, мой друг, потому что людям в его положении редко и с большим трудом удается быть добрыми. Думаю, что завтра буду ему представлен.

Пятница, 20. — К брату.

Нам следовало сегодня представляться шведскому королю; он вернулся из Царского Села после обеда, и пока мы ждали известий, когда ему будет угодно нас принять, он сам, вместе с Нолькеном, приехал к маркизу и пробыл с четверть часа. Маркиз говорит, что король был очень любезен, заявил, что в качестве графа Готланда считал долгом сделать первый визит, а когда ему заметили, что этот долг фиктивный, то он ответил: «Раз план составлен, то надо его выполнить, тем более, что передо мною великий пример, которому я должен следовать». Под этим великим примером он подразумевал, вероятно, императора австрийского, путешествующего с величайшей простотою.

В нашем домашнем обиходе беспрестанные перемены. Благодаря скупости маркиза и интригам аббата, многие уже от нас ушли. Последний больше чем когда-либо оправдывает мои подозрения: это лжец и грязный интриган. Теперь его жертвою сделался Сен-Поль. Это двадцати-двухлетний молодой человек, вполне порядочный, не лишенный ни ума, ни образования, ни сердца. Ему можно сделать упрек только в лени и недостатке характера — пороках очень важных, конечно, для его будущей карьеры, но вполне исцелимых в его возрасте. Я убежден даже, что Сен-Поль, при своем уме, порядочности и тех наклонностях, которые я в нем заметил, со временем совсем исправится и будет прекрасным человеком. А теперь он от нас уходит благодаря интригам аббата, который никогда его не любил. Маркиз сам не знает, за что гонит его, а в сущности только за то, что так угодно Дефоржу, забравшему маркиза в руки. Я боюсь, мой друг, за последствия такой слабости маркиза; как бы ему не пришлось каяться в том, что он позволил управлять собой Тартюфу, влияние которого опирается на лесть и низкие услуги, оказываемые чисто из выгоды, а не из преданности маркизу. В разговорах с посторонними лицами аббат не щадит последнего.

Король шведский ужинал сегодня у Ивана Чернышева;

присутствовало десять женщин и двадцать мужчин. А я ужинал у Бемеров, вместе с майором Перрэ. Он вышел из Кадетского Корпуса благодаря интригам, которых здесь больше чем где-либо. Я тебе расскажу, в кратких словах, его историю.

В конце 1775 года, Перрэ, вернувшись из Крыма, где он с честью дрался в рядах русских войск, был представлен Рибасом Бецкому и получил место майора в Кадетском Корпусе. Спустя год, Рибас, будучи негодяем и боясь Перрэ, как честного человека, задумал от него избавиться и успел склонить к тому Бецкого. Затруднение состояло только в том, чтобы найти благовидный предлог. Предложить Перрэ выйти в отставку добровольно, причем Бецкий обещал ему чин полковника или значительное вознаграждение. Перрэ принял эти условия и ждал их выполнения, но ему дали понять, что прежде следует подать в отставку; он не согласился, и тогда, несмотря на его качества, на беспорочное поведение, был, без всякой церемонии, выгнан. Ты понимаешь, мой друг, что помириться с этим он не мог. Он подал Военному Министру, кн. Потемкину, мемуар, в котором, требуя справедливости, рассказывает обо всех темных делах Рибаса и прилагает письмо последнего, написанное перед выпуском кадет первого класса. В этом письме Рибас открыто признался, что учил кадет «пускать пыль в глаза». Письмо это должно произвести неблагоприятное для Рибаса впечатление, да так следует, потому что, за уходом Перрэ, этот низкий, грязный, фальшивый игрок, развратник и мерзавец остался единственным майором кадет, единственным распорядителем их воспитания. Ты можешь судить, мой друг, до какой степени это несправедливо. Безобразия, производимые Рибасом в Кадетском Корпусе, известны всем, и я знаю многих лиц из учительского персонала, которые не захотели там оставаться в виду этих безобразий.

Доброй ночи, мой друг. Ты удивишься, вероятно, прочитав то, что мною написано. Большая разница судить на основании слухов и быть очевидцем. Если верить газетчикам, состоящим на жалованьи, то можно прийти в восторг, а присмотрись поближе и придешь, пожалуй, в отчаяние.

Суббота, 21. — К брату.

Наше представление Шведскому Королю отложено на завтра. Сегодня он обедает на даче у обер-шталмейстера Нарышкина, вместе с Императрицей, Великим Князем и Великой Княгиней, Ее Величество прекрасно к нему относится. Недавно она спросила долго ли он у нее прогостит; «сколько можно дольше и все-таки не так долго как бы хотел», отвечал король. Затем, после разных любезностей, он сказал, что останется на три недели. «А я думала

что вы мне подарите два месяца», сказала Императрица. — «Это невозможно, сказал король, и вы сами не похвалили бы меня если б я остался дольше». В лицо Императрица всегда называет его Вашим Величеством, но за глаза — графом Готландом. Король очень мило и весело выдерживает свою роль. Несколько дней тому назад, садясь играть в вист с Императрицей, он вынул короля. «Вашему Величеству выбирать место», сказала Императрица. «Моему трефовому величеству», отвечал король смеясь и показывая свою карту. Эти маленькие шуточки, мой друг, устраняют невыносимую натянутость, водворяющуюся там, где сходятся два величества вместе. Русских король очаровывает своей вежливостью, многие думают, что он приехал сюда не даром. Мне рассказывали что недавно, за одним интимном ужином, когда речь зашла о Шведском Короле, то многие говорили: «Он приехал сюда посмотреть, нельзя ли чего-нибудь отнять у нас. Да и хорошо бы было — мы не были бы в претензии, потому что этот Государь лучше нашей Императрицы». Правда, эти слова, были ли они сказаны или нет, принадлежат скорей ливонцам чем русским, но я передаю тебе что слышал, и ты сам знаешь в какой мере можно верить слухам. Но тем не менее уверяют, что король приехал сюда не без цели. Маркиз, под большим секретом, сказал мне, что король желает сгладить некоторые недоразумения возникшие между ним и Императрицею, но я не верю, чтоб из-за такой ничтожной причины можно было предпринимать целые путешествия. Политический опыт маркиза не велик, мой друг, а соображения у него еще меньше; потому то и на его суждения не особенно и полагаюсь.

Говорят, что кн. Орлов действительно женат. Свадьба состоялась, будто бы, в прошлый понедельник, в деревне. Князь задал праздник крестьянам, угостил их, дал каждому по рублю и сказал: «Веселитесь, ребята, сколько можете и все-таки не будете так счастливы как я: у меня теперь есть княгиня». Способ, которым он сообщил Императрице о своей женитьбе, весьма оригинален и вполне в его характере. Говорят он вполне развязно вошел в ее кабинет, с прехорошенькой маленькой собачкой. «Чья такая собачка?» спросила Императрица. — «Моей жены», покойно отвечал Орлов. Эта странная манера сообщить Государыне о своей женитьбе, вполне соответствует характеру князя, вся жизнь которого выходит из ряда обыкновенных. Некоторые русские осуждают его, но рано или поздно будут хвалить, потому что этот народ не имеет твердых и прочных убеждений. Делают вид, что вся нация оскорблена поступком Орлова, и что в Москву он не осмелится показаться. Но я этого не думаю. Кроме того шведский

король, говорят, будет просить у Императрицы прощения супругам, она простит, а за нею простит Синод, и новоявленная княгиня Орлова будет сделана статс-дамой и получит ленту ордена Св. Екатерины.

Я говорил тебе, мой друг, об отставке Завадовского, получившего 5000 р. единовременно, 5000 р. пенсии, 4000 душ, серебряную посуду и 4000 р. на уплату долгов, а между тем этот идиот, говорит, рвет на себе волосы с досады — недоволен!

С другим бывшим фаворитом, Васильчиковым, также хорошо обошлись. Три недели тому назад, собирались ехать за границу, он откланялся Императрице, которая тотчас же написала Панину, чтобы он повидался с Васильчиковым и спросил, что тот желает получить от нее в знак дружбы, чин или орден? Васильчиков отвечал Панину, что поговорит с Императрицей лично, а она, при новом свидании, дала ему анненскую ленту и повысила на два чина сразу. Можно ли делать добро другим в более деликатной форме? Женщины вообще отличаются таким талантом, а Екатерина II — в особенности.

Сомневаюсь, чтобы ее сын и невестка унаследовали от нее этот редкий талант. Говорят, великий князь ужасно конфузился перед шведским королем, а жена его, не будучи особенно умной женщиной, постоянно вертится около высокого гостя и говорит ему пошлые фразы, в роде: как вы себя здесь чувствуете, граф? Не вредит ли вам здешний климат? и т. п.

Говорил ли я тебе, что у Императрицы пять новых адъютантов: Зарич, Левашов[156], Уваров, кн. Меньшиков[157] и Энгельгард[158]?. Производить в адъютанта стоит не так дорого, как давать отставку фаворитам. Эти отставки, должно быть, не очень нравятся великому князю, который, говорят, всегда нуждается в деньгах, так как мать дает ему очень мало.

Воскресенье, 22. — К брату.

Наконец, сегодня в четыре часа, граф Готланд примет нас наверно. Это расстраивает мои планы: я собирался обедать и ужинать на даче, у Голициной, вместе со Львом Разумовским и Нессельроде. Обещал постараться. Гр. Лев поссорился с де-Шимэ и с Нелединской. Она наверное беременна, благодаря Репнину. Жаль мне эту бедную женщину, которая состоит на положении девицы, так как муж ее… плох. Что касается ее здоровья, то после родов она окончательно поправится или погибнет.

Обедал дома. После обеда прочел де-Шимэ печатное послание Лэнге (Linguet) к де-Верженну, очень зло написанное. Де-Шимэ скоро едет. Перед отъездом он обещал поговорить с Деформжем о Сен-Поле. Но слабость маркиза меня положительно

возмущает! Расскажу тебе еще одну скверную историю про него.

В числе нашей прислуги был некий Фенэн (Fenin), француз, служивший прежде садовником у Захара Чернышова. Приняв его тоже на должность садовника, маркиз требовал, чтобы он, в торжественные дни, наряду с другими служителями, надевал парадную ливрею. Сначала и вся его служба только в том состояла, но впоследствии, когда мы прогнали одного лакея, он исполнял обязанности последнего. Когда маркиз решил уволить и его, то Фенэн отказался возвратить ливрею, ссылаясь на то, что ему не уплачено за манжеты, букли и шелковые чулки, которые он завел, не имея в том надобности, так как был приглашен на должность садовника, а не лакея. Ливрею эту он даже передал полиции, как залог за неуплаченные ему деньги. А когда маркиз стал настойчиво ее требовать, то этот Фенэн явился к нему и представил письмо, наполненное самой оскорбительной бранью, упреками в скупости, мелочности и проч. Маркиз, конечно, разорвал это письмо и бросил его в лицо нахалу, приказав немедленно убираться вон. Фенэн прехладнокровно собрал кусочки письма, положил их в карман и пошел показывать всем желающим, так что я узнал эту историю от посторонних. Ливрею пришлось выкупить от полиции, заплатив 50 рублей. Таким образом, за свое скряжничество и мелочность маркиз заплатил, в данном случае, не только деньгами, но и грязной сценой, которая, к несчастью, стала всем известна. Вот что значит плохо поставить свой дом, нанимая, из-за дешевизны, плохих людей, которые только шпионят за хозяином и никакой привязанности к нему иметь не могут. Я не могу упрекать себя в индифферентизме, так как часто доказывал маркизу необходимость относиться к прислуге иначе. А к чему это послужило?

Ровно в четыре часа мы с маркизом были в Летнем дворце, у графа Готланда, вместе со многими другими, представлявшимися его величеству. Он отличается благородной и величественной внешностью. После представления мы осматривали дворец и прилегающие к нему цветники, которые нашли очаровательными, а затем вышли в Летний сад, в котором набралась большая толпа народа. Граф Вахмейстер, состоящий, в качестве камергера, при особе короля, сказал мне, что последний спрашивал у него вчера, в каком родстве я нахожусь с де-Верженном. А маркиз, по своему обыкновению, опять меня не представил. Увы! Он неисправим. Но я не могу обижаться его неловкостями по отношению ко мне, так как он неловок и во всем, что касается его самого.

Представление королю изменило мои планы на этот день. Вернувшись домой в $7^1/_4$ часов, я успел только переодеться и

поехал к Спиридовым, за 12 верст. У них там прехорошенький деревянный домик, с садиком и огородом, но к этой усадьбе принадлежит большое пространство земли, с которой они получают около 1000 р. дохода, тогда как, при покупке, вся она стоила 4000.

Спиридова говорит, что Орлов несомненно женат. Две дочери, которых он имеет, от Зиновьевой, теперь узаконены. Над Зиновьевой венец держал ее брат, а над Орловым — ординарец, простой солдат. Рассказ о собачке не верен. Спиридова, которая была в этот день дежурною, говорит, что Императрица давно знала, что эта собачка принадлежит Зиновьевой, а потому ничего об ней и не спрашивала. Она только рассказала Орлову свой сон, и спросила его, что он видел во сне, а Орлов отвечал: «Я видел, что я женился». Императрица сказала, что не ожидала такого ответа. Но верно ли все это, мой друг? Не могу ручаться, хотя и слышал от людей, близких к Императрице.

Говорят, что Олсуфьева бежала, два дня тому назад, со своим возлюбленным, камер-юнкером, кн. Голициным, взявшим заграничный отпуск. Они двоюродные между собою и потому не могут обвенчаться, но Голицин говорит, что женится, во что бы то ни стало, а это можно сделать только за границей.

Понедельник, 23. — К брату.

Трудно маркизу поправиться; его мучат последствия лихорадки: боли в желудке и общее недомогание, которое мешает выздоровлению. Здоровье де-Шимэ тоже не вполне восстановилось, но он все-таки решил уехать.

Был у графа Лясси, который принял меня очень хорошо. Говорили о де-Верженне, кредит которого, по словам графа, растет. Затем перешли к пяти новым адъютантам императрицы. Говорят, что их выбирал Потемкин, чтобы доставить удовольствие ее величеству. Вот трогательная заботливость!

Заезжал с визитом к Зиновьевой, брат которой тоже адъютант, но не застал их дома, а встретился с Леруа, который дал мне мемуар о финансах России, написанный кажется Бахманом, для графа Герца (Goertz)[159].

Вторник, 24. — К брату.

Дела становятся интересными, мой друг: гр. Панин выходит в отставку, и говоря с кем-то о своих бесплодных попытках, сказал: «Погодите, дела не могут оставаться в таком положении». И действительно, при дворе все недовольны. Великий князь, у которого нет денег, со злобою смотрит на безумную щедрость матери к ее фаворитам. Его полк готов произвести

государственный переворот, но для того, чтобы задумать и выполнить этот переворот нужен человек, обладающий хорошей головою. Один только кн. Репнин годился бы на это дело — он тоже очень недоволен. Мы будем смотреть на происходящие без особенного интереса, потому что я недостаточно политик, чтобы желать совершения больших преступлений из-за малых выгод.

Среда, 25. — К брату.

Мы были правы, мой друг, опасаясь аббата Дефоржа и его происков: он уже успел добиться изгнания Сен-Поля. Впрочем, это большое счастье для последнего, так как он только терял здесь время, и ничего бы не получил через маркиза, подозрительность которого охлаждает и ум и душу. Сен-Поль надеется найти место у де-Ля-Хузя (de-la-Houze)[160], в Гамбурге, а это пост очень интересный в торговом отношении.

Принц де-Шимэ собирается ехать на воды, в Карлсбад. Мне кажется, что он недоволен маркизом, так как говорит, что ничего не понимает в его политике; да это и не удивительно. Поведение аббата и доверие к нему маркиза сердит де-Шимэ, и не одного его конечно.

Уверяют, что шведский король, в сопровождении Бецкого, был с визитом у г-жи Рибас. С трудом верю такой странной выходке, но считаю ее возможною. Рибас все более и более купается в грязи. С тех пор как Перре вышел из кадетского корпуса, его всеми мерами стараются очернить. Распространился слух, что один из учителей видел его ночью, в саду Корпуса; но этот самый учитель, на совесть, публично отрекся от такого показания, и подал в отставку. Некий Греа (Great), правая рука Рибаса, предлагал даже этому учителю 600 р. за свидетельство против Перрэ. Скажи, мой друг, в какой еще стране можно видеть подобные ужасы? И этому Рибасу вверяется воспитание молодых дворян России! Хорошие надежды на будущее! Если бы все подвиги этого поганого итальянца стали известны императрице, вот была бы буря! Но у низких, грязных негодяев есть своя звезда.

Вечером, я был в одном городском саду, который почему-то называется *итальянским* (?), хотя в нем нет ни зданий, ни станций, вообще ничего итальянского. Просто несколько аллеек, расходящихся лучами, небольшая оранжерейка и цветнички, а на самом конце — маленький домик, в котором продаются стеклянные вещи, очень плохенькие.

Четверг, 26. — К брату.

Сегодня праздник, мой друг, и аббат Дефорж, по обыкновению, захотел служить обедню. Назначена она была к

$10^1/_2$ часов, а начали в 11. Де-Шимэ, раздосадованный опозданием и продолжительностью богослужения, ушел не дождавшись конца, а за обедом сделал довольно резкую сцену аббату. Последний промолчал, но он это припомнит и отмстит за себя маркизу, который продолжает хворать, что меня во многих отношениях беспокоит. Если он не поправится, то должен будет просить отпуска или выйти в отставку; тогда я остаюсь поверенным в делах. Но в таком случае я боюсь, что останется и аббат, такой любитель писать доносы, сплетничать и интриговать. Кроме того принц де-Шимэ тоже не хочет уезжать до выздоровления маркиза и я думаю, что он метит на место посланника. Вот будет забавный посланник!

Граф Панин завтра положительно уезжает и не вернется раньше конца осени. Думаю, что он не особенно покоен. Графу Брюлю, который, не получая никакого назначения, собирался уехать, он сказал: «Подождите, подождите, дела должны измениться, они не могут так идти». Из пяти новых адъютантов один подает большие надежды; это — Левашов, он очень умен.

Князь Орлов недавно возил свою жену ко двору, но они в тот же вечер вернулись, из чего можно заключить, что приняты были плохо.

В Петергоф, ради праздника, было вызвано несколько придворных дам: Голицина, Матюшкина, Чернышова, Репнина и проч. Баронесса также получила приглашение. Великая княгиня беременна на четвертом месяце.

После обеда, мы с Бемерами ездили кататься по Царскосельской дороге, в новоустроенный загородный дом Императрицы, в 6 верстах от Петербурга. Он построен в древнем вкусе, с башнями. Комнаты довольно велики, но замечательного ничего не представляют. Сада еще нет, а церковь будет построена рядом; модель ее мы видели в доме. Там же висят портреты всех монархов Европы, но очень плохие.

P. S.: граф Готланд ужинал у Лясси, который пригласил также и маркиза. Завтра король должен бы обедать у нас, но болезнь маркиза этому помешает. Я немножко удивлен что Лясси не пригласил меня. Должно быть тут есть какая-нибудь политическая причина, которой я не знаю.

Пятница, 27. — К брату.

Ужинал у Бемеров, вместе с Нессельроде. Он уверяет, что из займа в два миллиона экю, сделанного Швецией у Голландии, только 800 000 разошлись по стране, а остальное забрал король, на свои надобности.

На довольно веселом ужине у гр. Лясси было 35 человек.

Граф Готланд сидел рядом с женой Ивана Чернышова, а Барятинская — между испанским и австрийским послами. Говорят, что первый за нею ухаживает, а я думаю, что это было делом политического расчета с его стороны.

Суббота, 28. — К брату.

Болезнь маркиза начинает меня беспокоить. Он ужасно ослаб и похудел. Роджерсон недоволен им, по-видимому, тем более что к болезни примешивается меланхолия; боюсь, чтобы с ними не было то же, что с Лясси.

Вечер я провел с маркизом, чтобы его развлечь, как советует доктор. Говорят, что Лясси уже успел похудеть и с тех пор как приехал. Здешний климат ему вреден — меланхолию наводит. Маркиз боится как бы не пришлось ему подавать в отставку.

Что касается меня, то я не знаю даже что желать: оставаться ли здесь поверенным в делах или искать другого места. Но как бы то ни было, мне нужно иметь 30 000 ливров жалованья. Простой секретарь прусского посольства, находящийся здесь далеко не в таком положении как я, и вообще очень плохо оплачиваемый, получает до 500 р. в год (?); а когда он становится поверенным в делах, то ему дают 100 рублей в месяц от двора, да столько же от министерства, что, все вместе, составляет около 3000 р. в год, да еще без всяких расходов на представительство. Сабатье[161], живший здесь хотя и хорошо но очень скромно, получал от десяти до двенадцати тысяч рублей. Правда, он, в то же время был посланником короля в Люттихе, так что занимал два места.

Хюттель, с которым мы говорили о его положении и жалованьи, будучи секретарем посольства, не имеет, однакоже, форменных патентов, а назначен простым письмом на имя посланника. Он говорит, что Прусский король почти всегда сам пишет депеши, и его посланники при иностранных дворах сносятся с ним лично. Нередко, приказав шифровать свою депешу, он собственноручно делает к ней открытую приписку, которая важнее самой депеши. Посланников он выбирает следующим образом: приказав представить себе трех кандидатов на вакантное место, он делает им устный экзамен и, выбрав одного, оставляет его жить во дворце в продолжение двух недель, чтобы хорошенько узнать характер избранного и его общение. Послам, возвращающимся с своих постов, он также делает строгий экзамен — расспрашивает их о малейших подробностях, касающихся политики, причем надо держать ухо остро отвечать определенно, без излишней сухости и не размазывая, потому что король не любит ни болтунов, ни тупых людей. Мне очень нравится эта манера; согласись, мой друг, что гораздо приятнее

иметь дело с просвещенным монархом чем с его министрами.

Воскресенье, 29. — К брату.

Сегодня я был в Петергофе, где живет двор. Дорогой останавливался обедать у Спиридовых, в 12 верстах от города. Спрашивали почему редко бываю; сослался на болезнь маркиза. В 4 часа выехал далее, так как до Петергофа оставалось 18 верст. На Куртасе было много народа и царствовала скука, хотя танцовали. Шведский король играл в карты с Императрицей; на ней была лента ордена Серафимов, а на нем — Андрея Первозванного. Граф Шепфер (Chepfer) здесь преуспевает, его находят очень умным человеком. Императрица его хвалит и говорит, что он далеко не так печален, как ожидали. Он действительно очень весел и любезен в разговоре. Показали ему толстую г-жу Талызину, которая была любовницей Панина и осталась его другом. «Это делает честь старику, сказал Шепфер, у меня, пожалуй, не хватило бы добродетели».

Я не хотел танцовать, потому что был в мундире. После Куртаса, вместе с одним пажом и с моряком, вернулся к Спиридовым. Они думают, что в день отъезда Шведского короля будет устроено морское празднество. Спиридов пригласил меня, на будущей неделе, на свой корабль, стоящий в Кронштадте; там есть интересный пожарный насос, стоящий 70 000 рублей и всякий раз, при действии, пожирающий на три тысячи угля (?).

Великий князь очень занят своим полком, который теперь в Царском Селе и хорошо выполняет маневры. Он ездит туда всякую неделю и выезжает из Петергофа в 3 часа утра. Обыкновенно он встает в пять, и ложится в девять. Он при мне это рассказывал гр. Лясси, который, вопреки увериниям де-Шимэ, очень хорошо принят при дворе. Правда, Лясси — светский человек и прекрасно говорит.

Ужинал у Спиридовых и вернулся домой очень поздно[162].

Июль

Понедельник, 21 июля. — К брату.

Пребывание шведского короля произвело здесь большую сенсацию. Деликатность и вежливость приобрели ему сторонников в той стране, которая обращает внимание только на внешность. Я думаю, что он, в сущности, далеко не является таким совершенством, каким его здесь считают. Мне кажется что в нем мало той глубины и твердости духа, которая так необходима монархам, да и как человек он мне не особенно нравится. Все здешние вельможи наперерыв за ним ухаживали

давая обеды. Из иностранных послов удостоились принять его только Лясси да маркиз. Лясси живал в Швеции, где был хорошо принят; он даже, вместе с де-Верженном, был посвящен в тайны революции[163].

Императрица сделала крупные подарки королю шведскому. Между прочим, трость, с набалдашником, осыпанным бриллиантами и лента, вышитая крупным жемчугом, оцениваются в 65 000 р. Кроме того Императрица поднесла королю орденские знаки, которые сама носила, и шубу в 15 000 р. А он, в свою очередь, выписал для нее из Швеции наилучшие во всей Европе рубины, цены которых я не знаю.

Маркиз дал ужин королю шведскому один раз, а Лясси — два раза. Во второй раз, когда из секретарей всех посольств был приглашен только один я, после ужина была дана сцена из *Пигмалиона* Руссо, в которой играли Лямери и м-м Понлявилль, самая красивая из наших актрис.

На другой день, в понедельник, я прощался с королем, уезжавшим из Петербурга в 11 часов. В Среду, 16-го, после ужина, он исчез из Петергофа, не простившись с Императрицею, сел на свою галеру в Ораниенбауме, и оттуда написал Ее Величеству письмо. Она послала к нему своего теперешнего фаворита, Зорича, пожелать доброго пути. Король украсил посланца орденом Меча. Он раздал много подарков. Домашнев, президент Академии, получил орден Вазы, но не первой степени, что дало повод смеяться над новым кавалером. Нолькен получил ленту Полярной Звезды, а Ингельман, секретарь посольства, сделан поверенным в делах, с 3000 р. жалованья, а кроме того получил золотую табакерку с пятьюстами дукатами. Оригинально, что это было скрыто от Нолькена, так что он даже не верил, когда узнал.

Я ничего тебе не говорил о праздновании дня Св. Петра в Петергофе. Был маскарад и иллюминация сада. Это празднование стоит посмотреть. Я был вместе с Хюттелем, секретарем Прусского Посольства. Мы говорили об алхимии, и оба страстно желаем работать над нею. Должно быть правда, что хладнокровные люди любят чудесное.

За несколько дней раньше мы говорили о том же с Левецаном (Levetzan), идя к Вельденам. Левецан — датский офицер, 28-ми лет и очень высокого роста. С первого взгляда он мне не понравился, так как принадлежит к числу людей, которых тем более любишь чем короче знаешь, в чем я убедился личным опытом. Это — очень порядочный человек, и мы с ним сошлись. Он мне говорил о химии, и о бумагах, которые передал ему отец за семь лет до твоей смерти, и которые сам получил будучи 25-ти лет от роду.

Четверг, 24. — К брату.

Мы с Левецаном осматривали в Кронштадте прекрасное сооружение, начатое Петром I: канал, выложенный камнем, и ведущий из порта в громадный бассейн. В нем устроено четыре шлюза, для задержания воды. Благодаря этому каналу, можно вводить в бассейн военные корабли и там, выпустив воду, оставлять их на сухом месте, для починки и окраски. Вода удаляется при помощи насоса, сделанного в Англии и стоящего 72 000 рублей. Очень сильный насос — вытягивает в день миллион восемьдесят тысяч бочек (muids) воды.

Пятница и суббота, 25 и 26. — К брату.

Прочел ли ты *Вертера*, мой друг? Это — очаровательный по чувству и интимности роман Гетэ, а в сущности подлинная история некоего Жерюзалема, сына одного ученого аббата в Лейпциге. Этот молодой человек, очень пылкий, влюбился в некую Шарлотту, невесту другого, и кончил тем, что застрелился. К сожалению, прекрасный роман достойный Ричардсона (!), плохо переведен на французский язык, хотя, по моему, он от этого выиграл, так как полон германизмами, передающими оригинальную красоту подлинника.

У маркиза, мой друг, опять появилась лихорадка. Он уже пятнадцать дней думал, что отделался от нее, хотя все это время по ночам у него бывали маленькие ознобы. Уж лучше бы болезнь опять приняла трехдневный тип, тогда бы она, пожалуй, кончилась прочнее. Похудел он отчаянно, и я боюсь, что с ним будет то же, что с гр. Лясси. Как бы то ни было, я еще подожду писать к графу Эгмонту. Не хочу я, мой друг, чтобы меня считали заботящимся только о своей выгоде, хотя должен признаться, что охотно бы остался здесь поверенным в делах, за отсутствием маркиза.

Воскресенье и Понедельник, 27 и 28. — К брату.

Императрица вчера вернулась из Петергофа ради приема крымских татар. Публичная аудиенция была им дана в той зале, которая налево от обычной аудиенц-залы. Ее Величество сидела на троне, а сзади нее стояли обер-шталмейстер и обер-шенк. Румянцов тоже стоял около нее.

Вечером мы у маркиза подписывали брачный контракт Фальконэ-сына с м-ель Колло. Признаюсь, мой друг, я это делал не охотно, но раз подписал маркиз, то и я не мог отказаться. Дело в том, что Фальконэ был женат в Англии; брак его расторгнут, но мне этого мало. Уж если он женился добровольно, то зачем же

отказываться от обязательства, которое должно оставаться священным на всю жизнь? Для честного и простодушного человека, разница религий ничего не значит: раз дано слово — дело кончено. Если я когда-нибудь попаду в такое положение, что семья моя захочет расторгнуть мой брак, то обещаю тебе, что это ей не удастся. Маркиз, которому я сообщил свои сомнения, старался их рассеять. Я подписал контракт, но все-таки не оправдываю того, чему не мог помешать. Подозреваю, что тут замешан аббат Дефорж, устроивший этот корыстный брак — они женятся чисто из-за денег — только для того, чтобы иметь удовольствие их обвенчать. За Колло, говорят, дано 40,000 р. приданого. Не знаю сделано ли было оглашение в католической церкви; постараюсь справиться и вообще узнать подробности дела, которое кажется мне не совсем чистым, что бы ни говорил маркиз.

Венчание Фальконэ происходило в нашей капелле. Присутствовали девицы Кронц (Cronz), из них старшая, от первого брака, по фамилии Ломан, недурна и любезна. После венца, обедали, и затем, в 4 часа, вся компания уехала.

Генерал Мелиссино, присутствовавший на обеде, говорил мне о желании аббата попасть в его ложу. Уж не хочет ли он посвятить его в седьмую степень, так как предложил, чтобы церемония посвящения происходила у меня? А впрочем — какое мне дело. Этот аббат становится все более и более мне противен: дрянной человек.

Вторник и среда, 29 и 30. — К брату.

Свадьба Фальконэ, мой друг, состоялась не вчера, а сегодня, во вторник. Я скоро узнаю все, что касается первого его брака и если Фальконэ окажется не совсем чист в этом деле, то я не дам своей подписи под другим актом.

Обедал у Кауница, где видел шведского офицера, привезшего Зоричу орден Меча. Он получил от Императрицы табакерку и часы с прекрасным камнем. Цепочка к этим часам сделана из крупных сердоликов, на каждом вырезан амур — очень красиво и оригинально.

В среду обедал у барона Асфельда. И он и жена производят тяжелое впечатление, так как последняя постоянно больна. Она просила меня дать ей *Эмиля* Руссо; дам, но с неудовольствием. Есть люди, которых нельзя снабжать книгами, если не желаешь проститься с ними.

Сентябрь

Воскресенье, 21 сентября. — К брату.

Этакая лень! Этакая ужасная лень, скажешь ты, мой друг! И ты будешь прав. Вот уже два с лишком месяца как я не написал к тебе ни строчки, ни почтой, ни в дневнике. Удовольствия и дела помешали, но они не вытравили из моего сердца воспоминания о тех, кого люблю.

За время моего молчания произошло много интересного. Лихорадка у маркиза продолжается и он решился взять отпуск. Если отпуск этот будет дан, то бразды правления посольством перейдут в мои руки, причем, как ты можешь себе представить, я буду рад скорее работе, которая выпадет на мою долю, чем новому титулу, которым буду украшен. Мне уже 29 лет, мой друг, и я более ценю существенную подкладку славы чем ее блестящую внешность. Строя все эти проекты, я боюсь, однакоже, чтобы интрига не помешала их осуществлению и не уверен, чтобы этой интриги не было. Аббат Дефорж и консул под меня подкапываются. Первый вообще меня не любит а последнему самому хотелось бы быть поверенным в делах, что может случиться лишь тогда, когда меня отзовут или назначат посланником при каком-нибудь дворе. Я уже решил: если меня отзовут, обещая в скорости дать место, то я буду ждать этого места или здесь или в Дании у Левецана; а если мне места не дадут, то я сейчас же уеду. Через две недели все будет известно.

Гарри вернулся в воскресенье, 15, но, к несчастью, корабль на котором он ехал находится в море. Боюсь, как бы с ним не произошло какого-нибудь несчастья в виду сегодняшней погоды.

Я вчера лег спать в 11 часов. Ветер, за которым я наблюдаю с тех пор как Гарри выехал в обратный путь, был свежий и попутный. Поэтому я заснул с надеждой на скорое прибытие желанного судна. Но в четыре часа утра меня разбудил страшный шум урагана и крики матросов; почти тотчас же ко мне вбежал Комбс, в одной рубашке и страшно испуганный. «Вставай скорее! — кричал он. — Боже мой, какое несчастье!» Я, хоть и не сразу поверил в какое-то особенное несчастье, но сейчас же встал и, подойдя к окну, убедился, что на нашем дворе люди по пояс в воде. Бегу в кабинет, выходящий окнами на набережную Невы и вижу перед собою разъяренное море. Волны бешено бьют в стены дома, как бы вздрагивающего от их ударов и от сильного ветра. Множество судов, сорвавшихся с якорей, сталкиваются друг с другом и со страшным треском разбиваются. Юго-западный ветер, дующий с небывалой силою, поднял воды залива и реки на двенадцать футов выше обыкновенного уровня. Этому наводнению предшествовало необычайное падение барометра до 29°. В настоящее время вода как бы кипит. На дворе одного

негоцианта, на Васильевском острове, она вдруг забила фонтаном.

Когда вода начала сбывать, то бедствия, ею причиненные, стали еще ощутительнее. Наша набережная совершенно испорчена и завалена разбитыми судами; мосты все сломаны; погибло много скота; многие лица и в том числе генерал Бауэр, принуждены были ввести своих лошадей в комнаты. По улицам плавают на лодках. Один французский парикмахер — гасконец, вероятно — выловил на Миллионной щуку. Бедный Гарри очень беспокоился о своем корабле, капитаном которого состоит некий Босс из Гавра. Если корабль потерпит крушение, то Гарри потеряет 12–15 тысяч ливров а я — все свои костюмы, книги и проч., которые выписал из Парижа. У Гарри есть и еще причина беспокоиться: четыреста ливров табаку, сложенные им в погребах Бемера, могут быть залиты водою.

Понедельник, 22. — К брату.

Сегодня мы с Комбсом объехали город. Смотреть тяжело. Вся наша Галерная набережная завалена обломками. Из разбитых деревянных судов образовались громадные кучи бревен и досок, которые растаскиваются и продаются русскими, по натуре склонными к воровству. Даже вельможи занимаются этим делом столько же к выгоде своих людей сколько и ради своей собственной. Сегодня дрова продавались по семидесяти копеек за сажень, обыкновенно стоящую полтора рубля. Миллионная набережная во многих местах разбита и опрокинута. На ней стоят большие парусные суда, перекинутые водою через парапет. Перед дворцом набережная завалена такими судами. Императрица, говорят, не спала всю ночь, наблюдая из окон дворца за ужасами наводнениями. Благодаря ее заботливости, часовые, повсюду, были во время сняты, а то бы они потонули. Говорят, что в крепости и в погребах разных тюрем залито водою до 2000 преступников. Даже стены самой крепости пострадали.

В окрестностях Петербурга наводнение тоже наделало больших бед. Снесены водою загородные дома Нарышкиных, полицмейстера Чичерина, Головиных (на Каменном острове) и проч. Красная яхта герцогини Кингстон[164] поставлена на мель. Но ужаснее всего положение Калинкинского предместья (faubourg de Kalinka — Коломна?), где все дома разрушены и повсюду лежат трупы мужчин, женщин, детей!..

Ужасное бедствие! Посреди печальных его подробностей встречаются и забавные. Так, посреди одной улицы в подгородной деревушке, Коломне, стоит, говорят, большое, трехмачтовое судно. Другое судно, в тот же день прибывшее из Любека, было

невредимо перенесено водою через какой-то лес. Когда вода сбыла, то пассажиры сошли с него, как в опере, прямо на травку. Надо думать, что в газетах появится множество рассказов о еще более странных подробностях наводнения. Часть их будет, конечно, придумана, хотя и верных сведений было бы достаточно для того, чтобы сделать газеты интересными.

Вторник и среда, 23 и 24. — К брату.

По приказанию Императрицы, спектакли запрещены, что и следовало сделать в виду общественного бедствия. Ее величество приказала также, чтобы всякий, потерпевший какие-нибудь убытки от наводнения, заявлял о том полиции. Намереваются, должно быть, выдавать вознаграждение за убытки, но я думаю, что этим вознаграждением воспользуются только богатые люди, а бедным ничего не достанется. Общие потери еще не определены, но людей погибло 1444, да еще половину, говорят, скрывают.

Де-Шимэ наконец уехал, и мы все очень рады. Причины этой радости я легко мог бы тебе сообщить если бы не избегал злословия. Скажу только, что жалею этого человека и смотрю на него как на больного. Об нем и так говорят много дурного, потому что он со всеми перессорился.

Я ближе чем когда-либо сошелся с принцем Ангальтом; это очаровательный человек, обладающий благородным и впечатлительным характером. Он просил у меня мое *Путешествие в Ярославль*, для того чтобы прочесть своей невесте, принцессе Сольмс, на которой скоро женится. Мы обещали писать друг другу, и он дал мне свой адрес.

Консул наш продолжает делать глупости. Маркиз его поддерживает, потому что он, видите ли, добрый человек. Но французы страдают от его доброты, а русские над ней смеются, и торговые дела падают.

Пятница, 26. — К брату.

Сегодня обедал у Кауница, по особому приглашению. Ничего интересного, впрочем, не было. Рассказывали об одном английском судне, которое, еще до наводнения, село на мель недалеко от берега; матросы стали было его разгружать, но видя что вода поднимается, вновь наскоро нагрузили и он, в целости и сохранности, вошел в порт.

Ужинал у Голициных. Говорили об отъезде де-Шимэ и о посылке им акушерки к княгине Грузинской, сестре Зиновьевой. Был также разговор о любви маркиза к жене Ивана Чернышова. Я думаю, что все эти сплетни распускает Нессельроде.

Чичерину становится лучше. Апоплексический удар сделался

у него, говорят, после выговора, полученного от Императрицы за наводнение. Эти люди до такой степени дорожат властью, что один взгляд Императрицы может их убить или вознести до небес.

Вернувшись домой, узнал о приходе какого-то французского корабля. Желал бы, чтобы это был тот, на котором приехал Гарри; я с нетерпением жду своих книг.

Суббота, 27. — К брату.

Сегодня утром получил приглашение от генерала Мелиссино, желает передать мне очень многое. Я отправился к нему в половине второго, рассчитывая там пообедать, но вместо обеда мне дали только чашку шоколада. А передать он мне хотел только свою просьбу о написании для него трех рекомендательных писем: к Потемкину, к Панину и к Зоричу. Он хлопочет о месте в Митаве, оставшемся вакантным за смертью Симолина. Я обещал написать эти письма к завтрашнему дню, но не знаю добьемся ли мы желаемого, так как брат покойного, который теперь в Стокгольме, тоже метит на это место, тогда как кн. Белозерский хочет ехать в Швецию. Он ведь отозван из Дрездена и больше туда не вернется. Он очень беззаботен насчет денег, что служит признаком человека очень ординарного.

Воскресенье, 28. — К брату.

Не знаю откуда маркиз взял, что я никогда не бываю у Петра и Ивана Чернышовых. Просил заглядывать к ним от времени до времени, чтобы встречаться с министрами, которые у них бывают. Не желает ли он просто помешать мне бывать у Бемеров? Может быть, но я этого не думаю.

Был сегодня на куртаге; великий князь как-то особенно со мной раскланялся. Я не обратил бы никакого внимания на эту мелочь, если б не находился в критическом положении, в виду предстоящего отъезда маркиза. Надеюсь, что я здесь не на плохом счету, со мною все любезны. Посмотрим.

Много говорят о поведении капитана яхты герцогини Кингстон. Граф Иван, англоман до мозга костей, уверяет, что он сделал во время шторма непростительную ошибку, срубив бизань, благодаря чему корма поднялась кверху и руль сделался бесполезным. Он сделал еще и другую, бросив якорь на мелком месте, так что, когда вода сошла, корабль сел на мель и стащить его оттуда будет стоить большого труда. Помощник капитана, англичанин, тоже ни о чем не подумал. Но все это рассказывают Чернышовы, а им нельзя верить.

Ужинал, вместе с маркизом, у Щербатовых; много говорили о моей женитьбе на Шарлотте. Я отделывался шуточками, что в

таких случаях самое подходящее.

Вторник, 30. — К брату.

По просьбе маркиза, я сегодня три часа проскучал у Чернышовых и уехал к Мелиссино вместе со Львом Разумовским уже перед самым обедом. Представь себе, мой друг, компанию из семи или восьми дам, холодных, натянутых, молчаливых, которые только и делают, что играют в карты: вот тот кружок, в котором маркиз советует мне бывать почаще. Не могу я быть сообщительным и веселым там, где и то и другое качества являются неуместными.

Вообще весь этот день прошел у меня утомительно скучно. Рассердила меня еще Барятинская, которую я встретил у Загряжской. Говоря о Нессельроде и о его продолжительном визите, она прибавила: «Он на мне женится». Такой тон мне положительно противен.

Октябрь

Среда, 1 октября. — К брату.

Слух об отъезде маркиза распространяется здесь кем бы ты думал? Нашей прислугой. Вот уже два года, как ей сшиты ливреи, и эти ливреи стало теперь уже стыдно носить, до того они истрепались. В запасе есть другие, но маркиз не дает их в виду своего отъезда. Эту тайну открыл наш портной. Впрочем, и сам маркиз открыто приготовляется к отъезду: запретил делать запасы, укладывает гардероб, рассказывает всем, что ждет писем, и проч. Будучи очень скрытным по натуре, не принимает теперь никаких предосторожностей против лакеев, которые хвастаются, что могут читать его письма, пока он с ними разговаривает. Данетуан хвастался в кухне даже тем, что он знает наши шифры. Придется мне с ним поговорить, когда будет решено мое дело и бразды правления попадут в мои руки.

Был парадный куртаг по поводу дня рождения великого князя. Я много танцовал, а ужинать отправился к Головиным. Они потерпели большие убытки от наводнения. Так как Каменно-островская дача великого князя очень недалеко от них, то с Каменного острова приходили к ним, от имени его высочества, какие-то люди требовать лесных материалов, унесенных будто бы водою. Между тем великий князь предупредил Головина, что если такие требования появятся, так чтобы он никому ничего не давал, для избежания мошенничества. Это очень хорошо с его стороны, так как частные люди, даже вельможи, нисколько не стесняются присваивать себе чужие вещи, унесенные водою.

Мы много разговаривали с Головиными, которых я очень люблю; они милые люди. Старший, граф Степан, с первого взгляда не внушает симпатии, но выигрывает при ближайшем знакомстве. Он недостаточно внимателен к своей внешности — недостаток, свойственный людям небрежным и лишенным такта. Следует заметить, мой друг, что такие люди всегда, с первого взгляда, кажутся несимпатичными деликатному человеку, которого неприятно поражают маленькие их недостатки, за которыми, однакож, скрываются крупные достоинства. Можно быть прекрасным человеком и не обладая деликатностью; но деликатность делает людей любезными и составляет главную прелесть общения, особенно в женщинах.

Четверг, 2. — К брату.

Я обещал Потемкину, племяннику князя, дать прочитать *Вертера*; любопытно знать, к какому заключению он придет. Потемкин претендует на большой ум; сегодня я послал ему книгу при своем письме. Посмотрим, каков будет ответ.

Часть вечера провел у Щербатова, с которым вел очень курьезный разговор. Русские обладают особенностью безгранично хулить свою родину.

Ужинал у Бемеров, где узнал о прибытии корабля капитана Босса; Гарри сам прибежал сообщить мне это известие.

Пятница, 3. — К брату.

Сегодня при дворе большое торжество, мой друг. Празднуется годовщина коронации Екатерины II, а стало быть и годовщина смерти Петра III. Все, значит, зависит от положения, занимаемого актером на мировой сцене. Воровство, измена, убийство могут считаться и преступлениями и великими государственными подвигами, смотря по обстоятельствам. Простой убийца становится великим человеком, если убийство надело корону на его голову; в первом случае его проклинают, а во втором — ему поклоняются. Порок и добродетель очень часто являются понятиями относительными.

Состоялось несколько новых назначений. Фаворит Зорич сделан поручиком кавалергардов, что дает ему чин генерал-майора армии. Младшие Щербатовы назначены сенаторами; Зиновьев и молодой Голицин — камер-юнкерами. Последний обязан этим приезду своего дяди, Шувалова. Но что произвело большое впечатление, так это дарование ленты ордена Св. Екатерины княгине Орловой. Статс-дамы, из коих она младшая, очень этим огорчены, как и следовало ожидать, в виду мелочности, зависти и жадности, царствующих при дворе.

Суббота, 4. — К брату.

Вчера я был приглашен на политический обед к гр. Остерману. Были только посланники, поверенные в делах и простые иностранцы; секретарей не пригласили, за исключением меня, вероятно в качестве простого иностранца. Я явился немножко поздно, вместе с гр. Брюлем и молодым Потоцким, которые приехали одновременно. Нас уже ждали, и Остерман справлялся у маркиза приеду ли я, получил ли я приглашение, почему не прислал отказа и проч. Сольмс заметил, что это невежество, что я все-таки должен бы был хоть поблагодарить за приглашение, и проч., вообще он нападал на меня с заметной аффектацией. Маркиз после сообщил мне все это и прибавил, что напрасно я явился вместе с Потоцким, очень легкомысленным человеком; а между тем мы с ним только случайно съехались. Вот как легко и охотно на меня набрасываются. Я смеюсь над этим, конечно, но боюсь, как бы такое неприязненное ко мне отношение не повредило мне, когда останусь здесь поверенным в делах.

Сегодня мне пришлось быть у гр. Панина, где мы встретились с Остерманом и я воспользовался случаем объясниться относительно вчерашнего обеда. Оба сановника выслушали мои объяснения весьма благосклонно. Подозреваю, что шум по этому поводу был поднят мелкими людишками, которые завидуют моему здесь положению, так как я здесь принят иначе чем они — танцую, например, на придворных балах, куда не только секретари посольств но и поверенные в делах не приглашаются почему-то. Я потому так думаю, мой друг, что Хюттель, по секрету, просил Шарлотту передать мне, чтобы я не танцовал при дворе; что русские смеются надо мною по этому поводу, и проч. Признаюсь — я не верю Хюттелю, не потому, чтобы русские не были способны на это, а потому что они смеются только над двумя крайностями: над хорошим — из зависти, и над дурным — по злобе, а я стою между тем и другим. Все эти мелкие сплетни нисколько мне не страшны и я делаю слишком много им чести, обращая на них внимание. В подобных случаях не следует ими стесняться.

Воскресенье, 5. — К брату.

Сегодня опять был на куртаге, мой друг, а оттуда поехал обедать к Лясси, где сидел между Львом Разумовским и шведским поверенным в делах, Ингельманом; мы много смеялись.

Отъезд маркиза стал известен всему городу. Кауниц спрашивал меня об этом, а я принужден был отвечать уклончиво, чего терпеть не могу.

Воскресенье, 12. — К брату.

Маркиз очень заинтересован ответом, который должен получить от нашего двора по вопросу об отпуске. Ты можешь себе представить что и я не мало заинтересован этим ответом, так как не обращаю внимания на интриги и другие сцены. Между тем я узнал, что жена Ивана Чернышева рассказала мужу об участии, которое я принимал в интриге ее с Порталисом. Эта недотрога (begueuie) не заметила услуги оказанной ей мною в данном случае, и восстановила против меня графа Чернышева, чем объясняется холодность, с которою меня там принимают. Пользуясь этой холодностью, маркиз всегда покровительствовавший Пюнсегюру — вероятно вследствие одинаковой ограниченности разума — склонил Чернышова хлопотать о назначении своего протеже поверенным в делах, на время своего отсутствия. Этот проект, о котором я ничего не знал, был разрушен отъездом Пюнсегюра, сильно здесь соскучившегося. С тех пор благоволение Чернышевых к Пюнсегюру исчезло, благодаря гадости или по меньшей мере неловкости, которую он сделал. При отъезде, графиня поручила ему передать некоей м-ль Мартэн, модистке, которой она задолжала 3000, различные меха, тысячи на полторы рублей; а Пюнсегюр захватил в свою пользу больше чем три четверти этих мехов, на что м-ель Мартэн жаловалась графине, и что очень повредило Пюнсегюру во мнении Чернышевых вообще.

Из того же источника я узнал, что маркиз отправил отсюда Порталиса и Ласкариса на свой счет; что он это тщательно от меня скрывал; и что он, наконец, повредил мне во мнении Чернышевых, сообщив им, что перестал принимать Ласкариса, тогда как принимал его до самого отъезда. Между тем я то гораздо раньше запер перед последним свою дверь, и не из-за Чернышовых, а потому что увидал насколько фальшиво он поступает. Мое поведение всегда было прямодушным и безупречным; но к сожалению, мне приходилось иметь дело с дюжинными, глупыми и бесхарактерными людьми, которые хитрили из страха к нерешительности. Уезжая, я говорил тебе, мой друг, что маркиз мне не нравится, и, что может быть, я из-за него сломаю себе шею; но если он меня погубит, то уж обмануть-то меня ему не удастся[165]. Это меня утешает. Да и Чернышовы уж переменили свое мнение обо мне и теперь принимают хорошо.

До нас дошли слухи, что Пюнсегюр живет в Париже, с Шампаньоло, в меблированных комнатах; что она поссорила его с родителями и быстро ведет к разорению. Так, по крайней мере, говорит бывший его лакей, вернувшийся сюда с Шуваловым[166],

бывшим фаворитом Елисаветы, который теперь опять в большой силе при Дворе. Ты понимаешь, что этот слух разойдется по городу и не прибавит доброй славы любимцу маркиза, связавшемуся с женщиной, хорошо здесь известной, из-за которой маркиз прогнал даже Сэн-Поля.

У Императрицы, в Эрмитаже, играли на днях старую пьесу: Le Medecin par occasion. Там идет дело о влюбленных женщинах и, в одном месте, автор говорит: «Если женщина, в тридцать лет, влюбится — это еще ничего, но в шестьдесят!.. непростительно!» Императрица тотчас же встала и ушла, сказав: «Какая скучная пьеса!» Брошар — актер, произнесший вышеприведенную фразу, попал в глупое положение, так как занавес, тотчас же по уходе Императрицы, опустили. Из этого ты видишь, мой друг, насколько эта великая монархиня сделалась рабою своих вкусов, так как нельзя же назвать страстями теперешние ее капризы.[167]

Год 1779

Январь

Суббота, 2 января. — К М-ель Каролине Бемер[168].

С тех пор как сестра ваша, дорогая Каролина, живет в доме старика Эйлера, она не перестает доказывать доброту и стойкость своего характера. Находясь среди скучных людей, она сохранила свою веселость, свою мягкость, и не испытывает, по-видимому, никакой скуки. Работа и чтение наполняют ее время. Хозяева любят ее, как родную дочь, а прислуга любит больше, чем хозяев.

Сегодня мы с нею катались в санях. Остановка была назначена в том самом крестьянском домике, на Аптекарском острове, в котором мы, прошлым летом, ужинали вместе с вами. Выехали мы в полдень: Шарлотта, со мной и маленькой Эйлер, в моих санях; Хюттель с добрым Аземой, с которым вы, я надеюсь, скоро познакомитесь, и с маленьким Жоржем, — в других; старик Эйлер с двумя дочерьми — в третьих. На Аптекарском острове мы прекрасно пообедали по способу Гарри, а потом гуляли по снегу, в том самом месте, где летом была такая великолепная трава. В пять часов мы поехали обратно, и дорогой видели знаменитый крепостной рынок, на котором собрано все мороженое мясо, привозимое в Петербург из провинции. Целая армия свиных и бараньих туш, разной птицы, и проч. производит большое впечатление, но может вылечить от любви хорошо покушать.

Ужинать мы вернулись к Эйлерам и я весь вечер провел с вашей милой сестрою.

Воскресенье 3. — К брату.

Давно я тебе не писал, мой милый, и с удовольствием возвращаюсь к разговору с испытанным другом.

В моем теперешнем положении, мне часто приходится скучать с моими знаменитыми сотоварищами. Сегодня, например, утром я был при Дворе; обедал у австрийского посла (Кауница), где выслушивал разные пошлости, так как на этих обедах редко собираются люди мыслящие; затем присутствовал на плохом концерте у голландского резидента (Сюарта), и наконец, разочаровавшись в собственной жизни и в жизни моих ближних, поспешил спастись в свою квартиру, где надел халат и сел поближе к камину! Вот тебе картина моей обеденной жизни. Правда, что я живу таким образом, насколько могу меньше, что стараюсь жить по своему, не обращая внимания на моду, этикет и

обычаи, находя такую жизнь более приятной. Таково мое правило; я знаю, что не все его признают, но это-то и служит ему похвалою, так как лучшее в этом мире не всем доступно.

Понедельник, 4. — К брату.

В виду правила, о котором я говорил тебе вчера, я хорошо себя чувствую только дома, или у друзей, которых у меня здесь очень мало. Но я, тем не менее, выполняю и те мелочные обязанности, которые, будучи сами по себе ребяческими, входят в состав моего дела и помогают мне достигать целей.

По этой причине, я отправился сегодня обедать к Панину, но не застал его дома, что меня нисколько не огорчило. От Панина я поехал к французскому негоцианту, Кронцу (Cronz), человеку очень умному, знающему свое дело и, по временам, старающемуся вмешиваться в мое, что меня очень забавляет. Я черпаю от него сведения относительно торговли, и смеюсь над его политическими идеями. Моя политическая система далеко не всеми разделяется, обязывает меня видаться с людьми, которые мне нравятся, если бы даже мои к ним отношения и скандализировали кого бы то ни было. От этого я вижу пользу даже для политики. К числу лиц, которые мне нравятся и у которых я бываю, принадлежит, между прочим, секретарь прусского посольства, Хюттель. Наши с ним сношения всех удивили, а я не обратил на это никакого внимания; мне стали намекать на их неприличие, а я продолжал поступать неприлично, и теперь уж мне никто ничего не говорит, и моя настойчивость оказалась лучшей критикой мнений моих критиков, так как служит мне на пользу. Благодаря ей, я заслужил доверие тех, которые мне не доверяли, уважение посторонних зрителей, увидавших что я не придаю значения формальностям, и наконец — успел отдалить от себя дураков. Ах, мой друг! Свет — преинтересная книга, чем больше ее читаешь тем больше читать хочется, и тем большему научаешься.

Вторник, 5. — К брату.

Сегодня Рождество, по старому стилю, и здесь все друг друга поздравляют, как в Новый год. Я был при дворе, где встретил Кауница, и, на его поздравление с праздником, отвечал: «вы мне делаете много чести, граф, принимая меня за русского вельможу; я вам такого комплимента не сделаю». Эти слова были услышаны многими русскими, на что я и рассчитывал. Здесь ведь только тех и любят, которые ни на кого не обращают внимания; здесь уважают только тех, кого боятся.

Обедал у голландского резидента, Сюарта. Это большой

сплетник, немножко ограниченный, немножко нелюдим, немножко пристрастный, грубоватый, довольно честный, но такой, которым, благодаря всем этим качествам, пренебрегать нельзя. Кроме того, в нем есть оригинальность, которая мне нравится, и он поит меня хорошим вином, что я очень люблю. Вообще, я хожу к нему как в ресторан, и это очень удобно.

Вот секретарь у него, так тот — человек умный, знающий и любознательный. От роду ему лет тридцать; он довольно красив и состоит в чине капитана голландской службы. При всех этих качествах, у него есть и порок, который иностранцы заимствовали у нас: это — женская философия, заставляющая отрицать то, чего не знаешь; то есть, в некотором роде детство разума. Мы с ним много говорили и я убедился, что он — человек действительно сведущий, но могущий расширить свои знания только путем большего сомнения в том, что знает, и меньшего в том, чего не знает.

Среда, 6. — К Шарлотте.

Обедал сегодня у Панина; было много народа. После обеда, Нессельроде сообщил мне, что король прусский[169] дал понять французскому двору, что он не желал бы назначения де-Бретейля[170] медиатором по германскому[171] делу, и что причиной этого нежелания служат отношения его к жене Штатгальтера, прусской принцессе[172].

Имел совещание с Паниным, который сообщил мне, что Репнин уже ведет предварительные переговоры с прусским королем, но что ничего еще не решено. Я было заговорил об Англии, и о судах, которые она забрала у России и Дании[173], но он уклонился, и я отложил разговор до другого раза. Относительно Константинополя[174], я тоже ответа не добился.

Вернувшись домой, получил из Вены, депеши доставившие мне большое удовольствие. Дела идут-таки, как видишь, моя милая.

Четверг, 7. — К брату.

Прибытие курьера, из Вены, с очень важными депешами, прибавило мне занятий. Посылая его, де-Бретейль рекомендовал как де-Верженну так и мне представить здесь, от имени короля, план соглашения между германскими державами. Ты можешь себе представить, насколько мне приятно такое поручение. Курьер привез также из Бреславля пакеты от кн. Репнина к гр. Панину, которые тотчас же по его прибытии и отослал. Этот курьер — один из охотников барона — прискакал довольно быстро для данного времени года. Из Вены он выехал 23 декабря,

26 был уже в Бреславле и выехав оттуда 27, прибыл сюда 6-го, то есть вчера.

Посылая пакеты Панину, я ему написал письмо; но ни министра и никого из его секретарей не оказалось дома. Пришлось послать еще раз, часов в 12 ночи; тогда пакеты были приняты, а мне приказано сказать, что ждут меня сегодня, в одиннадцать часов утра. Я, конечно, поспешил явиться в назначенный час и застал старого папашу еще в халате, но был принят им весьма любезно. Документы находились у меня в кармане, но я сначала стал зондировать почву, осведомить ли о содержании депеш Репнина. Панин отвечал, что рекомендовал Репнину обратиться ко мне лично, а что сам он получил карту, на которой показаны границы[175]. Тогда я ему прочел депешу де-Верженна и план примирения. Благородство и деликатность, с которыми ведется дело, доставили ему большое удовольствие по-видимому. Мы вместе рассмотрели карту и Панин сообщил мне, что королю прусскому хотелось бы передвинуть границу к северу, но что раз Франция стоит за теперешнее ее направление, то и надо этого держаться. Затем Панин просил дать ему депешу де-Верженна, обещая не читать ее никому кроме Императрице. Хотя обычай повелевает нам давать в таких случаях только копию, но так как граф уже одевался чтобы ехать во дворец, то я беспрекословно дал ему подлинник. Надеюсь, что такое доверие будет мне зачтено в заслугу. Между прочим я сообщил Панину, что мне предписано действовать в полном согласии с Кауницем, на что я ограничу, насколько возможно, это согласие, чтобы избежать нескромности. На этом наше совещание кончилось. От Панина я поехал к Кауницу, которого тоже застал за туалетом. Мы с ним имели конфиденциальный разговор, в котором выяснилось, что он очень доволен оборотом дел, хотя они идут и не по системе его отца.

Вечером был бал при дворе. Там я узнал что Императрица одобрила преложенный план, так что все идет хорошо.

Понедельник, 11. — К брату.

Вот что значит быть всем полезным, мой друг, — все за тобой ухаживают, все тебя ласкают, и это как в светской жизни, так и в деловых сферах. Влияние Франции на германские дела отозвалось на мне: в субботу сделал мне визит гр. Сольмс, а сегодня был Кауниц. Я еще ничего тебе не говорил о нем, а потому попробую нарисовать его портрет.

Можно сказать, что гр. Кауниц — молодой, богатый, сын первого министра Австрии, — не забывает о своем положении. Австрийская спесь, не идущая к его молодым годам, маленькому

росту и враждебной живости, проявляется у него в иной форме. Он желал бы быть любезным вельможей, но не обладает ни достаточной для этого непринужденностью, ни достаточной представительностью. Хорошо поставленное хозяйство, щедрость, вежливость Кауница ослепляют здесь людей, которых легко поймать на внешний блеск. Сначала ему удалось ослепить всех, но впоследствии любезная непринужденность у него не вытанцовалась. Государственные люди нашли его слишком легкомысленным, а дамы — недостаточно галантным и потому насмешники оказались не на его стороне. В деловых сношениях, в которые Кауниц внес резкость, мелочность и высокомерие своего отца, ему повезло еще хуже. Недостатки его — непоследовательность и отсутствие того холодного достоинства, которое приличествует посланнику — скоро всеми были замечены. Вот, мой друг, тот человек, с которым мне теперь приходится иметь дело. Окружают его люди самые посредственные, в числе коих есть некий Карти — шут итальянского происхождения, специалист по части сочинения грязных стихов. Для того чтобы взять верх над этим человеком — Кауницем — нужно обладать тою любезной непринужденностью, которой ему недостает; он тогда сам пойдет к намеченной другими цели.

Вторник, 12. — К брату.

Новый год и здесь проходит так же бестолково, как повсюду. Визиты да визиты — рассовыванье карточек во все стороны.

Был куртаг, как ты можешь себе представить, очень многолюдный, но только всего. Я видел поднос, на котором подавали Императрице десерт: развалины Пальмиры из фарфора. Очень хорошо выполнено. Вечером состоялось производство по военному и морскому ведомствам; вновь произведенные целовали руку Императрицы стоя на коленах — восточный обычай, который мне всегда не нравился.

Вернувшись домой к обеду, я застал у себя Банафона[176], с которым и делал потом визиты. Этот Банафон — бедный и честный француз, сделавшийся, благодаря обстоятельствам, несчастным мизантропом. Смесь больших внутренних достоинств с внешними недостатками, в роде подозрительности и резкости, вообще создает себе больше врагов чем друзей, хотя я принадлежу к числу последних. Делая визиты, мы много разговаривали. Он сообщил мне одну особенность великого князя, которая меня почему-то очень удивила. Ты знаешь, мой друг, что я думаю об этом слабом и бесхарактерном принце. Вдобавок к другим своим недостаткам он, говорят, любит еще

самым пошлым образом играть словами. Недавно он спросил у Банафона, который служит суфлером в театре, зачем он поступил на такое место; «для того чтобы суфлировать», отвечал Банафон. «А! для того чтобы давать пощечины»[177], воскликнул великий князь… Вот каков, мой друг, наследник престола русских цезарей! А супруга его, высокая и красивая (я не говорю — хорошенькая), пользуется прерогативою всех таких женщин — она глупа. А кроме того, говорят, еще и скряга: найдя старые башмаки своей предшественницы, она велела их починить и носит! Такой пошлости даже верить трудно.

Март

Суббота, 20 марта. — К брату.

Девятнадцатого февраля, мой друг, я — единственный из поверенных в делах — был приглашен кн. Потемкиным на праздник данный им в оранжерее своего дома на Невском, который весь был превращен в превосходный сад. Перед самой входной дверью был устроен маленький храм башни Дружбы, державшей бюст Императрицы. Внутренние комнаты дома не велики, но очаровательны; одна, например, вся отделана японским лаком, другая, в которой ужинала Императрица, меблирована как палатка, сделанная из превосходной расписной тафты. По стенам ее стояли маленькие диваны на пять или шесть человек. В ней же я видел превосходную хрустальную люстру, сделанную на собственной фабрике Потемкина. Один маленький кабинет отделан богатой материей, вышитой самой Императрицею.

Праздник был настолько хорош, насколько это возможно при господстве этикета. Из послов с Императрицей ужинал только один Кауниц, да и то потому, что очень рассердился, когда его не пригласили — пришлось, среди ужина, нарочно посылать за ним обер-шталмейстера. Такое ребячество показалось мне тем более смешным, что Кауниц не может претендовать на то, чего не получили все другие. Но что меня особенно позабавило, так это поведение прусского посла, гр. Сольмса. Увидав, что Кауница ведут ужинать с Императрицей, он не остался в большой зале, а вышел в соседнюю, где ужинали придворные и дамы. Сочтя такую выходку очень политичной, я последовал его примеру и ужинал отдельно как это иногда делается в подобного рода случаях.

Очень печально, что в политике часто приходится встречаться с оскорбительными пустяками, которым нельзя не придавать значения, но которые, благодаря этому, ставят вас в смешное положение. В этот день, например, по странной небрежности,

забыли пригласить графа Гильденстольпе шведского генерала, приехавшего сюда с известием о разрешении от бремени шведской королевы. Барон Нолькен, шведский посланник, боясь или не желая в свою очередь отказаться от приглашения, письменно напомнил Потемкину о Гильденстольпе, которому тогда послали простой билет, но он обиделся и не приехал, так что Нолькен представлял собою очень печальную фигуру за ужином. Я, на его месте, не стал бы напоминать, но и сам бы не приехал. Это уже не в первый раз я замечаю что Нолькен недостаточно решителен: пошлое высокомерие, соединенное со слабостью, характерно как для него, так и для его государя. Ты вероятно слышал о том, как жена австрийского посланника отказалась поцеловать руку шведской королевы, ссылаясь на то, что она имперская графиня, и как великий Густав, рассерженный этим отказом, велел ее вывести с одного платного, публичного бала. В Вене эта пошлость очень не понравилась, посланник подал в отставку, и хорошо сделал.

Понедельник, 22. — К брату.

Как бы я ни высказывался против этой страны, мой друг, как бы она ни была мне неприятна, но все же я стараюсь в ней ужиться, потому что это мне во многих отношениях полезно. Я нашел здесь друзей в среде иностранцев, нашел нежную и милую подругу жизни и пользуюсь не малым влиянием. Внимание, с которым я отношусь к делам, мне порученным, составило мне хорошую репутацию и пребывание мое здесь не останется бесплодным.

Я не стану тебе повторять того, что говорил уже двадцать раз, а изложу только результаты моих наблюдений и ты увидишь насколько я был прав.

В начале моего здесь пребывания, я старался проникнуть во все кружки здешнего общества и не имел поводов на него жаловаться. Французские манеры, всегда заключающие в себе немножко кокетства, направленного к тому чтобы всем понравиться, доставили мне успех и репутацию любезного человека, которая меня однакоже не вполне удовлетворяла. Тогда я переменил систему и не переставая вращаться в большом свете, стал исключительно придерживаться только нескольких кружков, причем выказал много прямодушие, твердости и последовательности, завоевавших мне вообще уважение. Меня перестали считать слабым и начали даже преувеличивать мою твердость. Без шарлатанства ведь не обойдешься в этом мире, но оно должно быть наиболее простым и последовательным.

Эта система примирила меня с самыми интересными из

здешних лиц: Паниным, Потемкиным, Иваном Чернышевым и двумя посланниками — Сольмсом и Гаррисом. Все они относятся ко мне дружески и с уважением; сама императрица одобряет мое поведение. Многие думают, что я останусь здесь посланником и гр. Чернышов, у которого я сегодня обедал, говорит, что желал бы видеть меня на месте маркиза де-Жюинье. Чем кончатся все эти благие пожелания? Посмотрим.

Английский посланник, по письменной просьбе короля, получил из рук императрицы орден Бани. Это здесь в обычае и Ее Величество подарила новому кавалеру шпагу, осыпанную бриллиантами, ценою в 1500 р.

Сегодня я обедал у Ивана Чернышова, который принял меня прекрасно. Я спросил его на счет слухов, ходящих по городу, о дозволении англичанам строить, в Архангельске, военные корабли из знаменитого дерева, называемого лиственницей (listwinno). Он уверяет, что это не правда, что позволение дано лишь несколько частным лицам на постройку мортирных судов (ba timents de pierres?), и что впредь оно не будет даваемо никому, в чем дал мне даже честное слово, которого я не требовал. Мы, дипломаты, не особенно верим в слова и потому никогда их не требуем.

Маркиз де-ля-Валь сегодня откланялся императрице. Этот молодой человек, состоящий на пьемонтской службе, был мне рекомендован де-Бретейлем. Прибыл он сюда недавно, да и вообще ничем особенно не замечателен.

Вот есть тут один несчастный и всеми порицаемый человек, который решительно не заслуживает ни мнения, об нем сложившегося, ни печальной судьбы, его постигшей. Это некий Куран (Courant) из Невшателя. Обстоятельства привели его в Россию для того чтобы искать здесь применения своим способностям к рисованию и другим талантам, которых он не успел проявить благодаря недостатку терпения и пронырливости. В 1776 г. он познакомился с неким Шампаньало, предложившим ему войти в одно предприятие, которое должно было принести 40 000 р. и честь подполковника польской службы (?), но требовавшим чтобы он не спрашивал о цели предприятия и не сходился с лицами, держащими сторону Польши Пруссии (?). Такое предложение очень удивило Курана и заставило его конфиденциально изложить свои сомнения Хюттелю, своему соотечественнику. Хюттель рассказал об этом Сольмсу, а Сольмс — Панину, который сам захотел поговорить с Кураном и посоветовал ему принять предложение Шампаньало, с целью открыть настоящие намерения последнего. Шампаньало попался в расставленную ловушку: он сообщил Курану, что дело идет о

проекте великого Гетмана (grand-general) польского свергнуть с престола короля и в тоже время повредить насколько можно России. Для последней цели решено было сжечь Кронштадт и наделать фальшивых бумажек. Все это Куран узнал на военном судне, на котором он, вместе с Шампаньало, ехал в Кронштадт. Письменно сообщив гр. Панину план заговорщиков, он получил приказание требовать немедленного выполнения этого плана, за что ему обещали вознаграждение, превышающее то, которое было обещано заговорщиками. Куран, поэтому, тотчас же составил рисунки, сделал машину для поддержки банковых билетов и, напечатав их на 250 000, представил Г. Грау (Graw), русскому резиденту в Гамбурге (вместо того чтобы переслать жене Шампаньало, в Петербурге). Кроме того он же завлек Шампаньало в Варшаву, где последний был арестован Штакельбергом, а затем перевезен в Петербург, посажен в крепость и, по всей вероятности, казнен, хотя говорили, что он сам, с отчаяния, зарезался.

Вернувшись сюда, Куран не получил, однакоже, обещанного вознаграждения; ему выдали только 1000 дукатов и, по повелению Императрицы, приказали выехать из России. Бедняк уехал на родину, но в минувшем октябре вернулся чтобы хлопотать о выдаче так хорошо заслуженного вознаграждения. Хлопоты его, однакож, успеха не имели; вот и служи, после этого, монархам!

Прежде чем кончить это письмо, сообщу тебе, что ездил смотреть оружейный завод в Сестрорецке (Tusterber-Sisterbeck?) в 27 верстах от Петербурга. Во главе завода стоит один из Эйлеров; работают там довольно плохо, благодаря дурному ведению дела.

P. S. Великий Гетман Польский, о котором я говорю в этом письме, есть гр. Броницкий, упрямый человек, лишенный ума и таланта.

Апрель

Понедельник, 9 апр. — К брату.

Получил хорошие известия из Константинополя: мирный договор с Россией подписан[178] и ты можешь понять мой друг, как это всех здесь радует. Я очень счастлив что маркиз не спешит возвращаться — для меня это прекрасный случай показать свои способности к ведению дел. Сен-При[179] с честью выпутался из затруднений, хотя ему много мешал русский посол при Порте, Стахеев, человек подозрительный и неуживчивый, вообразивший что Сен-При под него подкапывается. Правда, что последний не особенно хорошо отозвался о Стахееве, в своей ноте, попавшей в

руки Репнина. По настоящему, это маленькое недоразумение не должно бы мешать делам, но оно до такой степени мешало, что Сен-При просил меня даже похлопотать об отозвании Стахеева.

Сделаю что могу, но надо быть очень осторожным и, главное, не высказывать большого интереса к этому делу. Завтра повидаюсь с Паниным и напишу тебе чем кончатся наши переговоры.

Вторник, 20 апр. — К брату.

В политике, недостаточно предвидеть, а нужно еще действовать ловко и благоразумно, между тем коллеги мои далеко не все обладают этими качествами, довольно таки редкими. Сегодня утром был у меня Нормандец, которому я вчера переслал письмо Неаполитанского посланника в Константинополе; не знаю как зовут этого господина, но, судя по слогу, он далеко не орел. Нормандец, также к числу орлов не принадлежащий, прочел мне это письмо, в котором автор — родственник Сен-При — жалуется на Стахеева. Нормандец собирался поговорить об этом с Паниным, но я предложил ему подождать, так как сам рассчитывал сделать это сегодня же. И действительно, сегодня я обедал у Панина, который наговорил мне много хорошего о Сен-При и нашем министерстве; пользуясь этим, я слегка намекнул ему о недостатках Стахеева и, отнюдь не жалуясь на последнего, все-таки сказал достаточно, чтобы быть понятым. Старик согласился, что Стахеев действительно неловок, а на дальнейшем я не настаивал: это останется на другой раз. В политике вообще не следует ярко высказывать свои желания, такая метода мне всегда удавалась.

От Панина я поехал к Сольмсу, которому и рассказал все, что не было договорено у Панина. Они — друзья, и Сольмс конечно передаст ему мои слова, так как сам был очень возмущен поведением Стахеева и предлагал мне действовать настоятельнее. Хорошо я сделал, что был очень осторожен с Паниным, это принесет свои плоды… Покончив с делами, я провел вечер у моей Шарлотты, которая посоветовала мне повидаться с Визеном, а Хюттель, с своей стороны, настроит Алопеуса поговорить с Остерманом, и я, таким образом, достигну цели.

Четверг, 22. — К брату.

Рано утром я отправился к Визену и застал его еще в халате, так как вошел без доклада. Мы долго говорили, и я, под секретом (что очень ему польстило) пересказал своему собеседнику все жалобы Сен-При на Стахеева, а в конце концов заставил его признаться, что в Константинополе нужно иметь человека

мягкого и сговорчивого, а Стахеева следует отозвать. Визен спросил, желаю ли я чтобы он сказал об этом Панину, а я отвечал, что это было бы очень хорошо, так как сам я жаловаться не умею, да мне, собственно говоря, и нет никакого дела до Стахеева, я говорю лишь в интересах русского правительства. Визен остался очень доволен моим объяснением, спросил о здоровье маркиза и уверил меня, что последний больше не вернется в Россию. «Вы должны остаться у нас посланником — прибавил он — и на вашем месте я поговорил бы об этом с гр. Паниным, который вас особенно уважает и будет очень доволен если вы останетесь». Я отвечал, что мне это было бы очень приятно, но что я, из деликатности, говорить с Паниным не стану, так как не знаю намерений маркиза.

Буду держаться твердо, мой друг; надо оставаться честным человеком. Как бы маркиз ни был виноват передо мною, я перед ним виноватым быть не хочу.

Затем я был у Нормандеца. Оказалось, что я не ошибся в его способностях к политике: он наделал глупостей и признался мне в этом. Движимый желанием вмешаться не в свое дело, он поговорил-таки с Паниным и был принят очень плохо. Вот как он передавал мне свой разговор:

«Поздравляю ваше превосходительство с получением хороших известий из Константинополя». — «А вы уж узнали об этом?» — «Да, ваше превосходительство, мне писали». — «Мы действительно надеемся, что дела будут улажены, благодаря стараниям г. де-Сен-Пр», — «Знаю, ваше превосходительство, что г. де-Сен-При много поработал и даже, кажется, без содействия г. Стахеева, который, напротив того…». Но тут Панин повернулся к нему спиной и заговорил с кем-то другим.

Вот, мой друг, насколько вредна в делах всякая неловкость. Недостаточно уметь шифровать депеши, нужно еще смотреть в оба, да уметь помолчать во время и внушать другим то, об чем прямо просить не хочется. Выходка Нормандеца очень меня обеспокоила; я испугался как бы она не рассердила Панина. Надо было тотчас же принять меры, поэтому я, прямо от Нормандеца, отправился к Алопеусу, который заходил ко мне утром и велел сказать, что в пять часов будет дома. Тут я вновь рассказал всю историю и с большим успехом: Алопеус обещал разъяснить дело Панину. Но для того, чтобы заручиться и со стороны Остермана, я просил Алопеуса представить последнему, что я вовсе не жалуюсь, а просто излагаю дело как оно есть, в расчете на его справедливость и ради общей пользы. Таким манером я всех их очаровал и теперь вполне уверен в успехе.

Пятница, 23. — К брату.

Семь раз примерь и один раз отрежь — говорит пословица. Я приехал к Панину для того, чтобы подробно изложить ему то, о чем предварительно должен был поговорить Визен, как вдруг встречаю самого Визена, который, как оказалось, не мог говорить с Паниным о Стахееве, да и мне советует помолчать пока. Меня это удивило, и, заподозрив какие-нибудь корни, я отвечал Визену, что по его же прежнему совету я намерен ко всем открыться Панину. Он, однакож, стал настаивать и я, чтобы не выказать упрямства, обещал помолчать о Стахееве. Панин сам заговорил со мной о Константинополе, но я не нарушил своего обещания, чем после и похвастался Визену. От Панина я, тем не менее, отправился к Сольмсу, которому сказал, что не решился говорить с Паниным о Стахееве, боясь рассердить его, тем более, что это и не мое вовсе дело. Сольмс вновь стал убеждать меня воспользоваться каким-нибудь случаем для откровенного разговора, и я надеюсь сам создать такой случай, вопреки желанию Визена, который, говорят, очень дружен с Стахеевым.

Суббота, 24. — К брату.

Я, мой друг, весьма удачно нашел средство заинтересовать в моем деле весьма многих, так что они теперь принимают его за свое собственное. Сегодня был у меня Хюттель, и сказал, что Алопеус недоволен тем, что я еще не поговорил с Паниным, что Остерман уже предупрежден и вчера был у Панина по моему делу, и что мне следовало бы поговорить хоть с Остерманом. Я, поэтому, отправился обедать к последнему и, за кофе, имел с ним разговор, в котором передал все, что знаю о Стахееве, изложив и причины той деликатности, какую считал долгом соблюдать по отношению к нему. Вице-канцлер спросил, может ли он говорить от моего имени, а я предоставил ему это право. Таким образом разговор наш кончился вполне удовлетворительно. Вот после этого-то я и написал к Алопеусу то письмо, о котором говорил выше. Цель его состояла в том, чтобы показать полное мое беспристрастие и личную незаинтересованность в этом деле. Надо заметить, что Остерман сказал мне, что отозвание Стахеева надо отложить до подписания трактата с турками, а я ему отвечал на это, что ни я, ни Сен-При вовсе не желали бы сделать что-либо неприятное Стахееву, но заботимся только о том, чтобы предупредить всякие поводы к раздражению Порты.

Среда, 28. — К брату.

Сегодня я был очень удивлен визитом Кауница, так как, надо тебе сказать, что он немножко сердит на меня за участие в

заключении мира с турками, чего Венский двор, при настоящих обстоятельствах, совсем не ожидал[180]. Эти самые обстоятельства заставили и меня быть сдержаннее с Кауницом, а чтобы он не обиделся, я употребил все усилия быть с ним любезным во всем, что не касается политики. Поэтому-то он и приехал. Мы было с ним разговорились о делах Германии, когда мне доложили о прибытии Страхова, секретаря Панина. Кауниц поспешил раскланяться, а Страхов заявил мне, от имени министра, что из конгресса[181] получены добрые вести и что надо ожидать немедленного подписания мирного договора. Страхов сказал мне также, что Императрица пожаловала Сен-При орден Андрея Первозванного с бриллиантами, а жене его — перстень, в 10–12 тысяч рублей. Я хоть и ожидал этого, а все-таки порадовался, тем более, что и сам несколько содействовал назначению такой награды. Кн. Потемкин справлялся у меня о происхождении Сен-При, его общественном положении, чине и проч., на что я отвечал, что он из хорошей фамилии, маршал, может быть министром и получить голубую ленту (Св. Духа). Надо тебе знать, мой друг, что здесь надо быть генерал-лейтенантом, чтобы получить Св. Андрея; здесь все по чинам. Таким образом мой отзыв много содействовал назначению такой высокой награды.

Был сегодня у Панина, который разъяснил мне подробности относительно конгресса, а также вновь говорил, что Императрица очень довольна заключением мира и желала бы оказать нам ту же услугу, какую получила от нас, так что если ее посредничество[182] будет приятно королю, то она готова взять его на себя, сохраняя необходимую тайну и соблюдая полное беспристрастие.

Думаю, мой друг, послать Гарри курьером в Версаль и уже просил поручений от кн. Потемкина. Он передал, через шевалье де-ля-Тейссоньера, что с удовольствием принимает мое предложение и просит меня приехать к нему в Царское Село. Мы с Гарри тотчас же туда и выехали. Прибыли часов в десять вечера, так что де-ля-Тейссоньер уже лег, но это не помешало нам разговаривать. Князь посылает его в Константинополь. Если б мы приехали пораньше, то ужинали бы с князем, а теперь пришлось провести ночь на диване, в плохой гостинице.

Четверг, 29. — К брату.

Я встал в 9 часов и, прогулявшись по прекрасному английскому парку, отправился к Потемкину. Он принял меня одного и мы проговорили около трех четвертей часа. Сначала князь расхваливал Францию, а потом разговор коснулся России и тут уж я принялся ее расхваливать, причем, конечно, сделал что

мог. Я особенно напирал на то, что Россия выигрывает при ближайшем с нею знакомстве, и это очень понравилось моему собеседнику. Я воспользовался удобным моментом, чтобы выпросить у него очень редкую и неизданную карту новооткрытых островов, лежащих между Россией и Америкой, составленную неким Очерединым (Otsheredin), которую желал бы послать королю. Князь обещался испросить у Императрицы дозволение на выдачу мне этой карты. После довольно продолжительного разговора, я собрался откланяться, но князь стал меня удерживать. Не желая, однако же, надоесть ему, я все-таки простился и ушел, провожаемый им до дверей и очень довольный. Письма и поручения в Версаль князь обещал мне прислать. Прощай, мой друг. Поездка моя наделает шума, конечно, но что ж из этого? Игрок должен пользоваться благоприятными шансами.

Май

Суббота, 1 мая. — К брату.

Сегодня работал целое утро, что мне и помешало писать к тебе. С удовольствием возвращаюсь к рассказу о своих делах. Фавор здесь подвержен большим превратностям. Четырнадцать или восемнадцать месяцев на французов смотрели здесь косо, а константинопольский мир поставил нас в лучшее положение. Двадцать восемь месяцев тому назад меня не пускали ко двору, а теперь, говорят, получу Анненскую ленту и Государыня так хорошо обо мне отозвалась[183], что я, благодаря этому отзыву, буду где-нибудь посланником. Сегодня мы отправляем курьера в Константинополь, а в понедельник — в Париж.

Воскресенье, 2. — К брату.

Сегодня у Остермана большой обед по случаю рождения Императрицы. Впервые мы обедали в его галерее, очень красивой, хотя и чересчур переполненной скульптурными украшениями. Кауниц говорил мне о месте посланника, на которое я будто бы назначен (чего, однакож, не знаю) и которым не могу быть доволен в виду здешней моей работы. Для меня, мой друг, подходили бы только два места — или в Петербурге или в Берлине. Но нужно еще знать, как поступит маркиз де-Жюинье. Не верю в его возвращение, и во Франции так же думают. Впрочем, ручаться ни за что нельзя.

Алопеус говорил мне за обедом, что Стахеев наверно будет отозван.

Сегодня получил письмо, но от маркиза ни слова. Вот уже

скоро три месяца как он мне не пишет.

Среда, 5. — К брату.

Сегодня в $3^1/_2$ часа, уехал Гарри. Он везет с собою интересную депешу, успех которой я буду ждать с нетерпением. Гарри уехал бы дня два тому назад, если б не пришлось ждать писем от Потемкина, который очень ленив писать. Я велел Гарри спешить, но боюсь, что он не обгонит русского курьера, выехавшего в понедельник. Два часа спустя после его отъезда, я заметил, что он забыл свой паспорт, послал Сен-Жана, верхом, вдогонку. Сен-Жан догнал его за 40 верст от Петербурга, и вернулся назад, на той же лошади, к 10 часам вечера. Какой английский курьер сделает тоже? Гарри велел передать мне, что надеется перегнать русского курьера: очень бы было хорошо.

Четверг, 6. — К брату.

Покончив с письмами, отправился обедать к Панину. Первый чиновник особых поручений (commis?), Обри, сообщил мне, что маркиз Жюинье ни в каком случае не вернется сюда, и что в Париже ходит слух о назначении на его место г. д'Антрэга из Дрездена. Это меня огорчило, потому что расстраивает мои планы. Панин относится ко мне хорошо, но этого мало: нужно действовать, а я знаю, как он ленив. Он хочет, чтобы я сам просил наш двор об оставлении меня в Петербурге, а это невозможно. Между тем у меня есть доказательства доверия и уважения, с которыми относится ко мне Панин. Вот суди сам.

Месяца два тому назад русский двор сделал представления дворам шведскому и датскому относительно корсаров, которые могут плавать по северным морям; я во время получил копию с этого представления, потребовал себе аудиэнции у министра и говорил с ним весьма твердо. Многие думали, что мы из-за этого поссоримся, а он стал только больше уважать меня. По этому делу я добился большего, чем все остальные посланники, и получил удовлетворительный ответ. Правдивость и твердость, мой друг, никогда не повредят. Это еще не все; я послал копию с представления нашему двору; там очень удивились, но увидали, что я был прав и одобрили мои действия. Меня удивило, что и Сольмс об этом знает. Король прусский, по приглашению нашего двора, приказал ему сделать серьезные представления по этому поводу, а он спросил у меня, имею ли я основания бояться каких-нибудь новых осложнений дела. На основании слова, данного Паниным, я ему положительно сказал, что не имею и просил его даже сказать Панину, что не заподозреваю чистоты его намерений.

Возвращаюсь, мой друг, к назначению д'Антрэга. Переговорив с Комбсом, мы решили, что он отправится завтра в Царское Село и попросит де-ля-Тейссоньера позондировать на этот счет князя Потемкина. Я уже говорил тебе, что мне советовали написать к нашему двору предварительно заручившись согласием Панина, но деликатность помешала мне сделать это не узнав об участи маркиза. Теперь участь его решена и я должен действовать.

Перейду теперь к другому вопросу. Ты знаешь что слишком умеренное приданое, полученное от маркиза Комбсом по поводу свадьбы, заставило его искать здесь места, которое могло бы обеспечить покойную и счастливую жизнь. По протекции Раджерсона, Рибас обещал Комбсу место инспектора в кадетском корпусе, с девятьюстами рублей жалованья, квартирой и содержанием, а кроме того жене его 400 р. в год, что в общем составило бы 1300 р. на всем готовом. Комбсу оставалось только принять это предложение, но по свойственной ему нерешительности, или лучше сказать беззаботности и лености, заставляющих его отступать перед необходимостью вставать зимою в пять часов утра, он отложил свое поступление на службу до весны, а тем временем предупредил маркиза о своем уходе, надеясь, что тот его удержит, предложив условия столь же выгодные. Жена Комбса принуждена была, однако же, принять место немедленно. Маркиз промолчал и к 1-му апреля пришлось давать решительный ответ, причем произошло именно то, что я раньше предсказывал. Я говорил Комбсу, чтобы он спешил занять место с целью связать Рибаса, которому, по всей вероятности, хотелось только завладеть его женою, так что в случае если последняя не сойдется с Рибасом то и ей самой будет отказано, а уж не то что ее мужу. Точно так и вышло. В апреле Рибас объявил Комбсу, что генерал Пурпр желает иметь в корпусе двух инспекторов и что если Комбс хочет занять одно из этих мест, то должен удовольствоваться половинным жалованьем, то есть 450-ю рублями вместо 900. Ты понимаешь, что Комбс не мог на это согласиться, особенно в виду безобразий, совершающихся в корпусе. Оказалось что об единственном инспекторе с жалованьем в 900 р. генерал Пурпр никогда и не думал, а Рибасу просто хотелось завладеть женою Комбса. В конце концов последний должен был отказаться от места, а жена его получила отставку. Таковы-то дела!

Пятница, 7. — К брату.

Комбс был сегодня в Царском Селе, мой друг, и виделся с де-ля-Тейссоньером, который не верит назначению д'Антрэга, чиновника ограниченного и ленивого. Он обещал поговорить обо

мне с князем и скоро сообщить результаты этих переговоров.

Комбс узнал, что князь любит живопись и сам рисует. Я воспользуюсь этим новым средством услужить ему, так же, как и секретом Шарпантье (новый способ уговаривания), который я купил. При первой возможности поговорю об этом с князем, чтобы поближе сойтись с ним.

Суббота, 8. — К брату.

Великая княгиня ведет себя лучше, чем наша королева[184]: сегодня, в 9 часов утра, она родила сына, которого назвали Константином. Вот имя, возбуждающее толки в среде политиков; думают, что Императрица предназначила своего второго внука к тому, чтобы восстановить печальной памяти Византийскую империю, рухнувшую в 1453 г. при Константине Палеологе. Романтические идеи здесь в большом ходу. Роды великой княгини были вполне благополучны. В полночь она почувствовала боли, которые к утру прошли; так что дали ей время написать письмо к Панину и позавтракать. В восемь часов они возобновились, а в девять великая княгиня уже родила.

Воскресенье, 9. — К брату.

Сегодня был во дворце прием — поздравляли Императрицу и великого князя. Я тоже ездил, а так как еще утром получил записку от де-ля-Тейссоньера, в которой он сообщает, что говорил обо мне с князем, и что мне бы следовало поговорить с ним самому, то я и решил остаться в Царском Селе.

Провел ночь в трактире, на диване, и не мог сомкнуть глаз, потому что в соседней комнате, с 9 ч. вечера до 10 утра, шла игра на биллиарде.

Понедельник, 10. — К брату.

В одиннадцать часов утра отправился к князю Потемкину, который принял меня наедине и спросил, чем может служить. Я отвечал, что являюсь поздравить его с рождением великого князя Константина, затем поблагодарил за хороший отзыв на мой счет, с де-ля-Тейссоньером. На это он тотчас же отвечал: «Императрица была бы довольна, если бы вы остались здесь, но есть маленькое препятствие — говорят, что к нам назначат д'Антрэга». Я отвечал, что не думаю этого, и что если Императрица захочет, то все устроится. «Она-то этого хочет», сказал князь, и затем, помолчав немного, прибавил: «Поговорите с Паниным и пусть он мне доложит». — Прикажете сказать ему это от вашего имени? — Нет, так не годится, пусть он доложит по вашей просьбе, только не теряйте времени.

От князя я прямо отправился к Панину и, поздравив его с разрешением великой княгини, сказал: — Вы всегда были так добры ко мне, граф, что я решаюсь быть с вами вполне откровенным. Совместная с вашим сиятельством работа, которую я веду с некоторых пор, до такой степени мне приятна, что я желал бы продолжить таким образом и далее. Если правда, что маркиз де-Жюинье решил остаться во Франции, то я с большим бы удовольствием занял его место. До настоящего времени я не смел выразить этого желания из деликатности по отношению к маркизу, так как не знал его намерений, но раз они выяснились, и если Императрице будет угодно… Граф прервал меня, сказав, что маркиз положительно не вернется. — Здоровье его плохо, да ведь он уж и стар? — Ему пятьдесят три года, — отвечал я. — Ну, пожалуй и за шестьдесят, — сказал граф улыбаясь. — Едва ли; в 1775 г. ему было сорок девять… — Поверьте, за шестьдесят; он не любит поминать о своих годах, но мне сообщил это Лясси[185]. Буду очень рад, если ваше назначение состоится и поговорю об этом с Императрицей, которая вас очень уважает. Вообще ваша манера вести дела делает вам честь и Ее Величество намерена особенным образом выразить вам свое удовольствие. — Я отвечал, что счастлив работать при таких условиях, и прибавил: — говорят однакоже, что сюда назначается д'Антрэг. — Это только предположение, — отвечал граф, — будьте уверены, что мы желали бы иметь дело с вами, так как знаем вас и привыкли к вашей манере работать.

Затем я ушел от Панина, заручившись самыми любезными обещаниями[186].

Опять надо было отправляться к Князю. Подождав его довольно долго, я узнал что он садится обедать и хотел было уйти, как вдруг он велел меня позвать. «Ну что, были вы у Панина?». спросил он. — Был, ваша светлость, он меня принял очень хорошо и обещал доложить Императрице. — Ну, значит дело сделано, если только Панин напишет во Францию, вы знаете как он ленив. — Если вам, князь, будет угодно, и если Императрица прикажет… — Императрица ничего лучшего не желает; дело кончено, прибавил князь, будете покойны». Я поблагодарил и затем мы стали говорить о гравюрах и рисунках.

* * *

От редакции: Шевалье де-Корберон продолжал вести свой дневник до 15 мая 1779 г., но последние его листки, как не представляющие интереса для публики вообще, не помещены и во

французском издании, в котором дневник возобновился только с июля 1780 г. Мы же, с своей стороны, берем из этого продолжения лишь некоторые письма, так как остальные, будучи посвящены чисто личным делам де-Корберона и отношениям друг к другу членов французского посольства, не представляют интереса для публики русской.

Между прочим следует заметить, что ожидания де-Корберона не сбылись: французским посланником в Петербурге был назначен не он, а старый его знакомый, по Касселю, маркиз де-Верак приехавший сюда 4-го июля 1780 г. В октябре 1780 г. шевалье де-Корберон, назначенный посланником в Цвейбрикене, вернулся во Францию.

* * *

Пятница, 11. — К брату.

Сегодня я нарочно остался в городе чтобы осмотреть Манежный двор и Мраморный Дворец, построенный князем Орловым, которому, кажется, не привелось в нем жить. Этот дворец снаружи очень красив. Фасадом он выходит на маленький дворик с садиком, сжатый между двумя неровными крыльями здания и, по своим миниатюрным размерам, неподходящий к такому большому строению. Одно из крыльев дворца теряется вдоль берега Невы и прорезано множеством окон, между которыми помещены мраморные пилястры. Внутреннее расположение комнат удивительно неудачно. Главная лестница не дурна, но кажется очень тяжелою благодаря узости ступеней и тесной клетке. В стенах последней сделаны ниши, в которых размещены весьма плохие мраморные статуи, работы француза Фаландэ (Phalandes), ученика Фальконэ, и немца Фукса. Первые несколько получше. Рамы в окнах медные, весом по девяносто пудов, а каждое стекло стоит 28 рублей.

Затем я переехал, на лодке, на противоположную сторону реки, где осмотрел крепость, стоявшую на острове. Она занимает очень большое пространство, среди которого стоит церковь, вмещающая гробницы Петра I, Екатерины I, Елизаветы. Гробницы эти каменные и очень простые. Сама церковь недурна; над нею возвышается шпиц с шаром на вершине, на котором поставлен ангел и все сплошь вызолочено. Трудно понять каким образом можно было установить там фигуру. Говорят, что тот, кто догадался как это сделать и смело выполнил свой план, был вознагражден четырьмястами рублей.

Из церкви я прошел на монетный двор, которым заведует

один немец. Замечательно, что императрица не доверяет русским денежных дел и она вполне права. Я видел, как выбивают монету. Каждый рубль, при обработке проходит через тридцать две различных операции.

Суббота, 19. — К брату.

При дворе очень озабочены устройством новых губерний, что очень нелегко, так как в стране, где нет буржуазии, не откуда взять персонала для множества новых должностей. Императрицу это очень сердит; она хотела блага, хотела чтобы об ней говорили, а дело может кончиться смехом: задумать-задумала, а выполнить не сумела.

Кроме того и в деревнях неспокойно: помещики, недовольные новшествами, в которых видят стремление к освобождению народа, возбуждают этот народ против нововведений и действительно неуместных, так как русские столь же пригодны пользоваться свободою, сколько ребенок спиртными напитками. С другой стороны, в городе накопилось множество беспаспортных людей, которые, оставаясь без работы, грабят проходящих. Таких безработных теперь от восьми до девяти тысяч и вместо того, чтобы послать войска, да захватить зачинщиков, пробуют обойтись одними указами. В результате — число негодяев растет. Я не удивлюсь, если положение станет серьезным. Говорят даже, императрица боится одна гулять по саду; она уволила Волкова от должности директора полиции, за плохую его распорядительность.

Пятница, 25. — К брату.

Я уже говорил тебе, мой друг, о неудовольствии императрицы по поводу бесчинств, совершаемых в городе и его окрестностях бродягами, которых здесь зовут tawlinski (?). Это разные беспаспортные, безработные и беглые люди, соединившиеся вместе ради грабежа. Правительство сначала не обращало на них никакого внимания и даже пользовалось ими для разных работ, причем платило весьма щедро. Благодаря такому отношению, многие крестьяне, недовольные помещиками, бежали в Петербург, на что правительство смотрело сквозь пальцы. Весь этот народ, оставшись теперь без работы и боясь разойтись по домам, вернуться к помещикам, образовал шайку. По словам одних, эта шайка состоит из четырех или пяти тысяч человек, а по словам других — из тринадцати тысяч. Дело может стать серьезным.

Есть и еще одно неприятное обстоятельство: верстах в шестидесяти от города, крестьяне четырех селений,

раздраженные жестокостями своих помещиков, полковника Альбрехта, бригадира Жердева (Gerdoff) и Беркмана, пришли жаловаться петербургскому губернатору, Волкову, который сказал им, что они теперь, по новым законам, свободны. Это вызвало такие буйства со стороны крестьян, что пришлось послать против них войска!

Сегодня вечером, возвращаясь в город после ужина у Бемеров, я подвергся нападению четырех или пяти разбойников, причем моему лакею едва не перешибли руку дубиною. Спаслись мы только тем, что кучер погнал лошадей. По белой масти последних, меня приняли, должно быть, за Толстого, на которого разбойники злы за то, что он изъял из их компании своего беглого дворового человека, добровольно решившегося вернуться к барину, обещавшему простить его.

Воскресенье, 27. — К брату.

Еще вчера, с вечера, начался в городе пожар и до сих пор не потушенный. По рассказу моего лакея, смотревшего с набережной, загорелись около биржи, деревянные амбары и суда, из коих многие совершенно сгорели, а другие поспешили уйти из порта.

Утром, мы с Арибером пошли смотреть пожарище. Сначала были на бирже, потом переехали, по воде, к лесным складам. На реке пахло табаком как в казармах — горел амбар со складами табака. За ночь выгорело пространство в сорок или пятьдесят шуазов. Вид пожарища ужасен; повсюду валяются люди, уставшие от ночной работы. Но резких проявлений горя не видать: здешний народ одинаково инертен как в горе так и в радости. Это — рабы, отягощенные цепями.

Проходя далее, мы видели другой пожар: горели склады пеньки, притом так сильно, что помочь ничем было нельзя. Да и нечем было заливать: из трех труб работала только одна…

До настоящего времени потери оценены в четыре миллиона рублей. Пожар начался, говорят, с барки, нагруженной пенькою, от свечки, поставленной перед образом. Многие подозревают, однакоже, поджог со стороны англичан, тем больше что некоторые из последних очень довольны пожаром. Один из них говорил мне впрочем, что англичане сами много потеряли на этом пожаре.

По поводу подозрений против англичан (притом таких сильных, что многие русские говорят, что они, на месте Императрицы, заковали бы Гарриса в кандалы), мне передавали случай, доказывающий, как англичане ненавидят всякого торговца, не принадлежащего к их национальности. Некий Смит,

американец, явился сюда для того чтобы завязать торговые сношения России с Америкой. В компании с одним русским он стал строить корабль на месте, арендованном у одного пивовара, около Галерного моста. Во время постройки корабля, к пивовару является один англичанин, имя которого я скоро узнаю, и предлагает ему нарушить арендный контракт, угрожая, в противном случае, разорить его, предъявив ко взысканию какие-то векселя. Пивовар обещает сделать что возможно и упрашивает компаньонов добровольно отказаться от контракта, те, конечно, не соглашаются, и в результате, несколько дней спустя, как строящийся корабль так и самая пивоварня, сгорают несмотря на нарочно поставленных сторожей.

Вот, мой друг, один за другим целых три пожара, если считать еще и неудавшийся поджог военного флота, который сгорел бы, если б огонь не был вовремя замечен. Назначена была комиссия для исследования причин этого последнего случая, но она скоро разошлась ничего не открывши. На судах допрашивали всех матросов, даже били их, но ничего не узнали. При обысках, ни у кого не было найдено денег, подкрепляющих подозрение о подкупе. В день пожара у Грейга обедали многие англичане, да и порт в эти дни не был закрыт.

Вообще следствие было произведено поверхностное, только экипажи судов бесполезно пострадали, а начинать надо было не с них. В Кронштадте, мой друг, царствует такой беспорядок, какого ты себе и представить не можешь; лес воруют безбожно. Один здешний офицер говорил мне, что каждый год в Кронштадт привозят столько леса, что его хватило бы на постройку сотни судов, а строят много два или три. Лес идет на выделку мебели, экипажей и проч.

Ходил смотреть Сенат, помещающийся в большом здании, около памятника Петру I. С одной стороны оно выходит на набережную, а с другой — на Канатную улицу (R. de la Corderie). Зал в котором собираются сенаторы, не очень велик; посредине его стоит длинный стол покрытый сукном; на одном его конце находится кресло Императрицы, а над ним, на стене, под балдахином большой ее портрет во весь рост. На столе стоят указы Петра I насчет того как себя должны вести сенаторы: не браниться и проч. — совершенно также как в наших бильярдных залах, в Париже. Петр Великий был гениальный человек, управляющий варварами, и должен был, конечно, учить приличиям мужиков, из которых хотел сделать государственных людей. Ему приходилось даже бить их иногда, что он и выполнял лично. Если бы Императрица последовала его примеру, то добилась бы лучших результатов, чем от своей романтичной

деликатности, которая здесь не ко двору. Ты не можешь себе представить, мой друг, какая здесь у всех блестящая внешность: шитые золотом костюмы, великолепные экипажи, но все это великолепие прикрывает варваров.

Видел я, в сенате, экземпляр законов, отчасти написанных собственной рукой Императрицы, отчасти с ее поправками на полях. Этот экземпляр состоит из четырех томов inquarto, переплетенных в красный бархат и хранящихся в очень красивом серебряном шкапчике, представляющем собою храм, из которого выходит Императрица и с своей обычной улыбкой благоволения подает кодекс России, коленопреклоненной на ступенях храма. Этот шкапчик устроен на средства членов сената.

Кроме большого стола, в зале есть еще маленький, за которым помещается генерал-прокурор.

Помимо портрета Императрицы, в зале находятся еще портреты Петра I, Екатерины I, Елисаветы и Анны.

В общем, обстановка довольно жалкая, не подходящая к храму правосудия, ареопагу Империи. Здание сената было бы прекрасным жилищем для честного человека, Миниха или Бестужева, одному из которых оно прежде принадлежало, но оно нисколько не походит на мрачные и величественные дворцы Парижа. Здесь все носят на себе отпечаток суетности и легкомыслия, так что несмотря на гигантские шаги, сделанные Россией, ее государственные учреждения кажутся совсем новенькими, заставляя вспоминать, что Империя существует всего сто лет.

Я забыл тебе сказать, что указы Петра I вделаны в трехгранную металлическую пирамиду, стоящую на ножке.

Понедельник, 28. — К брату.

У Бемеров один господин рассказывал, что видел, как на вчерашнем пожаре несколько барок вводили в огонь вместо того чтобы отводить от него подальше. Это был русский, и говорит, что сам видел; странно!

Не думаю, чтобы это понравилось барыне, которая и без того рассержена. Разбойники очень ее тревожат и она из-за них даже поссорилась с Потемкиным. Он, вполне разумно, предлагал двинуть на них войска, а Императрица не хочет принимать таких строгих мер. Другие говорят, впрочем, что Потемкин и особенно Толстой противились посылке гвардейских полков, потому что последние недовольны монополией Толстого, присваивающего себе деньги и товары, предназначенные для солдат. Боялись, как бы гвардия не пристала к разбойникам вместо того чтобы драться с ними.

Вторник, 29. — К брату.

Продолжают толковать о пожаре, тем более что он еще не потушен. Одни говорят что сгорело товаров на 5 миллионов, другие — на 10, а есть и такие, которые доводят цифру потерь до 20 миллионов, но я знаю от Бильо, что эта последняя не превышает двух миллионов, что тоже немало. Вот подробности, которые мне сообщил Бильо: сгорело 700 тысяч пудов пеньки, двести тысяч пудов льна, и девяносто тысяч пудов табаку, на двести тысяч рублей пшеницы и проч.

Бильо говорил мне, что Рэмбер потерял, от пожара, всего 15 или 20 тысяч рублей, но де-Вераку он сообщил о пожаре 50-ти тысяч, и маркиз писал уже об этом и де-Верженну и Морена. А Перрон, позавчера, горько жаловался на то, что у Рэмбера сгорело товаров на 200 000. Вот если бы они, вместо того чтобы так бесстыдно жаловаться на небывалые потери, поступали бы так же энергично как молодой Бильо, так ничего бы не потеряли.

Бильо, еще накануне пожара, перевел свое судно за мост и оно осталось цело. А корабль Рэмбера, ставший на его место, сгорел. Между тем племянники Рэмбера, видя как горит его судно, чуть не радовались, думая что это горит Бильо. По этому образчику ты можешь судить, как сердечно относятся здесь друг к другу французские негоцианты.

Обедал у де-Верака, где опять говорили о пожаре. Все решительно обвиняют англичан, да и в самом деле огонь сразу показался в нескольких местах, так что скорее всего надо предположить поджог. Голландский резидент уверяет, что видели, как, во время пожара, из амбаров выбежал сенатский курьер с обожженными волосами и с видом человека, только что совершившего дурное дело. Курьера этого тотчас же арестовали и отвели в крепость, где вчера в первый раз допрашивали.

Среда, 30. — К брату.

Часа в два ночи меня разбудил стук трещоток, которым, в Петербурге, вместо набата, возвещают о пожаре. Признаюсь, я испугался, встал, открыл окно, но ничего не увидал, хотя на улицах было много народа и слышались очень подозрительные разговоры. Тем не менее, я решился лечь спать до утра.

Часов в восемь отправился смотреть новый пожар, но сначала зашел к графу Герцу, который рассказал мне, что курьер, о котором вчера говорили, был взят, на одной из барок близ амбаров, пьяным. Но странно, что его ждала кибитка, запряженная парой, во весь опор ускакавшая, когда курьера арестовали. Герц так же, как и Панин, подозревают англичан.

Сегодняшний пожар, к счастью, был скоро потушен. Горели амбары с левой стороны моста — последний запас пеньки. Говорят, что загорелось в купальне, стоявшей поблизости, но не знаю, правда ли это.

Четверг, 31. — К брату.

Меня особенно удивляет здешняя манера работать. Граф Панин — первый министр — живет как вельможа и придворный, интересующийся только двором. Он встает очень поздно, забавляется рассмотрением эстампов и новых книг, затем одевается, принимает просителей, обедает, после обеда или спит или играет, а вечером у него гости и опять игра до глубокой ночи. Поэтому он совсем не знает, что делается на свете, и когда я ему сказал о пожаре на корабле Сейра, то он даже не поверил. Главные его помощники тоже ничего не делают и проводят время в игре, причем проигрывают много денег, иногда до 600 р. в вечер. Так было с Визиным, Марковым, Бакуниным и другими. Один Алопеус работает и живет по средствам. А между тем, дело двигается понемножку, благодаря неслыханной снисходительности Императрицы.

Конец

notes

Примечания

1

То есть автор «Дневника», с маркизом де-Жюинье, маркизом Пюнсегюром (вторым секретарем), аббатом Деформжем и другими членами посольства.

2

Деформ, капеллан маркиза де-Жюинье, сопровождавший его в Россию.

3

Бирона.

4

Николай Васильевич, будущий фельдмаршал, племянник Панина.

5

Никиты Ивановича, о котором де-Корберон, в депеше своей к де-Вержену, отзывается так: «Граф Панин — старейший из министров этого двора. Он безсилен перед фаворитами, как и все прочие; влияния не имеет никакого. Сластолюбивый по натуре и ленивый по привычке, он даже и не заботится о том, чтобы иметь влияние на государыню». Еще раньше, Сабатье де-Кабр говорил о нем в 1772 г.: «Беспечность и лень его невыразимы. Он проводит всю жизнь со льстецами и второстепенными куртизанками. Дела, даже самые важные, лежат у него без движения; мало образован и вкусами своими напоминает молодого, избалованного женщинами развратника».

6

Второй секретарь.

7

Французский посол. Двор и дипломатический корпус были тогда в Москве.

8

Прусский посланник.

Франциск-Ксаверий, впоследствии женившийся на племяннице Потемкина, Александре Васильевне Энгельгардт, и окончательно продавшийся России.

10

Просить отозвания русского посла в Варшаве, Штакельберга.

11

Французский министр иностранных дел.

12

Мартин, прадед строителя Суэцкого канала.

13

Женой камергера и сенатора Андрея Петровича.

14

Иван Андреевич, сын канцлера Императрицы Анны.

15

Позднее, в депеше 9 Апр. 1778 г. Корберон говорит об Императрице следующее: «Екатерина II более умная женщина, чем великая правительница, поняла дух народа, которым правит. Эта удивительная личность, являющаяся то законодательницей, то завоевательницей, но всегда женщиной, представляет собою неслыханную и странную смесь твердости и слабости, решительности и нерешительности. Проходя, поочередно, через самые противуположные крайности, она представляется наблюдателю с разных точек зрения, так что он, сбитый с толку, принужден бывает признать ее скорее великой актрисой, чем великой государыней».

16

Жена Александра Ивановича, бывшая фаворитка Петра I.

17

Николай Петрович, впоследствии министр иностранных дел Александра I.

Которых автор везде называет ferles (Прим. перев.).

19

Наталье Алексеевне, первой жене Павла Петровича.

20

Дочь московского губернатора.

21

Дочь Александра Бибикова, председателя комиссии составления законов.

22

Посланник при ландграфе Гессен-Кассельском и электоре Трирском.

23

Впоследствии был испанским послом в России, а потом сошел с ума.

24

Французский скульптор, строивший памятник Петру I.

25

К сожалению этот дневник, кажется, потерян.

Шведского посланника.

27

Сын Кирилла, впоследствии посол при разных дворах. Умер в Вене, приняв католичество.

28

Мадемуазель Брелан, француженка, любовница русского, г. Солова.

Борисовича, камер-юнкера, лучшего друга и соученика великого князя. Впоследствии он был вице-канцлером и посланником в Париже.

30

Льву Александровичу.

31

Александр Борисович Куракин.

32

Покорившим Крым в 15 дней (1771) и получившим за это название «Крымского».

33

Иван Перфильевич Елагин.

Петра Борисовича, обер-камергера.

35

Карл Адольф, с которым Корберон постоянно переписывался о герметических науках.

36

Жена гр. Валентина Платоновича Мусина-Пушкина, впоследствии фельдмаршала и обер-гофмейстера двора Цесаревича.

37

Гетману, брату Алексея, морганатического супруга Императрицы Елизаветы, и отцу Андрея, о котором здесь часто упоминается.

38

Дожем был тогда Альвизио Моченито.

Разумовского.

40

Вероятно, так как автор везде употребляет французскую манеру обозначать жен именами мужей: comtesse Pierre, princesse Joan и проч. (Прим. перев.).

41

Николаю Ивановичу, обер-гофмейстеру двора Наследника.

Воцарении Екатерины.

43

Давиду, знаменитому философу и историку.

Негоцианта, обосновавшегося в России.

45

Александр Михайлович, фельдмаршал и вице-канцлер, женатый на Дарье Алексеевне Гагариной.

Фридрих, женатый на Шарлотте Менцель.

47

Шарлотта, будущая жена шев. де-Корберона.

48

Крещенский парад.

49

Урожденную Скавронскую, родственницу императрицы Елизаветы.

50

Тогдашний французский посланник в Португалии.

Степана Степановича, женатого на Меньшиковой.

52

Жозеф Бужон (Boujon), известный под именем Рибаса, сын испанца, родившийся в Неаполе, был авантюрист, обязанный своим возвышением Алексею Орлову, вывезшему его из Ливорно. Сначала был директором кадетского корпуса, потом адмиралом, причем командовал Черноморской флотилией, под начальством Потемкина. Маркиз Жюинье и генерал Ланжерон прекрасно об нем отзываются. Последний считает его «хорошим полководцем, отличным негоциатором и даже честным человеком». В этом позволительно усомниться. Он учредил масонскую ложу в корпусе.

53

Гр. Бобринский, сын Екатерины и Григория Орлова, родившийся через месяц по смерти Елизаветы. Одно время хотели признать его наследником, вместо великого князя Павла.

Позже, в одной из своих депеш, де-Корберон отзывается о нем так: «Князь Орлов был единственным из фаворитов Императрицы, способным давать ей смелые и честные советы. Погрязнув в эгоизме, он кончил тем, однакоже, что стал жить исключительно собою. Не имея, кроме того, никаких понятий в деле администрации, он оставался в невежестве, свойственном его стране, и сделался совершенно для нее бесполезным». Дюран говорил о нем следующее: «По природе он простой русский мужик и остался таким до конца… Он любит так же, как ест, и может довольствоваться калмычкой или чухонкой так же, как самой красивой придворной дамой. Бурлак он был, бурлаком и остался».

55

Третий сын короля Фридриха — Вильгельма I, который был уже в России в 1770 году, ради подготовки раздела Польши. Теперь вновь его ждут.

Фридрих Великий.

Позднее, Корберон отзывается о Бецком как о «глупом невежественном старике, вся заслуга которого состоит в низкой лести».

58

«Самый дрянной авантюрист» — по словам Екатерины — который заставил себя ненавидеть как паука, и который, по протекции Бецкого, получил место директора Кадетского Корпуса и Академии Художеств (surintendant des beaux arts). Этот Ласкарис опять-таки итальянец, сын неаполитанца, торговавшего бакалейными товарами на острове Кефалонии, по имени Карбури». (Валишевский, Autour d'un Trone).

59

Фальконэ страстно критиковал греческих и римских скульпторов, которые, по его словам, не умели лепить лошадей. Особенно он нападал на голову лошади Марка Аврелия.

Карла-Станислава, палатина Виленского, которого Екатерина II ненавидела за любовь к родине.

61

Петра Васильевича, украинца по происхождению, состоявшего суфлером в придворном театре, а затем сделавшегося директором канцелярии малороссийского губернатора, гр. Румянцева. Это был человек умный, образованный и деловой. (Валишевский).

62

По смерти Петра, она вышла замуж за сенатора Полянского. Французский посол, де-Бретейль, видевший ее еще при жизни Императора, говорит, что она похожа «на служанку из плохого трактира. Безобразная, грубая, глупая, злая и невежественная, она бранилась, как солдат, вопила и плевалась при разговоре». (Валишевский, «Le roman d'une Imperatrice»).

Станислава-Феликса, впоследствии бывшего маршалом Тарговицкой конфедерации.

64

Шведский государственный человек.

Михайлу Михайловичу, написавшему историю России.

У которого было три сына: Иоганн-Альберт, впоследствии директор кадетского корпуса в Петербурге; Карл — придворный врач и профессор медицины; Христофор — майор артиллерии и директор Сестрорецкого орудийного завода.

Корберон подразумевает, вероятно, бурлаков (Прим. перев.).

68

Знаменитый искатель приключений, предшественник Каллиостро.

Гросмейстера Тевтонского ордена генерал-губернатора Голландии и основателя Брюссельской библиотеки.

Это не верно. Любовником Куракиной был Петр Иванович Шувалов, брат фаворита Императрицы Елизаветы, деда же гр. Андрея звали не Петром, а Григорием.

Шкурин потом был камергером двора Императрицы (?) и ему были поручены заботы о Бобринском, сыне Екатерины и Орлова.

Она сомневается, колеблется, одним словом она — женщина.

73

Вомаль де-Фаж, учитель Потемкина, приставленный к нему Екатериной, и оставшийся при нем в качестве секретаря.

74

Губернатор французских колоний в Индии.

Помешали именно Алексей Орлов и адмирал Спиридов. Но Эльфинстон успел форсировать Дарданеллы и один из его кораблей бросил даже якорь перед Константинополем.

Интимное прозвище Трубецкой.

77

Жене французского посланника при герцоге Пармском.

Видимым, хотя и неожиданным результатом его поездки была женитьба В. К. Павла на принцессе Вюртембергской.

79

По словам м. де-Жюинье, Потемкин, получив отставку от фавора, просил у Императрицы корону Курляндии, в обладании польской.

Вероятно личным (Прим. перев.).

81

Бывший иезуит, сделавшийся журналистом и литературным критиком, в качестве какового привлек на себя гнев Вольтера.

82

Действительно издавал «l'Annee litteraire», а впоследствии был членом конвента.

83

Dourack, по-русски, значит глупый человек. Это у русских страшно обидное слово, более обидное, чем удар палкой.

В качестве чтеца Ля-Фермьер был кроме того библиотекарем; он же устраивал спектакли и имел большое влияние на великого князя.

Впоследствии граф Монморанси.

Что очень вероятно, в виду пристрастия гр. Андрея к французам.

Правда, что она, в тоже время, была замешана в заговоре маркиза Боты, который пытался свергнуть Елизавету и воцарить Иоанна.

88

Он был в Страсбургском университете, а затем служил в английском флоте.

89

Сергей Васильевич.

Позднейшие историки подтверждают справедливость этих слухов. Гр. Андрей действительно был в связи с великой княгиней и действительно продался посланникам Франции и Испании, желавшим разрушить согласие между дворами России, Австрии и Пруссии (Прим. издателя).

91

Директрисы Смольного монастыря.

92

Граф Жан дю-Барри-Серес.

93

Сын Георга II и брат Георга III.

Брат фельдмаршала, директор Таможен, и позднее президент торговой Коллегии.

Людовиком, наследным принцем Гессен-Дармштатским.

Мать г-жи Нелединской.

Брат гр. Андрея.

Жену посла в Берлине.

Иваном Михайловичем.

100

Бывший фаворит Екатерины, когда она была еще великой княгиней, и предполагаемый отец Павла I.

101

Это не верно, личности перепутаны.

102

Петр Иванович, брат Никиты (Nikita).

103

Матери первой жены великого князя.

104

Первый министр финансов, последний — министр двора, подали в отставку 12 мая 1776 г.

105

Назначенные вместо Тюрго и Мальзерба.

106

Незаконной дочерью Бецкого.

107

Это, как оказалось, не правда.

108

«Здесь лежит тот, кто жил бы вечно, если бы вечно мог иметь любовниц; но так как годы потушили в нем страсть, то он перестал любить и умер».

109

Каролиной-Матильдой, сестрой Георга III английского и женой Христиана VI датского, обвиненной в связи с министром Струэнзе, разведенной и изгнанной в Ганновер.

110

В эту минуту заседал уже филадельфийский конгресс, провозгласивший независимость Соединенных Штатов.

111

Карл Фиц-Джемс, называемый маркизом де-ля-Жамайк (de la Jamaique).

112

Петр Васильевич, начальник канцелярии (premier commis) Панина.

113

Emplume — тройной смысл: пополнели, обросли пухом, набили карман (Примеч. перев.).

114

Сын французского протестанта, бежавшего из Франции после отмены Нантского Эдикта; сначала — член, а потом — непременный секретарь Берлинской академии.

115

Замок его брата, маркиза де-Корберона, близ Бовэ.

Судя по описанию — финская рашка (Прим. перев.).

117

Епископа в Шалове на-Марне.

Александра Семеновича, который сам про себя говорил, что он: «был только содержанкой. Со мной и обращались как таковою — никому меня не показывали и ни у кого бывать не позволяли; просьбы мои не удовлетворяли, на вопросы мне не отвечали». (Валишевский, Autor d'un trone).

119

Фредерикс-Мельхиор, корреспондент и фактотум Императрицы. В этот второй свой приезд в Россию он получил чин статского советника и ленту Св. Владимира.

120

Сына знаменитого государственного человека.

121

Аркадий Иванович.

122

Автор очевидно смешивает обручение с венчанием (Прим. пер.).

Он был заменен Шуазелем и послан в Швецию, а впоследствии сделался министром внутренних дел. Три его сына поступили на русскую службу.

124

Французский посланник при Курфюрсте-Палатине.

Фридриха V.

126

Граф Эвальд Брандт, друг Струэнзе, деливший с ним фавор королевы.

127

Филипп-Габриэль-Морис-Жозеф д'Эльзас-Эпен-Льетар, принц Шимэ, испанский гранд 1-го класса, зять герцога Фиц-д'Жэмса.

128

Изабеллу, урожденную Флемминг, которая потом была любовницей герцога Лозена.

Кучук-Кайнарджийского, договор которого подписан Репниным.

130

Лаура-Августа Фиц-Джемс, придворная дама королевы Марии-Антуанеты.

131

В г-жу Меттерних.

Иосифа I; заговорщики, недовольные им и его министром Помбалем, 3 сент. 1758 г., покушались на его жизнь. Король был ранен двумя пулями, но остался жив. Следствием этого покушения было изгнание иезуитов из Португалии.

133

Позднее Корберон, в письме к Герцу, прусскому послу в Петербурге, очень хвалит Хюттеля, как честного, талантливого и образованного человека, с которым был в приятельских отношениях и которому многим обязан. Корберон говорит, что сначала они друг друга не поняли, но потом сошлись.

Максимильян Алопеус впоследствии был русским посланником в Дрездене и Берлине.

135

Сын фельдмаршала с красной лентой.

Курсив наш (Прим. пер.).

137

Надо думать, что автор перемешал слова: «Святки» и «цветки» (Прим. пер.).

138

Яков Ефимович, голштинец на русской службе. По словам Валишевского (Autour d'un trone), Екатерина употребляла его «на такие худые дела, подробности которых не желала знать, и на которые не могла найти ни одного русского». В 1792 г. он был послан в Польшу насилием способствовать второму разделу королевства.

139

Крещенский парад (Прим. пер.).

Станислав, племянник короля Польского Станислава-Августа.

141

Джиованни Паэзиелло восемь лет прожил в России, где, между прочим, сочинил свою знаменитую оперу Севильский цирюльник.

142

Дармштадтец на русской службе; говорят, он много содействовал победам Румянцова.

143

Нормандец, в это время, заведывал испанским посольством, за отсутствием Лясси, получившего отпуск.

144

Как видно будет ниже, слово Galernof обозначает именно Галерную улицу, или лучше сказать Английскую набережную, а не Галерную гавань (Прим. перев.).

По этому поводу Нормандец сообщал испанскому королю, что Маркиз де-Жюинье получил выговор от своего правительства за дело Корберона, и должен был довольно униженно оправдываться.

Где де-Верженн был послом при Людовике XV.

147

В 1777 г. Иосиф II, под именем гр. Фалькенштейна, шесть недель прожил в Париже.

Губернатор Фландрии, впоследствии маршал.

149

Он остался в России, при Потемкине и оказал большие услуги Франции.

150

Джемс впоследствии граф Мальмсбери. Был послом в России пять лет. Страшный интриган, не разбиравший средств, чтобы достигнуть цели — заключить оборонительный и наступательный союз с Екатериной II, в чем не успел. Корберон был самым ярым его противником. Впоследствии оба они упрекали друг друга в неразборчивости по отношению к средствам борьбы, узости взглядов и проч. В сороковых годах XIX ст. вышел в свет его «Дневник».

151

Первая камеристка и доверенное лицо Екатерины II. Ей был поручен надзор за девицей Алексеевой, дочерью императрицы и Григория Орлова.

152

Издатель «Дневника» приводит слова императрицы в цифрах, как написал их и Корберон (прим. перев.).

Станислава, впоследствии Министра Народного Просвещения и Президента Сената в Париже.

154

Польский резидент при Петербургском Дворе, впоследствии женившийся на княжне Екатерине Петровне Голициной.

155

Многие (Кастери, Гаррис, Ильбич и пр.) высчитывали, сколько стоят России фавориты Императрицы Екатерины, и насчитали около 100 000 000 р. Завадовский за 18 месяцев получил 6000 душ на Украине, 2000 — в Польше, 1800 в России, на 80 000 р. драгоценностей, 150 000 р. деньгами, на 30 000 р. посуды и 10 000 пенсии; Зорич получил землю в Польше, стоющую 50 000 р., землю в Ливонии, стоющую 100 000 р., 500 000 деньгами, на 200 000 р. драгоценностей и командорство в Польше, дающее 12 000 р. дохода. Все это — в один год. Но что значат эти суммы по сравнению с тем, что получили Орловы (17 000 000 р.), Потемкин (50 000 000 р.), Ланской (7 200 000 р.) и Зубовы (3 500 000 р.). В депеше своей от 14 июля 1778 г. Корберон исчисляет все суммы, издержанные до того времени на фаворитов, в 48 000 000 р. (Архив французского министерства иностранных дел, АЕ, Россия, т. 101, л. 244).

156

Василий Васильевич.

Сергей Александрович, внук сподвижника Петра I.

Лев, племянник Потемкина.

159

Впоследствии заменивший Сольмса в Петербурге.

160

Французский посланник в Саксонии.

161

Сабатье-де-Кабр, французский поверенный в…. [в источнике предложение не закончено.]

162

В этом месте рукопись «Дневника» прерывается множеством чистых листочков, на которых Корберон хотел, вероятно, записать происшествия с 30 июня по 20 июля.

163

При помощи которой Густав III завладел диктатурой. Де-Верженн помогал ему в виде реванша Франции за раздел Польши, так как России выгодно было бы ослаблять Швецию беспорядками.

164

Знаменитой авантюристки, в девичестве Елисаветы Чудлей (Chudleiqh). Будучи фрейлиной принцессы Уэльской, она вышла замуж за капитана Гершея, и на другой день свадьбы уехала от него, с любовником, в Германию, где при живом муже, вышла еще раз замуж за герцога Кингстона, скоро умершего и оставившего ей большое состояние. В Петербурге она жила очень широко и давала балы на своей яхте, которая, после крушения, была исправлена на счет Императрицы.

165

Через несколько времени Корберон изменил свое мнение о маркизе, так как в депеше от 28 ноября того же года пишет де Верженну следующее: «Маркиза здесь все жалеют. Его прямота и мягкость заслужили ему всеобщую любовь».

Иван Иванович.

167

«Дневник» Корберона, в этом месте, прерывается на целых четырнадцать месяцев. Вероятно продолжению его помешали занятия, дипломатические и светские, официальные и неофициальные. Маркиз де-Жюинье действительно уехал из Петербурга 23 ноября 1777 г., оставив Корберона поверенным в делах, в качестве какового он и представил его Императрице 10 ноября, когда получил прощальную аудиенцию.

Г-жа Бемер, с двумя дочерьми, уехали, в это время по делам в Берлин, а Шарлотта Бемер оставалась в Петербурге, у своих соотечественников, Эйлеров.

169

Фридрих II.

170

Тогдашнего посла в Вене, отправленного для заключения Тешенского мира.

171

Скорее по Баварскому, так как дело шло о конфликте между Австрией и Пруссией по поводу баварского наследства. Война уже началась, когда дворы России и Франции предложили свое посредничество. Мир был подписан в Тешене, 13 мая 1779 г., причем медиатором со стороны России был Репнин, а со стороны Франции де-Бретейль.

172

Голландский Штатгальтер Вильгельм V был женат на Фредерике Софии, принцессе прусской.

Корберон успел воспользоваться этими насилиями Англии, во время войны ее с Америкой, для того чтобы косвенным образом подготовить знаменитый вооруженный нейтралитет.

174

Со времени Кучук Кайнарджирского мира, объявившего крымских татар независимыми, Крым сделался ареной борьбы, между Россией и Турцией, за право инвеституры ханов. В данное время дипломаты обеих стран собрались на конференцию для улажения конфликта, угрожавшего войною. Франция явилась примирительницей в этом деле.

Областей, прирезаемых к Австрии, на Дунае, Инне и Зальце.

176

Сначала был суфлером, а потом — инспектором в Смольном Монастыре.

Souffler — souffleter.

178

Али Кавказская конвенция, служившая дополнением Кучук-Кайнарджийского мира.

179

Французский посол в Константинополе.

180

В Вене думали, что затруднения с Турцией помешают России заниматься германскими делами.

Тешенского, открытого 10 марта.

182

В войне Франции, Испании и Соединенных Штатов с Англией.

183

В письме Панина к Барятинскому, русскому послу в Париже.

184

Мария-Антуанета, выйдя замуж в мае 1770 г., родила первого ребенка только в 1778 г., да и то девочку. Первый сын у нее родился в 1781 г.

185

Панин ошибается, маркизу действительно было тогда 52 года.

Которых он, по своей беспечности, не исполнил. Он не написал во Францию о желании Императрицы оставить де-Корберона в Петербурге и потому прислали маркиза де-Верак.